

Санкт-Петербургский государственный университет
Русское общество истории и философии науки

**Второй Международный Конгресс Русского общества
истории и философии науки
«Наука как общественное благо»**

Том 2

Сборник научных статей

Москва
Издательство РОИФН
2020

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22
НЗ4

Рецензенты:
Васильев Вадим Валерьевич
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Сироткина Ирина Евгеньевна
Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН

Научная редакция и составление – И.Т. Касавин, Л.В. Шиповалова.

НЗ4 Наука как общественное благо: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, Л.В. Шиповалова: В 7 томах. Т. 2. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. – 205 с. ISBN 978-5-6043173-7-2. - Режим доступа: <http://rshps.ru/books/congress2020t2.pdf>

ISBN 978-5-6043173-7-2 (Т. 2)
ISBN 978-5-6043173-5-8

В сборнике публикуются материалы Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» (27-29 ноября 2020 года, Санкт-Петербургский государственный университет). Во второй том вошли работы участников секций «История и философия социогуманитарных наук», «Философия и история психологии» и «Философия сознания и когнитивных наук» На Конгрессе рассматриваются современные концептуальные и методологические проблемы истории и философии науки, эпистемологии естественных, технических и социогуманитарных наук.

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-6043173-7-2 (Т. 2)

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-22064*

© Русское общество истории и философии науки, 2020
© Авторы, 2020

ЧАСТЬ 1

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

<i>Lavallée M.-J.</i> On the Social Responsibility of Philosophy.....	5
<i>Алферов А.А.</i> Об отличии характера развития в естественных и социально-гуманитарных науках.....	7
<i>Антипов Г.А., Фахрутдинова А.З.</i> Социальная реальность в аспекте её бытия.....	9
<i>Бараш Р.Э.</i> Идентичность и мультикультурализм. В поисках методологических категорий социальных наук.....	13
<i>Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.</i> История развития понятийно-категориального аппарата отечественной дидактики.....	17
<i>Гашиков С.А.</i> Проблема классификации гуманитарного знания в свете работ М. Фуко и К. Касториадиса.....	21
<i>Герасимов С.В.</i> Конструирование концепта реальности в Древнем мире.....	24
<i>Золотухина (Аболина) Е.В.</i> Три гносеологические трудности экзистенциальных исследований.....	27
<i>Золян С.Т.</i> Социальная семиотика: сорок лет спустя.....	30
<i>Карабыков А.В.</i> Рождение ренессансной компаративистики из духа национализма и руин Вавилонской башни.....	34
<i>Лобастова В.А., Серкова В.А.</i> Трансцендентально феноменологический способ обоснования «наук о духе».....	37
<i>Моисеев Д.С.</i> Методологические проблемы определения политических сигнификаций в современном мире.....	40
<i>Никитин А.П.</i> Демифологизирующая функция социально-гуманитарных наук: проблема границ (на примере демифологизации представлений о деньгах).....	43
<i>Николина Н.В.</i> Приводит ли релятивизм к рефлексивности? Ответ социологии науки.....	47
<i>Сладкевич Ж.Р., Ноиньска М.С.</i> Мультимодальный подход в современных гуманитарных науках.....	50
<i>Тулъчинский Г.Л.</i> Наррация как платформа междисциплинарности.....	54
<i>Целищева О.И.</i> Половинчатый релятивизм Томаса Куна.....	57
<i>Шкурко Ю.С.</i> Эпигенетическая революция в биологии и её значение для социальных наук.....	60

ЧАСТЬ 2

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Klempe S.H.</i> The Role of Christian Wolff and psychologia empirica in Mikhail Lomonosov's scientific activities.....	63
<i>Vasileva O., Balyasnikova N. L.</i> Vygotsky and Modern Evolutionary Psychology.....	66
<i>Акопов Г.В.</i> Категориальная система проблемы сознания в англоязычной философской и научной литературе (по работе Т. Хондерича «Actual Consciousness»).....	70
<i>Аллахвердов В.М.</i> Пороговая проблема в истории психологии.....	73
<i>Артёмьева О.А.</i> Ведущие научные коллективы в истории советской психологии: перспективы исследования.....	76
<i>Булыга Н.Н.</i> Влияние телесности на мышление и мировоззрение человека.....	80
<i>Бусыгина Н.П., Ярошевская С.В.</i> Цена объективности: неотделимость фактов от ценностей как эпистемологический принцип.....	84
<i>Garber I.E.</i> The history of psychology without chronological time.....	87
<i>Гостев А.А.</i> О междисциплинарности исторической психологии: менталитет в геополитике.....	90
<i>Елисеева И.Н.</i> Психология и военное дело: условия и факторы развития психологических исследований в Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 20-е годы XX века.....	94
<i>Китова Д.А., Журавлев А.Л.</i> Автоматизированный психологический анализ текстов исторического содержания: проблемы и перспективы.....	98
<i>Зеленкова Т.В.</i> К проблеме рекурсивности структуры образа мира.....	103

<i>Костригин А.А.</i> Детская криминальная психология в российском научном зарубежье: В.М. Левитский в Праге в 1920-е гг.....	106
<i>Кравцов В.В., Маматходжаева Т.Б.</i> Актуальные вопросы экзистенциально-феноменологического подхода в психопатологии, психодиагностике и клинической психиатрии.....	110
<i>Логина Н.А.</i> Развитие принципа отражения в школе Б.Г.Ананьева.....	114
<i>Няголова М.Д., Олейник Ю.Н.</i> Влияние французской философии на развитие болгарской психологии и гуманистики, во время Второй мировой войны.....	117
<i>Мазилев В.А.</i> О соизмеримости теорий в современной психологии.....	121
<i>Меньшикова Л.В., Левченко Е.В.</i> Православная антропология как вненаучное основание психологии.....	125
<i>Мироненко И.А., Сорокин П.С.</i> О перспективах и рисках «универсальной» психологии человека.....	128
<i>Мусс А.И.</i> О различных философиях сознания.....	132
<i>Олейник Ю.Н., Няголова М.Д.</i> Наука в общественном служении: опыт решения психологических проблем в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.....	135
<i>Петренко В.Ф.</i> Проблемные вопросы психологии, имеющие философское звучание.....	139
<i>Рафикова В.А.</i> Разработки российских психологов в области психологии личности в период Второй мировой войны.....	142
<i>Решетников М.М.</i> Духовные лидеры новой эпохи.....	146
<i>Степанова Ю.В.</i> Эволюция естественно-научной парадигмы в Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школе (на материале Вестников СПбГУ).....	148
<i>Янчук В.А.</i> Дигимодернизм и дигитализация темпоральности: индетерминистская метаперспектива позиционирования в неопределенности.....	151

ЧАСТЬ 3

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И КОГНИТИВНЫХ НАУК

<i>Gebharder A., Eronen M.I.</i> Quantifying proportionality and the limits of higher-level causation and explanation.....	156
<i>Ströβner C.</i> Criteria of naturalness in conceptual spaces.....	157
<i>Балин В.Д.</i> Классификация психологического знания как способ его интеграции.....	159
<i>Барышников П.Н.</i> Вычислительная нейрофилософия и проблема прояснения терминов.....	163
<i>Блохина Н.А.</i> Установки на получение знания в аналитической философии и его виды.....	165
<i>Левин С.М.</i> Нейробиологический подход к интенциональным актам и элиминация ментальной субстанции.....	168
<i>Логинская Ю.В.</i> Современные подходы к исследованию сознания: проективная теория и трёхаспектный (нейтральный) монизм Альфреда Перейры.....	171
<i>Меньшиков А.Н.</i> Неоднозначность мысленного эксперимента в науке.....	174
<i>Михайлов И.Ф.</i> Взгляд на инференциализм из философской и когнитивной перспективы...	176
<i>Морозов М.Ю.</i> Тело, которое мыслит: Б. Спиноза против современной философии сознания.....	180
<i>Никоненко С.В.</i> Есть ли у Витгенштейна теория интенциональности?.....	184
<i>Павлов А.С.</i> Монизм микросвойств и современный картезианский дуализм.....	187
<i>Пономарёв А.И.</i> Может ли wishful seeing быть основанием для скептицизма?.....	189
<i>Секацкая М.А.</i> Каузальная эффективность интенций.....	192
<i>Сторожук А.Ю.</i> Онтический реализм и онтология квантового компьютера.....	195
<i>Танюшина А.А.</i> Перспективы развития информационных подходов к решению проблемы сознания.....	198
<i>Шпота Ю.А.</i> Осознанный сон как предмет исследования когнитивных наук.....	201

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ON THE SOCIAL RESPONSIBILITY OF PHILOSOPHY

Marie-Josée Lavallée

Ph.D.

University of Montréal

My report will explain how philosophy can and should contribute to a thorough critique of society and politics opening on praxis. This reflection will draw from the work of famous thinkers from the first generation of the Frankfurt School, Max Horkheimer, Theodor W. Adorno, and Herbert Marcuse, and selected recent contributions to critical theory. To understand why our societies fail to foster the well-being of all and to make them embrace this goal, a comprehensive analysis of the social relations and processes that shape them is required. Such inquiry has to move back and forth between the empirical and conceptual levels of analysis. Philosophy provided us with theoretical tools suited to this task: I will expose the contributions of determinate negation, dialectics, and immanent critique.

Keywords: social responsibility, Horkheimer, Adorno, Marcuse, contribution

Progress was the catechism of the era spanning from the Enlightenment to the 20th century's world wars. For a few thinkers who wrote after World War II, the Holocaust was the outcome of the belief that out of an ever-growing and perfect mastery of nature would result in general well-being and significant improvement of the human condition. And yet, progress ended up in barbarism, as Theodor W. Adorno and Max Horkheimer observed in "*Dialectic of the Enlightenment*", a classical assessment of this paradox. The Holocaust revealed the delusion of other values and processes encompassed by the idea of progress, and condensed in the political-cultural complex called "modernity". Some of these components are political and inspired by the experience of the French Revolution: republicanism, democracy, freedom, equality, justice, and the recognition of rights embodied political modernity and progress. Their (uneven) dissemination was brutally stopped by the rise of right-wing movements and fascism from the 1920s. The Enlightenment also substituted reason to religious faith as the only legitimate guide and ultimate tribunal of human action. After having made its way into human minds for a century, reason sunk into genocide.

Where do things stand today? We have neither got rid of the belief in progress, nor of its pitfalls. The development and spread of information and communication technologies, a late 20th-century form of human mastery of nature, did have positive impacts on everyday life, for instance, by easing the performance of different tasks and providing new occasions and mediums of socialization. However, digital technologies have invaded our lives to the point where so many activities and social encounters are going on through a screen that our capacities to feel, to be with our fellow, and communicate effectively with them are affected. Also, the more we delegate intellectual operations to machines, the more we become the willing accomplices of the atrophy of our mental faculties, of our intellectual impoverishment. If the virtual space provides a "democratic" platform allowing everyone to be seen and heard, it routinely serves "undemocratic" purposes, such as blackmailing, spying, and disinformation.

Similar contradictions are observed in the fields of politics. Democracy has merely become an ideological veil: while still praised as the most legitimate form of regime, the basic features of democratic societies are steadily under attack (see Žižek 2018:18-23). Among democracy's assailants are authoritarian leaders proclaiming their commitment to democracy, while their policies, behavior, and discourses, and the infringements on fundamental freedoms and rights they allow cry out loud their contempt for democracy. When deeds and words are thus clashing, how is it possible to distinguish false democracy and freedom from authentic experiences? How can one understand the meaning of equality and effectively struggle for it in societies pretending to be equal, but which produce and keep on reproducing economic and sociological fractures?

To understand why our societies fail to foster the well-being of all and to make them embrace this goal, a comprehensive analysis of the social relations and processes that shape them is required. Such inquiry has to move back and forth between the empirical and conceptual levels of analysis. Theodor W. Adorno, Horkheimer, and Herbert Marcuse, who belong to the first generation of the Frankfurt School, have developed powerful theoretical tools for a thorough critique of society. These tools, which have lost nothing of their relevance, are provided by philosophy. According to Marcuse, philosophy “starts when the given state of things is questioned and when it is recognized that that state has no final truth in itself” (Marcuse 1941:138). Philosophy must not contend itself with “reality” – in the common understanding of the term –, she must fight the belief that “the world is the same as the façade it presents”, writes Adorno (1966:3). Otherwise, philosophy “virtually suppresses herself” (Adorno 1966:9; see 29). Indeed, helping us “to avoid becoming stupid” is one of her major tasks (Adorno 1958:3).

Far from being stuck into eternity and transcendence, philosophy and truth are intimately tied to human existence, underscores Marcuse (1929:34). Her critical power resides in her capacity to “develop concepts oriented to the potentialities of man”, “beyond his factual status” (Marcuse 1937:108). This capacity relies on immanent critique, whose task is to unveil discrepancies between “theory” and factuality, or discourse and “reality”. Theory, according to Adorno, must focus on “the divergent, dissonant, negative”, on the heterogeneous and “on contradiction” (Adorno 1966:5; see 11-12). It is in what the concept leaves aside, rather than in what the concept embraces – otherwise put, the conventional or authoritative definition of a thing or phenomenon – that one must search for truth (Adorno 1966:5-6, 18). Dialectics is not merely an intellectual operation: it must bring about reconciliation with the “qualitative variety of experience”, by allowing “the pain of the world” to reach the conceptual level, explains Adorno” (1966:6; see 7, 21; Marcuse 1941: 156). For Marcuse, philosophy is needed by concrete existence, especially in times of “existential distress” (1929:41). The thinkers of the Frankfurt School, who were strongly influenced by Hegelian and Marxian dialectics, believe that the world is full of “real” possibilities whose realization is precluded by the actual social order (Marcuse 1941:151-153). The critical power of this first generation of thinkers was lost in the work of their immediate heirs. But as critical theory developed beyond the borders of the Frankfurt School, thinkers like Ulrich Beck, Zygmunt Bauman, and Slavoj Žižek, have resumed this critical effort. They adapted it to the conditions and issues of our time, thus confirming the enduring relevance of Adorno’s, Marcuse’s, and Horkheimer’s work.

In line with these generations of thinkers, this paper advocates the reconnection of philosophy with actual social, economic, and political challenges. Since philosophy can contribute to unveil and denounce ideology and, by doing so, help to discover avenues for individual and social fulfillment, it must take on this responsibility. Otherwise, as Slavoj Žižek recently wrote - in words reminding of Horkheimer, Adorno, and Marcuse -, philosophy will end up legitimating the current forms of inequality and domination (Žižek 2018:1-2, 4; see Adorno 1966: 6, 13; Marcuse 1929:43).

Drawing from the work of Horkheimer, Adorno, and Marcuse, and a selection of recent contributions to critical theory, my paper will explain how philosophy can contribute to a thorough critique of society and politics. My presentation will focus on determinate negation, dialectics, the concept, and the method on which relies the critical outlook of philosophy, immanent critique. I will also explain how the “negativity” inherent to these notions opens on “positivity”, that is, on hints at how to improve our political and social experience.

References

1. Adorno, Theodor W., 1966. *Negative Dialektik*, Frankfurt-am-Main, Raub.
2. Adorno, Theodor W., 1958. *An Introduction to Dialectics*, Ziermann, Christoph, ed., Walker, Nicholas, transl., Cambridge – Malden, Polity (2017).
3. Bauman, Zygmunt, 2011. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*, Cambridge – Malden, Polity.
4. Horkheimer, Max, 1947. *The Eclipse of Reason*, Bloomsbury, London – New York.
5. Horkheimer, Max, and Adorno, Theodor W., 1944. *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*, Frankfurt-am-Main, Fischer Taschenbuch.
6. Marcuse, Herbert, 1941. *Reason and Revolution. Hegel and the Rise of Social Theory*, Boston, Beacon Press.

7. Marcuse, Herbert, 1937. "Philosophy and Critical Theory", in *Negations*, Shapiro, J.J. transl., London, Mayfly, p.99-117.

8. Marcuse, H., 1929. « On Concrete Philosophy », in *Heideggerian Marxism*, Wolin, R. and Abromeit, J., eds., Erlin, M., transl., Lincoln-London, Nebraska (2005), p.34-52.

9. Žižek, Slavoj, 2018. *Like a Thief in Broad Daylight. Power in the Era of Post-Humanity*, s.l., Allen Lane

ОБ ОТЛИЧИИ ХАРАКТЕРА РАЗВИТИЯ В ЕСТЕСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Анатолий Александрович Алферов

Доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии

Института философии и социально-политических наук

Южный федеральный университет

E-mail: antal@list.ru

Проводится сравнение характера развития знания в естественных и социально-гуманитарных науках. Главное отличие усматривается в том, что в естественных науках на какое-то время утверждается одна исследовательская программа, а в социально-гуманитарных науках этого не происходит, здесь всегда существуют несколько различных течений, исследовательских программ. В качестве причины этого называются две важные особенности социально-гуманитарного познания: существование в этом познании двух противоположных подходов к изучаемым явлениям – натуралистического и ненатуралистического и ценностная нагруженность социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: естественные науки, социально-гуманитарные науки, исследовательская программа, натуралистические программы, ненатуралистические программы, ценности

ON THE DIFFERENCE IN THE NATURE OF THE DEVELOPMENT OF KNOWLEDGE IN NATURAL AND SOCIO-HUMANITARIAN SCIENCES

Anatoly A. Alferov

DSc in Philosophy, Professor

Southern Federal University

E-mail: antal@list.ru

The nature of the development of knowledge in natural and socio-humanitarian sciences is compared. The main difference is that in natural sciences, one research program is approved for some time, but this does not happen in social sciences and humanities, where there are always several different trends, research programs. Two important features of socio-humanitarian knowledge are mentioned as the reason for this: the existence of two opposite approaches to the phenomena being studied in this knowledge - naturalistic and non-naturalistic, and value-bearing burden of social and humanitarian knowledge.

Keywords: natural sciences, socio-humanitarian sciences, research program, naturalistic programs, non-naturalistic programs, values

В философии науки в свое время господствовала кумулятивная модель роста научного знания. Ее опроверг Т. Кун, который доказал, что развитие естественных наук предполагает не только плавное накопление знания, но также периодически происходящие научные революции, которые знаменуют собой переворот в фундаментальных представлениях в данной науке и ведут к переосмыслению всего имеющегося в ней знания. А плавное постепенное накопление знания имеет место тогда, когда в данной области науки господствует одна парадигма (модель, образец научного мышления, связанный с определенными фундаментальными научными идеями), в рамках которой и происходит решение научных задач

и накопление знания. Однако любая парадигма рано или поздно исчерпывает себя, и тогда происходит смена парадигмы в данной науке, что означает научную революцию. Появление общей парадигмы в той или иной науке Т. Кун оценивал как вступление науки в стадию зрелости.

И. Лакатос разработал концепцию исследовательских программ (он, как и Кун, изучал естественно-научное познание). Исследовательская программа у него – это определенный концептуальный каркас и набор методологических правил. Она имеет твердое незыблемое ядро и пояс вспомогательных гипотез, которые могут меняться и перестраиваться, вспомогательные гипотезы берут на себя удар новых данных, всевозможных несоответствий теории и реальности с тем, чтобы ядро программы сохранялось неизменным. Перестройка слоя вспомогательных гипотез ведет к «прогрессивному сдвигу проблем» – увеличивается количество объясненных фактов, предсказываются новые факты, возрастает положительное содержание программы, то есть, исследовательская программа обеспечивает рост научного знания. И. Лакатос полемизировал с Куном по ряду позиций, тем не менее значения понятий «исследовательская программа» у Лакатоса и «парадигма» у Куна весьма близки. У Куна в рамках парадигмы происходит решение головоломок и накопление научного знания, а Лакатос говорит о развитии исследовательской программы и прогрессивном сдвиге проблем, но в сущности имеется в виду одно и то же: расширение области применения (парадигмы или программы), расширение ее фактуального базиса, разработка математического аппарата, улучшение согласования теории с фактами, некоторая теоретическая перестройка. У Куна парадигма со временем исчерпывает себя и перестает эффективно решать головоломки, и у Лакатоса исследовательская программа со временем утрачивает эвристическую силу и переходит в регрессивную фазу. Называемые Куном парадигмы и называемые Лакатосом исследовательские программы в значительной мере совпадают: астрономия Коперника, динамика Ньютона, корпускулярная оптика, волновая оптика, кинетическая теория теплоты, электромагнитная теория, теория относительности Эйнштейна... В дальнейшем изложении мы будем пользоваться понятием исследовательская программа в значении модели научного мышления, находящей выражение в определенных базовых научных представлениях и методологических правилах.

Обращаясь к социально-гуманитарным наукам, найдем, что в каждой из них, в отличие от естествознания, всегда присутствует несколько направлений исследования, несколько исследовательских программ. В современной социологии, например, существуют такие течения, как структурно-функциональный анализ, конфликтология, феноменологическая социология, символический интеракционизм, этнометодология и др. Социально-гуманитарные науки никогда не приходят к общей исследовательской программе. На это отличие социально-гуманитарных наук от естественных обращали внимание некоторые авторы, обратил на это внимание и Т. Кун, он отмечал, что его в свое время поразила степень расхождений между социологами в понимании самих основ своей науки [1, с. 10-11]. Подчеркнем, что существование нескольких направлений в каждой из социально-гуманитарных наук – это не временное их состояние (допарадигмальный период), который завершится принятием общей исследовательской программы, а именно иная модель развития этих наук по сравнению с естественными. В чем, однако, причина такого отличия характера развития социально-гуманитарных наук, изучающих общество и человека, от естественных наук, изучающих природу? В порядке поиска ответа на этот вопрос обратим внимание на две существенные особенности социально-гуманитарного познания.

В этом познании существует два противоположных подхода к изучению общества, человека, культуры, истории – они могут быть названы натуралистическим и ненатуралистическим. Натуралистический подход предполагает, что принципиального отличия в изучении общества и человека и в изучении природы нет, а ненатуралистический подход исходит из того, что в том и другом случаях исследователь имеет дело с совершенно разными по своему происхождению и способу существования реальностями, что природа и общество, природа и культура, природа и история коренным образом отличаются. Натуралистический подход стремится подходить к реальностям, которые изучают социально-гуманитарные науки, как к объективным реальностям, и изыскивает способы, которые позволяли бы это сделать, а ненатуралистический подход настаивает на том, что социально-гуманитарное познание имеет дело с субъектами и их деятельностью и потому не может и не должно элиминировать субъективность. Натуралистический подход считает, что в познании общества и человека можно и нужно пользоваться в принципе теми же методами, какие

используют естественные науки в изучении природы, а ненатуралистический подход полагает, что эти методы в познании человека и общества могут иметь лишь ограниченное применение, главная же роль должна принадлежать специальным приемам и методам, с помощью которых только и можно постичь ту особую реальность, которую изучают социально-гуманитарные науки.

Из вышеназванных исследовательских программ современной социологии к натуралистическим, несомненно, следует отнести программу структурно-функционального анализа. А феноменологическая социология, символический интеракционизм и этнометодология отчетливо выражают прямо противоположный антинатуралистический подход к обществу. Феноменологическая социология рассматривает общество как такое явление, которое создано и постоянно воссоздается в духовном взаимодействии индивидов, в процессах межиндивидуальной коммуникации или интеракции. Сторонники этой социологии подчеркивают, что нет социального мира как объективной реальности. К феноменологической социологии близки символический интеракционизм и этнометодология.

И в других социальных и гуманитарных науках присутствуют натуралистические и ненатуралистические программы [см. 3]. Каждый из этих двух видов программ обладает определенными достоинствами и недостатками. В каком-то смысле эти программы дополняют друг друга.

Еще одна особенность социально-гуманитарных наук, от которой зависит то, что они не приходят к господству одной парадигмы, заключается в ценностной нагруженности социально-гуманитарного знания. Присутствие в социально-гуманитарном познании ценностных ориентаций – одно из важнейших отличий этого познания от естественнонаучного. Ценности (моральные, религиозные, эстетические, политические, правовые) разнятся по культурам, историческим эпохам, социальным общностям, разнятся они и у отдельных индивидов. И на процесс познания социальных, культурных, человеческих явлений и результаты этого процесса, полученное знание, будут оказывать влияние ценностные ориентации ученого, его представления о добре, справедливости, свободе, смысле жизни человека, его религиозные взгляды, политические симпатии и антипатии. На естественно-научное познание подобные представления тоже оказывают влияние, но значительно меньшее, так как естественные науки изучают природные явления, по отношению к которым возможно отстраненное восприятие, а в социально-гуманитарном познании человек воспринимает человеческие явления, которые его затрагивают напрямую. Постижение этих явлений неизбежно будет сопряжено с их оценкой, а оценка производится на основе тех или иных ценностей. Не может, например, историк реконструировать исторические события, не выражая к ним своего отношения. Оценочные суждения входят в структуру социально-гуманитарного знания.

Исследовательские программы создаются учеными и в них проявляются ценностные ориентации ученых, хотя они и не лежат на поверхности. Плюрализм ценностей в этом смысле может способствовать появлению различных исследовательских программ и мешать тому, чтобы научное сообщество той или иной области социально-гуманитарного знания объединилось вокруг одной исследовательской программы.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М. 1975. 288 с.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М. 2008. С. 279–462.
3. Алферов А.А. Натуралистические и ненатуралистические исследовательские программы в социально-гуманитарном познании. Ростов-на-Дону. 2013. 92 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ЕЁ БЫТИЯ

Георгий Александрович Антипов

Доктор философских наук, профессор

Новосибирский государственный университет экономики и управления

E-mail: dr-eji2@yandex.ru

Амина Зиевна Фахрутдинова
Доктор философских наук, профессор
Сибирский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и
государственной службы
E-mail: faamina@yandex.ru

Онтологический статус реальности, к которой адресуются познавательные задачи в естествознании, репрезентируется категорией «материя». Но материализм, в виде методологической установки (основания) зачастую трактуется как необходимый аспект метафизической исследовательской программы всякой науки. «Реальность» означает здесь свойство исследуемых феноменов существовать вне и независимо от воли и сознания субъекта и соответствующее их восприятие. Как, однако, должна тогда восприниматься «реальность» феноменов, представляющих в своей совокупности общественную жизнь, содержание которой есть ведь деятельность преследующего свои цели человека (субъекта)? Метафизическая исследовательская программа социальных наук, если они позиционируют себя в качестве наук, должна включать аспекты сознания и воли в контекст объективной реальности. По видимости – оксиморон. Пути преодоления парадокса, оказавшегося непреодолимым для Канта и Маркса, указал Дюркгейм, с его трактовкой социальной реальности «как бы форм, в которые мы вынуждены отливать наши действия». Иначе говоря, социальная реальность в качестве таковой, представлена совокупностью социальных институтов.

Ключевые слова: бытие, социальная реальность, объективность, материя, исследовательская программа

SOCIAL REALITY IN THE ASPECT OF ITS BEING

Georgy Alexandrovich Antipov
DSc in Philosophy, Professor
Professor, Department of Philosophy
Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: dr-eji2@yandex.ru

Amina Zieвна Fakhrutdinova
DSc in Philosophy, Associate Professor
Siberian Institute of Management, Russian Academy of National Economy
E-mail: faamina@yandex.ru

The ontological status of reality, to which cognitive tasks in natural science are addressed, is represented by the category of “matter”. However, materialism as the methodological setting (foundation) is often interpreted as a necessary aspect of the metaphysical research program of any science. “Reality” in this case means the property of the studied phenomena to exist outside and independently of the will and consciousness of the subject and the corresponding perception. Yet, however, should the “reality” of phenomena which represent in their entirety social life, the content of which is, after all, the activity of a person (subject) pursuing his goals be perceived? The metaphysical research program of the social sciences, if they position themselves as sciences, should include the aspects of consciousness and will in the context of objective reality. This looks like an oxymoron. Durkheim pointed out the ways to overcome the paradox that proved to be insurmountable for Kant and Marx. He presented his interpretation of social reality “pretending to be the forms in which we are forced to cast our actions.” In other words, social reality as such is represented by a combination of social institutions.

Keywords: being, social reality, objectivity, matter, research program

Если тема бытия природы явно ушла куда-то на периферию философского дискурса, то о бытийной проблематике, связанной с обществом, подобного не скажешь. Как бы

«революция в физике» с её «исчезновением материи» довольно быстро сменилась «контрреволюцией», реставрацией материи, а физики занялись более полезным делом: созданием из неё оружия массового уничтожения. Стало более или менее понятно, что «революции» в науке – не более чем метафора, к пониманию механизмов её развития прямого отношения не имеющая.

В науках об обществе не так. Допустим, можно привести немало ссылок на достаточно авторитетные мнения, смысл которых в том, что понятие «общество» должно быть вынесено за скобки социологии. Оно представляет собой эпифеномен, и даже интеллектуальный анахронизм. Такой вещи как общество не существует, существуют отдельные взаимодействующие между собой индивиды: мужчины и женщины и их семьи [2, с. 20]. «Со словом «общество» не связано определённого представления. Даже то, что обычно обозначают как «социальное» не имеет никакой однозначно-объективной референции», – утверждал Никлас Луман [5, с. 15]. Однако констатация неопределённости и многозначности данных понятий отнюдь не является единственной причиной анабазиса некоторых социологов против него.

Понятие общества зачисляют по ведомству холистской доктрины, а самоё её полагают уже несостоятельной, не работающей в социальном познании. К тому же оно часто отождествляется с нацией-государством, что не соответствует реалиям глобализирующегося мира. В использовании этого понятия видят фактор, способствующий упрочению форм тоталитаризма в мировоззрении. Оно вступает в противоречие с номиналистическими и редукционистскими тенденциями характерными для современного социального знания и т. п.

Что касается оппонирующей аргументации, то выглядит она не слишком убедительно, а, подчас, способна даже вызвать улыбку. К примеру, ссылаются на то, что без слова общество не могут обойтись в своих текстах и его гонители-социологи (а возможно ли иначе?), видят во всём этом влияние моды на декларации типа «конца истории», «смерти класса» и т.п. И если сами социологи утверждают, что общество не существует, зачем нужны специалисты, изучающие эту несуществующую реальность?

Между тем как *contra* аргументация может быть вполне убийственной, несмотря, на то, что выше цитировались слова, принадлежавшие «железной леди» - Маргарет Тэтчер. Это про «мужчин и женщин». Не грех будет, скажем, вспомнить, разговор двух мальчиков, из рассказа русского педагога К. Д. Ушинского. Видел ли ты, когда-нибудь птицу? – спрашивает один. Конечно, отвечает второй. Вот она, и показывает на канарейку. Так ведь это не птица, а канарейка говорит первый. Да и канарейки ты никогда не видел. Ты видел только эту нашу канарейку. Создаётся впечатление, и «железная леди» застыла где-то во времени её соотечественника Джона Локка, утверждавшего, что в разуме нет ничего, чего раньше не было в чувствах, разум от рождения – *tabula rasa*. При этом не суть важно, читала ли железная леди Локка, существенно то, что её мышление было сформировано традицией, для утверждения которой Локк сделал больше, чем кто-либо другой. Это традиция эмпиризма в, ставшая господствующей в островной философии Нового времени.

Данная традиция, наряду с конкурирующим с нею континентальным рационализмом претендовали на создание адекватного рефлексивного образа формирующейся науки (естествознания). Это была известная «битва вокруг метода».

После Локка события в этой битве разворачивались следующим образом. И та, и другая традиции казались в тупике. Рационализм после зубодробительной локковской критики декартовских «врождённых понятий», эмпиризм же не смог справиться с «уклоном», с логической необходимостью ведущим к скептицизму и солипсизму. Последнее совершенно отчётливо обнаружилось у Беркли, с его «*esse – percipi*». Как показал Юм, если за исходную посылку познания берутся ощущения, то утверждать о существовании чего бы то ни было, помимо ощущений, невозможно. Нет проверки. Единственное, что можно сказать по вопросу о существовании вещей внешнего мира – это сказать: не знаю.

По сути дела, Юм констатировал кризис всей уже более чем вековой традиции формирования метафизической исследовательской программы европейской науки. Оказалось, упрощённо рассуждая, наука с её идеалами объективного знания невозможна. Первым вполне адекватно осознал ситуацию Иммануил Кант: «Нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума, – говорил он, – необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас. (от которых мы ведь получаем весь материал знания даже для нашего внутреннего чувства) и невозможность противопоставить какое бы то ни было

удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению» [5, с. 20].

Попытки обойти обнаружившиеся в эмпирической, сенсуалистической гносеологии трудности были предприняты в философии французского материализма XVIII века (Ламетри, Дидро, Гельвеций, Гольбах). Суть их позиции в том, что вещи, тела существуют объективно, независимо от субъекта, но материальное и мыслящее связаны неразрывной связью. Ощущения, мышление – это свойство вещей. Так, согласно Д. Дидро способность к ощущениям потенциально присуща самим вещам материального мира. Его аргументация, развиваемая, в частности, в «Разговоре Д' Аламбера и Дидро» репрезентативна для всей французской философии XVIII века. Вывод Дидро, «что способность ощущения есть всеобщее свойство материи или продукт её организованности» [3, с. 387]. Тем не менее, сам Дидро признавал недостаточность своей аргументации для преодоления трудности, выдвинутой Беркли против «существования тел».

Выход был найден Кантом. Свою теоретико-познавательную позицию, свой подход Кант сравнивал с коперниканским переворотом в естествознании. «До сих пор считали, - писал он, - что всякие наши знания должны сообразовываться с предметами. При этом, однако, кончилась неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием, а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны. Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника... Подобную же попытку можно предпринять в метафизике, когда речь идёт о созерцании предметов. Если бы созерцания должны были согласовываться со свойствами предметов, то мне непонятно, каким образом можно было бы знать что-либо а priori об этих свойствах, наоборот, если предметы (как объекты чувств) согласуются с нашей способностью к созерцанию, то я вполне представляю себе возможность априорного знания» [5, с. 106-107].

Подход Канта заключался в том, что мышление познающего субъекта не является пассивным «отражением» реальности, напротив, оно активно творит образ действительности. Подобное, по Канту, и давало возможность преодолеть противоречия и тупики, с которыми столкнулась гносеология Нового времени, прежде всего альтернативность эмпиризма и рационализма в попытках обоснования метода научного познания. Внешний мир даёт только «материю» ощущений, но наш собственный мыслительный аппарат упорядочивает и оформляет её.

«Критика чистого разума», как известно, была призвана ответить на три вопроса: как возможна математика? Как возможна физика? Как возможна метафизика, т.е. философия как наука? Результатом кантовского анализа стало то, что можно назвать метафизической исследовательской программы науки (естествознания). «Ядром» этой программы, рассуждая по аналогии в духе методологии научных исследовательских программ Лакатоса, можно считать следующее. Хотя общей предпосылкой знания является опыт, за пределы которого оно выйти не может, тем не менее не всё его содержание индуктивно выводится из опыта. Внешний мир даёт только материю ощущений, но наш собственный мыслительный аппарат упорядочивает и оформляет её. Этот аппарат доопытен, априорен. Благодаря наличию априорных форм чувственности хаос первичных ощущений группируется в определённом порядке. Ощущения имеют своим источником внешний мир. Этот мир объективен. Кант называет этот мир «вещами самими по себе». Таким образом, непосредственно в научном познании субъект имеет перед собой не природу «саму по себе», а то, как она ему является в виде «вещей для нас». В метафизике – это материализм, или, как воспринималось раньше в научном дискурсе, «натурализм». И как, между прочим, замечает В. И. Вернадский, «влияние материализма – в разных выявлениях – на научную естественноисторическую работу вполне понятно, и даже неизбежно, так как материалистическая философия представляет течение реализма, то есть общей почвы науки и философии при изучении внешнего мира и изучает его только в пределах его реальности» [1, с. 136].

Как, однако, быть и что делать, если адресатом постановки научных познавательных задач становится общество, социальная реальность? Ведь «материальность» общественной реальности очевидным образом отличается от «материи натуральной». Маркс данную «заковыку» обошёл просто, как говорится на раз два. «При анализе экономических форм, -

написал он в «Капитале», - нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции». Маркс, таким образом, ничтоже сумняшеся, перенёс метафизическую исследовательскую программу естествознания на общество, его историю. Так получилось «материалистическое понимание истории» - сугубо социософская доктрина, аналог тому, чем были натурфилософские доктрина, характерные для эпох донаучного естествознания.

Первый и решительный шаг в плане формирования метафизической исследовательской программы социальных наук был сделан Дюркгеймом, с его: «социальные факты нужно рассматривать как вещи». Казалось бы, он, подобно Марксу, «овеществляет» социальную реальность. Однако это не так. Далее Дюркгейм говорит: «Действительно, вещь узнаётся главным образом по тому признаку, что она не может быть изменена простым актом воли. Это не значит, что она не подвержена никакому изменению. Но, чтобы произвести это изменение, не достаточно пожелать этого, надо приложить ещё более или менее напряжённое усилие из-за сопротивления, которое, к тому же, не всегда может быть побеждено. А мы видим, что социальные факты обладают этим свойством. Они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия» [4, с. 421]. Понимать эти «формы» можно единственным образом – это формы культуры, по их онтологическому статусу. В современном научном социальном познании они представлены такими категориями как нормы, идеалы, ценности, сети и институты.

Литература

1. Вернадский В. Н. Размышления натуралиста. М.: Наука. 1997. Кн.2. – 387 с.
2. Гофман А. Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменологизму в интерпретации социальной реальности // Социс. 2005. - С. 18-25.
3. Дидро Д. Разговор Д'Аламбера и Дидро. // Дидро Д. Сочинения: в 2-т.: М. Мысль. Т. 1. – С. 379 – 391.
4. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991. – С. 391-532.
5. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1964. Т.3. 790 с.
6. Луман И. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.

ОБ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ. АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА*

Раиса Эдуардовна Бараш

*Кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Федеральный научно-исследовательский социологический центра РАН
E-mail: raisabarash@gmail.com*

В фокусе внимания автора – базовые категории социальной науки, применяемые для изучения особенностей динамики культурной идентичности и существования мультикультурного сообщества. Отмечая, что открытым остается вопрос о базисных основаниях гражданской идентичности российского общества, автор подчеркивает необходимость экспликации и конструирования основ единой гражданской российской идентичности. Используя заданную Н. Луманом системно-коммуникативную парадигму исследования социальных систем, обращаясь к категориям «свобода», «легитимность», «признание», автор рассуждает о факторах воспроизводства коллективных представлений

* Статья подготовлена в рамках работы над проектом РФФИ № 18-011-01179 «Социологические, историко-этнологические и философско-антропологические факторы формирования идентичности россиян в мультикультурном контексте»

и самосознания многосоставной политической нации.

Ключевые слова: культура, мультикультурализм, межкультурная коммуникация, системно-коммуникативная теория

ON THE BASIC METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIAL COGNITION. AN ASPECT OF THE IDENTITY AND MULTICULTURALISM STUDIES

Raisa E. Barash

*CSc in Political Sciences, Senior Researcher
Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS
E-mail: raisabarash@gmail.com*

The author analyzes the basic categories of social science that they use for studying the dynamics of cultural identity and multicultural community by itself. The article is also devoted to the study of the basic foundations of the civil identity of Russian society. The author uses a system-communicative paradigm that was introduced by N. Luhmann and applied to such categories as “freedom”, “legitimacy”, “recognition” in order to study the factors of the reproduction of collective identity, representation and self-consciousness of the political nation. It is noted in the article that Russian society is facing the challenges of globalization, so the traditional urban way of life is changing.

Keywords: culture, multiculturalism, intercultural communication, system-theoretical approach

Культура как междисциплинарная философская категория

Классическое философское понятие культуры сегодня получает междисциплинарное звучание. Оно «операционализуется» отдельными дисциплинами: социологией, политологией, культурологией, психологией. Может ли оно сохраниться хотя бы в общей рамочной функции, большой вопрос. Но это отличает понятие культуры от иных фундаментальных философских понятий – бытия, пространства, времени, истины и др. В отличие от последних, в отношении понятия культуры можно посмотреть, как оно фактически «работает» не только в философской теоретизации, но и в практическом применении, в фактической практике *reconciliation* как между отдельными странами и народами, так и во внутренней этно-национальной *политике* отдельных стран.

Специфика современной концептуализации культуры состоит в том, что, с одной стороны, в условиях глобализации понятие культуры можно использовать почти исключительно в контексте теорий мультикультурализма. Понятие культуры сам по себе, как нечто самоценное, противостоящее исключительно «натуре» (природе, как это замысливалось изобретателем этого понятия Цицероном), как нечто, что могло бы существовать и безотносительно сопредельных, чужих культур, сегодня, кажется, потеряло всякий смысл. С другой стороны, утрата культурой самоценного значения связывается с ее восприятием как фактора самоидентификации, и в этом смысле культура словно уравнивается с иными весьма гетерогенными факторами – гендерным, половым, политическим и иными основаниями *психологической* самоидентификацией. В этом смысле культура оказывается проблемой и понятием психологии.

Можно ли привести эти – политические, социологические, психологические – операционализации культуры к единому знаменателю? На этот вопрос пока нет ответа, поскольку почти нет серьезных обобщений конкретно-научных исследований в области *culture studies*. Накопление критической массы таких исследований могло бы помочь нам дать обобщающее определение культуры и мультикультурализма. Но для этого понятие культуры не может изучаться само по себе, до должно быть инкорпорировано в некоторую охватывающую теорию общества. Таковую попытку, в частности, осуществил Рудольф Штихве, последователь и коллега Никласа Лумана, развивающий системно-коммуникативную теорию общества [1]. Далее мы попробуем осуществить еще один «операционализацию» понятия культуры в рамках ситуационного исследования – рассмотреть такое понимание культурной самоидентификации в Российском обществе.

Мы покажем, что понятие мультикультурализма требует его *коммуникативно-философского* осмысления и *онтологического прояснения* статуса культурной идентичности, анализа его роли в контексте фундаментальных ценностей – *свободы и справедливости*.

Онтологический статус культурной идентичности

Кроме того, нуждаются в определении факторы, являющиеся – актуально и потенциально – наиболее деструктивными и опасными для сохранения и некоего гармоничного воспроизводства коллективных представлений и самосознания российской нации. Но что же собой представляет это искомое понятие культурной идентичности? Можем ли мы, в свою очередь, его как-то идентифицировать и прояснить его «онтологический» статус и функцию?

Недавние события в Европе (антиэмигрантские настроения, выразившиеся в росте популярности правых партий и движений) и России (всплеск в 2014-2016 гг. и последующее постепенное снижение интереса к проблеме политической субъектности этнонациональных групп) вновь обусловили интерес к проблемам гражданской идентичности, межкультурной коммуникации, дискуссию о влиянии на социально-экономическую и политическую ситуацию тенденций этнокультурного самоопределения. Характерной для современного мира является ситуация соседства представителей нескольких этнических и национальных групп, различающихся своими традициями и социокультурными особенностями. Кроме того, общемировой тенденцией сегодня становится тенденция стремительного усложнения, многосоставности как индивидуальной идентичности, так и межкультурной коммуникации сообществ.

В свою очередь тенденция этнокультурного «ренессанса», результирующая в распространение уникальной национальной мифологии [2], нередко приводит не только к росту идей культурной исключительности и автономности, но и к своеобразной лавине центробежных настроений. Заявления о правах на «собственную идентичность» сменяются настроениями независимости или доминирования в регионе, что провоцирует ответную реакцию. Разрастание и мифологизация идей культурной исключительности приводит к образованию сплоченных компактных групп, возникновению устойчивых конфликтов и взаимной ненависти, что угрожает безопасности. И для российской реальности подобные тенденции в принципе не новы. Одновременно с этим, Россия является носителем уникального опыта и традиций исторической многокультурности, складывания межкультурной коммуникации.

Обратной стороной рассуждений об означенной многокультурности оказывается усиление интереса представителей многих этнокультурных групп к собственной уникальности. Во-вторых, распространение идей этнокультурного своеобразия приводит к интенсификации процесса самореференции этнокультурных групп, представители которых все пристальнее вглядываются в коллективное «мы», внимательнее выделяют атрибуты отличия и схожести. Что в свою очередь, может породить процессы внутренней радикализации, самопозиционирование и действия представителей этноконфессиональных групп, связанные с продуцированием и провоцированием идей ненависти и вражды внутри собственной группы.

Коммуникативная философия как методология исследований мультикультурной идентичности

Данные аспекты предполагают целый ряд ключевых теоретико-методологических направлений анализа как динамики формирования политической нации, так и нынешнего состояния российской идентичности. Одним из центральных контекстов исследования специфики складывания события «политического гражданства» [3, с. 138], формирования политической нации в рамках мультикультурной реальности является коммуникативный контекст. Представляется, что наиболее значимой здесь является заданная Н. Луманом теоретико-методологическая рамка изучения сложносоставной социальной структуры, предполагающая апелляцию к системно-коммуникативной парадигме исследования социальных систем. Что сопряжено с обращением в первую очередь к такой категории анализа, как дифференциация [4, с. 11]. Категория «дифференциация» в ее интерпретации Н. Луманом в качестве механизма аутопойезиса, воспроизводящего социальную систему через разделение на подсистемы посредством самореференции и саморазличения [5], позволяет проследить

специфику изменения групповой идентичности под влиянием контекста окружающей среды. Если понимать изменения общественных настроений в контексте дифференциации – то есть рекурсивного воспроизводства системы через тематизацию различий между социальной системой и внешним миром, через производство многообразных различий между подсистемами, то логичным представляется процесс последовательного усложнения в современном мире групповой идентичности как отклика на появление все новых тематических медиумов социальной коммуникации. И в этом контексте усложнение, мультикультурализация сообществ представляет собою динамичный процесс создания социальной системой отклика на окружающее усложнение по самым разнообразным поводам.

Мультикультурализм и свобода

Если предпочтительной теоретико-методологической рамкой исследования складывания и эволюции идентичности в современном мире является системно-коммуникативный подход, то одним из ключевых понятий в рамках изучения особенностей утверждения многосоставных сообществ, является понятие свободы. В данном случае для понимания специфики складывания политической нации в мультикультурных рамках свободу необходимо понимать в контексте классического либерализма – как свободу совести, но не индивидуальную свободу или свободу сообщества / общины [6]. Такое понимание свободы постулирует важный атрибут «эффективных» многосоставных сообществ, выступающий своеобразным «предохранителем» для их гармоничного существования: свобода совести как ключевая характеристика интерпретации свободы предполагает право индивидов свободно входить в сообщества и выходить из них. Свобода совести также является мерилем границ культурного самоопределения и установок межкультурного взаимодействия. Что таким образом обеспечивает свободную самореференцию и самодифференциацию социальной системе которой является не только многосоставное сообщество в целом, но и входящих в «мультикультурный конгломерат» локальных групп.

Будучи использована в качестве базисной категории анализа существования многосоставных сообществ, свобода совести может быть использована в качестве мерилла успешности/гармоничности их самоописания, а значит воспроизводства/аутопойезиса. Свобода совести, выступающая в качестве базового основания многосоставного сообщества, центрирует внутренне дифференцированную, но логически единую систему коммуникации, обеспечивает взаимодействие ее подсистем, ее стабильность и воспроизводство/самоописание.

Мультикультурализм и легитимность

Еще одной категорией анализа не только динамики развертывания и идентичности, и многосоставных сообществ, но и их успешности воспроизводства / самоописания может выступать категория легитимности. Понятие легитимности неразрывно связанной с категорией свободы, причем именно в ее общественно-политическом, а не моральном истолковании. Для анализа проблематики культурного самоопределения должна быть использована категория «легитимность» понимаемая в соответствии с определением Дж. Ролза как «постоянно возобновляемый консенсус» [7, с. 9] относительно принципов, которые будут существовать на протяжении жизни многих поколений и обретут солидную базу в лице свои сторонников в рамках более или менее справедливого конституционного режима [7, с. 15]. Критерием легитимности и справедливости устройства того или иного многосоставного сообщества, успешности тиражирования той или иной идентичности выступает постоянное подтверждение консенсуса относительно разумности мнений, в первую очередь по вопросам общественного устройства тех, кто тиражирует ту или иную идентичность, входит в то или иное многосоставное сообщество.

Литература

1. *Stichweh R., Windolf P.* Inklusion und Exklusion•Analysen zur Sozialstruktur und sozialen Ungleichheit. Wiesbaden. 2009
2. *Антоновский А.Ю., Бараш П.Э.* «Истина» и «власть» как категории социальной философии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.

2017. № 5. С. 102—116. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.07.

3. Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. 224 с.

4. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Kapitel 2: Kommunikationsmedien. (Russian Translation 2005)

5. Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема // Вопросы философии. 2017. №7. С. 158-171.

6. Кукутас Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы. М.: Мысль, 2011.

7. Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press. 1993.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДИДАКТИКИ

Нина Валентиновна Бордовская

*Академик Российской Академии образования, доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой психологии образования и педагогики
Санкт-Петербургский государственный университет*

Елена Анатольевна Кошкина

*Доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии
гуманитарного института
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова*

В статье раскрыты возможности применения междисциплинарного подхода к изучению истории развития отечественной дидактической терминологии на основе интеграции теоретических подходов, методов, техник и языков описания, применяемых в философии, истории, языкознании и педагогике. Описаны результаты использования количественно-качественной исследовательской стратегии и авторской методики. Охарактеризованы внешние и внутренние факторы, определяющие смену состояний понятийно-терминологического аппарата отечественной теории обучения в период с XVIII по начало XX в. На основе результатов количественного анализа и оценки дефинитивных характеристик выявлена динамика изменения структурной организации терминологии отечественной дидактики, обоснованы периоды и тенденции смены ее качественного состояния. Раскрыта зависимость развития дидактической терминологии и дидактического знания через изучение связей между ее количественными показателями и уровнем разработанности дидактической проблематики в педагогической науке; ее структурой и компонентами развивающейся дидактики как отрасли педагогики; авторской понятийно-терминологической новизной и уровнем абстракции дидактических терминов.

Ключевые слова: история педагогики, развитие отечественной дидактической терминологии, авторская методика

HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL FRAMEWORK IN RUSSIAN DIDACTICS

Nina V. Bordovskaia

*Academician of the Russian Academy of Education, DSc in Pedagogy, Professor,
Head of the Department of Educational Psychology and Pedagogy
Saint Petersburg State University*

Elena A. Koshkina

*DSc in Pedagogy, Associate Professor, Professor, Department of Pedagogy and Psychology of the
Humanitarian Institute
Northern (Arctic) Federal University Named after M.V. Lomonosov*

The article covers the possibilities of implementing an interdisciplinary approach in studying the history of the development of Russian didactic terminology based on the integration of theoretical approaches, methods, techniques and description languages used in philosophy, history, linguistics and pedagogy. It describes the results of using a quantitative and qualitative research strategy and authors' proprietary methodology. The authors define external and internal factors that determine the transition of states of the conceptual and categorical framework of the Russian theory of learning between the 18th and early 20th centuries. Based on results of the quantitative analysis and evaluation of definitive characteristics, the authors identified the dynamics of structural organization of terminology in Russian didactics, justified the periods and tendencies of its quality transitions. The authors identified the dependency between development of didactic terminology and didactic knowledge through the study of the relationship between its quantitative indicators and development degree of the reference didactics terms in pedagogical science; between its structure and components of developing didactics as a branch of pedagogy; between proprietary conceptual and terminological novelty and the level of abstraction of didactic terms.

Keywords: history of pedagogy, development of Russian didactic terminology, proprietary methodology

История развития научной терминологии – сложный и многоаспектный объект исследования. Все изменения, происходящие в понятийном строе науки и в структурной организации терминологии, обусловлены в первую очередь спецификой научного познания как особого вида познавательной деятельности. Процесс приращения научных знаний отражается на понятийно-терминологическом уровне в виде изменения объема и содержания существующих понятий, введения новых терминов, изменения логико-лексикологических связей внутри терминологии и т.д. Следует также учитывать, что развитие терминологии находится в прямой зависимости от процессов, происходящих внутри языка как в сложной знаковой системе, играющей существенную роль в познании и коммуникации. Введение терминов в активное употребление научным сообществом происходит за счет ресурсов современных и классических языков, а также за счет искусственного создания новых лексических конструкций. Генезис научной терминологии определяет и комплекс социокультурных факторов, под влиянием которых происходят изменения как в познаваемой действительности, так и в познавательной деятельности человека.

Перечисленные специфические характеристики терминологии как объекта научного исследования дают возможность полагать, что наиболее объективно оценить специфику исторического развития понятийно-категориального аппарата отечественной дидактики позволяет междисциплинарный подход, реализуемый на основе взаимодополняющих связей между научными дисциплинами (философией, языкознанием, историей, педагогикой), их теоретическими и инструментальными ресурсами.

Исследования в области философии познания, истории науки, языкознания и терминоведения позволили выявить следующие подходы к оценке исторической обусловленности развития терминологии в целом:

- понятие как форма мышления является продуктом развития общественно-исторической практики и осуществляющегося на ее основе познания, и его генезис неразрывно связан с объективным миром, уровнем развития исторической практики, являющейся основой общественного познания;

- термин как языковое средство развивается под воздействием внешних (состояние внеязыковой социальной действительности) и внутренних факторов (взаимодействие между элементами языковой системы, внутриязыковые процессы, не зависящие от воли и сознания носителей языка) [1, с. 247; 2, с. 19-20].

С учетом данных подходов нами были определены факторы, обуславливающие развитие отечественной дидактической терминологии. К внешним факторам относятся: развитие практики обучения в масштабах страны и педагогической деятельности как особого вида профессиональной деятельности, активизация издания педагогической литературы, расширение международных контактов, установление устойчивых связей с другими научными областями, в первую очередь с психологией. Для развития дидактической терминологии особое значение имели следующие изменения в практике обучения:

1. Признание значимости воспитательной, просветительской и идеологической функций образования.

2. Увеличение сети учебных заведений, расширение географического и социального масштаба охвата ею населения.

3. Формирование структуры и отлаженной системы управления отечественным образованием при сохранении разнообразия ведомственной принадлежности.

4. Унификация учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях соответствующего уровня и типа.

К внутренним факторам отнесены развитие собственно педагогического знания: поиск философских оснований педагогики, формирование педагогических теорий, концепций, парадигм; лексикографическая деятельность, а также непосредственная теоретическая работа над систематизацией понятий и терминов педагогической науки и ее отраслей.

Для изучения истории развития понятийно-категориального аппарата терминологии отечественной дидактики нами была выбрана стратегия исследования, основанная на интеграции количественных и качественных исследовательских подходов, методов, техник и языков описания [3, с. 51]. Для ее реализации разработана методика, построенная на использовании взаимодополняющих общенаучных, исторических, лингвистических, математических методов и позволяющая учесть многоаспектность и сложность терминологии как объекта историко-педагогического исследования. В соответствии со спецификой применяемой стратегии были использованы следующие методы: источниковедческий анализ, контент-анализ, метод аналитической группировки, компонентный, диахронический, синхронический, контекстологический анализ, методы математической обработки данных, историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический и структурно-функциональный методы [4, с. 26 – 35]. Для реализации исследовательского замысла сформирован корпус педагогических текстов объемом в 1538 источников, создан конкорданс (1538 слов и словосочетаний), а также частотный словарь с суммарной частотой 168 098 единиц. Статистическая обработка информации производилась с помощью специализированной объектно-ориентированной системы управления базами данных «1С: Предприятие» со специально разработанной конфигурацией.

Количественный анализ частотности и оценка дефинитивных характеристик позволили выявить динамику изменения структурной организации терминологии отечественной дидактики. Для группы терминов, раскрывающих сущность процесса обучения, характерны относительно стабильный состав, выполнение категориальных функций терминами «обучение», «преподавание», «учение», высокая средняя частота употребления, наличие полисемии и синонимии с постепенным ее сокращением. Для понятийно-терминологической группы, обозначающей элементы содержания образования, свойственны наибольший, по сравнению с другими группами, количественный состав терминов, высокая средняя частота употребления, преимущественное выполнение номинативной функции, преобладание в структуре наименований конкретных учебных дисциплин, последовательная их унификация и стандартизация с помощью введения терминов с большим объемом и содержанием («учебная дисциплина», «учебный курс»). Для понятийно-терминологических групп, фиксирующих формы, методы и средства обучения, характерны преобладание номинативной функции, нестабильная внутренняя структура, реагирующая на изменения в образовательной практике, внутригрупповая и межгрупповая многозначность и синонимия. Для понятийно-терминологических групп, обозначающих результаты обучения и условия осуществления учебного процесса, свойственны зависимость от развития педагогической практики; наличие явно выраженной внутригрупповой структуры с многоуровневыми связями; для терминов-наименований результатов обучения свойственна относительная однозначность, для терминов-наименований условий осуществления учебного процесса – многозначность.

Специфической закономерностью генезиса терминологии отечественной дидактики выступает последовательная смена ее состояний. Нами была разработана периодизация, в основу которой были положены количественные показатели, отражающие трансформацию внутренней структуры терминологии на фоне изменения состояния отечественной теории и практики обучения:

- начало XVIII в. - 70 гг. XVIII в. (период накопления лексических средств);
- 80-е гг. XVIII в. - 50-е гг. XIX в. (период унификации дидактической терминологии);
- 60-е гг. XIX в. - начало XX вв. (период завершения формирования структуры

терминологии отечественной дидактики, начало работы по ее упорядочению).

Обобщение характеристик, проявляющихся на разных этапах, позволило выделить ряд тенденций, свойственных развитию понятийно-терминологического аппарата отечественной дидактики в исследуемый период:

- изменение определяющего фактора (элементарный педагогический опыт – государственное регулирование образования – развитие теории обучения);
- сохранение стабильности структурной организации терминологии;
- постепенная категоризация терминов «обучение», «учение», «преподавание», «метод учения»;
- проявление стабильности состава группы терминов, служащих наименованиями средств обучения;
- постепенное разграничение понятийно-терминологических полей терминов «обучение» и «учение»;
- распространение конкретизации и обобщения как логических способов расширения масштабов понятийно-терминологических полей.

Нами установлено наличие нескольких типов связей между характеристиками дидактической терминологии и уровнем развития дидактического знания. Первый тип отношений получил выражение в виде взаимосвязи количественных показателей понятийно-категориального аппарата и уровня разработанности дидактической проблематики: чем актуальнее проблема, тем выше частота употребления терминов и понятий, чем сложнее уровень абстракции при раскрытии ее сущности, тем шире их объем.

Второй тип отношений определяется тенденциями оформления системы самого дидактического знания. Исследованием показано, что становление структуры дидактической терминологии напрямую связано с формированием структурных связей между компонентами внутри развивающейся дидактики как отрасли педагогической науки. Эти компоненты определяются характером и уровнем развития практики обучения, ее усложнение приводит к расширению объема научного педагогического знания и, соответственно, увеличению совокупности дидактических понятий и терминов.

Третий тип отношений характеризует роль личности ученого в развитии дидактической терминологии. Исследование позволило зафиксировать, что терминологии отечественной дидактики на данном историческом этапе не характерна высокая авторская понятийно-терминологическая новизна (использование конкретного термина только в текстах отдельного автора). Ей свойственно разнообразие индивидуальных интерпретаций значения отдельных дидактических терминов с достаточно высоким уровнем абстракции обозначаемых объектов и явлений (например, «метод учения» и «форма учения», «учение» и «обучение», «отметка» и «оценка»).

Литература

1. *Жеребило Т.В.* Термины и понятия лингвистики. Общее языкознание. Социоллингвистика. Словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2012. 280 с.
2. *Карташов Е.А.* Внешние и внутренние причины изменения и развития языка // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы международной научно-практической конференции 25-26 марта 2011 года. Пенза – Москва – Рашт: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С 17-20.
3. *Полухина Е.В., Просянюк Д.В.* Исследования со смешанными методами (mixed methods research): интеграция количественного и качественного подходов // Политическая концептология. 2017. № 1. С.49-56.
4. *Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.* Методика изучения истории развития дидактической терминологии // Педагогика. 2014. №10. С.26–35.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В СВЕТЕ РАБОТ М. ФУКО И К. КАСТОРИАДИСА

Сергей Александрович Гашков

Кандидат философских наук, PhD,

доцент кафедры Р7 «Фундаментальной и прикладной лингвистики»

Балтийский Государственный Технический Университет (БГТУ) «Военмех» им. Д.Ф. Устинова

E-mail: sgachkov@hotmail.com, sergegachkov@mail.ru

Целью статьи является показать то, что проблема статуса и классификации социально-гуманитарных наук является одной из важнейших философских проблем современности. В статье последовательно рассматриваются вопросы о том, какие основные риски переживает сегодня гуманитарное знание, каковы основания классификации гуманитарных наук в мировой (Риккерт) и отечественной (Кедров) традиции, в чем специфика классификации социальных и гуманитарных наук во Франции, а также каков вклад в нее Школы Анналов (Блок). Далее, мы проясняем смысл статуса и классификации гуманитарного знания в археологическом методе М. Фуко, соотношение матезиса и таксономии в «классической эпистеме» 17-го-18-го века, положение гуманитарных наук в треугольнике знаний «современной эпистемы». Статью завершает изучение полемики К. Касториадиса со структурализмом, антропологический и эпистемологический оптимизм данного философа в рамках постструктуралистской критики классического наукоучения.

Ключевые слова: классификация гуманитарных наук, Мишель Фуко, Корнелиус Касториадис

THE CLASSIFICATION PROBLEM IN THE HUMANITIES BASED ON THE WORKS OF M. FOUCAULT AND C. CASTORIADIS

Sergey A. Gashkov

CSc in Philosophy, PhD in Philosophy,

Associated Professor, Department of Fundamental and Applied Linguistics

Baltic State Technical University "Voenmekh" Named after D. Ustinov

E-mail: sgachkov@hotmail.com, sergegachkov@mail.ru

The article aims to prove that the status and classification of the humanities are very important problems of modern philosophy. The article successively considers the questions on 1) the most important risks existing for human sciences of nowadays, 2) classification principles of the humanities by H. Rickert, 3) classification principles of the humanities by B. Kedrov, 4) classification principles of the humanities by French positivists and the School of Annals by Marc Bloch, 5) classification principles of the humanities by Michel Foucault in his "The Order of Things": taxonomy and mathesis, triangle of knowledge, 6) polemics by Cornelius Castoriadis against Foucault's archeology and his anthropological optimism as the basis for a classification of the humanities in the frame of French post-structuralism.

Keywords: classification of human sciences, Michel Foucault, Cornelius Castoriadis

Проблема гуманитарного знания и образования часто возникает в работах отечественных философов конца XX – начала нынешнего века. Проблема сохранения целостности человека связывается с той особенной ситуацией, которая «рождает принципиально новые этико-философские проблемы неведомого ранее уровня, связанные с необходимостью ориентации человека на сохранение своей целостной сущности...» [1, 85]. Мера особенного человеческого бытия, которую ученые видят в триединстве биологического, душевного духовного, находится под риском нарушения со стороны технократизма и виртуальной реальности. Особенный риск представляет собой также утрата гуманитарно-социальными науками их статуса, осознания их важности для единства и целостности научного знания.

В связи с этим ставится вопрос о статусе и классификации гуманитарных наук. Классический труд в этой области принадлежит неокантианцу Г. Риккерт, проводившему различие между науками о духе и науками о природе. «Поскольку науки, - писал он в 1910 году, различаются между собой как по трактуемым ими предметам, так и по применяемому им методу, то разделение их должно быть проведено как с материальной, так и формальной точек зрения» [2, 51]. Развивая материальную противоположность природы и культуры и формальную противоположность естественно-научного и исторического методов, мы, согласно Риккерт, показываем правомерность данной классификации наук, «отклоняющейся от традиционного их деления».

Фундаментальный труд в области классификации научного знания был проведен отечественным ученым Б.М. Кедровым. В посмертно изданной работе «Классификация наук», он, опираясь на марксистскую методологию, предлагает дихотомическое деление общественно-исторических наук на исторические науки и структурные. В то время как исторические науки подразделяются по двум их признакам: хронологическому и национально-географическому, структурные подразделяются по их отношению к базису и надстройке. Автор предлагает «треугольник науки», три вершины которого «занимают естественные науки, общественные науки и философия», таким образом, важнейшее место в его системе занимает психология, связанная «со всеми отраслями научного знания», так как «без человека не может осуществиться ни один познавательный процесс, ни один акт практического характера...» [3, 470]. История, понятая как наука, представляет собой стержень для многочисленных смежных исследований: история техники, история естествознания и т.д., требующих компетенции как в истории, так и в науке.

Во Франции до сих пор имеет важное значение различие «социальных» и «гуманитарных» наук. «Социальные науки» подразумевают под собой, прежде всего, исследования в области психологии и социологии. Позитивизм и непредвзятость становятся главными принципами для социологии и истории. Важной вехой для оказывается труд М. Блока «Апология истории или Ремесло историка» (1949), в которой автор ставил вопрос о том, что история, для того, чтобы сохранить непредвзятость оценок, должна обратиться к гуманитарным наукам: демографии, экономике, сравнительной психологии, источниковедению. Основой познания целого истории никогда не может стать исключительно доскональное знание ее фрагментов. «Сложная сеть взаимосвязей – писал Блок, может проявиться лишь после того, как факты классифицированы по специфическим группам». [4, 85] Для того, чтобы изучать общество в целом, пишет он, не нужно выходить за рамки времени и изучать общество в целом, нужно выделить конкретные общественные связи, характеризующие данный тип общества, проанализировать и классифицировать их.

В этом смысле, основной характеристикой «социальных наук», в отличие от «гуманитарных», оказывается отношение к интерпретации субъективного фактора. В настоящее время (согласно номенклатуре 2010 года) к «социальным наукам» относят психологию, социологию, право, политологию и географию. К «гуманитарным», в которых отношение к присутствию субъективности более гибко, относят историю, искусствоведение, археологию, философию.

Одной из самых ярких работ, посвященных философскому осмыслению исторической классификации знания является работа «Слова и вещи» (1966) Мишеля Фуко. Здесь автор ставит перед собой масштабную по сути задачу: показать, что у гуманитарных наук есть особая, специфическая строгость, которая позволяет проводить фундаментальные структурно-типологические исследования в области истории знания, сравнимые по значению с тем, что Т. Кун произвел в области истории науки. «Эпистемы» Фуко отличаются от «парадигм» Куна, прежде всего, тем, что речь идет о разных типах знания: гуманитарном или естественнонаучном. «Историческое априори» Фуко, очевидно, представляет собой нечто принципиально отличное от трансцендентального априори Канта, и даже противоположное. Если Кант предполагает, что мы обнаруживаем в интеллекте условия для всякого возможного опыта, то у Фуко в «Словах и вещах» трансцендентальное мы обнаруживаем как остаток в опыте, поскольку опыт стал возможен как таковой благодаря трансцендентальному.

Центральное место в классификации «эпистем», которые Фуко впоследствии, тщательно стремился освободить от всякой связи с историческими эпохами или трансцендентальными сущностями в истории (что и привело, в конце концов к его отказу от археологии как метода), занимает «классическая эпистема», которую философ мыслит не столько по образцу

картезианского рационализма, сколько «Грамматики Пор-Рояля». Согласно Фуко речь идет о «проекте всеобщей науки о порядке», на основании которого формируется «пространство эмпирического», просуществовавшее до начала 19-го века. Добавим, что в этом пространстве мы можем видеть определенный универсализированный антитезис кантовской критике. «Возможность классической эпистемы как целого полагается, прежде всего, отношению к познанию порядка» - пишет Фуко [5, 106]. Всеобщая наука о порядке классифицируется сообразно двум рядам представлений. Простые представления организуются в «матезис», а сложные в «таксономию». Таким образом, можно сделать вывод, что современное разделение на гуманитарные и естественные науки полностью чуждо «классическому», табличному типу знания. Математизация знания в классическую эпоху не выступила непосредственной причиной современной эпистемологической оппозиции.

В рамках современной эпистемы Фуко говорит о статусе гуманитарных наук. Оригинальным является здесь то, что, говоря о «гуманитарных науках», Фуко стремится показать, что их неопределенный статус, их нематематизируемость и их кризис, свидетельствуют о том, что сам их предмет – «человек», является своего рода продуктом «конфигурации» исторических форм знания. Более того, под именем «человека» выступает некое «пустое пространство». В качестве предмета научного знания, отмечает философ, человек и не существовал в 17-м и 18-м веке. Математизация не является также, согласно Фуко, единственным критерием современной научности. Современное знание философ представляет в виде треугольника, одну вершину которого занимают математические и физические науки, другую лингвистика, экономика и биология. Последние объединены с первой вершиной благодаря плоскости математизации. А на третьей располагается философская рефлексия, имеющая общую плоскость со второй вершиной в форме «отчужденного человека», «символических форм языка» и т.д. «Гуманитарные науки исключены из этого эпистемологического трехгранника – по крайней мере, в том смысле, что их нельзя обнаружить ни в одном из этих измерений, ни в одной из наметившихся плоскостей» [5, 367].

Продолжением идей Фуко о «смерти человека», можно назвать пессимистическую книгу «Завещание Бога» Бернара Леви. С критикой этой книги, а также и самой идеи «эпистемы» выступил, в частности, Корнелиус Касториадис. Подход раннего Фуко к истории знания, как и он сам признавался, говоря о Леви-Строссе, является в определенной степени «этнографическим». При этом, из поля гуманитарного знания выпадают целые группы вопросов: каким образом возможна последовательная история научного знания? Как мы можем говорить о состоянии знания в других культурах, будь то у древних греков или индейцев аранда? [6, 14] Является ли сам по себе технократизм и технологизация знания действительным «концом философии» как на то претендуют хайдеггеряны или речь идет просто об одном из негативных следствий? Не оказывается ли, таким образом, прогресс научного знания источником, скорее, оптимизма относительно человека и его познания?

Антропологический оптимизм Касториадиса строится на том утверждении, что всякое новое знание в социально-историческом бытии выступает в роли онтологического творения (*création*). Впрочем, понятие прогресса, весьма проблематичное в науках, замечает далее философ, особенно мало применимо к наукам, изучающим социально-исторический мир. В этом смысле, невозможно сказать, что Кант «преодолеет» Платона. Даже такие философы науки, как Уайтхед, отмечает в другом месте Касториадис, считают, что вся последующая философия представляет собой лишь комментарий к Платону.

Примером гуманитарного знания может послужить психоанализ. Нельзя однозначно сказать, что Лакан в нем добился больших успехов, чем Фрейд. Проект психоанализа – это не только проект анализа пациентов, но и само-анализ самого аналитика. «Этот проект, - пишет Касториадис, основал и продолжает основывать анализ и определяет его в качестве деятельности. Деятельности субъекта в качестве субъекта по отношению к субъекту в качестве субъекта» [6, 43]. Таким образом, важнейшей характеристикой гуманитарного знания согласно Касториадису выступает его нацеленность на автономию субъекта, а также «праксис», то есть та деятельность, вне заведомо предполагаемого результата, которую мы наблюдаем в «невозможных» по определению того же Фрейда профессиях: педагога, врача и политика.

К выводам нашей статьи мы можем отнести то, что, несмотря на растущую необходимость значительного пересмотра многих положений гуманитарного знания, оптимизм в отношении их статуса и классификации остается возможным.

Литература

1. Колесникова И.А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. Курс лекций по философии педагогики. СПб, 2001, 288 с.
2. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре, Пер. с немецкого, М., Республика, 1998, 413 с.
3. Кедров Б.М. Классификация наук, Прогноз К. Маркса о науке будущего. М., «Мысль», 1985, 544 с.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка, пер. Е.М. Лысенко, М., «Наука», 1973, 232 с.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук, пер. с французского В.П. Визгина и Н.С. Автономовой, СПб, А-сад, 1994, 406 с.
6. Castoriadis C. Les Carrefours du labyrinthe, I, Paris, Edition du Seuil, 1978, 416 p.

КОНСТРУИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА РЕАЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Сергей Викторович Герасимов

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры Коммуникационных технологий
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: votje82@mail.ru*

В статье рассматриваются идеи и принципы по описанию реальности представителями Древнего мира, созданию основ онтологии. С помощью анализа различных систем оценки и восприятия реальности, которыми пользовались древние авторы, в статье делается попытка выяснить логику эволюции понятия реальность, от простых векторов, связывающих совокупность сущностей и событий, до ортонормированного базиса многомерного пространства концептосферы. Общей целью исследования является попытка определить основные предпосылки кризиса идей и иерархии ценности в современной концепции реальности, а также проследить основные законы, формирующие концепции реальности, их тождественность и различие как систем описания. Это позволит создать универсальную семантику возможных миров, реальностей. Создадутся предпосылки создания новых метрик для пространств публичных и социальных коммуникаций. В результате данного исследования становится возможным дальнейшее изучение семантики возможных миров, обосновании модальных логик в разных интенциональных контекстах: вере, разуме, возможности, обязанности и прочих. Открывается возможность создания универсальной системы десигнации объектов вне зависимости от систем их описания.

Ключевые слова: Реальность, концепт реальности, коммуникация, социальная реальность, онтология, вектора реальности, событийная реальность

CONSTRUCION OF THE CONCEPT OF REALITY IN THE ANCIENT WORLD

Sergey V. Gerasimov

*CSc in Pedagogical Sciences
Assistant Professor, Department of Communication Technologies
Saint Petersburg State Economic University
E-mail: votje82@mail.ru*

The article considers ideas and principles on the description of reality by representatives of the Ancient World, the creation of the foundations of ontology. Using the analysis of various systems of evaluation and perception of reality used by ancient authors, the article makes an attempt to elucidate the logic of the evolution of the reality concept, from simple vectors connecting the totality of entities and events to the orthonormal basis of the multidimensional space of the conceptosphere. The overall

goal of the study is to attempt to identify the main prerequisites for the crisis of ideas and the hierarchy of value in the modern concept of reality and also to trace the basic laws that form the concepts of reality, their identity and difference as systems of description. This will create a universal semantics of possible worlds, realities. Prerequisites will be made for creating new metrics for spaces of public and social communications. As a result of this research, it is possible to further study the semantics of possible worlds, substantiate modal logics in different intensional contexts: faith, reason, opportunity, duty, and others. So, there appears a possibility of creating a universal system of designation of objects regardless of their description systems.

Keywords: reality, the concept of reality, communication, social reality, ontology, vectors of reality, social reality, event reality

Введение

Описание реальности – занятие достаточно древнее. Можно предположить, что выживание в окружающей среде напрямую зависело от того, насколько точно потомкам передавался опыт, накопленный предыдущими поколениями. Описание реальности стремилось приблизиться к реальности максимально точно, и каждое поколение, включая XXI в., вносит новые элементы в увеличение резолуции картины реальности. Возможно, от понимания процессов происходящих у истоков онтологии бытия во многом зависит и современное представление действительности, понимание логики ее развития и форсайта.

Концепт реальности и его онтологическое содержание принято рассматривать, начиная с VI в. до Н.Э. По общему соглашению философов, принято считать прародиной философской мысли Грецию. О «внезапном» возникновении цивилизации в Греции пишет, например, Бертран Рассел: «Нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапное возникновение цивилизации в Греции <...>. Они изобрели математику, науку и философию» [1, с. 35]. Немного мягче к вопросу относятся Скирбекк и Гилье, допуская, что во всех цивилизациях догреческого периода можно обнаружить «философию в широком смысле» [2, с. 19]. Той же точки придерживаются многие авторы учебников по философии и истории философии [3, с. 88–89].

В античные времена цивилизация уже существовала, была развита речь и уже около 3500 лет до Н.Э. существовала письменность [4, с. 182]. Была развита событийная традиция, существовал календарь [5] и календарные праздники [6]. Таким образом, поиски смыслов уже присутствовали в социальном и публичном пространстве различных государств. Присутствие в публичном пространстве необходимости выработки общего коллективного взгляда на мир сформировало произведения устного народного творчества, мифы, легенды, сказки, притчи, пословицы и поговорки [7]. Подобное стремление к единой точке зрения заложено в природу высших гоминид и обусловлено физиологией высшей нервной деятельности, стайным или стадным чувством [8]. Исследованием философской антропологии занимались многие выдающиеся мыслители, например, Линеи [9], Марандола [10], Хаскель [11], Юкскуль [12, с. 86–87].

При рассмотрении концепта реальности древнего мира обращает на себя внимание несколько особенностей, свойственных той эпохе:

К II тысячелетию до Н.Э. на территории Древнего Востока сложилась определенная культурная традиция, обычаи и представления. Уже существовали империи, культура и науки. Основные представления о мире были изложены в религиозных текстах, на нескольких языках, например, арамейском. Этот язык существовал в качестве инструмента межкультурного общения (своеобразный *Lingua franca*), через него распространялись основные идеи и концепции мира. В Древнем мире происходила диффузия различных представлений, верований, религиозных культов [14], в том числе, с помощью универсального языка, использовавшегося, например, в международных коммуникациях.

Эти взгляды различных цивилизаций находились в постоянном выяснении, одни из них побеждали, другие исчезали навсегда, оставляя памятники архитектуры, скульптуры, предметы религиозного культа, деловой, политической активности и так далее.

Рассмотрение системы взглядов, описывающих концепт реальности, можно отнести к ряду источников, которые формировались на территории Египта и Месопотамии в устной, а позже в письменной традиции. В IV, III тысячелетии до Н.Э. были довольно большие

собрания письменных литературных, документальных и научных текстов [13, с. 182]. Письменные научные источники следуют один за другим, вырастая один из другого, как лестница, побеги деревьев или телескопическая антенна. Отсутствие персонального именного авторства – это специфика древних арамейских текстов. Для автора и читателя было важна ступень и сочетаемость в иерархии постижения, обретения общего понимания окружающей реальности. Имена авторов Древнего мира указывают на ступени, с которых автор ведет исследование. Цель чтения - читатель должен уподобиться, включиться в автора и тем самым обрести его уровень.

Материя с точки зрения авторов-исследователей древнего мира [15] представляет собой желание наполнять (Творца), и недостаток наполнения (Творение). Пространство вне мира – Творец, который непознаваем Творением. Все мироздание это сложная система взаимодействия присутствия и отсутствия Творца. Если рассмотреть регистрацию Творца Творением за 1, а отсутствие ощущения Творца за 0, то получим 2 разрядную систему исчисления. На этой основе построены многие логические системы, например Булева алгебра [16].

Сочетание семантики и математики в древней коммуникации, основанной на арамите, определяется как гемартия [18]. Книга Создания [17] определяют трехмерность пространства, описывает пространство Древнего мира как куб, через 12 ребер (Сефер Ецира, Мишна 2). Двенадцать путей развития в современной семиотике дискретной математики можно было бы назвать системой ориентированного или векторного графа [19]. Несмотря на алгоритмы достижения цели, которые можно сравнить современным блокчейном, человек находился в концепции реальности, которая была функцией развития личного постижения. Ребенку от рождения до смерти предписывалось раскрывать «расколдовывать» секреты природы. По различным причинам культура и концепция реальности, пришли в упадок, были разрушены Храмы: Первый в 586 году до Н.Э. и Второй в 70 году новой эры.

Заключение

Древние мыслители создали основу для возникновения концепта реальности в его современном понимании. Первичный ортонормированный базис включал в себя один вектор «Творец-Творение», который получил новые направления: «реальное – идеальное», «реальное – мнимое», «реальное – действительное», «реальное – экзистенциальное», «уникальное - универсальное», «внешнее – внутреннее». Возможно, рассмотренная эволюция стала причиной и основой современного кризиса потери иерархической структуры ценностей, трансформации концептосферы в имманентную самодостаточную реальность, в которой нет образа будущего. Поиски трансцендентного пространства [20 с.54–65], вторичная сакрализация религии фундаментализма, политический радикализм, это маркеры нового постсекулярного фазового перехода [21 с.89–100].

Литература

1. Рассел Б. История западной философии: В 3 кн. Пер с англ; Подгот. Текста В.В. Целищева. – Санкт-Петербург: Азбука, 2001. – 960 с. Стр. 35.
2. Скирбекк Г. История философии: учебное пособие для студентов вузов / Пер. с англ. В.И. Кузнецова. – Москва: Гуманитар. Изд. центр ВЛАДОС. 2008. – 799 с.
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. Учебник. Издание третье, переработанное и дополненное. – Москва, ПБОЮЛ М.А.Захаров, 2001. – 608 с.
4. История Древнего Востока: Учебник под ред. В.И. Кузищева, Москва, Высшая школа, 1979. – 456 с.
5. Емельянов В.В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб: Петербургское востоковедение, 1999.
6. Емельянов В.В. Шумерский календарный ритуал. СПб: Петербургское востоковедение, 2009.
7. Alster B. Proverbs of Ancient Sumer: The World's Earliest Proverb Collections. Bethesda: CDL Press, 1997.
8. Ризолатти Джакомо. Синигалья Коррадо. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. // Перевод с англ. О.А. Кураковой и М.В. Фаликман. М.:

Изд. «Языки славянских культур», 2012. 205 с.

9. *Linneo C. Menniskans Cousiner / ed. By T.Fredbar. Uppsala: Ekenas, 1955.*

10. *Пико дела Мирандола Джованни. О Сущем и Едином // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М., 1985. С. 263—280.*

11. *Haeckel E. Die Weltratsel, Gemeinverstandliche Studien uber monistische Philosophie. Stuttgart: Kroner, 1899.*

12. *Uexkull Jakob von e Kriszat, Georg, 1956. Streifzuge durch Umwelten von Tieren und Menschen. Ein Bilderbuch unsichtbarer Weiten. Bedeutungslehre, Rowohlt, Hamburg 1 изд. 1934.*

13. *История Древнего Востока: Учебник / под ред. В.И. Кузищева. М.: Высшая школа, 1979. 456 с.*

14. *Панченко Д.В. Диффузия идей в древнем мире. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 320 с.*

15. *Фролов Д.В. Саадия Гаон, комментарии к «Книге творения» (Сефер Йецира) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2009. №1 С. 882-942.*

16. *Гуров С.И. Булевы алгебры, упорядоченные множества, решетки: Определения, свойства, примеры. М., Либроком, 2013. 352 с.*

17. *Liebes Y. Ars Peotica in Sefer Yetsira. Tel Aviv, 2000. P. 229*

18. *Регарди И. Буквенная каббала. Гранатовый сад / Пер. с англ. В. Нугатов. М.: Энигма, 2005. 304 с*

19. *Андерсон Д.А. Дискретная математика и комбинаторика: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2003. 960 с.*

20. *Тульчинский Г.Л. Имманентность и поиски трансценденции // Философские науки. 2003. №5. С. 54-65.*

21. *Герасимов С.В. Разум и вера: Постсекулярность и после // Философские науки. 2003. №12. С. 89-100.*

ТРИ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Елена Всеволодовна Золотухина-Аболина

Доктор философских наук, профессор

Южный федеральный университет

E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

В статье рассматриваются трудности, с которыми сталкивается экзистенциальное исследование, направленное на понимание и описание жизни человеческой души, взятой в конкретных культурных и исторических обстоятельствах. Само экзистенциальное исследование видится автору как часть гуманитарных штудий, где предмет - живое человеческое существование, а задача – усмотрение устойчивых паттернов переживания и поведения. Трудности такого исследования диктуются спецификой субъективности, которой обладают и исследователь, и его предмет. Автор выделяет три главные гносеологические трудности, подстерегающие аналитика, взявшегося за экзистенциальную тему. Первая – трудность самопостижения, так как человек способен заблуждаться на собственный счет. В этом смысле философские экзистенциальные автобиографии - яркое проявление проблем, которые встречает любое самопознание. Вторая трудность – закрытость чужой субъективности и несовпадение внутреннего опыта исследователя и исследуемого. Здесь возникает проблема желания и возможности идентифицироваться с чужим экзистенциальным опытом, а также необходимости или ненужности такой идентификации. Третья трудность – намеренное сокрытие собственных мотивов и устремлений, нежелание раскрываться перед исследователем или же, напротив, искажение в изложении собственного экзистенциального опыта из жажды самоутверждения.

Ключевые слова: экзистенциальные исследования, индивидуальное бытие,

* РФФИ 20-011-00581 «Социокультурные стратегии формирования позитивных образов будущего».

THREE EPISTEMOLOGICAL DIFFICULTIES OF EXISTENTIAL RESEARCH

Elena V. Zolotukhina

DSc in Philosophy, Professor

Southern Federal University

E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

The article discusses the difficulties faced by existential research aimed at understanding and describing the life of a human soul taken in specific cultural and historical circumstances. The author sees the existential research itself as a part of humanitarian studies where the subject is a living human existence, and the task is to consider stable patterns of experience and behavior. The difficulties of such research are dictated by the specificity of subjectivity possessed by both the researcher and his subject. The author identifies three main epistemological difficulties that lie waiting for the analyst who has taken up the existential theme. The first is the difficulty of self-realization, because a man is capable of deluding themselves. In this sense, philosophical existential autobiographies are a vivid manifestation of the problems that any self-knowledge encounters. The second difficulty is the closeness of someone else's subjectivity and the discrepancy between the inner experience of the researcher and the subject. Here, there is a problem of desire and possibility to be identified with someone else's existential experience and also necessity or uselessness of such identification. The third difficulty is the deliberate concealment of one's own motives and aspirations, the unwillingness to reveal oneself to the researcher or, on the contrary, the distortion in the presentation of one's own existential experience out of a thirst for self-affirmation.

Keywords: existential research, individual being, interdisciplinarity, self-understanding, other people's experiences, self-affirmation

Задача предлагаемой читателям статьи – осветить гносеологические трудности, которые встречаются на пути исследователя, пожелавшего обратиться к экзистенциальной проблематике. Но, прежде всего, надо дать определение экзистенциальных исследований. На наш взгляд, это теоретическое изучение индивидуального бытия, взятого в разных его ракурсах с акцентом на эмоционально-ценностных и поведенческих моментах. Можно сказать, что это исследование души, взятой в конкретных культурных обстоятельствах и исторических ситуациях, обращение к внутреннему миру человека и его коммуникации со значимыми другими. Целью таких штудий является не только понимание и описание уникальных перипетий своего и чужого существования, но выяснение и неких *общечеловеческих* паттернов переживания, сознания и поведения, значимых черт человеческого «бытия-в-мире» (любовь и ненависть, жизнь и смерть, смысл и бессмыслица и т.д.) В этом плане экзистенциальные исследования – это *часть гуманитарных исследований*, где предметом выступают не характеристики объективированной культуры, но живое человеческое существование. Такого рода изучение души и поступков всегда *междисциплинарно*. В нем участвуют философы и психологи, литературоведы и культурологи, философы религии и искусствоведы. И, если кто-либо берется за любую из отмеченных проблем, он должен использовать наработки как перечисленных выше, так и не названных здесь гуманитарных дисциплин.

Экзистенциальное исследование не может строиться по образцу физической науки, потому что его задача - не получение объективного истинного знания о природе, а *адекватное рассмотрение* состояний субъективности и intersubjectивности, сфер сложных и многозначных. Назовем присущие ему три трудности.

1. Трудность *самопостижения*.

Опыт существования – это, прежде всего, собственный опыт, где Я обращается на самого себя. Описание и анализ опыта собственной души – достояние автобиографической литературы, интересные примеры которой мы знаем и у философов – «Слова» Ж.-П. Сартра [1] или «Самопознание» Н. Бердяева [2]. Однако уже по этим трудам можно увидеть, как рефлексивные авторы подстраивают свое экзистенциальное исследование под собственную методологию: они видят в своей душе и в личном пути именно то, что намеревались увидеть,

исходя из неких ими же выработанных убеждений и теоретических посылок. Здесь возможен и момент самолюбования, и избыточного самообвинения, и игнорирование либо выпячивание моментов бессознательного. Философские экзистенциальные автобиографии – лишь яркое проявление тех трудностей, которые встречает любое зрелое самопознание, включающее ставшие мировоззренческие взгляды и социокультурные оценки. И критерий адекватности изложенного «субъективному положению дел», по существу, отсутствует.

2. Трудность адекватного описание *чужого экзистенциального опыта*. Здесь мы встречаемся с таким неодолимым препятствием, как непрозрачность чужой субъективности для нас и необходимости косвенных гипотетических заключений. Если себя и свои переживания мы знаем непосредственно, хотя можем и на их счет заблуждаться, в том числе меряя себя внешними мерками социума и культуры, то чужих переживаний мы просто не знаем, если они не выражены во вне – либо словесно, либо образно – посредством создания произведений искусства. Конечно, внешнее поведение человека входит как глубоко значимый момент в наше понимание чужого существования, в ту оценку и истолкование, которое мы даем проявлениям другой личности, однако за одним и тем же поведением, как мы знаем, могут быть скрыты разные, иногда диаметрально противоположные мотивы, на чем нередко строится интрига в детективах и мелодрамах. Судить только по поведению о внутренней жизни невозможно, хотя невозможно и говорить о внутреннем мире без его выражения в поступках. О переживаниях другого человека мы можем узнать либо из его мимики и пантомимы, его общей телесной выразительности (улыбки, слез, крика и т.д.), либо из его рассказа. Этот рассказ может происходить в личном общении, при целостном телесно-душевном контакте (то, что А.Шюц называет «лицом-к-лицу») [3], либо может быть опредмечен в знаках, изображениях, музыке, что требует дополнительных усилий по расшифровке и интерпретации. Сложностей добавляет временное отстояние, если нас волнуют экзистенциальные переживания человека иной эпохи, также как культурный разрыв – при интересе к людям иной культуры.

Гуссерлевская установка на то, что «Я» другого – это мое «Я», поставленное в ситуацию другого, верна лишь отчасти. Да, возможность представить себя на месте другого человека делает понимание возможным, но не делает его обязательным. Гуссерль размышляет о принципиальной возможности понимания другого «Я», представленного как гносеологический субъект – без пола, возраста и личной истории. А экзистенциальное исследование обязано учитывать как раз эти особенности, по поводу которых у философа и «предмета его внимания» могут быть существенные расхождения. Можно «ставить себя на чужое место» и при этом вовсе не покидать собственную точку зрения: видеть все, как видишь ты сам, а не так, как видит и переживает другой человек. И здесь не всегда поможет даже разнообразие опыта, о котором говорит основатель феноменологии: можно иметь сходный, почти идентичный опыт, но переживать его совсем по-разному, о чем хорошо пишет в своих работах В.Франкл[4].

Сюжет единства и различия личных опытов касается темы, которая в социогуманитарном познании, в частности, в философском религиоведении, получила название соотношения «эмического и этического» (К.Пайк) , где эмическое – взгляды и переживания изучаемого автора, а этическое – взгляды и опыт исследователя. При изучении природы не возникает вопрос о личном опыте изучаемого предмета, а в разговоре о других людях он неизбежен. Можно ли писать о любви, если ты сам не испытывал любви? Способен ли в принципе жизнерадостный психолог-экстраверт понять экзистенциальность замкнутого меланхолика? К.-Г.Юнг считал, что нет. Или еще острее: насколько завзятый материалист и человек сугубо практический может судить об экстазах мистика, если он не верит ни в какое трансцендентное и склонен считать любое отклонение от повседневного сознания патологией? Это открытые вопросы, по ним идут споры и дискуссии. Одни считают, что отстраненность и бесстрастность способствуют познанию чужой субъективности, другие – что они как раз не дают непосредственно воспринять эмоционально-ценностные состояния другого. И если идентифицироваться с опытом другого, то в какой мере это возможно и необходимо?

Наконец, третья, отмеченная нами трудность, быть может, более проста, чем две первые, но не менее значима для адекватного понимания чужой субъективности с ее экзистенциальными состояниями. Это возможность, которая есть у любого человека, скрывать свои мысли и чувства, прибегать к обману и демонстрациям – как сознательным, так и бессознательным. Так, у И.Гофмана не одна книга посвящена различным формам самопрезентации [5, 6], которая по сути является введением в заблуждение партнеров

по диалогу. С уклонением от честных ответов и нежеланием самораскрытия сталкиваются психологи и социологи, ведущие опросы: люди стремятся избежать обнажения собственной души и предпочитают отделяться нейтральными формулами или просто отвечают то, чего от них ждет интервьюер, они не стремятся сделать для других ясными собственные мотивы и чаяния. Обратный пример являют устные и письменные воспоминания, по которым очень трудно судить о подлинном состоянии внутреннего мира человека в описываемый период: люди склонны хвалить себя, представляться лучше, чем они есть, возвышать себя, принижая других. Желание самоутверждения становится препятствием для понимания подлинной ситуации. Эмоции людей и их свободное решение всегда могут исказить выражение во-вне их внутреннего состояния.

Завершая наш небольшой обзор, отметим, что, несмотря на все препятствия, экзистенциальные исследования существуют и ведутся, хотя они не всегда называют себя таким именем.

Литература

1. *Сартр Ж.-П.* Слова М.: АСТ, 2016. – 224 с.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии) М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.
3. *Шюц А.* Шюц Альфред. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 1056 с.
4. *Франкл В.* Человек в поисках смысла М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
5. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. — 304 с.
6. *Гофман И.* Анализ фреймов (эссе об организации повседневного опыта) М.: Институт социологии РАН, 2004. — 751 с.

РОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ В РЕТРОСПЕКТИВЕ: СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Сурен Тигранович Золян

Доктор филологических наук

*Балтийский федеральный университет им. Им. Канта
Институт философии, социологии и права НАН Армении*

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Рождение социальной семиотики принято связывать с публикацией книги Майкла Хэллидея «Язык как социальная семиотика» (1978). Мы попытались уточнить время и контекст зарождения этой дисциплины и показать, что изначально были представлены три различные версии – помимо Хэллидея, это был Ю.М. Лотман, а также Р. Ходж и Г. Кресс. Высказанные ими идеи все еще остаются в стадии трансдисциплинарного проекта для социальных наук. Различия между ними отражают различия между разнородными аспектами смыслопорождения, коммуникации и целеполагания. Комплексность этих процессов оправдывает комплексность методологии их описания. Взаимосвязь между различными областями и аспектами поможет создать синтетические методы, основанные на динамическом подходе к порождению и передаче смысла.

Ключевые слова: социолингвистика, социальная семиотика, семиотика культуры, порождение смысла, текстуальность, Майкл Хэллидей, Юрий Лотман, Гюнтер Кресс, Роберт Ходж

THE BIRTH OF SOCIAL SEMIOTICS IN RETROSPECT: FORTY YEARS LATER

Suren T. Zolyan

DSc in Philosophy

Immanuel Kant Baltic Federal University

The birth of social semiotics is usually associated with the publication of Michael Halliday's book "Language as Social Semiotic" (1978). We attempt to clarify the time and context of this discipline's origin and show that three different versions were initially being presented - in addition to Halliday, there were conceptions of Yu. M. Lotman as well as R. Hodge and G. Kress. The ideas they expressed remain as a potential transdisciplinary project for the social sciences. For this, we address the interrelation between sociolinguistics, social semiotics, and the semiotics of culture. All of them describe mechanisms of meaning creation and translation beyond linguistic structures. The differentiation between them is based on a distinction between various aspects of meaning production, communication, and goal setting. The complexity of these processes legitimates a complexity of methodology for their description. Interconnection between different domains and aspects may create synthetic methods based on the dynamic approach to meaning production and transmission.

Keywords: sociolinguistics, social semiotics, social semiotic, semiotics of culture, meaning production, textuality, M. Halliday, J. Lotman, G. Kress, R. Hodges

Социальная семиотика – одна из самых молодых гуманитарных наук. Конечно, сама ее проблематика не может считаться новой – нетрудно найти сходные идеи еще у Платона и Конфуция. Основы социосемиотического подхода к языку можно увидеть у Бодуэна де Куртене, Михаила Бахтина, Бронислава Малиновского. Однако имеет смысл сузить охват рассмотрения и начать с того момента, когда появляется не концепция, а сам термин – «социальная семиотика». Но даже основываясь только на употреблении этого термина, можно выделить три версии происхождения социальной семиотики, а точнее, три версии самой дисциплины. Хотя в настоящее время превалирует та, которую можно считать канонической и легитимизированной *отцами-основателями*, обращение к первым публикациям меняет ситуацию. Возвращение к истокам, учет этих различий и синтез достижений различных школ может дать новый импульс развитию социальной семиотики. Уже в самом начале наметились три подхода к тому, что считать социальной семиотикой: это – 1)общая социолингвистика; 2)семиотика, основанная на аксиоматике, которая противоположна семиотике Соссюра; 3) раздел семиотики культуры, в которой под «социальной семиотикой» понимаются знаковые системы, регулирующие социальное поведение (эта версия социальной семиотики Ю.М.Лотмана и Тартуско-Москвской школы была рассмотрена нами ранее: [1]). Здесь же остановимся на гетерогенности концепции социальной семиотики Майкла Хэллидея и его последователей: Гюнтера Кресса и Боба Ходжа и вытекающего из этого потенциала ее дальнейшего развития..

Сам термин «социальная семиотика» появляется в работах Ю.М. Лотмана [2; 3; 4; 5] и М. Хэллидея [6;7] практически одновременно, но в научный оборот указанный термин вошел благодаря Хэллидею. (Лотман после 1977 г. его не использовал). Свой подход Хэллидей называет системно-функциональной лингвистикой («systemic functional linguistics»), претендуя тем самым на открытие нового этапа Лондонского функционализма. Хотя зарождение социальной семиотики принято связывать с выходом книги Хэллидея (1978), однако этот термин был использован им ранее – в 1975 году. Ставшая знаменитой книга 1978 г. называется "*Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*", тогда как оставшаяся практически незамеченной статья 1975 года называлась: "*Language as Social Semiotic: Towards a General Sociolinguistic Theory*". Примечательно изменение подзаголовка, что свидетельствует о изменении ракурса рассмотрения. Подход М.Хэллидея оставался по преимуществу социолингвистическим, но смена ракурса открывала путь к собственно семиотическому рассмотрению. Заметим: Хэллидей говорит не о социальной семиотике, а о *социальном семиотическом* (social semiotic). Социальное семиотическое понималось как характеристика языка, описываемого и интерпретируемого в социокультурном пространстве. Несмотря на ряд положений о семиотическом конструировании социальных смыслов, процессов и институтов [7; с. 186], что выводило предмет рассмотрения за пределы собственно языка и лингвистики, тем не менее в целом социальная семиотика (или социосемиотика – Хэллидей использует оба варианта) понималась как определенный модус рассмотрения языка (a mode of

interpretation). Это понимание закрепляет финал статьи, ключевой и для всей книги [7, с. 137]. Вместе с тем, сам *модус интерпретации* был расширен на социальные процессы и социальное взаимодействие, что привело к введению таких необычных для лингвистики понятий, как семантика социального класса, система власти и т. д., и это, несомненно, открывало возможность для рассмотрения этих феноменов как особого рода знаковых систем.

Институционализация социальной семиотики и ее отграничение от социолингвистики происходит после выхода в 1988 году книги Роберта Ходжа и Гюнтера Кресса «Social Semiotics» [8]. Сейчас она трактуется как естественное продолжение и обобщение идей Хэллидея его последователями. Между тем, незаметное языковое отличие - Semiotics вместо Semiotic призвано было ознаменовать принципиальное отличие, если не смену исследовательской парадигмы, о чем только сейчас в личной переписке написал нам Роберт Ходж. Но все же с тем незаметность этой замены сигнализировало и стремление продолжить «уважительный диалог» с учителем (наша переписка с Р. Ходжем и Г. Крессом приведена в [9]). Сама книга «Social Semiotics» лишь в незначительной степени продолжает идеи Хэллидея: это своего рода «бунт» против сосюринской лингвистики. Методика функционального анализа в духе Лондонской школы сочетается здесь с ориентированным на марксизм критическим дискурс-анализом. «Социальная семиотика» продолжает предыдущую работу тех же авторов «Язык как идеология», где идеология понимается в духе Маркса как «ложное сознание», а язык – как «практическое сознание» [10, с.5-6]. К этому добавляется концепция новой семиотики – в отличие от традиционной, она называется «социальной» не потому, что она есть ответвление общей семиотики, а потому что базируется на постулатах, каждый из которых прямо противоположен сосюринскому. Не-социальными семиотиками могут быть только биосистемы, даже коммуникацию между двумя машинами авторы рассматривают как социальный процесс, поскольку они и их программы созданы людьми [8, с.261]. Основной вдохновившей авторов работой названа знаменитая книга М.М. Бахтина «Марксизм и философия языка», его они и называют отцом-основателем социальной семиотики (поскольку авторы основывались на английском переводе [11], по понятным причинам вначале они приписали эту честь В. Волошинову). Именно в критике «лингвистического объективизма» Соссюра Ходж и Кресс видят основы новой семиотики. Опираются они и на некоторые идеи Пирса о динамическом характере семиозиса, но со значительными оговорками. Как основу социальной семиотики, предлагаются следующие (анти-) тезисы:

1. Основной объект семиотики – речь, а не язык.
2. Помимо естественного языка, необходимо наличие иных знаковых систем, не менее существенных для процесса коммуникации.
3. Диахрония и история, а не синхрония оказываются определяющими для описания характеристик знаковых систем.
4. Языковой знак в речи является мотивированным, а не условным.
5. Внешней лингвистике, описывающей социальные и культурные факторы, отдается предпочтение перед внутренней.
6. Существует соотношенность между сигнификативными и референциальными аспектами семантики [8, с. 18].

Обоснованию этих положений служит анализ различных форм комбинации вербальных и невербальных кодов (современные масс-медиа, и классическая литература, и искусство Ренессанса и т. п.). Столь разнородный материал был призван показать универсальный характер предлагаемой авторами методики. Впоследствии Г. Кресс, говоря о книге «Social Semiotics», самым важным в ней назвал реинтерпретацию понятия знака: « В отличие от существующей в семиотике точки зрения, которая утверждает, что знаки используются, - понятие, взятое у Соссюра, - мы говорим, что знаки создаются, следовательно, они всегда создаются заново» [12, с.62–63]. С этим связано и другое основополагающее различие: объект семиотики – не знак, а семиозис. Что касается дальнейшего развития социальной семиотики, то оно лишь частично основано на идеях книги «Social Semiotics». В первую очередь, оказались исключенными полемика с «традиционной» семиотикой и претензии объединить семиотику с критическим дискурс-анализом. В роли «классика» Бахтина (Волошинова) заменяет Хэллидей, роль которого в формировании социальной семиотики с течением времени все более возрастает, а пафос создания новой всеобъемлющей теории сменяется уточнением процедуры анализа мультимодальных текстов и умножением case studies. Анализ социальных категорий

(власть, солидарность, контроль над контекстом, манипуляции посредством знаков и т. п.) заменяется образовательными задачами (мультимедийное обучение, эффективность коммуникации и т. п.). По едкому замечанию Боба Ходжа, “In my view, and I believe in Gunther's, what happened instead was a concerted effort by a politically powerful but intellectually impoverished group of academics to appropriate the term social semiotics and continue to elaborate their theory as a closed system” [9, с.416]. Заметим, что Гюнтер Кресс, как он написал нам незадолго до смерти в мае 2019 г., также был не удовлетворен создавшейся ситуацией и готовил новую книгу по социальной семиотике. Как видим, актуальным становится анализ концепций, высказанных еще при формировании социальной семиотике, но в силу различных причин оставшиеся невостребованными. В частности, крайне интересным представляется возможный синтез идей и методов Московско-Тартуской школы с идеями социальной семиотики Ходжа - Кресса и системной функциональной (социо-) лингвистики М.Хэллдея

Литература

1. *Золян С.Т.* Юрий Лотман и социальная семиотика: К постановке проблемы // Сборник Матице Српске за славистику = Matica Srpska Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 92: Verba volant, scripta manent: Фестшрифт в 50-летию Игоря Пильщикова / Редакторы-составители Николай Поселягин и Михаил Трунин. – С. 123–150.
2. *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Базанов В.Г., Вацуру В.Э. (ред.). Литературное наследие декабристов. Ленинград: Наука, 1975 : 25–74.
3. *Лотман Ю.М.* О Хлестакове. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 369. Тарту: ТГУ, 1975. С. 19–53 (= Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Вып. XXVI).
4. *Лотман Ю.М.* Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Базанов В.Г. (ред.). Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. С. 292–297.
5. *Лотман Ю.М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 411 (Труды по знаковым системам VIII). Тарту: ТГУ, 1977. С. 65–69.
6. *Halliday M.A.K.* Language as Social Semiotics: Towards a General Sociolinguistic Theory. [1975]. Halliday M.A.K. Collected works. Edited by Jonathan J. Webster. Vol. 10: Language and Society. London: Bloomsbury, 2009. P. 169–203.
7. *Halliday M.A.K.* Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore: University Park Press, 1978.
8. *Hodge R., Kress G.* Social Semiotics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988.
9. *Zolyan S.* General sociolinguistics, social semiotics and semiotics of culture – ex pluribus unum? Forty years after Language as Social Semiotic. Sign Systems Studies. 2019. 47(3/4). P. 400–419
10. *Hodge R, Kress G.* Language as Ideology. London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1979.
11. *Voloshinov V.* Marxism and the Philosophy of Language. (Matejka, L; Titunik, I., trans.). New York: Seminar Press, 1973 [1929].
12. *Lindstrand Fredrik.* Interview with Gunther Kress // Designs for Learning. 2008. №1/2. P. 60–71.

РОЖДЕНИЕ РЕНЕССАНСНОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ ИЗ ДУХА НАЦИОНАЛИЗМА И РУИН ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ*

Антон Владимирович Карабыков

*Доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры философии
естественнонаучного профиля*

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

E-mail: meavox@mail.ru

Исследуется система вер и допущений, лежавшая в основе историко-лингвистических построений творцов ренессансной компаративистики, а также заданные ею способы и инструменты доказательства исторического первенства и относительного онтоэпистемического совершенства того или иного языка. Доказывается, что, несмотря на всё многообразие вариаций их использования, эти способы и средства были в целом универсальными. К ним относилось обращение к спектру мифоисторических нарративов, бытовавших в западноевропейской культуре XVI–XVII вв., из которых учёные этого толка порой создавали свои конструкции, отвечавшие их идеологическим целям. Кроме того, эти способы включали использование богатого арсенала средств гуманистической экзегезы и этимологии.

Ключевые слова: история лингвистической мысли, теории лингвогенеза, этимология, кратилизм, Книга Бытия, язык Адама

THE BIRTH OF THE RENAISSANCE COMPARATIVISM FROM THE SPIRIT OF NATIONALISM AND THE RUINS OF BABEL*

Anton V. Karabykov

DSc in Philosophy, CSc in Philology

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

E-mail: meavox@mail.ru

The aim of the article is to explore the set of beliefs and presumptions underlying historico-linguistic constructions of the creators of the Renaissance comparativism as well as the modes and means of substantiating historic priority and relative onto-epistemic perfectness of a given language determined by that set. It is argued that despite a vast diversity of variations of their usage those modes and instruments were universal at large. They included recourse to a spectrum of mytho-historic narratives current in the West-European culture of the 16th–17th cc. from which many scholars of that sort built sometimes new original schemes matching their ideological goals. Besides, those means supposed employment of a rich arsenal of tools of humanistic exegesis and etymology.

Keywords: history of linguistic thought, theories of language origin, etymology, cratyism, Genesis, language of Adam

Накануне Нового времени в западноевропейской культуре вместе с рефлексией над эпистемологическим и эстетическим качеством языка усиливалась критика последнего. В результате язык приобретал новый – “пониженный” – статус рабочей гипотезы, а не абсолютной формы мышления о мире, как прежде. В то же время сохранялась вера, что бытийная граница между языком и действительностью не абсолютна и в принципе преодолима. Этой верой был вдохновлён адамический проект XV – 1-ой половины XVII вв., нацеленный на обретение совершенного языка Эдема. Не являясь – по крайней мере, всецело – искусственной системой произвольно и условно установленных знаков, этот праязык (Ursprache), на взгляд многих в ту эпоху, был непосредственно причастен к структуре мироздания, так как имел своё основание

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00601 ««Книга Природы» в контексте герменевтических стратегий Возрождения и раннего Нового времени».

* Research for this work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 18-011-00601 «The "Book of Nature" in the Renaissance and early modern hermeneutic strategies».

в природе самих вещей и/или отличался эпистемологическим совершенством, позволявшим схватывать и выражать их сущность наиболее полным и точным образом. По этой причине, как думали многие эзотерики, данный язык обладал способностью к прямому воздействию на бытие и мог служить первостепенным орудием магии.

Адамический проект представлял собой комплекс идей и воззрений вкупе с заданными ими стратегиями и основывался на специфичной системе вер и презумпций. В неё входили устремлённость “к истокам” (*ad fontes*), пиетет перед “древней мудростью” (*prisca sapientia*), которой владели праотцы, запечатлевшие её в праязыке, и которая сохранялась тайно в земной истории, доверие библейским и языческим нарративам, а также кратилизм – воззрение, изображавшее мир как систему вещей, а язык как систему имён и утверждавшим их исконное соответствие. В согласии с кратилизмом лексические значения (в их изначальном виде) проистекали из самой сущности вещей и между словом и означаемым существует исконная органическая связь. Чаще всего она теряется в процессе изменения языка, однако может быть воссоздана с помощью этимологии [1, р. 97]. Другим – исходным – компонентом этой системы был средневеково-ренессансный антропоцентризм, с соответствии с которым мир представлялся созданным по преимуществу для человека неким антропомерным образом, позволявшим “считывать” знание с “поверхности” природы.

Схему развития адамического проекта можно представить следующим образом: начавшись с доказательства первичности определённого языка (стратегия I “*обосновать*”), он прошёл в своей истории через точку поисков знаковой системы Адама (стратегия II “*найти*”) и завершился разделением на двух – мистическом (стратегия III “*принять*” в качестве дара свыше) и рационалистском (стратегия IV “*создать*” искусственную замену) путях. Оба последних направления строились на представлении о том, что первоначальный язык всецело потерян и не может быть восстановлен – по крайней мере, человеческими усилиями [2].

В этой статье речь пойдёт о поисках первоначального языка, составивших содержание одного из направлений второй стратегии (“*найти*”). Оно было связано с историко-сопоставительным исследованием языков, главную роль в котором играла традиционная этимология. Полем для поисков праязыка служили здесь доступные языки и тексты, где, как считали приверженцы этой линии, “*рассыпаны осколки*” *Ursprache*, из которых – при наличии верных метода и теории – можно воссоздать целое. Рассматриваемые в ретроспективе, этот тип исследований и соответствующая стадия в истории науки о языке обычно именуется предкомпаративизмом (*precomparativism*) [3, р. 5–6]. Ещё их можно охарактеризовать как “*мифолингвистика*”, понимая под этим термином такой подход к изучению языка, который был непосредственно обусловлен системой мифоисторических воззрений и в конечном счёте служил обоснованию её истинности. Дело в том, что это направление крайне редко осуществлялось в чистом виде. Те, кто чаял подойти к первоязыку через существующие наречия, как правило, привлекали элементы стратегии I, образуя комплекс “*найти, чтобы обосновать*”. В своих исследованиях они руководствовались определённой мифоисторической схемой. В соответствии с нею, чаще всего им был известен не праязык как таковой, а некий ближайший его отпрыск, генеалогически связывавший с ним все позднейшие наречия. И главной заботой этих учёных был поиск позитивных лингвистических данных, которые бы подтверждали правильность этой схемы. Тем, что нужно было доказать прежде всего, являлось наличие у “ближайшего отпрыска” уникальных черт, которые сближали его с *Ursprache* и отличали от всех остальных наречий.

Как именно строилось это обоснование? Во-первых, считалось существенным найти элементы языка-претендента в других наречиях. Чаще всего это делалось так, что слову из языка-конкурента давали “более удачную” этимологию в терминах претендента, который тем самым получал на него родительские права. Во-вторых, было нужно показать фундаментальную мотивированность слов своего протеже, проливающую свет на существенные свойства их референтов. В-третьих, стремясь вскрыть внутреннюю форму разбираемых слов, некоторые этимологи дробили их на слоги, которые трактовались в качестве первоимён языка-претендента, исполненных глубокого смысла. В качестве иллюстрации рассмотрим пример того, как фламандский гуманист Горопий Бекан (1519–1572), учивший, что *Ursprache* сохранился в его материнском наречии, “доказал” исконно фламандский характер слова “*Адам*”, якобы унаследованного ивритом. Он раздробил имя праотца на два этимона: «*hat*» и «*dam*», означавшие во фламандском «*ненависть*» и «*дамбу*», соответственно.

Прочитывая их вместе как «дамба для потоков ненависти», Бекан усматривал в этой фразе многозначительное знамение, о котором не подозревали иудеи: «Это было наилучшее увещание для Адама, [заклочённое в самом] его имени, чтобы он твёрдо противостоял ненависти змия, подобно дамбе, о которую сокрушаются волны океана» [4, р. 539].

Говоря о формах, в которых воплощался комплекс «*найти, чтобы обосновать*», отмечу, что в зависимости от того, какой язык (или языковая группа) избирался на роль претендента, они делились на гебраистскую и ряд националистских вариантов. Самыми востребованными из последних были скифская, тевтонская и кельтская формы, причём кельтская чаще всего соединялась с первой или второй, образуя скифо-кельтскую и кельто-германскую версии [5, р. 52–53]. С точки зрения степени близости к *Ursprache* все формы можно разделить на два – «сильный» и «слабый» – типа. «Сильный» тип был маргинальным. Он означал, что иврит или язык одной из европейских наций в его современной или, чаще, древней форме считался адамическим в строгом смысле – как язык Рая, не повреждённый ни грехопадением, ни Вавилонским смещением, ни какой-либо другой катастрофой или естественной мутацией. В «слабых» же формах, которые явно преобладали, любой кандидат не мог рассчитывать на роль первоизданного. Ибо считалось, что как таковой *Ursprache* утрачен и неизвестен, так что тот или иной язык мог претендовать лишь на статус его ближайшего прямого «потомка», сохранившего максимум адамических свойств. Кроме того, все «слабые» националистские формы дифференцировались на том основании, какой сценарий возникновения и развития многоязычья в них подразумевался. С одной стороны, имелось крыло эволюционизма, учившее о постепенном и естественном ходе языковых изменений, с другой – крыло катастрофизма, которое основывало свой взгляд на библейском свидетельстве о Вавилонском смещении (Быт. 11.1–9) и учило о чудесно-симультанном возникновении нескольких или даже всех основных языков.

Каким бы, естественным или чудесным, ни признавалось появление разноязычья, оно дало ход последующей мутации, естественный характер которой признавали все филологи XVI–XVII вв. Вместе с тем эти учёные считали, что темп и сила исторических изменений различались в отношении конкретных семей языков и отдельных наречий. Помещённые в ретроспективу, существующие языки представлялись им по-разному удалёнными от адамического или, в случае катастрофистов, вавилонского первоисточка. Говоря более точно, все работавшие в рамках комплекса «*найти, чтобы обосновать*» проводили различие между одним (и реже двумя или несколькими) языковой семьей или языком и остальными наречиями. Эта привилегированная группа или язык составляли исключение из правила универсальной мутации. Суть их особенности известна нам из мифоисторических нарративов, созданных для её подтверждения. Она состояла в том, что из-за долгой, беспримерно долгой территориальной и культурной изоляции, которой неким случайным или промыслительным образом подвергся данный народ, его языку посчастливилось сохранить в наиболее чистом виде свою первоизданную форму, будь то эдемский (в «сильных» версиях) или один из вавилонских праязыков (в «слабых» версиях катастрофистов). Интеллектуальный спрос на такие концепции длительной автономии был весьма высок в ренессансной Европе [6, р. 108–109]. Мотивы такой востребованности известны. В отношении гебраизма это доверие мифоисторическому нарративу, восходившему к латинским Отцам Церкви: Августину, Иерониму и т.д., – а относительно националистских форм это прежде всего рост национального самосознания западных интеллектуалов. Они питали оживлённый интерес к прошлому своих народов, стремясь доказать их древность, благородство и особую важность их исторических судеб. Благодаря усилиям этих учёных стал переосмысляться культурно-исторический статус европейских языков. Обретавшие литературную форму, подвергавшиеся первым опытам нормализации, они становились объектом, достойным научного исследования и художественной культивации. Арсенал средств, созданный гуманизмом в сфере классической филологии, теперь переносился в эту новую область. Такая работа была тем более актуальной, что возрождение классической, заведомо мёртвой латыни делало этот язык всё менее пригодным для коммуникации, что повышало ценность народных наречий.

На протяжении XVII в. европейская компаративистика медленно освобождалась от обусловленности теологией и всей «системой координат» ренессансного мышления. Приобретали влияние концепции, которые, говоря в терминах адамического проекта, являлись всё более «слабыми». Вместе с тем в истории языкознания роль библейского нарратива не была негативной. Открывая простор для множества толкований, сюжеты Бытия

питали лингвистическую мысль эпохи и ускоряли появление новых гипотез, многие из которых представляли собой первые наброски индоевропейской теории.

Литература

1. *Anderson J.H.* Words that matter: Linguistic perception in the English Renaissance. Stanford: Stanford University Press, 1996. 340 p.
2. *Карабыков А.В.* «И нарек человек имена...»: стратегии воссоздания адамического языка в культуре Ренессанса // Человек 2014. № 5. С. 114–131.
3. *Van Hal T., Van Rooy R.* Editors' introduction // Metcalf G.J. On Language Diversity and Relationship from Bibliander to Adelung. Ed. by T. Van Hal and R. Van Rooy. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 1–10.
4. *Goropius Becanus* Origines antwerpianae, sive Cimmericorum becceselana novem libros complexa. Antwerp: Plantinus, 1569. 1058 p.
5. *Travoni M.* Western Europe // Lepschy G. (ed.) History of Linguistics. Volume III: Renaissance and Early Modern Linguistics. London, New York: Routledge, 2014. P. 2–108.
6. *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2008. 393 p.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБОСНОВАНИЯ «НАУК О ДУХЕ»

Вера Александровна Лобастова

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

E-mail: beshent@bk.ru

Вера Анатольевна Серкова

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Критическое состояние научного мировоззрения приводит к духовному кризису европейского и не только европейского человечества, который проявляется в бурном росте и повсеместном распространении социальных болезней, в отказе от самостоятельного поиска смысла человеческой жизни, ее предназначения, места и роли в существующем мире. Способность науки к адекватной самооценке и кардинальному самообновлению заложена, по мнению Эдмунда Гуссерля, в глубинной сущности философской рациональности как таковой. Преодоление укоренившихся предрассудков и скрытых предустановок натуралистического объективизма раскрывает перед научным разумом новые горизонты, открытые к пониманию подлинного смысла природы человеческого бытия, а также к постоянному поиску живого диалога и устойчивого и убедительного консенсуса, обретаемого в контексте многовариантных способов конституирования intersubъективного мира и его системных и противосистемных интерпретаций.

Ключевые слова: кризис научного мировоззрения, установки сознания, феноменологический метод, Гуссерль

THE TRANSCENDENTAL PHENOMENOLOGICAL METHOD OF SUBSTANTIATING THE “SCIENCES OF THE SPIRIT”

Vera A. Lobastova

CSc in Philosophy, Associate Professor

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

E-mail: beshent@bk.ru

Vera A. Serkova
DSc in Philosophy, Professor
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
E-mail: henrypooshel@rambler.ru

The critical state of the scientific worldview leads to a spiritual crisis in European and not only European humanity, which manifests itself in the rapid growth and wide spreading of social diseases in the rejection of an independent search for the meaning of human life, its purpose, place and role in the existing world. The ability of science to adequate self-esteem and cardinal self-renewal is, according to Edmund Husserl, inherent in the deep essence of philosophical rationality as such. Overcoming the deep-rooted prejudices and hidden precepts of naturalistic objectivism opens up new horizons for a scientific mind open to understanding the true meaning of the nature of human existence as well as to the constant search for a lively dialogue and a stable and convincing consensus gained in the context of multivariate ways of constituting an intersubjective world and its systemic and anti-systemic interpretations.

Keywords: the crisis of the scientific worldview, mindset, phenomenological method, Husserl

В конце девятнадцатого века духовное состояние европейского человечества оценивалось многими философами того времени как критическое. Эдмунд Гуссерль в своем выступлении «Кризис европейского человечества и философия» (так называемом Венском докладе, который состоялся в 1935 году) поставил перед философией первостепенную задачу, имеющую радикальное значение для осознания и оценки результатов и достижений науки на протяжении всего многовекового развития. Цель Гуссерля - выявить истоки и причины духовного кризиса в европейской культуре и наметить пути его возможного преодоления.

Духовный кризис европейского человечества отчетливо проявился в критическом состоянии научного мировоззрения. Наука оказалась неспособной соответствовать своей фундаментальной задаче «создания осознавшего свою судьбу и самоудовлетворенного человечества» [1, с.653]. Духовное основание европейского человечества оказалось скрытым для науки, несмотря на очевидные успехи научного разума в изучении природы и революционные прорывы в области технических разработок. В человеческом обществе повсеместно распространяется чувство беспомощности, участились вспышки социальных болезней, вызванных общечеловеческими противоречиями. Такие потрясения глобального характера привели к утрате веры в существование смысла и назначения человеческого бытия.

Именно философии, заложившей основы науки как феномена человеческой культуры, Гуссерль отдает предпочтение для осуществления трудной, но весьма важной исторической миссии. Наделяя философию социально-историческим статусом «архонта всего человечества» [1, с. 652], Гуссерль обращает внимание на ее глубинный и мощный потенциал, заложенный еще в истоках древнегреческой рациональности.

Философия представляет собой культурно-историческое образование, в рамках которого выдвигается целостное понимание мира как «всеохватного единства всего сущего» [1, с. 634]. Своеобразие философской мысли традиционно понимается как стремление к мудрости, как бескорыстное служение истине, которое со всей допустимой полнотой раскрывается в адекватном понимании сущего как такового, а не как чего-то существующего само по себе. В понимании отношения с другими многообразными видами сущего постепенно формируется космический характер мировосприятия как упорядоченного единства.

Человек взирает на мир, непосредственно данный ему здесь и теперь, но представляемый в недостаточной полноте и ясности, и поэтому испытывает все более и более нарастающую тревогу и внутреннее беспокойство как за свою жизнь, так и за существование всего мира в целом, от которого она зависит. Чтобы не впасть в иллюзии и защитить себя от возможных ошибок и заблуждений, человеческое существо нуждается в нормативном руководстве, соответствующем его сущности, которое и обретает в очевидном самополагании своего собственного разума. Идея мира, как и множество других идей, важных и значимых для подлинного осмысления сущего в его целостности, является результатом творческой активности разума.

Изначально человеческая жизнь развертывалась в русле исторически стихийно

сложившейся естественной установки, которая может быть понята как позиция «здорового смысла», в котором окружающий мир представляется «миром мифической апперцепции». В процессе своего становления философия выдвигает теоретическую установку в качестве универсальной направленности жизненного интереса к постижению всего мира. Будучи не первоначальной, теоретическая установка стремится преодолеть ставшую традиционной естественную установку, используя для этого свои преимущества, прежде всего состоящие в универсальном и критическом способе мышления.

Естественной, сугубо практической установке противопоставляется теоретическое созерцание мира как такового, в сознании человека разворачивается незаинтересованное наблюдение, полностью пренебрегающее индивидуально практическими устремлениями: «человека охватывает страсть к созерцанию и познанию мира, свободная от всяких практических интересов, и в замкнутом кругу познавательных действий и посвященного ей времени преследуется и творится не что иное как чистая *theoria*» [1, с. 646]. Чистая теория развивается в контексте универсального познания целого мира, который теперь уже становится бесконечной задачей научного разума. В рамках теоретической установки сознания идеи, всецело отличные от реально существующих вещей, представляют собой чистый продукт универсального разума. А сама наука становится «идеей бесконечности задач, постоянно исчерпывающих конечное и сохраняющих его непреходящую значимость» [1, с. 637].

Среди множества рациональных идей наиболее фундаментальной в гносеологическом отношении становится идея истины. В философском дискурсе идею истины, на которую ориентировано научное познание, Гуссерль интерпретирует как «идею абсолютной адекватности». Соответственно безусловная и неизменная в своем идеальном смысле истина сможет гарантировать объективное, ни от кого не зависимое и ничем не обусловленное знание, тогда как мнение выражает всего лишь традиционную истину повседневной жизни, протекающей в практическом русле проб и ошибок. Цель критического разума состоит в требовании соответствия конкретной жизни человечества идеальным нормам объективной истины. Чистая идея разума становится нормативной как желаемая цель, как особого рода бесконечный идеал.

Своего окончательного оформления научная рациональность достигает в Новое время. Из наиболее важных принципов, характерных для научной деятельности как таковой, Слинин Я.А. выделяет «единство метода исследования, единство подхода к предмету исследования, единство мировоззрения» [3, с. 365]. Посредством математических идеальных понятий в конкретных природных явлениях выявляется безусловно всеобщее в отдельных элементах и их отношениях друг с другом. В математически точном естествознании формируется единство мира природы благодаря пространственным, временным и каузальным соотношениям. Наглядный окружающий мир через материальную идеализацию становится объективным, самостоятельно существующим и противопоставляется субъективно обусловленным представлениям о мире.

Так формируется идеальная модель замкнутого в себе природного мира. Объективный мир, понимаемый как трансцендентно существующий универсум, охватывающий все многообразие действительного и возможного сущего в нем, дан заранее любого опыта созерцания в бытийной достоверности как само собой разумеющееся. Да и сам созерцающий субъект принадлежит миру как объект наряду с другими объектами, существующими здесь и там в безграничном поле окружающего мира. Такая естественнонаучная рациональность определяется Гуссерлем как натуралистический объективизм [1, с. 661].

Сущность духа субъективна, а чистая и универсальная наука о духе должна иметь основание в имманентном опыте чистого сознания, который может быть обнаружен благодаря трансцендентально феноменологическому методу, в основе которого лежат многоуровневые процедуры феноменологических редукций. Конституирующий импульс сознания расширяется и на интересующий опыт, формирующийся в процессе коммуникации между различными субъектами. Предметом социогуманитарных наук становится исследование личной и общественной жизни, которая разворачивается в историческом единстве и созидает системно организованные культурные образования, такие как миф, религия, наука, искусство и другие.

Литература

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии.

Философия как строгая наука. Мн., М., 2000.

2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб, 2004.

3. Слинин Я.А. Кризис европейского человечества: в чем он состоит и какие средства предлагает Эдмунд Гуссерль для его преодоления // Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб, 2004.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИГНИФИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Дмитрий Сергеевич Моисеев

Кандидат философских наук, член Российского философского общества,

член Русского общества истории и философии науки

E-mail: dmitry.s.moiseev@gmail.com

В докладе рассматривается проблема определения политических сигнификаций и политических спектров. Классические критерии разделения на «левых» и «правых», идущее со времён французской революции, во многом утратили смысл в современном мире. В рамках академического сообщества был высказан ряд предложений, согласно которым фундаментальными для определения полярно различных политических убеждений признаются различные экономические, психологические, социологические факторы. Автор обращается к сформулированным в последние десятилетия подходам к категоризации политических убеждений, после чего предлагает собственное видение ключевых факторов, определяющих ту или иную политическую позицию как относящуюся к «правому» или «левому» идеологическому спектру.

Ключевые слова: философия, политология, политическая онтология, политические сигнификации, «правые», «левые»

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF IDENTIFYING POLITICAL SIGNIFICATIONS IN THE MODERN WORLD

Dmitry S. Moiseev

CSc in Philosophy, Member

Russian Society for History and Philosophy of Science

E-mail: dmitry.s.moiseev@gmail.com

The article focuses on the problem of identifying political significations and political ideological spectres. Classic criteria of the “Right-Left” opposition as specified in the times of the French revolution can hardly be applied to the contemporary world. A number of positions was formulated within the modern academic community. According to these, the fundamental factors defining a political position as either “Right” or “Left” are the ones of economic, psychological and sociological nature. This article covers some positions formulated during the last decades. In the end, I claim my own version of the key factors which should be used for categorizing a political position as either “Right” or “Left”.

Keywords: philosophy, political science, political ontology, political significations, “the Right”, “the Left”

Академические дискуссии о соотношении ключевых политических сигнификаций – разделения на «правых» и «левых» – имели место на протяжении всего XX века и продолжают в наши дни. Указанное разграничение, которое можно считать классическим для политической теории и отражающее сущностный смысл этого глубинного идейно-политического противостояния, пошло со времён французской революции, в начале которой в парламенте слева располагались сторонники республики, отмены сословности и разделения церкви и государства, а справа – сторонники монархии, аристократии и официальной государственной религии. Так было положено начало теоретической работе, в соответствии

с которой сторонников «прогрессивных» взглядов стали именовать «левыми», а консервативных – «правыми».

Представляется очевидным, что подобное разделение идейно-политического спектра в значительной степени утратило свою силу применительно как к современной политической философии, так и к реальной политике в мире, сформировавшемся после 1945 года. Поэтому возникает вопрос как об актуализации политических сигнификаций, так и о самих принципах разделения различных групп идеологий на политические спектры. По нашему мнению, дихотомия между «правым» и «левым» имеет фундаментальный характер и представляет собой основу политико-социальных разделений; её научный анализ и понимание сути оппозиций, заложенных в этих противоположных подходах к политическому, позволяет теоретически упорядочить имеющееся разнообразие идеологических конструкций.

Наиболее общепотребимым и стандартным (и, следует признать, наиболее упрощённым) является разделение, согласно которому полярность «левого» и «правого» выглядит следующим образом: «революция против существующего порядка; бесправные против властвующих; трудящиеся и интеллектуалы против фермеров и богачей; порядочность против силы денег; свобода против тирании; наука и прогресс против мракобесия и консерватизма» [Bienfait, van Beek, 2001: 170]. С данной точкой зрения, наиболее популярной в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны, однако заметно идеологизированной, активно полемизируют сторонники иных подходов, предлагающих другие маркеры для определения основополагающих противоречий. К примеру, популярен подход, сводящий основополагающее политическое разделение к феноменам экономического порядка, ввиду чего «правым» признаётся стремление к свободному рынку, а «левым» - убеждение в необходимости государственного вмешательства в экономику [Lambert, Curtis, Brown, Kay, 2011-2012]. В марксистских терминах, «левым» в данном случае признаётся «социалистический» уклад, а «правым» - «капиталистический» [Lukes, 1990: 571].

Ученые, придерживающиеся иной точки зрения, наиболее важной для определения политических сигнификаций считают приверженность индивидов различным группам ценностей, во многом предопределённых психологически: к примеру, «преодоление тревоги перед будущим путём избегания перемен и сохранение *status quo* – это «правое», а стремление к воплощению ценностей всеобщего благосостояния, равенства и защиты природы – «левое» [Piurko, Schwartz, Davidov, 2011: 558]. Некоторые социологи вовсе выводят «правую» и «левую» политические ориентации как личные предпочтения, следующие из особенностей характера индивидов: «Люди с «левыми» электоральными предпочтениями обычно более открыты, креативны и любопытны, а с «правыми» – более совестливы, устремлены к традиционным ценностям и обладают лучшей самоорганизацией» [Zuell, Scholz, 2015: 35]. Подобный подход размывает смысл изначального представления о политических сигнификациях как об экзистенциально важных для индивидов ценностных позициях – в последние десятилетия некоторыми мыслителями прямо утверждается, что всякие политические сигнификации потеряли смысл (см., к примеру, [Jost, 2009]).

Наконец, в рамках политической теории имеет место позиция, согласно которой ключевое значение для теоретического осмысления политических сигнификаций имеет степень радикальности убеждений индивидов, являющихся сторонниками того или иного полюса. Иными словами, убеждения людей умеренных взглядов, будь они «правыми» или «левыми» по приверженности ценностям, сходятся в точке защиты установленного политического порядка, институтов и процедур, а радикалы как «правого», так и «левого» толка близки друг другу в бескомпромиссной борьбе против некоего «установленного миропорядка» [McClosky, Chong, 1985].

Представляется, что разделение политических позиций по экономическим, психологическим и социологическим критериям нельзя признать достаточным, поскольку все перечисленное не учитывает фундаментальные причины политических оппозиций – причины мировоззренческого характера, сужая область политического до уровня *policy*, прикладного социально-государственного менеджмента. Политические убеждения индивида и их проявление в реальном политическом поле являются частью его взгляда на собственную природу, структуру мира и восприятие истории. Потому, на наш взгляд, большую теоретическую силу имеет подход, выводящий политическое из фундаментальных оппозиций философского порядка; в первую очередь – из вопросов онтологического свойства. Оппозиции, которые нам представляется необходимым использовать при отнесении той или иной группы

убеждений к «правому» или «левому» спектру, можно определить следующий образом: 1) онтологическая оппозиция; 2) отношение к равенству; 3) отношение к истории; 4) отношение к рационализации и дифференциации социального.

Первая оппозиция – это *позиция относительно бытия всего сущего*, можно обозначить её как «онтологическую». Любая подлинно «левая» политическая теория исходит из материалистической онтологии (материальный мир, мир видимый, является не только первичным, но и единственно существующим, а человек является продуктом эволюции материального мира), а «правая» – из идеалистической онтологии (постулируется изначальное и первичное духовное начало, лежащее вне материального мира). Идеалистическая онтология правой политической теории может быть дана в различных формах – это может быть приверженность тем или иным религиозным принципам, некое оккультное содержание или подвид спекулятивной идеалистической философии. Онтологический аспект является первичным, поскольку от того, как мы мыслим мир как таковой и себя в мире, зависит то, как мы осмысливаем общество, государство и природу власти.

Вторая оппозиция, которую можно считать не менее фундаментальной – это *отношение к равенству*. Левая политическая теория исходит из принципов эгалитаризма, иными словами – из сущностного равенства всех людей, которое, в зависимости от степени радикальности воззрения, распространяется на различные сферы: экономическую, политическую, правовую. В конечном итоге, это сводится к восприятию равенства как чего-то экзистенциально присущего и неотъемлемого. Правой политической теории, напротив, присущ сущностный элитаризм. Он может быть задан в форме нормативного постулирования неравенства как чего-то положительного и правильного (к примеру, мы видим подобный подход в политическом измерении традиционализма (Ю.Эвола, Р.Генон), либо в форме восприятия неравенства как чего-то эмпирически данного и присущего любой политической конструкции вне зависимости от этического отношения к данному социальному факту (к примеру, как это приводится в элитаристской социологии Г.Моска, Р.Михельса и В.Парето).

Третья принципиальная оппозиция – это *отношение к истории*. Любая сущностно «левая» теория исходит из понимания исторического как бесконечного прогресса («от тьмы прошлого к свету будущего») и эволюции («от более диких, упрощенных и первобытных форм к более «цивилизованным», сложным и совершенным»), как постепенного разворота к справедливости – от всевозможных форм дискриминации к установлению более честных, непредвзятых и справедливых (с точки зрения упомянутых выше представлений о стремлении к равенству) во всех отношениях формаций. В отношении «правой» теории распространен циклический, нелинейный подход к истории – постулируется её движение по некоей спирали, все формы которой имеют циклы, начинающиеся с рождения и заканчивающиеся смертью (мы можем видеть это у Ф.Ницше и О.Шпенглера).

Четвёртая фундаментальная оппозиция – это *отношение к рационализации и дифференциации социального*. В «левых» теориях социальный универсум, как правило, предстаёт чем-то, что следует оптимально, эффективно, механически организовать. Качественные аспекты социального зачастую отвергаются; на первый план выходят аспекты количественные. Индивиды как правило предстают атомарными субъектами, распространен детерминизм. В «правых» теориях социальным идеалом всегда является иерархическая органическая общность. Ввиду элитаристских тенденций, указанных выше, «правая» социальная философия не придаёт исключительного значения представлениям о равенстве, ввиду чего в идеале «правого» спектра всегда присутствует строгая иерархия и некая кастовость.

Приведенная выше модель отражает скорее «идеальные типы» «правой» и «левой» позиций, поскольку в пространстве реальной политики зачастую довольно затруднительно определить ту или иную идеологическую платформу как «чисто правую», соответствующую 4 «правым» критериям из 4, или «чисто левую». Вместе с тем, применяя подобный подход к политико-идеологическим разделениям, представляется проще определить склонность конкретной идеологии к одному из идейных полюсов.

Применяя подобное разделение к существующим в современном мире политическим силам, следует отметить, что позиция, которую мы определяем как «правую», является маргинальной; как на Западе, так и на Востоке она практически не выражена в организованных политических движениях, действующих в рамках существующего политического поля, что говорит о значительном доминировании убеждений «левого» толка в современном мире.

Вместе с тем, «правая» позиция продолжает играть некоторую роль в интеллектуальной политической среде и также имеет своих выразителей среди наших современников (А.Де Бенуа, Т.Сунич).

Литература

1. *Jost J.T.* «Elective Affinities»: On the Psychological Bases of Left-Right Differences // *Psychological Inquiry*. 2009. Vol. 20, No. 2/3. P. 129-141.
2. *Bienfait H.F., van Beek W.E.A.* Right and Left as Political Categories. An Exercise in «Not-so-Primitive» Classification // *Anthropos*. 2001. Bd. 96, H. 1. P. 169-178.
3. *Lambert R.D., Curtis J.E., Brown S.D., Kay B.J.* The Left/Right Factor in Party Identification // *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie*. 1988. Vol. 13, No. 4. P. 386. См. также Goodheart E. Individualism versus Equality // *Salmagundi*. Fall 2011-Winter 2012. No. 172/173. P. 142-157
4. *Lukes S.* Socialism and Capitalism, Left and Right // *Social Research*. 1990. Vol. 57, No. 3. P. 571-577.
5. *Piurko Y., Schwartz S.H., Davidov E.* Basic Personal Values and the Meaning of Left-Right Political Orientations in 20 Countries // *Political Psychology*. 2011. Vol. 32, No. 4. P. 537-561.
6. *Zuell C., Scholz E.* Who is Willing to Answer Open-ended Questions on the Meaning of Left and Right? // *BMS: Bulletin of Sociological Methodology – Bulletin de Méthodologie Sociologique*. 2015. No. 127. P. 26-42.
7. *McClosky H., Chong D.* Similarities and Differences between Left-Wing and Right-Wing Radicals // *British Journal of Political Science*. 1985. Vol. 15, No. 3. P. 329-363.

ДЕМИФОЛОГИЗИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕНЬГАХ)*

Антон Павлович Никитин

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
E-mail: nikitinanton5891@gmail.com*

Проблема границ демифологизирующей функции социально-гуманитарных наук заключается в установлении ее конечной цели. Традиционно под демифологизирующей функцией науки подразумевается развенчивание ложных представлений о мире. В социально-гуманитарном знании мифы трактуются более широко, чем просто заблуждения, они признаются частью культуры. В этом смысле борьба с мифами может считаться борьбой с традицией, в которой пребывают сами ученые. Конкретное содержание этой борьбы раскрывается на примере демифологизации представлений о деньгах. Охарактеризованы основные направления демифологизации образа денег, сложившиеся в экономике, социокультурной антропологии, социальной психологии и социологии. Реализация демифологизации во всех этих направлениях привела бы к идеологическим искажениям, отказу от традиционных практик использования денег, отказу от их метафизического и этического осмысления..

Ключевые слова: демифологизация, миф, социально-гуманитарные науки, ритуал, этическая оценка, метафизика денег

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-1519.2019.6

**THE DEMYTHOLOGIZING FUNCTION OF THE SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES: THE PROBLEM OF BORDERS
(ON THE EXAMPLE OF THE DEMYTHOLOGIZATION OF IDEAS ABOUT MONEY)**

Anton P. Nikitin

CSc in Philosophy, Assistant Professor

Katanov Khakass State University

E-mail: nikitinanton5891@gmail.com

The problem of borders of the demythologizing function of the social sciences and humanities is to establish its final purpose. Traditionally, the demythologizing function of science means the debunking of false ideas about the world. In social sciences and humanities, myths are interpreted more widely than simply delusions, they are recognized as a part of the culture. In this meaning, the struggle against myths can be considered a struggle against tradition, which the scientists themselves belong to. The specific content of this struggle is revealed on the example of the demythologization of ideas about money. These are characterized the main directions of the demythologization of the image of money that are prevailing in the economics, cultural anthropology, social psychology and sociology. The implementation of demythologization in all these directions would lead to ideological distortions, a rejection of the traditional practices of using of money, rejection of their metaphysical and ethical comprehension.

Keywords: demythologization, myth, social sciences and humanities, ritual, ethical assessment, metaphysics of money

При рассмотрении демифологизирующей функции науки обращает на себя внимание то обстоятельство, что она реализует себя по-разному в «науках о природе» и в «науках о духе». Для естественных наук демифологизация общественного сознания – важная часть работы ученого, который развенчивает ложные представления об устройстве природы. Без преувеличения можно сказать, что ложных представлений в обыденной физической картине мира не меньше, чем в обыденных знаниях об обществе и духовной жизни человека. В этом аспекте особенно выделяются медицинские знания, поскольку медикам с трудом удается получить положительный результат в их борьбе с заблуждениями обывателей по поводу различных способов лечения. Размах народной медицины и знахарства, распространение лечебных средств, эффективность которых экспериментально не подтверждается, – отчетливые проявления мифологизации общественного сознания, что в принципе является устойчивой тенденцией для всего глобального сообщества, а не только для России.

Распространение заблуждений в области медицинских знаний можно объяснить их значимостью в повседневной жизни, однако мифы существуют практически во всех сферах научного знания, как только оно выходит за рамки социального института науки (хотя и внутри него находятся те, кто использует эзотерические способы приобщения к истине, ищет Шамбалу, устанавливает энергетическую связь с Космосом и т.д.). Вместе с тем, для естествознания (в его самом широком смысле) характерно несколько «однобокое» понимание мифа, который фактически отождествляется с заблуждением или ложью. Понимаемый в таком ключе, миф теряет всякую продуктивность. Поэтому неудивительно, что представители естественных наук получают свою долю критики за негативное отношение к мифам со стороны философов, чему яркими примерами являются работы П. Фейерабенда [1], К. Хюбнера [2] и других авторов, отстаивающих равноправие различных способов познания мира и несогласных с монополией науки на истину. П. Фейерабэнд, в частности, демонстрирует свое отрицание тезиса о познавательной бесценности мифа следующим образом: «Нельзя забывать, сколькими изобретениями мы обязаны мифам! Они помогли найти и сбросить огонь; они обеспечили выведение новых видов животных и растений, и часто более успешно, чем это делают современные научные селекционеры; они способствовали открытию основных фактов астрономии и географии и описали их в сжатой форме; они стимулировали употребление полученных знаний для путешествий и освоения новых континентов...» [1, с. 138-139].

Если для естественных наук демифологизация – это развенчивание заблуждений, то в социально-гуманитарных науках демифологизация понимается вариативно, поскольку сам миф анализируется в более широком спектре смыслов. Отсюда и возникает проблема границ демифологизирующей функции, которая заключается в вопросе установления, от каких конкретно представлений необходимо «избавить» социально-гуманитарную картину мира и стоит ли вообще это делать. То есть неоднозначным выглядит результат демифологизации, который в упрощенном виде можно было бы сформулировать как торжество истины (как это и трактуется в естествознании). К этому аспекту проблемы прибавляется еще и наличие узкого понимания демифологизации, которое пришло из христианской теологии и означает очищение Откровения от мифологии, архаической космологии и гностического учения об Апокалипсисе (Р. Бультман). Однако, теологическая интерпретация демифологизации не может рассматриваться как универсальная для всех социально-гуманитарных наук, она предназначена только для решения своих специфических задач.

Для того, чтобы проанализировать проблему границ демифологизирующей функции социально-гуманитарных наук более детально, стоит обратиться к конкретным сферам, в которых современная мифология приобрела особую значимость. П.Н. Барышников указывает, что такими сферами являются область политического дискурса, область маркетинга и рекламы, распространение квазинауки и обывательского мистицизма. И в политике, и в продвижении товаров и услуг на рынке, и в новой волне мистицизма и оккультизма прослеживается двуединая тенденция – это «сакрализация повседневности» и «обмирщение сакральных ценностей», на стыке чего и функционирует современная мифология [3, с. 183] (где под сакральным понимается то, что имеет отношение к иррациональному и мистическому). Мысль о том, что миф создается и живет на основе совпадения сакрального и профанного, прослеживается и в работе К. Хюбнера: «Нельзя сказать, что миф и жизненный мир идентичны друг другу, поскольку первый относится к священной, а второй – к профанной реальности. Однако вообще-то они совпадают друг с другом, поскольку оба определяют повседневное отношение человека к природе и другим людям» [2, с. 251]. Переплетение мирского и мистического выражается в широком распространении таких мифологем, как «Мировое зло», «Демонические силы», «Рай на Земле», «Священная история» и т.п.

Однако современное мифотворчество не ограничивается вышеперечисленными областями. «Мифологический ренессанс» свойственен, к примеру, историческому сознанию [4, с. 108-113], когда его основные категории (временность, обращение к прошлому, причинность, индивидуальность и тотальность), начинают трансформироваться в свои противоположности. Прошлое начинает перемешиваться с настоящим и будущим, целостная историческая картина распадается на ряд фрагментов, между этими фрагментами легко обнаруживаются аналогии, причинно-следственные связи между историческими событиями либо вовсе исчезают, либо с легкостью реконструируются, стираются временные рамки (исторические эпохи накладываются друг на друга) и т.д. Утверждение, что Сократ является представителем досократической античной философии с позиции рационального исторического дискурса выглядит очевидным абсурдом, но для мифологического восприятия действительности является вполне приемлемым, и уже не всегда вызывает смех в аудитории.

В целом, современную мифологию не стоит трактовать только как искажение действительности в познании человеком мира. Собственно, существование многообразных форм мифов и делает проблематичным осуществление демифологизирующей функции социально-гуманитарных наук. «Мифологию невозможно свести к сумме исторических заблуждений человеческого разума... Миф удовлетворяет потребность в целостном знании о мире, организует и регламентирует жизнь общественного человека,... предписывает людям правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает переживание стрессов» [5]. Если бы социально-гуманитарные науки боролись с мифами на всех уровнях их существования, то эта борьба была бы, по сути, с самой культурой как системой норм, ценностей и жизненных установок.

В качестве конкретного примера такой всеобъемлющей демифологизации обратимся к частному случаю, а именно к демифологизации представлений о деньгах в различных социально-гуманитарных науках. То, что мифология денег в современном мире повсеместно и глубоко укоренена в массовом сознании отдельных обществ и в глобальной культуре говорят как отечественные [6], так и зарубежные исследования [7]. Важно при этом подчеркнуть, что

определение того, что является мифом о деньгах, не выглядит настолько ясным, чтобы ученые могли отчетливо объяснить, с чем они борются, осуществляя демифологизацию.

Во-первых, «прямолинейная» интерпретация мифа как заблуждения в социально-гуманитарном знании существует на тех же правах, что и в естественных науках. Такая трактовка мифа присуща в первую очередь представителям экономической теории. Миф для экономистов определяется весьма просто – это неадекватное отражение экономической реальности. Демифологизация – это устранение неадекватности и построение адекватной картины экономической реальности, за что как раз отвечает экономическая теория, полученные знания которой должны быть широко распространены: «Демифологизации способствует экономическое образование и экономическое воспитание населения, формирование у него экономической культуры» [8, с. 16].

Границы демифологизации в этом случае совпадают с границей, отделяющей адекватное и неадекватное отражение экономической реальности. Как отделить адекватное и неадекватное знание хозяйственной жизни – вопрос, остающийся открытым как для самих экономистов, так и для философов, занимающихся методологией экономических наук. Здесь можно только отметить, что для экономистов это во многом вопрос идеологической позиции, а не только следствие обсуждения эмпирических данных (одни будут утверждать, что успешность децентрализованной эмиссии денег – миф; другие будут утверждать, что мифом является эффективность государственной монополии на эмиссию денег).

Во-вторых, существует особый способ трактовки современного мифа, сложившийся в социокультурной антропологии. В этой трактовке мифы о деньгах связываются с дифференцированным отношением к ним в повседневной жизни и со специфическими практиками их «приманивания» (денежные ритуалы и приметы). Дело в том, что деньги сами по себе являются обезличенным и символическим инструментом экономического расчета, однако в повседневности могут дифференцироваться как материальные предметы. К примеру, люди группируют свою одежду по ее предназначению: одна одежда для выхода на работу, другая для домашнего использования, третья для поездок на дачу и т.д. Такая же дифференциация существует и по отношению к деньгам, они разнятся по множеству критериев [9] (хотя рационально должны восприниматься лишь как количественный инструмент). Кроме того, относясь к деньгам как к физическим предметам, люди используют разнообразные иррациональные способы по их привлечению. Они рассыпают перед домом золу с монетками, заводят «денежное дерево», ни при каких обстоятельствах не оставляют свой кошелек пустым, практикуют так называемую «позитивную психологию» (визуализация богатства) и т.д. В отечественной антропологии проведен ряд исследований, посвященных анализу денежных ритуалов [10], в которых показано, что такого рода мифология широко распространена как среди сельского, так и среди городского населения.

В антропологическом аспекте следовательно демифологизация представлений о деньгах должна преследовать две цели: обоснование того факта, что деньги универсальны и взаимозаменяемы и что денежные ритуалы и приметы не приводят к финансовому обогащению. У реализации и первого, и второго пункта есть свои трудности, основной из которых является очевидное столкновение науки с традицией.

В-третьих, под мифологией денег подразумевается огромное количество смысловых напластований, существующих в философии, литературе и искусстве. Такая позиция отражена в работах Н.Н. Зарубиной, которая, опираясь на методологическую программу Р. Барта, определяет миф денег как вторичную семиотическую систему. Первый уровень этой системы представляет собой реальную предметно-образующую деятельность, второй уровень (миф) является совокупностью высказываний по поводу этой деятельности. «Миф денег возникает, когда над деньгами как реальным компонентом экономической и хозяйственной жизни надстраивается, в семиотическом смысле, огромный пласт оценок, интерпретаций, философских и этических максим, идеологических конструкций и домыслов, имеющих лишь опосредованное отношение к ним» [11, с. 239-240].

В такой трактовке мифа демифологизация образа денег достигает максимально возможных пределов, поскольку должна лишить их каких-либо нефункциональных оценок в принципе. Люди, исходя из повседневного опыта, видят в деньгах то добро, то зло, то бога, то дьявола, то источник счастья, то источник несчастья. Все эти и множество других мифологем так или иначе отражаются в метафизике денег и в художественных образах. Достаточно вспомнить фрейдистскую концепцию денег как символа нечистот или пассажи

В. Пелевина по поводу «бабла» как вселенской энергии, чтобы понять, какая огромная совокупность смыслов существует в человеческой культуре по отношению к деньгам. Избавление от этих смыслов означает формирование «рафинированной» картины денежной экономики, которая запрещает как-либо оценивать себя, а разрешает только принять ее как данность.

Таким образом, демифологизирующая функция социально-гуманитарных наук выглядит проблемой ввиду неясности того, с какими мифами ведется борьба. В позитивистском смысле высказывание «деньги – зло» не является ложью (как раз пример пересечения профанного и мистического), оно просто ненаучно. Если признается мифологическое происхождение такого высказывания, то демифологизации должны быть подвергнуты множество метафизических и этических рассуждений о деньгах. По сути, необходимо отказаться от культурных особенностей, влияющих на интерпретацию экономических и любых других социальных феноменов. Такой радикальный взгляд на демифологизирующую функцию науки вряд ли устроит как обывателей, так и самих ученых.

Литература

1. *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 125-466.
2. *Хюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
3. *Барышников П.Н.* Мифология современности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. № 1 С. 182-189
4. *Чистанов М.Н.* Историческое сознание и социальность. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. 136 с.
5. *Неклюдов С.Ю.* Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2003. С. 17-35
6. *Глузман С.А.* Деньги в мифологическом сознании человека: вчера и сегодня. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 192 с.
7. *Belk R.W., Wallendorf M.* The sacred meanings of money // Journal of Economic Psychology. 1990. № 11. P. 35-67
8. *Горшков А.В.* Экономический миф: сущность, формы, функции // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 19. С. 12-20
9. *Zelizer V.* The Social Meaning of Money: «Special Monies» // American Journal of Sociology. 1989. № 95. P. 342-377
10. Фетиш и табу: антропология денег в России / сост. А. Архипова, Я. Фрухтманн. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2013. 528 с.
11. *Зарубина Н.Н.* Социология денег как демифологизация обыденного знания о деньгах // Вторые давыдовские чтения: сборник научных докладов симпозиума / под ред. И.Ф. Девятко, Н.К. Орловой. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 237-253

ПРИВОДИТ ЛИ РЕЛЯТИВИЗМ К РЕФЛЕКСИВНОСТИ? ОТВЕТ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

Надежда Валерьевна Николина

Кандидат философских наук, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: nikolinanadya@gmail.com

В статье рассматриваются основные аргументы против релятивизма в эпистемологии и философии языка. В эпистемологии и философии языка релятивизм обосновывается как негативный с точки зрения рациональности и объективности. Автор раскрывает позицию исследователей социологии науки и основные аргументы «за и против» по вопросу о возможности рефлексивности в релятивизме. Позиция социологии науки, представленная исследованиями С. Вулгара, предлагает вариант конститутивной рефлексивности, которая может

быть использована в качестве дополнений к отчетам об исследованиях в форме «историй на местах», которые предоставляют «внутреннюю историю» о том, как проводилось исследование. Конститутивную рефлексивность С. Вулгар понимает не в рамках трансцендентальной позиции, как неявные установки, а как интроспекцию – «взгляд изнутри», разновидность самоанализа.

Ключевые слова: рефлексивность, эпистемология, релятивизм, социологическое исследование, наука, интроспекция

DOES RELATIVISM LEAD TO REFLEXIVITY? THE ANSWER OF THE SOCIOLOGY OF SCIENCE

Nadezhda V. Nikolina

*CSc in Philosophy, Associate Professor
National Research Tomsk State University
E-mail: nikolinanadya@gmail.com*

The article discusses the main arguments against relativism in the epistemology and philosophy of language. In epistemology and language philosophy, relativism is justified as negative in terms of rationality and objectivity. The author reveals the position of researchers in the sociology of science and the main arguments for and against the issue of the possibility of reflexivity in relativism. The position of the sociology of science represented by the studies of S. Woolgar offers a variant of constitutive reflexivity, which can be used as additions to research reports in the form of “local stories” that provide an “internal history” of how the study was conducted. S. Vulgar understands constitutive reflection not within the framework of the transcendental position as implicit attitudes but as introspection - “an inside look”, a kind of introspection.

Keywords: reflexivity, epistemology, relativism, sociological research, science, introspection

Распространение релятивизма в эпистемологии связываются с разными теориями и их выводами, например, модель языковых каркасов Р. Карнапа, концепция П. Фейерабенда, эпистемологический и социальный конструктивизмы и другие [1]. «Критикуя радикальный релятивизм, В. А. Лекторский не отрицает множественности в науке, культуре, общественной жизни» [2]. Сложности, возникающие в процессе познания, не всегда приводят к «капканам релятивизма». Плюрализм в концепциях «может быть понят только в рамках антирелятивистской установки» [1, с. 19]. В современных исследованиях включенность субъекта в процесс познавательной деятельности не только как наблюдателя, но и участника природного и социального мира, становится основой для развития эпистемологических концепций. Например, Х. Патнем критикует релятивизм, как бесплодную и несостоятельную методологическую концепцию, так как включенность субъекта приводит к относительности истины [3].

Проблема рефлексивности в философии может быть рассмотрена с двух сторон. С одной стороны, как понятие. В этом случае изучается генезис термина «рефлексивность» в истории философии. С другой стороны, как интеллектуальная способность [4]. В данной статье используется второй подход к исследованию рефлексивности. Особый интерес вызывает вопрос о возможности рефлексии с позиции релятивизма. В философии языка обсуждается два аргумента против релятивизма, связанных с проблемой самореферентности [5]. Оба аргумента были сформулированы Платоном в диалоге «Тэтет». Суть первого состоит в том, что возникает противоречие в случае обращения позиции релятивиста на самого себя. Во второй аргумент был включен опосредованный субъект, высказывания которого должны были привести к тому, что Протагор согласился бы, что его позиция ложна. Логические дискуссии демонстрируют, что вопрос о возможности самореферентности с позиции релятивизма остается нерешенным. Для эпистемологии это означает, что невозможно дать ответ является ли первый аргумент корректным с точки зрения логики. Однако, второй аргумент в опровержении релятивизма обосновывается как более убедительный [5].

Не смотря на то, что в соответствии с концепциями Мертона и Блура рефлексивность должна быть отделена от практического социального исследования, социолог науки С. Вулгар рассматривает аргумент в решении вопроса: в какой степени и в каком смысле релятивизм в социальном изучении науки влечет за собой рефлексивность? [6].

В качестве аргумента предлагается рассмотреть высказывание Грюнберга: «Любое утверждение, согласно которому люди обязательно действуют или верят определенным образом при определенных обстоятельствах, относится к социологу так же, как и к любому другому» [7, р. 322]. Согласно этой формулировке, релятивизм в утверждении, что «люди обязательно действуют или верят определенным образом в определенных обстоятельствах», также относится и к тем, кто это произносит это высказывание (подобную формулировку мы уже встречали в аргументации Платона). Общая цель социальных исследований науки заключается в получении знаний о научной деятельности, иными словами, в том, чтобы изучать человеческие действия, которые включают в себя производство научных знаний. Высказывание - человеческий акт, следовательно, социальное изучение науки является самообращающимся [6].

Данный аргумент для самореференции является основой для аргумента о «вредных» последствиях рефлексивности. Рефлексивность становится проблематичной, когда релятивистская позиция воспринимается как самостоятельная и критическая. Если релятивистский аргумент подразумевает, что человеческие действия или убеждения менее надежны в силу своей специфичности для конкретных обстоятельств, то самореференциальный аргумент также делает утверждения релятивистов менее надежными. Ставя под сомнение адекватность наблюдения, мы одновременно подчеркиваем возможность поставить под сомнение адекватность наших собственных наблюдений. В более общем смысле, одно из возможных последствий применения релятивизма к результатам других исследований состоит в том, что мы поднимаем критические вопросы о нашей собственной исследовательской практике.

Вывод о том, что релятивизм саморазрушителен (в силу своей рефлексивности) в решающей степени зависит от нашей интерпретации различных терминов и положений, которые составляют аргумент. Например, формулировка Грюнберга: «Любое утверждение относится к социологу так же, как и к любому другому» в значительной степени опирается на то, что мы высказываемся одновременно и как человек, и как социолог. В частности, требование самореференции зависит от того, насколько мы видим эквивалентность между этими элементами поведения, которые в других обстоятельствах могут пониматься как разные. Таким образом, мы понимаем рефлексивность в этой формулировке, приравнивая класс действий «человека» к действиям «социолога». Однако в другом контексте мы могли бы признать необходимость подчеркнуть различие между человеком (субъектом) и социологом (аналитиком) [6].

Гибкая интерпретация составных частей аргумента предполагает, что аргумент в защиту того, что релятивизм ведет к рефлексивности, далек от необходимой связи или следствия, предлагаемой некоторыми философскими объяснениями. «Необходимость» этой связи, по мнению С. Вулгара, проистекает из эпистемологического стандарта, навязанного практикам социологов. Другими словами, мы обнаруживаем необходимость связи между релятивизмом и рефлексивностью в силу нашего соответствия определенному набору интерпретаций и эквивалентностей. Очевидно, что большинство релятивизирующих социологов демонстрируют презрение к принуждению к логическим последствиям: они продолжают практиковать релятивизм без учета его саморазрушительных последствий.

Таким образом, гибкая интерпретация, связанная с философской связью между релятивизмом и рефлексивностью, имеет три важных следствия:

1. Это позволяет отрицать, что релятивизм ведет к рефлексивности. Например, если предположить, что человеческие действия социолога-аналитика имеют иной порядок действий, чем человеческие действия, вовлеченные в производство научных знаний. Идея о том, что релятивизм приводит к рефлексивности, таким образом, отвергается, утверждая, что аналитик работает на уровне, отличном от изучаемого. Риторически, «угроза» управляется предположением о разнице между наблюдателем и наблюдаемым, разница скорее предполагается, чем обосновывается.

2. Интерпретативная гибкость позволяет признать, что социальное изучение науки является «рефлексивным» в ограниченном смысле, и все же отрицать значение этого для исследовательской практики.

3. Социологи считают возможным практиковать релятивизм и в то же время присоединяться к различным видам рефлексивности.

С. Вулгар предлагает конститутивную рефлексивность, или, как он еще ее называет «доброкачественную» интроспекцию, в качестве решения проблемы возможности рефлексивности с позиции релятивизма в социологическом исследовании науки. Конститутивную рефлексию С. Вулгар понимает не в рамках трансцендентальной позиции, как неявные установки [8], а как интроспекцию – «взгляд изнутри», разновидность самоанализа. Очевидные уступки рефлексивности, как в естественных науках, так и в других дисциплинах, которые стремятся к научному этосу, обычно включают совершенно другую форму рефлексивности, которую можно назвать доброкачественной интроспекцией [6]. Этот вид рефлексивности, возможно, более точно обозначенный как «отражение», влечет за собой свободные наставления «думать о том, что мы делаем». Конститутивная рефлексивность может быть использована как средство создания дополнений к отчетам об исследованиях в форме «историй на местах», которые предоставляют «внутреннюю историю» о том, как проводилось исследование. Хотя самоанализ и конститутивная рефлексивность могут быть связаны, например, через самоанализ мы можем признать конститутивную рефлексивность в нашей работе, важно осознавать и их различие. Самоанализ обычно связан с улучшением адекватности связи между утверждениями аналитиков и объектами этих утверждений. Конститутивная рефлексивность не только не ставит фундаментальных проблем, но и поддерживает научную аксиому научных исследований. Литературная критика в большей степени одобряет конститутивную рефлексивность, а именно, тот факт, что автор является частью «реальности», которую он создает, аксиоматичен и для аналитического стиля.

Литература

1. *Лекторский В.А.* Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон+, 2015. С 5-32.

2. *Герасимова И.А.* Размышления о книге «Релятивизм как болезнь современной философии» // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 213-219.

3. *Голик Н.М.* Научная рациональность и концепция когнитивного релятивизма // Известия Саратовского ун-та. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2009. №2. С. 18-22.

4. *Курносикова Е.А.* Понимание рефлексии в методологии науки // Вестник Тамбовского университета. 2007. №6. С. 116-120.

5. *Ладов В.А.* Два аргумента в опровержение релятивизма в диалоге Платона «Теэтет» // Scholae, СХОЛЭ. 2016. №1. С. 2015-213.

6. *Woolgar S.* Reflexivity is the Ethnographer of the Text. In: Knowledge and reflexivity: new frontiers in the sociology of knowledge. Ed. S. Woolgar. London, Newbury Park, Beverly Hills, New Delhi: SAGE Publications, 1988. Pp. 14-37.

7. *Gruenberg B.* The problem of reflexivity in the sociology of science // Philosophy of the Social Sciences. 1978. 8 (4). Pp. 321-343.

8. *Лазарев Ф.В., Лебедев С.А.* Философская рефлексия: сущность, типы, формы // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 15-28.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Жанна Ромуальдовна Сладкевич

*Доктор филологических наук, профессор, директор Института русистики и востоковедения
Гданьский университет*

E-mail: zanna.sladkevich@gmail.com

Марта Ноиньска

*Кандидат филологических наук,
адъюнкт Института русистики и востоковедения*

В обзоре авторами предпринимается попытка освещения проблематики мультимодального подхода к описанию процессов передачи смыслов в современной коммуникации. Сложный характер текстуализации коммуникативных намерений в традиционном и цифровом медиaprостранстве имплицитно гетерогенность методологии их описания и полемичность терминологической номенклатуры. Учет различных модусов с процессе смыслообразования, их взаимоотношений, моно- и мультисенсорности их восприятия, а также социокультурных конвенций, связанных с использованием модусов, обусловлен поиском методологии комплексного анализа современной семиотически осложненной коммуникации.

Ключевые слова: мультимодальность, поликодовость, семиотическая система, модус, медиакommunikация, коммуникативное пространство

A MULTIMODAL APPROACH IN MODERN HUMANITIES

Zhanna R. Sladkevich

*Doctor of Philology, Director, Institute of Russian Studies and Eastern Studies, Professor
Gdansk University*

E-mail: zanna.sladkevich@gmail.com

Marta Noińska

*PhD, Adjunct of Institute of Russian Studies and Eastern Studies
Gdansk University*

E-mail: martanoinska@gmail.com

In this article, the authors discuss the issues connected with a multimodal approach to the description of meaning transmission in modern communication. The complex nature of the textualization of communicative intentions in the traditional and digital media space implicates a heterogeneous methodology for their description and a disputed terminological nomenclature. The search for a methodology enabling one to thoroughly describe modern semiotically complicated communication entails consideration of various modes and their interaction in the process of meaning making, mono- and multisensory perceptions as well as sociocultural conventions associated with the use of modes.

Keywords: multimodality, multimodal, semiotic system, mode, media communication, communicative space

Последние десятилетия отличаются бурным развитием цифровых технологий и средств массовой информации, приведших к изменению общего характера коммуникации и способа формирования и передачи смысла. Тенденция к визуализации в средствах массовой информации [13; 14; 15; 16; 18; 19], а также возрастающая взаимосвязанность символов различных семиотических систем, наблюдаемая в поликодовых текстах, приводит к тому, что чисто лингвистические методы анализа являются недостаточными для описания современного коммуникативного пространства. Ежедневно мы сталкиваемся с текстовыми комплексами знаков, характеризующихся высокой семиотической сложностью и сочетающих вербальный язык, изображение, голосовые характеристики, паузацию, акустическое оформление, в связи с чем качественное описание имплицитного и эксплицитного смыслового наполнения этих комплексов возможно лишь с учетом всех их составляющих [9]. Соответствующая теория текста и практика анализа все еще находятся в стадии доработки и публичного обсуждения [12, с. 24-27].

Отметим, что сам феномен поликодовой коммуникации наблюдался уже в античности (рассматривался в рамках классической риторики), однако понятие *поликодовость/мультимодальность* вошло в научный обиход сравнительно недавно [8, с. 33]. В конце 1980 – начале 90-ых гг. лингвисты все чаще акцентируют факт, что значение передается не только посредством языкового инструментария, но и единиц других семиотических систем. Оптика

исследований переместилась на анализ взаимодействия разных семиотических систем в процессе генерирования и передачи значения, что в свою очередь имплицировало разработку новых моделей полисемиотического анализа [7, с. 1]. Данное направление исследований в «англофонном» мире получило название *мультимодального анализа/ multimodal analysis* [4; 6].

Сегодня все чаще при анализе культурных артефактов появляется постулат частичного исключения языкового кода из процесса коммуникации, что связано с постепенным размыванием понятия естественного языка (особенно в мультимодальных сообщениях) и с возрастающим использованием других семиотических систем и их метаязыка для описания новых сфер действительности. Это обусловлено нетолько технологическим и цивилизационным развитием и, как следствие, возникновением новых областей исследований, касающихся передачи информации и создания новых комплексов значений, но и гетерогенным характером появляющихся дисциплин и их методологий, пытающихся отреагировать на быстрое развитие науки и техники в данной области [3, с. 297]. В этой связи в последнее время заимствованные термины *мультимодальность/ multimodalność*, *мультимодальный/ multimodalny* активно вошли в научный обиход как в Польше, так и в России. Отметим, что в польском научном дискурсе вышеуказанные определения нередко подвергаются жесткой критике в силу устоявшегося в лингвистике и философии употребления термина *модальность* в его традиционном значении [8, с. 35-36]. Стоит отметить, что в английском языке, на почве которого был введен термин *multimodality*, также функционирует лингвистический термин *modality*, что еще больше осложняет поиск подходящего эквивалента при переводе. Тем не менее, представляется, что достоинства употребления данного термина – его интернациональный характер, узнаваемость и сочетаемость – превышают недостатки, связанные с некоторым размыванием границ устоявшегося терминологического аппарата.

Мультимодальный подход (анг. *multimodal approach*) – это попытка предложить инструментарий оптимального изучения поликодовых сообщений, стратегий их реализации в данном культурно-языковом сообществе и способов воздействия на адресата. Мономодальное описание, сосредоточенное лишь на лингвистическом аспекте в изоляции от других значимых семиотических ресурсов, заменяется описанием различных модусов (англ. *mode*), их отношений, взаимоналожения и взаимозависимости, моно- и мультисенсорности восприятия, статичности и динамичности сообщения, а также социокультурных конвенций, связанных с использованием модусов.

Под *модусом* Гюнтер Кресс понимает социально сформированный и культурно заданный ресурс, используемый для создания значения («a socially shaped and culturally given resource for making meaning») [5, с. 54]. В качестве примеров модусов, используемых в текстуализации, исследователь приводит изображение, письмо, лейаут (макет), музыку, жесты, речь, движущееся изображение, саундтрек [5, с. 54]. Следует отметить, что семиотический диапазон модусов (*semiotic reach of modes*), т.е. их способность к передаче определенного значения, вариативен и зависит от культуры. Кресс полагает, что если в культуре А данное значение передается с помощью речи, то нельзя предполагать, что в культуре Б оно будет выражаться посредством того же модуса. Возможно, что в другой культуре вместо речи для выражения данного значения используется жест или изображение [5, с. 57-58]. Более того, определенное значение в целевой культуре может отсутствовать, что приводит к возникновению «семиотических пробелов» (*semiotic gaps*) [17, с. 84].

Итак, термин *мультимодальность* связан с пониманием коммуникации как сложного многогранного процесса, происходящего с использованием различных каналов связи, и, следовательно, с необходимостью комплексного описания различных семиотических средств и их взаимоотношений в процессе смыслообразования.

Джефф Безмер приводит три взаимосвязанных теоретических предположения, которые составляют основу мультимодального подхода [1]:

1. Представление и общение всегда основаны на многих модусах, которые являются носителями смысла. Мультимодальный подход учитывает полный репертуар ресурсов, используемых для создания значений (*meaning making*), а также способ их организации.

2. Мультимодальность предполагает, что ресурсы формируются в социуме, со временем становясь носителями смысла, и выражают значения, соответствующие потребностям отдельных сообществ. Организованные наборы семиотических ресурсов, которые являются носителями смысла, определяются как модусы, которые выполняют коммуникативные задачи различными способами, делая выбор модуса центральным аспектом интеракции. Чем больший

комплекс ресурсов используется в коммуникации данного сообщества, тем более полно и точно он будет сформулирован. Для того, чтобы определенный набор семиотических ресурсов и способ его реализации определялся как «модус», он должен быть культурно встроен и узнаваем в данном социуме.

3. Значение конструируется путем выбора и конфигурации модусов. Взаимодействие между модусами играет огромную роль. Вся коммуникационная деятельность формируется не только посредством норм и правил, действующих в момент создания знаков, но и посредством мотивации и интересов людей в конкретном социальном контексте [1].

Рик Идэма перечисляет четыре характеристики мультимодального подхода, который:

1. учитывает в анализе другие, чем язык, семиотические системы и акцентирует значимость их равноправного и пристального рассмотрения;

2. анализирует связь между различными семиотическими системами и их «разделение труда» при передаче контента в конкретных представлениях;

3. стремится «узнать, понять и описать филогенез» процесса замещения конкретных семиотических систем другими (например, замена языка изображением);

4. объединяет потенциал отдельных семиотических систем с тем, как они влияют (т.е. развивают или ограничивают) на взаимодействие и формирование субъективности [2, с. 17].

Таким образом, коммуникация – это сложный процесс порождения и передачи смыслов посредством разных семиотических систем. Развитие новых технологий привело не только к увеличению объема и значимости гетерогенных сообщений в коммуникативном пространстве, в т.ч. медийном, но и к фокусировке гуманитарных изысканий вокруг проблем поликодовости. Мультимодальный подход, учитывающий взаимодействие различных семиотических систем, является попыткой ответить на вызовы, связанные с анализом современной семиотически осложненной коммуникации.

Литература

1. *Bezemer J.* What is multimodality? 2012. [Электронный ресурс]. URL: (<https://mode.ioe.ac.uk/2012/02/16/what-is-multimodality/>. дата обращения 15.09.2019).
2. *Iedema R.* Multimodalna analiza dyskursu: Resemiotyzacja na potrzeby dyskursów użytkowych // Systemowo-funkcjonalna analiza dyskursu. Kraków 2013. S. 197–227.
3. *Kawka M.* Dyskurs multimodalny – nowa kategoria badawcza? // Zeszyty prasoznawcze. 2016, T. 59, nr 2 (226), S. 294-303.
4. *Kress G.* Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. London–New York 2010. 212 p.
5. *Kress G.* What is mode? // The Routledge Handbook of Multimodal Analysis, New York 2011. P. 54-67.
6. *Kress G., van Leeuwen T.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London 2001. 152 p.
7. *Machin D., Mayr A.* How to Do Critical Discourse Analysis. A Multimodal Introduction. London, 2012. 240 p.
8. *Maćkiewicz J.* Badanie mediów multimodalnych – multimodalne badanie mediów // Studia Medioznawcze. 2017. 2 (69)7, S. 33-42.
9. Mediolingwistyka. Rozmowa na temat statusu mediolingwistyki z prof. Ewą Marthą Eckkrammer, prof. Martinem Luginbühlem i prof. Bogusławem Skowronkiem, [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.pl/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjruI0mjNLXAhWRo6QKHZTSCJ4QFggtMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.tdk.ur.edu.pl%2Fpliki%2FROZMOWA_NA_TEMAT_STATUSU_MEDIOLINGWISTYKI.pdf&usq=AOvVawIexTt00X2TVV084WTiMrpT (Дата обращения: 15.09.2019)
10. *Noińska M.* O zasadności podejścia multimodalnego w analizie przemówień politycznych na przykładzie wybranych fragmentów polskich, rosyjskich i niemieckich orędzi noworocznych // Socjolingwistyczne badania w teorii i praktyce. Tom 5. 2018. S. 125-138.
11. *Śladkiewicz Ż.* Społeczeństwo „oka” i tekst wielokodowy (na przykładzie rosyjskiej satyry politycznej) // Przegląd Rusycystyczny. 2014. nr 3. S. 111-124.
12. *Stöckl H.* Medienlinguistik. Zu Status und Methoden eines (noch) emergenten Forschungsfeldes // Presstextsorten jenseits der ‚News‘. Medienlinguistische Perspektiven auf journalistische

Kreativität. Frankfurt am Main 2012. P. 13-34.

13. *Аванесов С.С.* Визуальность и коммуникация // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 2. С. 11-25.

14. *Габова М.В.* Визуальная культура современного общества (опыт типологии) // Человек. Культура. Образование. 2017. № 2 (24). С. 30-40.

15. *Горбачёва А.Г.* Обмен визуальной информацией и короткими сообщениями как современный вид сетевых коммуникаций // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 1 (3). С. 133-139.

16. *Казарина Т.Ю.* Современная визуальная культура в контексте системного подхода // Актуальные проблемы социокультурных исследований. Кемерово: КемГУКИ, 2014. С. 113-120.

17. *Кресс Г.* Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3: Политическая семиотика. С. 77-100.

18. *Симакова С.И.* Тенденции визуализации журналистского контента в современных СМИ // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. 2015. № 3. С. 213-218.

19. *Терентьева И.Н.* Визуальное, слишком визуальное... (к характеристике иконического поворота в современных медиа и актуальных медиаисследованиях) // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2012. № 2. С. 29-35.

НАРАЦИЯ КАК ПЛАТФОРМА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ*

Григорий Львович Тульчинский

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

- Санкт-Петербург

E-mail: gtul@mail.ru

Нарративный подход обладает потенциалом платформы междисциплинарных исследований. Во-первых, в общеметодологическом плане любая научная дисциплина, теория есть система трех уровней наррации: фактологической, каузальной и целевой. Такая модель является общей как для естественных, так и для социальных, и для гуманитарных наук. Во-вторых, нарративный подход важен для понимания природы мотивационно-волевых факторов поведения, которые предстают нарративными конструкциями, вырабатываемыми как самой личностью, так и другими людьми (близкими, экспертами и т.д.). В-третьих, нарративная трактовка самосознания в первом и в третьем лицах открывает перспективу конвергенции гуманитаристики и науки в изучении и моделировании когнитивных процессов. При этом, нарративный подход выступает своеобразным мостом между аналитической философией и континентальной философией.

Ключевые слова: аналитическая философия, гуманитаристика, междисциплинарность, методология, мотивация, нарративы, наука, нейрофизиология

NARRATION AS A PLATFORM FOR INTERDISCIPLINARITY

Grigory L. Tulchinsky

DSc in Philosophy, Professor

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg

E-mail: gtul@mail.ru

The narrative approach has the potential of an interdisciplinary research platform. First, in general methodological terms, any scientific discipline or theory are the system of three levels of narration: factual, causal, and target one. Such a model is common to both the natural and social sciences, and the humanities. Second, the narrative approach is

* РФФИ, проект № 18-511-00018 «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм»

important for understanding the nature of motivational-volitional behavioral factors, which appear to be narrative constructions developed by the individual and other people (parents, relatives, experts, etc.). Third, the narrative self-awareness interpretations open up the prospect of the convergence of humanities and science in the study and modeling of cognitive processes as interpretations in the first and third persons. At the same time, the narrative approach acts as a kind of bridge between analytical philosophy and continental philosophy.

Keywords: analytical philosophy, humanities, interdisciplinarity, methodology, motivation, narratives, science, neurophysiology

В науке уже давно выявлена зависимость формулировки представлений о сущностях от способов рассуждений, языковых конструкций. Представления не только о социальной, но и о природной реальности зависят от способов рассуждения не в меньшей степени, чем от способов наблюдения и измерения. Более того, сами возможности распознавания и измерения неких параметров зависят от ранее выстроенных осмысленных дискурсивных конструкций, связанных нарративов о реальности. И такая зависимость намного глубже, чем может представляться на первый взгляд. Ниже представлено несколько уровней такой зависимости, что позволяет говорить о наррации как методологической платформы междисциплинарности.

Во-первых, как было показано ранее на материале кризиса позитивистски ориентированных социальных наук [1], если рассматривать объяснения в терминах нарративов, т.е. построения осмысленных дискурсивных разъяснений, то научное знание предстает как три уровня наррации:

(1) Уровень эмпирической фактологии, предъявления описаний, данных.

(2) Уровень каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами.

(3) Уровень целевого контекста, раскрывающего замысел построения и использования целостного конструкта.

Если научные объяснения дают ответы на вопросы, решают проблемы, раскрывая суть происходящего, то уместно уподобление уровней их нарративности структуре детектива: презентация ситуаций, их описание (наличие жертвы, место и время пребывания участников событий, орудия преступления) дополняется агрегацией пазла построения целостной картины происшедшего, в котором могут обнаруживаться смысловые, каузальные нестыковки объяснений, а завершает осмысление этого целого рефлексия достраивающая осмысление до выявления мотиваций (в духе рассказа Э.Пуаро, мисс Марпл в финале). Такая полинарративная модель вполне соответствует концепции И. Галтунга, согласно которой развитие социальной науки происходит в постоянном движении между тремя «полюсами»: данными, теорией и ценностями. [2] Осмысление эмпирических данных с ценностных позиций реализует критицизм. Соотнесение теории и эмпирических данных реализует эмпирицизм с его попытками объяснения и предвидения развития. Синтез теории и ценностей дает конструктивизм – как возможность построения моделей реальности.

Хотя 1-й и 2-й уровни акцентированно свойственны science, тогда как 3-й – humanities, уровни эти не разорваны, а взаимосвязаны, как в humanities, так и в sciences. Так, роль 3-го уровня проявляется выражается не только в обосновании значения исследования, но и в базовых метафорах, лежащих в основе научной терминологии, даже на 1-ом – при отборе фактов, их распознавании и обозначении. Специфика science в том, что такие метафоры как «сила», «поле», «ток», «струны», «волна» и т.п. конкретизируются, операционализируются, измеряются. Тем самым, суждения, содержащие такие термины – проверяются: они могут быть подтверждены или опровергнуты. Именно это позволяет не просто подводить явление под общую категорию, а пытаться выявить корреляции, выделить существенные факторы, каузальность и прочие детерминации. Но сами категории, их отбор, не говоря об обосновании актуальности, целевом контексте исследования, признании практического значения его результатов, важных для заявок на гранты, в популяризации, научной публицистике – нарративы именно 3-го уровня. Конструктивные (алгоритмически процедурные) объяснения интегрируют 2-й и 3-й уровни объяснительной наррации, раскрывая процесс порождения феномена. Тогда как 1-й уровень выступает в качестве либо элементной базы построения, либо также как презентация «конечного продукта» всего построения.

Тем более нельзя сводить – к методологии естественных и точных наук методологию в социальных и гуманитарных науках. Во-первых, как уже отмечено сами sciences зависят от

конструктивной концептуальной активности познающего субъекта. А во-вторых, это выхолащивает саму суть социального и гуманитарного предмета – наличие и волю политических акторов, мотивация которых редуцируется к абстрактным схемам.

Во-вторых, собственно мотивация носит нарративный характер, будучи не столько причиной поведения, сколько его объяснением, интерпретацией. [3] Нередко такая наррация носит характер поздней, а то и защитной рационализации поступков. [4] И при некотором интеллектуальном усилии всегда можно найти еще более глубокую мотивацию. На этом построены не только исторический анализ, искусствоведение, но и маркетинговый анализ, логотерапия, судебная практика, экспертизы.

Достоинство нарративного подхода в конкретизации роли коммуникации и языка, но не «вообще», а структурированного в сюжетные описания, т.е. содержащие описания развития событий, факторы этого развития. В свое время Л.С.Выготский, М.М.Бахтин подчеркивали роль письма и чтения как «внутреннего диалога», артикулирующего, инсталлирующего и интонирующего мышление. Эти идеи напрямую пересекаются с современными исследованиями и рекомендациями, подчеркивающими роль письма, чтения вслух и непосредственного живого общения в формировании памяти, а значит и сознания. [5] Человечество в принципе было создано чтением, которое сегодня именуют глубоким, отделяя его от современного дигитального чтения. А ведущиеся во многих частях мира исследования, предупреждают, что такие базовые процессы, связанные с глубоким чтением, как усвоение знаний, мышление по аналогии, выводы, критический анализ и порождение инсайтов, «...находятся под угрозой, когда мы движемся в рамках дигитальных способов чтения». [6]

И, наконец, в-третьих, исследования нейрофизиологии мозга [7] и философские осмысления их результатов [8; 9] показывают, что нарративный подход позволяет объяснить формирование сознания и самосознания (самости) – как в фило-, так и в онтогенезе. Источником нарративов самосознания (деннетовских «набросков»), их устойчивого стимулирования и воспроизводства выступает культура, благодаря которой человек как интенциональная система предстает пока еще высшей стадией эволюции.

Философское значение этих обобщений состоит в перспективе возможности интеграции континентальной философской традиции, ориентированной на описание сознания «в первом лице» (феноменология, экзистенциализм) и англоязычной традицией с ее акцентуацией на описания «в третьем лице». Так, концепция Д.Деннета, сформулированная в традициях аналитической философии, если и противостоит феноменологии, то в ее раннем выражении, лишь отчасти включая даже Э. Гуссерля. Дело в том, что эволюция интенциональной феноменологии проделала показательный путь от Ф. Brentano к Э. Гуссерлю и далее – к М. Хайдеггеру и Х.-Г. Гадамеру, придя к герменевтическому и семиотическому анализу не только культуры, но и сознания, фактически, методологически их совместив [10], иногда дополняя психоанализом (в постструктурализме). Результат получился, фактически, тот же, что и аналитической философии – выявление ключевой роли наррации как источнике «неуловимой» сущности смысла. Нарративный подход отходит от противопоставления феноменологии потока сознания и бихевиоризма. Он устанавливает мост между самостью в 1-м и 3-лицах, сохраняя возможности гуманитарных дисциплинарных подходов и сохранения их социально-культурных институциональных применений (в праве, образовании, религии, политике, искусствоведении). Но мост этот достаточно прочный – в том плане, что по нему могут пройти танки цифровых моделей и алгоритмов.

Литература

1. Тульчинский Г.Л. Три нарратива политической науки: перспективы междисциплинарности политических исследований // ПОЛИТЭКС. 2019, Том 15, № 2. С. 174-200.
2. *Galtung J. Essays in methodology. Vol. 1: Methodology and ideology. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1977. P. 41-71.*
3. *Вригт Г.-Х. Философско-логические исследования. М.: Прогресс, 1986. – 600 с.*
4. *Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб: Речь, 2003. 296 с.*
5. *Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера. Язык и сознание. М.: ЯСК, 2013. 448 с.*

6. *Wolf M.* Skim reading is the new normal. The effect on society is profound // www.theguardian.com/commentisfree/2018/aug/25/skim-reading-new-normal-maryanne-wolf (дата обращения 02.10.2019)

7. *Дамасио А.* Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 384 с.

8. *Dennett D.C.* Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Co., 1991. xiii+511 p.;

9. *Dennett D.C.* Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. Cambridge: MIT Press, 1998. 377 p.

10. *Деррида Ж.* О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 544 с.

ПОЛОВИНЧАТЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ ТОМАСА КУНА*

Оксана Ивановна Целищева

Кандидат философских наук, младший научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН

E-mail: oxanatse@gmail.com

Релятивизм Т. Куна рассматривается в контексте «непрофессиональной» критики его Э. Моррисом, обусловленной эпизодом их личных взаимоотношений. Особенностью этой критики является апелляция к нерелевантным в данном контексте фигурам аналитической философии С. Крипке и Х. Патнэму. Показано, что Моррис искусственно сужает поле аргументации, упуская из виду соотношения релятивизма Т. Куна и Р. Рорти, главной фигуры собственно философии релятивизма. Утверждается, что будущим историкам науки будет трудно понять, как два наиболее известных «релятивиста», один в области истории и методологии науки, а второй – в области философии, не сумели найти контакта. Причина, по которой Кун не солидаризировался с релятивизмом Рорти, состояла в том, что для Куна научный дискурс в иерархии знания был гораздо выше гуманитарного. В этом контексте, отказ Куна следовать за Рорти является следствием половинчатого характера релятивизма Куна.

Ключевые слова: релятивизм, Кун, Рорти, парадигма, научный дискурс, иерархия дискурсов, история науки

THE HALF-HEARTED RELATIVISM OF THOMAS KUHN

Olga I. Tselishcheva

DSc in Philosophy, Junior Researcher

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

E-mail: oxanatse@gmail.com

T. Kuhn's relativism is considered in the context of “unprofessional” criticism of his by E. Morris caused by the episode of their personal relationship. The peculiarity of this criticism is the appeal to irrelevant (in this context) figures of analytical philosophy of S. Kripke and H. Putnam. It is shown that Morris artificially narrows the field of argumentation losing sight of the relationship between the relativism of T. Kuhn and R. Rorty, the main figure in the philosophy of relativism itself. It is argued that future historians of science will find it difficult to understand how the two most famous “relativists”, one in the history and methodology of science and the other in philosophy, failed to find contact. The reason Kuhn did not align himself with Rorty's relativism was that for Kuhn, scientific discourse in the hierarchy of knowledge was far superior to humanitarian discourse. In this context, Kuhn's refusal to follow Rorty is a consequence of the half-hearted nature of Kuhn's relativism.

Keywords: relativism, Kuhn, Rorty, paradigm, scientific discourse, hierarchy of discourses, history of science

* Грант РФФИ 19-011-00437 А. Неопрагматизм в философии науки: релятивизм и риторический поворот.

В основе недавно опубликованной книги Э. Морриса «Пепельница» [1] лежит описание происшествия, участниками которого был Томас Кун и его студент Эррол Моррис. Раздраженный вопросами студента о своем предполагаемом релятивизме, Кун якобы швырнул в студента тяжелую стеклянную пепельницу. Э. Моррис не стал философом, так как был отчислен из Принстона, но далее сделал успешную карьеру в области документальных фильмов, заслужив даже Оскара, и, на чем сходятся критики, в этой книге он решил отомстить давно умершему оппоненту.

Интересной особенностью книги Морриса является привлечение в качестве оппонентов Куну видных фигур аналитической философии, в частности, логика С. Крипке и философа науки Х. Патнэма. Необычность такого выбора состоит в том, что работы первого из них не соотносятся с проблемой релятивизма, а критика релятивизма вторым является весьма умеренной. Другой особенностью книги является несколько прямолинейная аргументация автора, упрощающая ситуацию до гротеска. В частности, Кун обвиняется в отрицании им существования реального мира и объективной истины. Звучит это обвинение несколько наивно для философских дискуссий, и критики справедливо обвиняют Морриса в том, что обсуждаемая им фигура очень далека от реального Куна, и фактически подменена «соломенным чучелом», удобным для битвы.

Необычность самого эпизода, где в качестве «аргумента» выступает бросок в голову тяжелого предмета, вполне гармонирует с отсутствием «профессиональной» философской критики. Хотя свидетелей данного эпизода не было, поэтому можно сомневаться в полной правдивости описания происшествия, но такого рода вещи привлекают читателей и несколько оживляют скучную профессиональную атмосферу философии.

Один аспект подобного роля непрофессионализма, являющийся предметом рассмотрения данной статьи, является сужение проблем релятивизма до одной лишь фигуры Т. Куна, хотя любое обсуждение этого движения должно включать самые разные фигуры. Причинами фиксации Морриса именно на Куне являются как личные обстоятельства, так и не очень хорошее знакомство с самой проблематикой.

Термин «парадигма», вброшенный Т. Куном в философский дискурс, живет собственной жизнью, и хотя у самого Куна некоторые критики насчитывают более двух десятков определений этого термина, его интерпретации превышают то, что он сам задумал. «Структура научных революций» [2] Куна апеллирует к истории физики, однако профессиональные физики не узнают свою дисциплину в его картине. Историки науки упрекают Куна в крайней расплывчатости описания эпизодов в истории физики. Гуманитарии всех мастей, от философов до социологов, от лингвистов до собственно историков, используют несоизмеримость парадигм в качестве обоснования своих прав на автономность постмодернистских конструкций, что приводило в замешательство и даже ярость самого Куна. «Заметьте – сказал он как-то в Принстоне – что если и есть ‘куновцы’, то я к ним не принадлежу».

Этот разброс в оценке вклада Куна, а именно, вопрос о том, является ли это вкладом в философию, или же в историю науки, или же, наконец, в социологию, характерен для огромного числа вторичной литературы, ставшей настоящей индустрией в философии науки. Разброс подобного рода является благодатной почвой для появления совсем уже «нестандартных» историй или интерпретаций работы Куна, каковой и стала книга Морриса. Нестандартность проявляется, прежде всего, в том, что здесь задействованы личные мотивы, что-то вроде мести, хотя и запоздалой. Действительно, были ли причины у Морриса отомстить Куну? Был ли на самом деле Кун вспыльчивым и нетерпимым человеком? Похож ли Кун в изображении его Моррисом на настоящего Куна? Определенно ответить на эти вопросы трудно в силу расплывчатости самих моральных оценок. Но можно прибегнуть к некоторым косвенным свидетельствам, которые проливают свет как на самого Куна, так и на Морриса. В любом случае, Кун не был образцом коммуникабельной личности, и, наверное, терпимости в научной жизни. В этом смысле представляют интерес тот факт, что в книге Морриса, озабоченного релятивизмом Куна, отсутствует «главный» релятивист Ричард Рорти, который непосредственно участвовал в семинарах Куна в Принстоне.

Именно в то время у Рорти созревала его концепция перенесения идеи парадигм Куна на философию. И Моррис мог бы в качестве очередной аномалии в поведении Куна отметить его некоммуникабельность. За все эти годы у Куна с Рорти было всего три отдельные встречи! [3] Эта странность не может быть объяснена характером Рорти, известного своей

коммуникабельностью. Скорее всего, что Кун просто избегал такого рода встреч (не только с Рорти), будучи глубоко убежденным в искаженной ими интерпретации его результатов. Можно представить себе, что вряд ли Рорти отмалчивался на семинарах, а также то, как Кун реагировал на него. В любом случае, будущим историкам науки будет трудно понять, как два наиболее известных «релятивиста», один в области истории и методологии науки, а второй – в области философии, не сумели найти контакта. Причина, по которой Кун не солидаризировался с релятивизмом Рорти, состояла в том, что для Куна научный дискурс в иерархии знания был гораздо выше гуманитарного. С точки зрения Рорти между двумя этими дискурсами нет особенных различий, и, тем не менее, Рорти очень редко прибегал к примерам из науки, если исключить проблематику элиминативизма. Однако в критике сайентистской направленности аналитической философии, он вынужден был обсудить и Куна, и скалы и законы физики [4]. Взаимное непонимание можно увидеть в замечании Рорти, что ему, в конце концов, так и не стало ясно, почему с точки зрения Куна Я [Рорти] был большим «релятивистом», чем он, и где, с его точки зрения, я сошел с рельсов.[4, 188].

Учитывая то, что научное сообщество, в частности физики, скептически приняло концепцию Куна, да и философы науки возражали ей по многим основаниям, за Куном закрепилось репутация скорее «историка науки». Рорти же полагает, что Кун является выдающимся философом, перекроившим карту культуры. Главная заслуга Куна, с точки зрения Рорти, состоит в демонстрации того, что показал сам Рорти, только уже в применении к естественным наукам, а именно, что ученые не имеют специального доступа к реальности или истине. Рорти обращает специальное внимание на то, что Кун разрушил иерархию дискурсов, которая восходит к Платону: наверху иерархии находится математика, затем естественные науки, и только потом гуманитарные.

Возвращаясь к самому Моррису, следует отметить большое упущение его книги, которое заключается в отсутствии на сцене Ричарда Рорти. И если стрелы Морриса были направлены на релятивизм как таковой, тогда его концентрация на Томасе Куне говорит о личных мотивах, а не общей озабоченности релятивизмом как таковым.

Половинчатость позиции Т. Куна в отношении релятивизма имеет двойственный характер. С одной стороны, его апелляция к профессиональному сообществу ученых - физиков не оказалась удачной, поскольку большая часть из них не приняла предложенную Куном картину развития науки. В частности, главные их упреки относились к тенденциозному выбору Куном эпизодов развития науки. Со стороны историков науки были обвинения в ограниченности историографии науки Куна, которая обрывается на рубеже 1920-х. С другой стороны, коль скоро позиция Куна так или иначе связана с релятивизмом, независимо от того, признавал или это или нет, его отказ от солидарности с релятивизмом Рорти кажется необоснованным. В этом смысле Кун определенно непоследователен, будучи «пленником» той самой иерархии наук, где физика доминирует над философией.

Литература

1. *Morris Errol*. The Ashtray. Chicago: The University of Chicago Press, 2018.
2. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс. 1977.
3. *Gross N.* Richard Rorty. The Making of an American Philosopher. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.
4. *Rorty R.* Thomas Kuhn, Rocks, and the Laws of Physics // Philosophy and Social Hopes. Penguin Books, 1999. P. 174-189.

ЭПИГЕНЕТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В БИОЛОГИИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК*

Юлия Святославна Шкурко

Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии

Ульяновский государственный университет

E-mail: yulishkurko@gmail.com

Эпигенетика – активно развивающаяся область биологических исследований. Полученные здесь результаты зачастую обозначают в качестве революционных, поскольку они ведут к пересмотру базовых научных представлений о наследовании поведенческих и иных признаков, размывают границы между естественнонаучными и социальными представлениями об обществе и человеке. Поворотной идеей является представление о наследовании приобретенных (под влиянием повседневной активности, социоэкономических и др. факторов) фенотипических особенностей, не сопряженное с изменениями последовательности ДНК. Открытия в области эпигенетики ставят множество проблем перед социальными науками (пересмотр Стандартной модели социальных наук), открывают новые перспективы исследования (механизмов межгенерационного социального наследования, биосоциальных измерений социального неравенства и др.) и приложения полученных знаний.

Ключевые слова: эпигенетика, наследственность, Стандартная модель социальных наук, биологическое/социальное неравенство; социальная политика

EPIGENETICS REVOLUTION IN BIOLOGY AND ITS MEANING FOR SOCIAL SCIENCE

Julia S. Shkurko

CSc in Sociology, Associate Professor of the Department of Philosophy

Ulyanovsk State University

E-mail: yulishkurko@gmail.com

Epigenetics is a rapidly developing area of life science. The already obtained results are often called revolutionary as they lead to revision of the basic conceptions of the human heredity blurring the boundaries between natural and social science research. A defining point is the idea of heredity of the obtained (under pressure of everyday activity, socioeconomic and other factors) phenotypic features that does not associate with changing in the sequence of DNA. The findings of epigenetics raise new problems (revision of Standard Social Science Model) open up new prospects for social science studies (e.g., mechanisms of intergeneration social heredity, biosocial measures of social inequality) and social policy.

Keywords: epigenetics, human heredity, Standard Social Science Model, natural/social inequalities, social policy

На протяжении многих десятилетий исследования в области биологических и социальных наук были отделены друг от друга. Причины этого укоренены в способах, которыми биологи определяли отношения между эпистемическими объектами (прежде всего генами) и факторами окружающей среды, а также в особенностях развития социальных наук, представители которых настаивали на строгом обособлении наук об обществе от наук о жизни [1], превосходстве социального над биологическим (О. Конт, Г. Спенсер и др.), достаточности изучения социальных фактов для объяснения социального поведения (установка на социологизм, закрепившаяся в социологии во многом благодаря Э. Дюркгейму). На это также повлияли причины идеологического и политического характера, связанные с боязнью редуccionизма, расизма, сексизма, этноцентризма и других форм социальной дискриминации, подпитываемой неаккуратным использованием концепции «социал-дарвинизм», ужасами нацизма, Холокоста, негативной репутацией евгеники [2; 3].

* Грант РФФИ и Правительства Ульяновской области: № 18-411-730014 p_a

В итоге в науках об обществе и человеке закрепились Стандартная модель социальных наук, центральной идеей которой является представление о разуме человека (mind) как формируемом исключительно в процессе социализации под воздействием социокультурных факторов. Биологическая природа человека или вовсе в ней не рассматривается или только в качестве элиминируемой социальной средой, а значит иррелевантной для исследований. По оценке Дж. Туби и Л. Космайдс [4] (ввели в научный оборот концепцию Стандартной модели в 1992 г), а также основного ее критика С. Пинкера [5], она определяла фокус рассмотрения представителей социальных дисциплин на протяжении всего XX столетия. Более того, ими она рассматривается в качестве одного из главных концептуальных и эпистемологических препятствий для развития социальных наук.

Основные положения Стандартной модели постепенно начинают пересматриваться вследствие демонстрации роли биологических переменных в социальном поведении в возникших в последнее время междисциплинарных исследовательских областях, таких как социальная нейронаука, культурная нейронаука, нейросоциология, эволюционная социология. В общем смысле – с опорой на различные дисциплинарные традиции – в них показана существенная роль эволюционно сформированных биологических предрасположенностей, нейронного оснащения, генетического фактора в социальном поведении, формировании облика современного общества и культуры, также как и обратное влияние. Последняя идея нашла отражение в концепции нейропластичности – представлении об изменении архитектуры мозга человека в результате вовлеченности на систематической основе в определенную жизнедеятельность в ходе выполнения рабочих функций, следования образу жизни, ассоциированному с различными социоэкономическими статусами и т.п. [напр., 6; 7].

Решающий удар по привычным для социальных наук представлениям, который является чрезвычайно чувствительным и потенциально имеет далекоидущие последствия для всего корпуса знаний об обществе и человеке, нанесен открытиями в области эпигенетики. Примечательно, что аналогичный эффект они имеют и для биологии, которая в настоящее время движется в направлении более социологического взгляда на биологические процессы. Неслучайно речь идет об эпигенетической революции в науке [8; 9].

Наименование «эпигенетика» впервые было использовано К. Уоддингтоном в 1942 г для определения области биологических исследований причинных связей между генами и фенотипическими особенностями. В настоящее время эпигенетика обозначает область знаний, изучающую наследуемые изменения в функционировании генов (ассоциированными с фенотипическими особенностями), которые не сопряжены с изменениями последовательности ДНК [10]. Эпигенетическое наследование у людей является производной образа жизни, социального статуса, уровня рабочего стресса, характера питания, экологии и пр. Эпигенетика подрывает идею о том, что наследуемый материал невосприимчив к непосредственному влиянию окружающей среды и тем самым размывает границы между биологическими и социальными науками [1].

Одним из следствий развития эпигенетики является новый взгляд на проблему социальной стратификации и социального неравенства. Традиционно этот вопрос рассматривается исключительно в терминах различий в доходе, уровне образования, престиже профессий и т.п., а также как процесс иерархической социальной категоризации. Достижение социальной справедливости связывается с выравниванием социальных шансов представителей различных социальных групп как в случае с гендерным неравенством. Так, известный неомарксист Э.О. Райт говорит о возможности построения безгендерного общества в случае социальной реорганизации, которая позволит изменить социальные нормы таким образом, что гендерные роли не будут привязаны к биологическим отличиям между полами [11].

Эпигенетика показывает, что такие «реальные утопии» лишены оснований, поскольку наша социальная позиция в обществе по крайней мере отчасти определена генетически (точнее является результатом взаимодействия генов и среды как у наших родителей, так у ближайшего окружения, так и у нас самих). Так, наблюдается влияние генетического фактора (наследуемость) на уровень академических достижений, когнитивные способности, личные черты характера и др., способствующие в современном обществе достижению высокого статуса или ассоциированных с лидерскими позициями [12; 13].

Однако важнее то, что биологическое и социальное неравенство оказываются единым целым, неотделимыми друг от друга. Принятие этой идеи сопряжено с пересмотром отношений между биологическими и социальными науками, выработкой новых принципов для социальной

политики. Эпигенетика доказывает, меняя среду обитания человека можно влиять на экспрессию генов, отражающихся в фенотипических чертах, а также на последующее наследование этих признаков, соответствующее им социальное поведение, социальную организацию общества и культуру.

Литература

1. *Meloni M., Cromby J., Fitzgerald D., and Lloyd S.* Introducing the New Biosocial Landscape // M. Meloni, J. Cromby, D. Fitzgerald, and S. Lloyd (Eds.). *The Palgrave Handbook of Biology and Society*. London: Palgrave Macmillan, 2018.
2. *Hodgson G.M.* Social Darwinism in Anglophone Academic Journals: A Contribution to the History of the Term // *Journal of Historical Sociology*. 2004. Vol.17 (4). P. 428-463.
3. *Frost J.* Biophobia and the Reluctant Sociologist. Roundtable. September 29, 2014. URL: <https://thesocietypages.org/roundtables/biophobia/> (дата обращения: 31.01.2019)
4. *Tooby J., Cosmides L.* The psychological foundations of culture // J. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby (Eds.). *The adapted mind: Evolutionary psychology and the generation of culture*. New York: Oxford University Press, 1992. P. 19-136.
5. *Pinker S.* *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*. New York: Penguin Books, 2016
6. *Rubin B.P.* Changing brains: the emergence of the field of adult neurogenesis // *BioSocieties*. 2009. Vol. 4. P. 407-424.
7. *Groosby B., Cheadle J. E., Mitchell C.* Stress-related biosocial mechanisms of discrimination and African American Health Inequities//*Annual Review of Sociology*. 2018. Vol. 44. P. 319-340.
8. *Carey N.* *The Epigenetics Revolution: How Modern Biology is Rewriting Our Understanding of Genetics, Disease and Inheritance*. London: Icon Books Ltd, 2012.
9. *Meloni M., Testa G.* Scrutinizing the epigenetics revolution // *BioSocieties*. 2014. Vol. 9. P. 431-456.
10. *Amstrong L.* *Epigenetics*. New York and London: Taylor and Francis Group, 2014.
11. *Wright E.O.* In defense of genderlessness. In.: Gosseries, Axel, and Philippe Vanderborght, ed. *Arguing about justice: Essays for Philippe Van Parijs*. Louvain-la-Neuve: Presses universitaires de Louvain, 2011. P. 403-413.
12. *Liu H.* Social and Genetic Pathways in Multigenerational Transmission of Educational Attainment // *American Sociological Review*. 2018. Vol.83 (2). P. 1-27.
13. *Van Vugt M.* Evolutionary Origins of Leadership and Followership//*Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol.10 (4). P. 354-371.

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

**THE ROLE OF CHRISTIAN WOLFF AND HIS “PSYCHOLOGIA EMPIRICA”
IN MIKHAIL LOMONOSOV’S SCIENTIFIC ACTIVITIES**

Sven Hroar Klempe

*PhD, Professor of Department of Psychology
Norwegian University of Science and Technology*

The Russian scientist Mikhail Lomonosov (1711-1765) studied with the enlightenment philosopher Christian Wolff (1679-1754) in Marburg for three years (1736-39). During the thirties, Wolff defined metaphysics in a new way by including and publishing “Psychologia Empirica” (1732), and “Psychologia Rationalis” (1734) as parts of it. Moreover, those two publications can be considered as the first attempt at understanding psychology in a more modern and scientific way. Hence in this paper, we will pursue the apparent relationship between Wolff’s psychologia empirica and Lomonosov’s scientific way of thinking. Examining some coincidental factors will do this: (1) Wolff’s “Psychologia Empirica”. This publication is primarily about the nature of human senses and to what extent they are reliable. (2) Lomonosov’s references to Wolff. He referred continuously to Wolff, especially when he argued for including experiments in scientific research. The relationship between the terms “empirical” and “experiment” will be central to discuss. (3) Very many European scientists, like Anders Celsius (Sweden), Johann Ernst Gunnerus (Norway) were highly influenced by Christian Wolff. Especially the latter one announced psychologia empirica as one of the core activities when he founded The Royal Norwegian Society of Sciences and Letters in Trondheim, Norway in 1760. All these factors point in the direction that Wolff’s “Psychologia Empirica” must have been an important factor also for Lomonosov when he pledged for experiments as the basis for scientific activities.

Keywords: Mikhail Lomonosov, Christian Wolff, psychologia empirica, metaphysics, early modern psychology, St. Petersburg Academy of Science, early scientific chemistry

There are a lot questions to be posed about psychology as a science: is psychology a science at all? This has been discussed regularly since Immanuel Kant banned psychology and threw it out of the company of pure sciences in his first critique. Another important question is about the origin of psychology: where did it actually come from? The immediate answer almost all will come up with is that it came from philosophy. However, there some reasons for not accepting that answer. One is the fact that the term “psychology” did not exist before it appeared in the early 16th Century [4]. Another is the reference to Aristotle. Yet, his thesis De Anima – On the Souls – was primarily a thesis on the theory of knowledge, which is at the core of the science of philosophy [3].

This paper tries to make a connection between the Russian natural scientist Mikhail Lomonosov (1711-1765) and the German philosopher Christian Wolff’s psychology at the middle of the eighteenth century. It is probably hard to imagine what this actually should be about. The answer is quite simple. Lomonosov came to Marburg as a young student to study with Christian Wolff in the late 1730s for three years (1736-39). This was just four years after Christian Wolff had published “*Psychologia empirica*” (1732), which formed one of the key parts of Christian Wolff’s metaphysical system. Lomonosov often referred to the “illustrious Wolff” (Lomonosov, 1970), so the relationship between the two must have been close. This paper, therefore, aims at demonstrating the role of psychology in this relationship.

About Lomonosov

Mikhail Vasil'evich Lomonosov (1711-1765) was not only a Russian prodigy who managed to open up for modern chemistry. He was also a typical offspring of the European Enlightenment. Several aspects of his career underline this. Because of his progress as a student in Moscow he was early adopted by the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. When Peter the Great planned to establish this, which was done in 1725, he stayed in touch with the most influential philosopher at the time, namely Gottfried Wilhelm Leibniz (1646-1716). He wanted Leibniz to be the protégé for the academy. The problem, however, was that Leibniz died before the Academy was established, and Peter the Great was recommended to ask Christian Wolff to take this role instead. Wolff accepted this, and he followed up and became very close to the Academy during his whole life (Wolff, 1860).

The Academy offered three of their best students to go to Marburg to study with Wolff. Lomonosov was the most obvious choice, and according to the letters from Wolff (1860), he was also the clever one. However, the Academy requested Lomonosov to study mineralogy and chemistry, but this was not the speciality of Wolff. Consequently, the plan was that Lomonosov should study with Wolff in Marburg for three years, and afterwards spend a year in Freiberg to study mineralogy and chemistry.

This plan may sound strange today. But by studying with Wolff he learned how to deal with more modern scientific requirements. These requirements were universal and independent of a specific science. Wolff was the one to formulate those, and this is why Lomonosov benefited so much from studying with Wolff during the years 1736-1739.

About Wolff

In retrospect, Christian Wolff (1679-1754) is probably one of the most underestimated philosophers in the history. However, during his life, the situation was the complete opposite. He became famous and influential all over in Europe [1]. He was a student of Leibniz, and very early he was regarded in the light of him. Georg Bernhard Bilfinger (1693-1750) coined the term 'Leibniz-Wolffian philosophy', and this term has been associated with him since back then [2]. Wolff himself refused this term, for good reasons. There were primarily two aspects of Leibniz' philosophy that had great impact on Wolff. One was the role of the terms "perception" and "apperception", and the other was the development of infinitesimal calculus in terms of differential calculus. These aspects are strongly related to each other. According to Leibniz, perception is about the diversity of the world, which includes the experienced changes. Differential calculus is about how changes can be expressed mathematically. The philosophical premise for differential calculus is that the infinite little difference forms a sufficient reason for stating equality. On this basis the perceived and experienced dynamics of the world can be expressed mathematically. "Apperception" is about consciousness about oneself, which is a specific capacity for the human being. Thus "perception" and "apperception" are to the core of psychology. Since differential calculus is about the experienced changes in the world, it indirectly also includes some psychological aspects.

However, Leibniz did not apply the term "psychology", but Christian Wolff did. Moreover, Wolff was the first one in the history to include psychology as a key term in philosophy. This was done by his so-called "metaphysics". The latter was a controversial term at that time. Most of the contemporary philosophers avoided using the term "metaphysics", but Wolff reintroduced it as a generic term for defining the philosophical foundation for true knowledge. He published books during the 1730s in five different fields that altogether defined his metaphysics. These were: "*Ontology*", "*Cosmology*", "*Psychologia Empirica*", "*Psychologia Rationalis*" and "*Natural Theology*". Those fields and publications defined at the same time Wolff's philosophical system. Thus, he was one of the builders of great systems in the history of psychology.

Before this series of publications, there were three important aspects that defined his philosophy. One is the influence from Leibniz. Although he did not accept Leibniz' monadology, he fully adopted the principle of sufficient reason and the principle of contradiction as the basis for a theory of knowledge. Moreover, Wolff had already established a good reputation by publishing most his philosophy in German. This paved the way for the Enlightenment, as many of these publications became popular reading material to ordinary people. All this was done when he still was a professor in Halle. However, he became into a deep conflict with the Pietists in Halle, and they had an allied in the king Friedrich Wilhelm I. The result was that Wolff had to flee Prussen in 1723. But he was so

famous that several universities outside Prussen offered him a position. He chose to go to the Protestant University of Marburg, and this was probably one of the reasons for why psychology appeared to be a key term in his philosophy after he had settled there.

The emergence of psychology

There are two main sources for the appearance of the term psychology. Both are book titles, but they are related to different regions and traditions. The first is from around 1520. This is the title of a book the Croatian Humanist Marko Marulić (1450 – 1524) allegedly wrote. The title of this book is "*Psichiologia de ratione animae humanae*" ("Psychology, about the human soul") [4]. The problem is that it seems to have been lost, and we stand only left with the title. Nevertheless, this is interesting enough as it is the first example of the use of the term in the history. Moreover, Marulić was a very known and well-repudiated author, so we know a lot about Marulić himself and his other writings, and he was deeply entrenched in the Italian humanism.

The other source is a book the philosopher Rudolph Goclenius the Elder (1547-1628) edited and published in 1590 entitled "*Yuchologia: hoc est De hominis perfectione, animo et in primis ortu hujus, commentationes ac disputationes quorundam theologorum & philosophorum nostrae aetatis*". The title indicates that this psychology ("*Yochologia*") is about perfecting the human soul by discussing and commenting on current theological and philosophical questions. One of the frequent questions discussed in the anthology is if the soul is individually created (creationism) or a heritage from the parents (traducianism) [6]. This is also a question about individualism versus collectivism. The aim of the book seems to be to promote individualism by arguing for creationism.

One aspect to highlight is the fact that Goclenius was professor at the same university of Marburg Christian Wolff became a professor at 133 years later. The Landgrave Philipp the Magnanimous of Hesse established this university in 1527 after he had declared his territory as a Protestant territory. Thus, this university was the first Protestant University, and some would say it was the Protestant scholastics that introduced psychology to the academia [7].

The relationship between metaphysics and psychology

There is no doubt that Protestantism paved the way for the emergence of psychology as an academic field. There were several reasons for this. Protestantism focused on personal faith. This included an individual and subjective confession of the human nature experienced as sinful. Moreover, Luther had criticized strongly the symbiosis that existed between theology and philosophy. This mixture was at the core of metaphysics in philosophy in the late medieval time. Luther's slogan was "*sola scriptura*" – "The Scripture Alone", which caused a separation between philosophy and theology among the protestant scholars.

The separation between philosophy and theology had tremendous consequences for philosophy. First, as the term 'metaphysics' was highly associated with a combination of theology and philosophy, the term itself was avoided during the seventeenth century. Second, without the theological doctrines, philosophy was left in a vacuum. All these factors; humanism's focus on individuality, Protestantism's focus on knowledge about the human nature, and philosophy's need for a new secular foundation, opened up for the inclusion of psychological knowledge in all these fields.

"Psychologia Empirica" and Lomonosov's corpuscular theory in chemistry

Consequently, when Wolff returned to the term 'metaphysics', and additionally included psychology, it was a quite new understanding of metaphysics that was established. His metaphysics assimilated the new tendencies in philosophy in Europe, specifically to make it empirical. This was what "*Psychologia Empirica*" was supposed to be about; not necessarily to make psychology empirical, but *to investigate to what extent human nature was reliable when knowledge was acquired through sensation*. As the subtitles in all the volumes in the metaphysics from the 1730ies demonstrates; they are contributions to make a foundation for a modern scientific methodology.

Thus when Lomonosov referred to the "illustrious Wolff", it was entrenched in two aspects. One is that all scientifically acquired knowledge should be based on experiments, and the other is that if aspects of nature appear as insensible, they have to be expressed mathematically. These two premises permeate Lomonosov's text on "*Elements of Mathematical Chemistry*" [5], originally from

1741. Although he was not able to establish a laboratory before 1748, he nevertheless argued for the necessity of doing experiments from the very beginning. Meanwhile he stated for example that this and that had been “confirmed by experiments made by the illustrious Wolff” [5, p. 126].

Conclusions

There are a lot of things to say about the relationship between Lomonosov and Wolff, which first of all must have been very close. Yet, what is demonstrated here is that the aim of Wolff’s publication of “*Psychologia Empirica*” in 1732, was to establish a theoretical foundation for making science in general empirically based. This was done by examining the human nature to evaluate to what extent it can be regarded as accountable in the process of acquiring scientific knowledge. Although Lomonosov did not refer directly to this publication, he could not explicitly pledge for the experiment with references to Wolff, if this publication did not exist.

Литература

1. Carboncini S. Wolffrezeption in Europa // Theis R., Aichele A. (Eds). Handbuch Christian Wolff. Wiesbaden: Springer, 2018.
2. Copleston F.S.J. A History of Philosophy: Vol. 6. Modern Philosophy; Part 1: The French Enlightenment to Kant. Garden City NY: Image Books, 1964.
3. Klempe S.H. Tracing the Emergence of Psychology, 1520-1750. A Sophisticated Intruder to Psychology. New York: Springer, 2020.
4. Krstic K. Marko Marulic – The Author of the Term “Psychology”, Acta Instituti Psychologici Universitatis Zagrabiensis. 1964. No. 36. pp. 7-13, retrieved from Classics in the History of Psychology, <http://psychclassics.yorku.ca/Krstic/marulic.htm>
5. Lomonosov M.V. Mikhail Vasil’evich Lomonosov on the Corpuscular Theory / Transl. and ed. by H. M. Leicester. Cambridge MA: Harvard University Press, 1970.
6. Mengal P. La naissance de la psychologie, Paris: L’Harmattan, 2005.
7. Vidal F. The Sciences of the Soul. The Early Modern Origins of Psychology. Chicago: The University of Chicago Press, 2011.
8. Wolff C. Psychologia empirica methodo scientifica pertractata qua ea, quæ de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practica ac theologiae naturalis tractationem via sternitur. Francfvrti, Prostat in Officina Libraria Rengeriana, 1732.
9. Wolff C. Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719-1753. Ein Beitrag zur Geschichte der Kaiserlicjen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg: Eggers et Comp, 1860.

Л. ВЫГОТСКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ольга Васильева

MA, MAE, PhD Candidate

Simon Fraser University

E-mail: ovasilev@sfu.ca

Наталья Балясникова

PhD

University of British Columbia

E-mail: n.balyasnikova@gmail.com

В настоящем докладе обсуждается значение эволюционного подхода в работах Л. Выготского и его связь с современной эволюционной психологией. Мы начнем с краткого изложения основных подходов к эволюции сознания в современной западной науке и обсудим основные проблемы, с которыми сталкивается современная эволюционная психология. Мы также представим предварительные результаты мета-исследования основных тем и подходов, представленные в современной эволюционной психологии. Мы полагаем,

что некоторые из проблем, с которыми сталкивается современная эволюционная психология, могут быть решены обращением к работам Выготского и кратко обсуждаем потенциальные темы этих работ, которые могут быть полезны современным эволюционным психологам.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, разум, эволюция, эволюционная психология

L. VYGOTSKY AND MODERN EVOLUTIONARY PSYCHOLOGY

Olga Vasileva

MA, MAE, PhD Candidate

Simon Fraser University

E-mail: ovasilev@sfu.ca

Natalya Balyasnikova

PhD

University of British Columbia

E-mail: n.balyasnikova@gmail.com

The present submission discusses the notion of the role of evolutionary approach in the work of L. Vygotsky and its relation to Modern Evolutionary Psychology. We begin with briefly outlining the main approaches to the evolution of mind in the modern Western science and discuss how the main issues that are faced by the modern evolutionary psychology. We present preliminary results of the meta-research study investigating the main themes and approaches presented in the modern evolutionary science. We suggest that some of the issues that are faced by the modern evolutionary science can be solved by addressing the work of Vygotsky and outline potential themes of Vygotsky's work that evolutionary psychologists might benefit from.

Keywords: Vygotsky, mind, evolution, evolutionary psychology

The present submission discusses the notion of the role of evolutionary approach in the work of L. Vygotsky and Modern Evolutionary Psychology. We begin by briefly outlining the main approaches to the evolution of mind in the modern Western science: Evolutionary Psychology, Human Behavioral Ecology and Gene-culture co-evolution. We then discuss how the main issues that, in our opinion, are faced by the modern evolutionary psychology. To this extend we present preliminary results of the meta-research study currently conducted by the authors, aiming to investigate the main themes and approaches presented in the modern evolutionary science. We suggest that some of the issues faced by the modern evolutionary science can be solved by addressing the work of L. Vygotsky. We conclude by suggesting potential themes of L. Vygotsky's work that modern-day evolutionary psychologists might benefit from.

Modern approaches to the question of the phylogeny of mind and cognition in the Western evolutionary psychology are usually described by the three major approaches. The Evolutionary Psychology (referring to a particular approach adopted by the Santa Barbara school of thought) proposes that the human mind is modular in structure, where each module represents a particular adaptation to a specific environmental problem faced by human ancestors in the Pleistocene [1]. Humans evolved in closely-related social groups of hunter – gatherer communities, that are characterised by subsistent economy, nomadic life-style and high rates of child mortality. Major research developed in this paradigm investigates modern-day behaviors exhibited by humans and attempts to relate these behaviors to adaptive solutions relevant to the Environment of Evolutionary Adaptedness. Human Behavior Ecology focuses on the adaptive value of the current behavioral patterns in humans. Gene-culture co-evolution along with cultural evolutionary research addresses the central role of culture in the formation of human mind. In the cultural evolution paradigm social learning and language are essential features of the human life in both phylogeny and ontogeny.

Although modern evolutionary psychology encompasses different approaches, it faces some obstacles in explaining the origins of human mind in phylogeny. We suggest that one of the main obstacles is a *lack of a common approach to the subject of evolutionary science*. If researchers attempt to understand how human mind evolved in evolution, it is essential that there is some common ground

in understanding of what a human is. In other words, before we can meaningfully pose a question of how psychological processes evolved, whether animals exhibit psychological processes similar to the ones found in humans, or which factors played the major role in the formation of human cognition in phylogeny, it is important to define what kind of psychological process we are investigating, what is the structure of the mind in humans and other living organisms, and how did these structures changed in humans at various stages of phylogenetic development. Our own experience of working in the field of evolutionary psychology lead us to believe such common ground is not currently achieved. We are currently conducting a meta-research study of the major journals and conferences in the field of evolutionary psychology to investigate what is considered the main subject of the evolutionary psychology and how modern-day researchers define mind in cognition from the evolutionary perspective. Our preliminary analysis of the data suggests at two important limitations existing in the field.

First of all, approaches and definitions significantly vary depending on the field. For example, while comparative psychology literature tends to provide parallels between human cognition and psychological process in humans, traditional evolutionary research focuses exclusively on humans, with little regard to other animals. That is, we believe, there is a lack of attempts to investigate the similarities and differences between humans and non-human animals in the field. While researchers are obviously free to choose their research focus, we believe there is a need to include studies of non-human animals for the discipline in general. Such more holistic approach would, in our opinion, align better with the evolutionary logic itself, as evolution is not defined solely by a particular Environment of Evolutionary Adaptedness, but includes convergent evolutionary processes, where similar traits develop in various distantly related species under similar environmental conditions.

Second, our results suggest that modern evolutionary psychology in the west is (as any discipline) in a way bounded by the historical development of this discipline. Specifically, the strong influence of behaviorism on the XXth century psychology, and later developments of the Cognitive Revolution result in specific assumptions held by the modern-day evolutionary psychology. We believe that such assumptions can be characterised on a strong focus on investigating the behavior, rather than internal psychological process, where such processes are commonly defined as modules. We believe such an approach is problematic, as it does not adequately address the problem of the structure of the mind and thus does not address the question of its development in phylogeny.

We want to stress that we do not want to blame modern-day researchers for existing limitations in the field. The issues we have outlined are indeed not easily-solvable. However, in our opinion, they should be addressed by the discipline, that strives for advancement of our understanding of the evolution of human cognition. We believe evolutionary psychologists might find inspiration for such solution by addressing the work of L. Vygotsky. Although L. Vygotsky is commonly associated with developmental psychology and pedagogical science, he followed a holistic approach to research [2]. Vygotsky addressed the topics of human evolution and ontogenetic development only because of his main ambitious goal – to be able to scientifically and accurately explain the human mind. Such explanation in his view is impossible without addressing both the phylogeny and ontogeny of human psyche, and careful description of the processes that govern their development.

L.S. Vygotsky was well aware of the comparative work of leading researchers of his time. For example, he knew about the work of W. Kohler in Tenerife, studying goal-directed behavior and insight in primates. He was familiar with work of N. Ladygina-Kohts, who conducted one of the first experimental programs in comparative-developmental psychology, studying development of a human child and an infant chimp, carefully documenting their motor behavior, object manipulation, decision - making, and so on [3]. Knowledge of this literature, along with Vygotsky's interest in research with children and individuals delayed in mental development, lead Vygotsky to conclusion, that the human type of mind is a natural continuation of animal type of cognition.

Psychological process in organisms develop in order to govern the organism's activity and behavior in the environment. More complex organisms, living in a complex, changing environment tend to have more complex cognition. And, following evolutionary logic, evolutionary closely related organisms tend to exhibit more similar psychological processes. Thus, it should not be a surprise, that some types of human - like mental abilities, can be found in apes. This notion was an important foundation for S. Savage-Rumbaugh in her studies of language-trained apes. By the beginning of the project, it was already clear, that apes are not capable of human-like verbal language, thus researchers tried to teach primates communication in different modalities, such as gesture and symbolic tokens. To Savage-Rumbaugh, the goal of her program was to investigate, whether primates possess abilities,

that are *prerequisites* for a human language. Such abilities include generalizations, ability to categorise objects based on similar (not perceptually) features, formation of concepts, ability to operate signs. This program was partly inspired by Vygotsky's thinking, and the notion that linguistic abilities in humans are based on a number of more general cognitive abilities, that are shared with other species, including our evolutionary relatives - apes.

We believe that cultural-evolutionary researchers would find L.S. Vygotsky's work particularly interesting. Our reading of Vygotsky's work suggest that he did not separate psychological processes from the biological level. Vygotsky argued that the mind (or the type of psychological process an animal exhibits) was intimately related both to the type of behavior and activity of an animal and the type of environment the animal lives in. While this interrelation was true for humans as well, Vygotsky postulated that human environment as a cultural one ensures that a developing human develops new types of behavior, that are governed by psychological processes which, in turn, become mediated by culture and language. Humans in their thinking rely not only on perceptual processing, but on processing of signs. Thus, only humans are able to achieve mental organisation that unites perceptual and semiotic information - the new, semiotically mediated mind emerges [4, 5, 6].

For the 21st century psychology no theory of human mind is complete, unless it addresses the role of cultural environment in mind formation and functioning. As J. Bruner noted, cognitive science was born to overcome behaviorism, but it's shying away from culture made it in a way incomplete. Integration of neurological, biological levels with the notion of cultural environment can allow development of a more comprehensive psychological paradigm.

While modern evolutionary science in the West takes big interest in a work of some Russian and Soviet researchers, such as D. Belyaev [7], we believe knowledge of Vygotsky's work would benefit the field of the contemporary evolutionary psychology.

Литература

1. *Buss D.M.* The new science of the mind. NY: Routledge, 2015. 476 p.
2. *Vasileva O., Balyasnikova N.* (Re) Introducing Vygotsky's thought: From historical overview to contemporary psychology // *Frontiers in psychology*. 2019. №10. P. 1515.
3. *Zorina Z.A., Smirnova A.A.* O chyom rasskazali govoryashchiye obezyany: Sposobny li vysshiye zhivotnye operirivat' simbolami? [What did talking apes tell us: Are higher animals able to operate symbols]. M., 2006. 424 p. (in Russian)
4. *Vygotsky L.S.* Istoriya razvitija vyshikh psikhicheskikh funktsii // Vygotsky L.S. Sobranije sochinenii. Tom 3. Problemy razvitija psihiki / ed. A.M. Matjushkina. Moscow: Pedagogika, 1931/1983a. pp. 5–328.
5. *Vygotsky L.S.* Psikhologija i uchenije o lokalizacii psikhicheskikh funktsii // Vygotsky L.S. Sobranije sochinenii. Vol. 1 Voprosy teorii i istorii psikhologii / eds. A. R. Luria and Jaroshevskii. Moscow: Pedagogika, 1934/1982. pp. 168–174.
6. *Vygotsky L.S.* The problem of cultural development of the child // *The Vygotsky reader* / Eds. eds. R. van der Veer and J. Valsiner. Oxford: Blackwell, 1929/1994. pp. 57–72.
7. *Hare B.* Domestication experiments reveal developmental link between friendliness and cognition // *Journal of Bioeconomics*. 2018. № 20(1). pp. 159-163.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ПО РАБОТЕ Т. ХОНДЕРИЧА «ACTUAL CONSCIOUSNESS»)*

Гарник Владимирович Акопов

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии

Самарский государственный социально-педагогический университет

E-mail: akopovgv@gmail.com

Новый всплеск интереса к проблеме сознания в конце XX - начале XXI вв. обусловлен совмещением когнитивных и нейронаучных исследований психики. Обозначилась возможность решения «трудной проблемы» (Д. Чалмерс) и ответа на вопрос о характере связей мозга и сознания (нейронные корреляты сознания). В связи с этим усложнился вопрос о содержании понятия «сознание». Термин «сознание», использовавшийся ранее в словарных значениях, приобрел статус понятия в философии, психологии и других науках. Многие определения сознания получили концептуальное продолжение и оформлены как категории. В этом контексте воспринимается предпринятый Т. Хондеричем анализ «пяти ведущих идей о сознании», основанный на категориях Qualia, “Something It’s Like For a Thing To Be That Thing”, Subjectivity, Intentionality, Phenomenality. Множество концептуальных подходов к решению проблемы сознания, призванных преодолеть «объяснительный пробел», простирается от биологических до квантовых теорий сознания. Возможность упорядочить это многообразие недавно представлена в Journal of Consciousness Studies посредством категории “Meta-Problem”. На 19-ой конференции ASSC (Ассоциация научных исследований сознания) нами был предложен типологический подход к постановке и решениям проблемы сознания.

Ключевые слова: сознание, термин, понятие, категория, пять ведущих идей, Т. Хондерич

CATEGORICAL SYSTEM OF THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN ENGLISH-LANGUAGE PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC LITERATURE (BASED ON T. KHONDERICH “ACTUAL CONSCIOUSNESS”)

Garnik V. Akopov

DSc in Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology Samara State University of Social Sciences and Education

E-mail: akopovgv@gmail.com

A new surge of interest to the problem of consciousness in the late XX – early XXI centuries was generated due to the combination of cognitive studies of the psyche and neuroscience. The possibility of solving the “Hard Problem” (D. Chalmers) and the answer to the question about the nature of connections of the brain and consciousness (neural correlates of consciousness) was indicated. In this regard, the issue of the content of the “consciousness” concept has become more complicated. The term “consciousness” used earlier in dictionary meanings has acquired the status of a concept in philosophy, psychology, and other sciences. Many definitions of consciousness have received a conceptual extension and were designed as categories. In this context, we perceive the Honderich’s analysis of “Five Leading Ideas about Consciousness”, based on the categories Qualia, “Something It’s Like for a Thing To Be That Thing”, Subjectivity, Intentionality, Phenomenality. Many conceptual approaches to solving the problem of consciousness designed to overcome the “Axplanatory Gap” extend from biological to quantum theories of consciousness. The ability to streamline this diversity

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-013-00816 «Многомерность сознания как проблема современной психологии: типологизация подходов и конструирование системы категориальных пространств».

has recently been presented in the Journal of Consciousness Studies through the “Meta-Problem” category. At the 19th Annual Meeting of the ASSC, we proposed the Typological approach to analysis of various consciousness research programs.

Keywords: consciousness, term, concept, category, five leading ideas, T. Khonderich

Философская и научная идентификация сознания, как в прошлом, так и сегодня, ускользает от исследовательских усилий ученых [1; 2; 3].

Термины и понятия будем «статусно» различать по критериям широкого словарного значения (термины) и более узкого, конкретного научного (та или иная научная область знаний) содержания. Совокупность понятий, привлекаемых при построении той или иной теории, может обозначаться как «пространство» в случае выделения определенной части понятий в качестве базовых (основополагающих). Будем называть такие понятия категориями, а совокупность всех необходимых и достаточных категорий для оформления соответствующей теории, – категориальным пространством этой теории сознания.

Углубленный анализ современного состояния проблемы сознания и широкого спектра попыток ее решения в философской и научной англоязычной литературе представлен в работе Тэда Хондерича (Т. Honderich) [5]. Автор признает трудность проблемы («Hard Problem» с легкой руки Д. Чалмерса [4], но не считает ее уникально трудной, перечисляя в качестве таковых также неразрешенные тайны окружающей нас реальности, природы человека и личностной идентичности, детерминизма и свободы, справедливости и демократии, истины и лжи, логических парадоксов, искусства и др. [5, с. 8]. Хондерич фиксирует неизвестность, либо неясность ответов на вопросы «что означает?»: сознавать ощущения, воспринимать что-либо (перцептивное сознание); понимать, рассуждать (когнитивное сознание); хотеть, желать, намереваться, исполнять (аффективное сознание). Выделяя на протяжении всей книги эти три части (свойства, стороны, типы или элементы) обычного сознания (ordinary consciousness) [5, с.2], автор отмечает, что все они могут существовать одновременно, и, вместе с тем, мы осознаем различия между ними [там же].

Опираясь на работы различных исследователей, Хондерич последовательно анализирует «пять ведущих идей о сознании» [5, с. 17], оформившихся в связи с новыми изысканиями. Понятием квалиа (*qualia*) охватываются различные качества, проявляемые в процессе (или результате) субъективного опыта, т.е. характеристики ментальных (психических) состояний. В качестве примеров обычно приводятся такие характеристики (как правило внешних объектов), как осознаваемые состояния ощущений вкуса, запаха, цвета и т.д. Это один из «типов сознательного бытия, который невозможно анализировать в терминах объективной физики, заключает Хондерич, ссылаясь на Т.Nagel. Автор приводит также высказывания таких исследователей, как J. Searle, N. Blok, D. Chalmers и др., согласно которым квалиа, как осознаваемый внутренний опыт включает не только ментальные явления сенсорной сферы, но и эмоции, желания, мысли, а также верования, сомнения, вопрошание, отрицание и т.д. [5, с.17]. Сам Хондерич не поддерживает такую универсализацию квалиа как характеристики осознаваемого опыта и отличает такие проявления сознания, как отношение, убеждение, установочные утверждения (*propositional attitude*). Верования, сомнения, отрицание, согласно Хондеричу, больше чем квалиа, т.е. квалиа не исчерпывает всего поля сознания [5, с. 18], и «попытки использовать квалиа для идентификации сознания не адекватны» [5, с. 21-22].

К другой, второй по порядку, ведущей идее, Хондерич относит характеристику сознания, данную в форме развернутого предложения «Some Thing It's Like For A Thing To Be That Thing». Такая идентификация сознания, по-видимому, связана с одной из публикаций Т. Nagel с названием «Каково быть летучей мышью» (*What it is like to be a bat*), вызвавшей широкий отклик у исследователей сознания. Уточняя формулировку, Хондерич задается вопросом: «Что значит осознавать?», и отвечает в соответствии с формулировкой: «Быть чем-то, т.е. быть этой вещью!» [5, с. 23]. Критика автором такой идентификации сознания связана с ее тавтологичностью, неоднозначностью слова «похоже» и невозможностью поиска физикальной основы. Последнее проходит красной нитью во всей работе Хондерича и лежит в основе введенного им понятия «Actual consciousness»

Следующая в перечне категория «Subjectivity» (субъективность) рассматривается автором в смысле конкретных проявлений свойства квалиа, а также в смысле «быть похожим на нечто» (т.е. аккумулирует две предшествующие характеристики, с одной стороны,

и с другой – рассматривается в смысле отнесенности сознания к «Я» человека, его внутреннему миру, к Эго, самости и т.д. [5, с. 29]. Фиксируя «круговую» трактовку (определение) сознания и в этом случае, Хондерич видит основу такой идентификации в онтологии «от первого лица», т.е. отходе от исследовательской позиции «третьего лица» [там же]. Вместе с тем Хондерич признает субъективность (в ее таких формах как самопрезентируемость и самоподтверждаемость) не только ощущения, но и мышления и т.д., т.е. их «интимность», принадлежность личности [5, с. 43].

Еще одна ведущая идея о сознании восходит к работам Ф. Brentano. Основные характеристики сознания в атрибуции категории «интенциональность», это наличие объекта или содержания, как-то: идеи, понятия, значения, представления и т.п. (но не физически существующие вещи), а также направленность или отнесенность к этим объектам и содержанию в различных видах и формах. В соответствии с этим Хондерич, фиксируя понятие «интернациональное отношение», отмечает его двойственность: образы, мысли, представления и т.д., с одной стороны, с другой – отношения в формах любви, ненависти, желаний и др. [5, с. 43]. В связи с этим Хондерич признает неясность трактовки категории интенциональности по объекту и содержанию как направленности сознания.

Последняя из пяти ведущих идей, атрибутируемая в категории феноменальности, менее доступна пониманию в тех разъяснениях, которые находит у исследователей Хондерич [5, с. 43]. В силу этого автор считает менее удачной бинарную структуру сознания, включающую феноменальное и психологическое сознание, которую отстаивает Чалмерс [4, с. 46]. Более адекватной, по его мнению, является триада: перцептивное, когнитивное и аффективное сознание. Следует отметить, что в отечественной психологии перцептивное сознание часто включается в когнитивное, а в качестве третьей составляющей рассматривается действенное сознание, т.е. намерения, поведенческие установки и т.д. Вместе с тем Хондерич признает «парадигмальный статус» феноменального сознания в философии (феноменология). В связи с «гибридной» («смесь определений»), по мнению Хондерича, трактовкой феноменальности некоторыми исследователями (N. Block и др.), включающей и квалиа, и субъективность, и интенциональность, Хондерич упрекает их в «терминологическом либерализме» в отношении сознания [5, с. 44-46]. Возражая Чалмерсу, Хондерич утверждает, что феноменальное сознание не может быть беспричинным, апеллируя к Канту и к философской феноменологии [5, с. 48]. Хондерич считает, что в совокупности описаний феноменального сознания нет адекватного прояснения категории феноменальности – упрек, который автор относит к определениям обычного (ordinary consciousness) или любого иного сознания [5, с. 48].

Константируемая Хондеричем гибридность, т.е. смесь различных функций в определениях сознания, по нашему мнению, отражает отмеченную В.Ф. Пеитренко многомерность сознания, а пять рассматриваемых категориальных атрибуций сознания, при соответствующей трактовке, могут определять категориальное пространство проблемы сознания. Так, квалиа-сознание фиксирует «продуктивную» сторону (качество) сознания; сознание-идентификация (What it is like?) определяется через коммуникативную процессуальность; сознание – субъективность, как отнесенность к субъекту; сознание – интенциональность, как направленность на объект психической активности; сознание – феноменальность, на наш взгляд, можно трактовать как ментальный выход за пределы четырех вышеназванных качеств (или функций) в форме осознания и самосознания, т.е. так называемой коммуникации «от Первого лица».

Следует отметить, что Хондерич в своей работе упоминает также ряд других идентификаций сознания, например, сознание – «доступ» (access consciousness), не включая их в пять ведущих идей, возможно, в связи с тем, что они относятся не к феноменальному, а к психологическому сознанию.

С уважением относясь к идее самого Хондерича, пытающегося определить сущность сознания через соотношение с физикальностью разных типов [5, с. 149-243], отметим также что введенное автором понятие фактического сознания (Actual Consciousness) в его связи с «физической субъективностью» (Subjective Physical Worlds) требует помимо философской проработки, обстоятельно выполненной Хондеричем, также психологического анализа и интерпретации.

Завершая краткий обзор философских и научных исследований сознания в версии Т.Хондерича, отметим следующие главные отличия в категориальной постановке проблемы

сознания отечественными исследователями: 1) проблематика сознания в зарубежной психологии после смены бихевиористской ориентации в психологии на когнитивистскую предстала как совершенно новая и не развивавшаяся после работ В. Вундта, У. Джемса, Ф. Brentano и др., что не соответствует реальной истории психологии, в частности, российской (в прошлом-советской); 2) в зарубежных исследованиях не учитывается особый категориальный статус сознания, являющегося, с одной стороны порождением и частью психики, а с другой – метапсихическим образованием; соответственно, свойство рефлексивности сознания не представлено должным образом как функция (качество) сознания; 3) в весьма редких зарубежных работах затрагивается роль коммуникативности психики как фактора возникновения и функционирования сознания, а также инстаурационная (творческая) природа сознания; 4) не вполне учтены и анализируются явления необычных (особых) состояний сознания, а также нарушения и патология сознания с целью верификации тех или иных идей о сознании.

Литература

1. *Акопов Г.В.* Направления и формы интеграции психологических знаний в контексте развития науки // Интегративный подход к познанию психологии человека: В.Н. Панферов, В.В. Знаков, Е.Ю. Коржова и др. / Под научной редакцией Е.Ю. Коржовой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 87-107.
2. *Акопов Г.В.* Типология проблем в новом познании сознания // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. №2 (86). Апрель – июнь. С. 178-191.
3. *Акопов Г.В.* Факторы контакта и свободы в объяснении явлений сознания // Материалы I Всеросс. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы» 29 июня - 1 июля 2007 г. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2007. С. 13-15.
4. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
5. *Honderich T.* Actual Consciousness, UK, OXFORD University Press, 2014.

Пороговая проблема в истории психологии*

Виктор Михайлович Аллахвердов

Доктор психологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: vimiall@gmail.com

Тень сомнения всегда сопровождала представление о порогах. Герbart ввел понятие «порог сознания». Психофизика Фехнера опирается на более конкретное понятие «сенсорный порог». Теория обнаружения сигнала и субъектная психофизика объявляют порог неработающим понятием. В концепции автора порог рассматривается как логически неизбежное следствие процесса классификации. Такой подход позволяет объединить достижения различных подходов. Действует принцип неопределенности в процессе классификации: отнесение стимула к какому-либо классу автоматически делается безошибочно, но при проверке сознанием само представление о классе размывается, его границы становятся неопределенными. Для сенсорных задач принцип неопределенности может быть сформулирован так: при точном соответствии стимула и эталона нельзя одновременно получить сознательную оценку точности полученного соответствия. Платой за точность соответствия является неопределенность в оценке точности этого соответствия.

Ключевые слова: Сознание, порог осознания, психофизика, сенсорный порог, классификация, многозначность

* Исследование поддержано грантом РФФИ КОМФИ №18-00-00644.

A THRESHOLD PROBLEM IN THE HISTORY OF PSYCHOLOGY

Viktor M. Allakhverdov
DSc in Psychology, Professor
Saint Petersburg State University
E-mail: vimiall@gmail.com

A shadow of a doubt always fell on an idea of a threshold. Herbart came up with a concept of “a threshold of consciousness”. Fechner’s psychophysics uses a more specific concept of “sensory threshold”. A theory of signal detection and subjective psychophysics declare a threshold as a non-working idea. In the author’s theory, a threshold is a logically unavoidable consequence of the classification process. This approach allows combining ideas of other approaches. There is an uncertainty principle in the classification process: assigning a stimulus to a class is an automatic process which makes no mistakes, however, when consciousness checks for mistakes, the representation of a class itself becomes wider, its borders become uncertain. For sensory tasks, an uncertainty principle states that when there is an absolute match between a stimulus and a standard, we can not get a conscious evaluation of accuracy of the match. In other words, we pay for an accurate match with uncertainty on evaluation of the accuracy.

Keywords: consciousness, threshold of awareness, psychophysics, sensory threshold, classification, multiple meanings

Термин «порог сознания» в начале XIX в. ввел И. Гербарт [1]. Он замыслил построить психологическую теорию, опирающуюся на опыт и математику, взяв за образец ньютоновскую механику. Содержанием сознания, по Гербарту, являются представления. Всю работу с любыми представлениями, по Гербарту, надо выводить из одних и тех же причин. Деление целостной психики на разные психические способности (ощущение, память, воображение, мышление и т. д.) неоправданно [1, с.152], это – мифология психологии [1, с.124]. При этом Гербарт отказывается обсуждать вопрос о происхождении представлений [1, с.120]. (Заметим, что так же поступает И. Ньютон, отказываясь объяснять природу тяготения). Каждое представление стремится стать осознанным. Но для этого представлению надо переступить границу, перейти «из состояния полной задержки к некоторой степени представивания» [1, с.96]. Эту границу Гербарт называет статическим порогом сознания.

Органы чувств, утверждает Гербарт, работают практически идеально, «приближаются к математической определенности и обыкновенно не искажают своего предмета» [1, с. 71]. Почему же мы этих возможностей не осознаем? Каждое представление обладает собственной интенсивностью, позволяющей или не позволяющей ему перейти порог. Сознание стремится обеспечить непротиворечивое единство представлений. Поэтому новые представления подгоняются под уже имеющееся знание. Если же новое представление противоположно осознанным представлениям, то либо это представление обладает высокой интенсивностью и вытесняет старые, либо задерживается и не переходит чрез порог, не осознается. Если бы порог был стабилен, то никакое изменение было бы невозможно, следовательно, было бы невозможно и научение. Представления необходимо колеблются вокруг статического порога, то поднимаясь выше, то спускаясь ниже порога. Диапазон этих колебаний, по Гербарту, – механический порог сознания (пороговая зона, скажут позднее).

Гербарт сконструировал механизм работы сознания и решил, что этот механизм не пассивно отражает мир, а активно его преобразовывает. Ведь представления или даже их бесконечно малые части перейдут через порог сознания не только от воздействия внешних объектов, но и в зависимости от наличного содержания осознаваемого (всей накопленной в течение жизни «апперцептивной массы»). Сам Гербарт не заметил, что у него сознание на самом деле ничего не делает, а служит лишь вместилищем автоматически происходящих операций взаимодействия представлений. Но вряд ли это можно поставить в вину Гербарту, тем паче, что и сегодня обилие когнитивных теорий занято исключительно описанием механики попадания информации в сознание без какой-либо попытки объяснить, зачем она туда попадает. А Гербарт все-таки, в отличие от многих современных исследователей, хотя бы предполагает, что в сознании происходит проверка поступающих представлений на непротиворечивость.

Г. Т. Фехнер операционализировал умозрительные идеи Гербарта: надо рассматривать только сенсорные впечатления и только в зависимости от интенсивности физического раздражителя. Физический и психический миры – две стороны одной и той же действительности. Они однозначно связаны друг с другом, но не могут быть полностью тождественны, ибо тогда потеряется специфика психического. Фехнер поставил задачу построить точную количественную теорию об отношениях между физическим и психическим мирами. В общем виде для всех попадающих в сознание представлений эту задачу не решить. Количественно измерить величину ощущений сам субъект, по мнению Фехнера, не умеет. Он может сказать, какое из ощущений сильнее.

Если ощущение возникло, то только при достаточном увеличении физической интенсивности сигнала возникнет новое ощущение. Самое маленькое, «едва заметное различие» между двумя ощущениями – дифференциальный порог. Постулат Фехнера: едва заметное различие – это бесконечно малое различие, а потому все такие различия равны между собой. Фехнер трактует едва заметное различие одновременно как непрерывное (бесконечно малое, что позволяет ему эти различия не суммировать, а интегрировать и получать величину ощущения) и как дискретное (как порог). Это изумляет математиков, но не смущает физика Фехнера и позволяет ему получить красивый закон: величина ощущения пропорциональна логарифму интенсивности раздражения. Конечно, полагал он, в других задачах в психике могут выполняться более сложные операции. Высшие психические функции вообще не удастся описать с помощью простых формул. Но первый шаг превращения психологии в естественную науку сделан!

Но как, исходя из пороговой концепции, объяснить постоянно наблюдаемые в опытах флуктуации порога? Почему не воспринимаемые сознанием раздражения могут регистрироваться на физиологическом уровне и влиять на принимаемые человеком осознанные решения? Может, ощущения изменяются непрерывно, а применение к ним дискретных понятий ведет только к безнадежной путанице? Появление ощущения зависит не только от интенсивности стимула, но и от степени предрасположенности к восприятию данного раздражителя. Степень предрасположенности зависит от совершенно случайного сочетания бесчисленного множества факторов (тренированность, утомление, мотивация, установки, контекст и т. п.). Гештальтисты призвали вообще отказаться и от подобных исследований, и от подобных концепций. Ведь когда явление объясняется множеством факторов, которые нельзя даже перечислить, бессмысленно проводить эксперименты. Для них ощущение – это аналитическое разложение целостного образа восприятия, а потому этим образом и определяется. Наконец, как объяснить существование ложных тревог – когда испытуемый может сообщить об обнаружении различия стимулов тогда, когда их физическая интенсивность была одинаковой? В целом концепция Фехнера страдала тем же недостатком, что и концепция Гербарта: описывалась исключительно автоматика процессов, вызывающих осознанное ощущение. Видимо, поэтому У. Джеймс считал психофизический закон лишенным психологического содержания.

Теория обнаружения сигнала (ТОС) предложила объяснение ложных тревог. В любом канале связи необходимо возникают случайные шумы. Шум необходимо присущ и сенсорной системе человека. При поступлении сигнала одной и той же интенсивности может возникать разный сенсорный эффект, поскольку сенсорный шум является нестабильной величиной. Ложные тревоги возникают тогда, когда уровень шума настолько велик, что шум принимается за сигнал. В экспериментах теперь определяется не порог (это понятие объявляется «неработающим»), а критерий и чувствительность. Критерий определяется стратегией испытуемого: так, если испытуемый не хочет совершать ошибок ложного опознания (ложных тревог), то он увеличивает число ошибок пропуска сигнала. Внесенсорные факторы могут приводить к смещению критерия. Показатель чувствительности вычисляется из соотношения интенсивностей сигнала и сенсорного шума. Он строго объективен, на него не могут влиять ни мотивация, ни утомление, ни тренировка, ни иные факторы.

Однако в реальности ведь никто не принимает сенсорный шум за сигнал. От искр из глаз только Мюнхгаузен пытался разжечь огонь. И не всякая ложная тревога может быть объяснена сенсорным шумом. Случайный гауссовский шум сенсорной системы не может вызвать галлюцинации, иллюзии движения своего тела и т. д. которые наблюдаются в экспериментах с сенсорной депривацией. В рамках ТОС не объяснить наблюдаемые проявления

феноменальной сенсорной чувствительности, не объяснить, как, например, гипноз может влиять на чувствительность, т. е. на уменьшение шума, создаваемого сенсорной системой.

Субъектная психофизика подчеркнула роль активности субъекта в сенсорной деятельности. Она заимствовала у ТОС отказ от понятия порога, а обнаружение и различение стала рассматривать как сознательное действие по решению сенсорной задачи. Эксперименты показывают: если стимул не осознается в рамках одной задачи, то при смене задачи тот же стимул, с теми же физическими параметрами при схожем состоянии наблюдателя может отчетливо осознаваться. Но если стимул может быть осознан в рамках одной задачи, что мешает ему осознаваться в рамках другой задачи? В ответ переинтерпретируется излюбленная когнитивистами и ничем не обоснованная идея об ограниченности познавательных ресурсов.

Мной был предложен иной подход. Любая информация входит в сознание как представитель класса. (Л. М. Веккер называл это феноменом обобщенности). Закон классификации [2] добавляет: любая поступающая информация многозначна, может быть отнесена одновременно к разным классам, но осознается как представитель только одного класса, а класс не может состоять из одного члена. Порог – это статическая граница класса. Как и у Гербарта, порог характеризует не сенсорную деятельность, а любую психическую деятельность. И, как и у Гербарта, сознание проверяет, насколько поступающая информация вписывается в наличную систему знаний, в тот или иной класс. Для этого оно сличает информацию с несколькими членами класса. Такое сканирование членов класса приводит к флуктуации порога. В этом проявляется активность субъекта. Диапазон сканирования – это порог в классической психофизике. Выбор этого диапазона задается в ТОС как выбор критерия. Действует принцип неопределенности: отнесение стимула к какому-либо классу автоматически делается безошибочно, но при проверке сознанием само представление о классе размывается, его границы становятся неопределенными. Для сенсорных задач принцип неопределенности может быть сформулирован так: при точном соответствии стимула и эталона нельзя одновременно получить сознательную оценку точности полученного соответствия. Платой за точность соответствия является неопределенность в оценке точности этого соответствия. Когда сознание не контролирует правильность отнесения к классу, проявляются феноменальные способности человека: феноменальная сенсорная чувствительность, феноменальная память и т.д.

Литература

1. Гербарт И. Психология. М.: Территория будущего, 2007.
2. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.

ВЕДУЩИЕ НАУЧНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Ольга Аркадьевна Артемьева

*Доктор психологических наук, профессор,
зав. лабораторией методологии и истории психологии
Иркутский государственный университет
E-mail: oaartemeva@yandex.ru*

Актуальность изучения деятельности ведущих научных коллективов в истории советской психологии обусловлена перспективностью исследования закономерностей организации науки в условиях переходного периода, смены экономического и политического устройства страны, реформы науки, образования и т.д. Несмотря на наличие необходимых источников, на материале истории отечественной психологии данная проблема до сих пор целенаправленно не решалась. Предлагается программа исследования, основанного на принципах системности, субъекта и единства коллективного и индивидуального творчества в развитии психологического познания. Обозначаются возможности и перспективы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00675

анализа предметно-логических, личностных и социальных детерминант, механизмов организации и результатов научной деятельности коллективов советских психологов первой половины XX века. Научный коллектив психологов изучается как коллективный субъект общественно-значимой познавательной деятельности, сплоченный содержанием исследовательской программы под руководством выдающегося ученого. Перспективность исследования деятельности ведущих научных коллективов для изучения организации и развития психологической науки в СССР связывается с социалистической ориентацией научной политики и коллективными способами организации деятельности в этот период.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, научный коллектив, научная школа, научное сообщество, организация науки, научная политика, общественная потребность

LEADING SCIENTIFIC COLLECTIVES IN THE HISTORY OF SOVIET PSYCHOLOGY: PROSPECTS FOR THE RESEARCH

Olga A. Artemeva

DSc in Psychology, Professor,

Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology

Irkutsk State University

E-mail: oaartemeva@yandex.ru

The significance of research of leading scientific collectives' activities in the history of Soviet psychology is due to the promise of study of science organization regularities in the conditions of transition, changing economic and political structure of the country, reforming science and education, etc. Despite the availability of the necessary sources, the problem has not been yet purposefully solved on the material of the history of Russian psychology. The program of the research based on the principles of systems, subject, and unity of collective and individual creativity in the development of psychological knowledge is proposed. The possibilities and promises of the analysis of determinants (subject-logical, personal, and social), mechanisms of organization, and results of scientific activity of Soviet psychologists' collectives of the first half of the XX century are marked. A scientific collective of psychologists is studied as a collective subject of socially significant cognitive activity cohesive by the content of a research program under the leadership of an outstanding scientist. The perspective of the research of the leading scientific collectives' activities for the study of the organization and development of psychological science in the USSR is connected with the socialist orientation of scientific policy and collective ways of organizing activities during this period.

Keywords: history of psychology, Soviet psychology, scientific collective, scientific school, scientific community, organization of science, scientific policy, social demand

Актуальность изучения деятельности ведущих научных коллективов в истории советской психологии обусловлена перспективностью исследования закономерностей организации науки в условиях переходного периода, смены экономического и политического устройства страны, реформы науки, образования и т.д. Анализ реальной истории эффективного решения задач развития естественных и гуманитарных наук научным сообществом в целом и конкретными научными коллективами советских психологов позволяет дать обоснованные рекомендации по организации современной российской науки. Данные, полученные при изучении этого периода, оказываются востребованы для форсайта, прогноза возможностей [4, 9] и определения условий успешного перехода к новой системе образования и науки не только в России, но и в других странах.

Большие вызовы современной России, связанные с новой технологической революцией и академической мобильностью молодых ученых, обуславливают необходимость обновления системы управления научно-технологическим развитием. Подобные задачи стояли перед

советской наукой в 1920-1930 гг. Успешный опыт их решения ведущими научными коллективами тех лет до сих пор остается актуальным предметом науковедческого и историко-психологического исследования. Многие отечественные психологи в публикациях, посвященных их научным руководителям, в том числе в некрологах, делают попутные замечания об особенностях организации коллективной научной работы их учителями. Однако собственно проблема организации совместной научной деятельности на материале истории отечественной психологии до сих пор целенаправленно не решалась. Определенный вклад в ее решение намечен в работах, затрагивающих отдельные аспекты проблемы стилей ученичества и руководства в научных коллективах советских психологов и физиологов [7, 11]. Ряд аспектов организации работы школ-исследовательских коллективов советских психологов изучались М.Г. Ярошевым и В.В. Умрихиным [12, 13, 15].

Перспективным направлением решения проблемы эффективной организации отечественной науки видится не проведение традиционных для социальной психологии науки экспериментов или опросов ученых, а анализ данных реальной истории развития отечественной психологии. На современном этапе развития истории советской психологии не только накоплен, но и в определенной степени систематизирован значительный историко-психологический материал первой половины XX века. Систематизация биографических и библиографических данных позволила нам дать характеристику становления и развития научного сообщества психологов в этот период [2]. Логика дальнейшего исследования предполагает соотнесение условий, механизмов детерминации и результатов деятельности ведущих научных коллективов первой половины XX века.

В своей работе мы опираемся на принцип системности в исследовании развития психологического познания, обоснованный в работах В.А. Кольцовой [6], изучаем комплекс характеристик, аспектов и детерминант деятельности научных коллективов. С этой целью в качестве основных механизмов организации деятельности коллективов изучаем научные дискуссии, ученичество, научное руководство и институционализацию науки. Выделяем и анализируем фундаментальные, прикладные и практические результаты деятельности коллективов. Рассматриваем предметно-логические, личностные и социальные детерминанты научной деятельности (см. [6, 14]).

Предметно-логический аспект детерминации деятельности научных коллективов связан с реализацией исследовательской программы. На ее значение в качестве единицы анализа научной деятельности коллективного субъекта научной деятельности указывал М.Г. Ярошевский [14, с. 24]. Именно с принятием коллективом программы автор связывал возникновение научной школы: «Лишь тогда, когда индивидуальная программа становится основой деятельности коллектива, возникают те школы, творческая энергия которых служит могучим двигателем научного прогресса» [14, с. 27]. Известно, что И. Лакатос выделял в структуре научно-исследовательской программы жесткое ядро, защитный пояс и эвристики. Данные компоненты могут быть рассмотрены как результаты социально-психологической детерминации науки на уровнях первичного исследовательского коллектива и научно-социального круга ученого [2].

Учет личностных детерминант на этапе большой науки сводится к изучению не только влияния собственно индивидуально-личностных свойств субъектов научной деятельности, но и «роли личности в создании и функционировании научных школ как феномена и выражения коллективного научного труда» [6, с. 130]. При обращении к личностям ведущих советских психологов – В.М. Бехтерева, С.Л. Выготского, С.Л. Рубинштейна и др. – на передний план выходят их организаторские способности, особенности научного руководства и коммуникации.

Учет социальных детерминант деятельности научных коллективов предполагает изучение влияния общества, социальной ситуации развития науки. Это влияние в истории советской психологии изучаемого периода определяется, с одной стороны, соответствием научных исследований общественной потребности, а с другой – научной политике, социальному заказу со стороны партийно-государственного аппарата.

На данном этапе развития научных представлений наиболее разработанным является личностный аспект детерминации деятельности советских психологов. Однако рассматривается он преимущественно в разрезе научных биографий и описаний научного творчества лидеров советской психологии. Значительно менее изучена их руководящая роль в организации научных коллективов. В частности, при всем внимании, оказываемом научному пути и наследию Л.С. Выготского [13, 16, 17], за рамками рассмотрения оказывается его

деятельность в качестве руководителя научного коллектива. Систематизации и дальнейшей разработки требуют имеющиеся данные об организаторской деятельности Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпета, И.Н. Шпильрейна, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и др. Предметно-логический аспект деятельности ведущих психологов чаще представляется вне связи с коллективными формами организации научной работы. А работы, являющиеся исключением из этого правила, нечасто цитируются в историко-психологической литературе (см., например, [10, 12]). Социальная история советской психологии достаточно активно разрабатывается отечественными и зарубежными авторами, в том числе в связи с социальной детерминацией работы научных коллективов [1, 2, 3, 8]. Перспективным в обозначенном контексте видится изучение соответствия исследовательской программы ведущих коллективов советских психологов общественной потребности и научной политике отдельных периодов истории. Обращение к предметно-логическому аспекту развития коллективов советских психологов, методологически подготовленное в работах М.Г. Ярошевского и его учеников, также требует дальнейшей разработки – с учетом личностного и социального аспектов детерминации научной деятельности.

Реализуемый нами подход позволяет применить «принцип единства коллективного и индивидуального творчества в развитии психологического познания» [6]. Данный принцип означает «понимание истории психологии как результата деятельности не только отдельных (в том числе выдающихся ученых), но и научного сообщества в целом; предполагает выявление коммуникативного аспекта познавательного процесса, исследования того общенаучного контекста, в рамках которого происходит развитие и оформление научных идей и подходов» [6, с. 156].

Деятельность научных коллективов советских психологов изучается в контексте отечественной теории коллектива. Перспективность применения научного понятия «коллективный субъект» при изучении организации науки в СССР связывается нами с социалистической ориентацией научной политики и коллективными способами организации деятельности в этот период. Научный коллектив психологов изучается как коллективный субъект общественно-значимой познавательной деятельности, сплоченный содержанием исследовательской программы под руководством выдающегося ученого. Осознанная просоциальная направленность деятельности является характерной чертой этих объединений. Именно в этом смысле можно говорить о коллективах советских психологов как коллективных субъектах. Реализация данного подхода позволяет дополнить науковедческие представления о коллективном субъекте научного познания теоретическими положениями отечественной социальной психологии о признаках и уровнях развития коллективного субъекта деятельности, общения и отношений [1, 4]. Такой взгляд способствует расширению сферы применения категории «субъект» и представлений о «первичном исследовательском коллективе» как одном из уровней субъекта научного познания, занимающем промежуточное положение между уровнями «научной организации» и «научно-социального круга ученого», над которыми надстраиваются уровни «научного сообщества» и «общества» [1, 2].

Литература

1. *Артёмьева О.А.* Научное сообщество как субъект научной деятельности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 67-75.
2. *Артёмьева О.А.* Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия: дис. ...д-ра пс. н. М.: Институт психологии РАН, 2013. 745 с.
3. *Богданчиков С.А.* Проблемы истории и историографии советской психологии. М.: АСОУ, 2018. 348 с.
4. *Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: Основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72-80.
5. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В.* Прогнозирование и его перспективы в психологической науке (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 118-125.
6. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Институт психологии РАН, 2004. 416 с.

7. *Логина Н.А.* Феномен ученичества: приобщение к научной школе // Психологический журнал. 2000. №5. С. 106-111.
8. *Мазилев В.А., Стоюхина Н.Ю.* Последняя осень советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 223-236.
9. *Мироненко И.А.* От прогноза - к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. т. 38. № 3. С. 119-123.
10. *Московская психологическая школа: история и современность: в 3 т. Том I. Кн. 1. Фундаментальные проблемы общей психологии / отв. ред.: Н.И. Чуприкова, И.В. Равич-Щербо. М.: Психологический институт РАО, 2004. 448 с.*
11. *Ракитина О.В.* Г.И. Челпанов, И.П. Павлов и В.М. Бехтерев как научные руководители: сравнительный анализ // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 277-286.
12. *Умрихин В.В.* Роль школы Б.М. Теплова в создании советской дифференциальной психофизиологии: дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт истории естествознания и техники, 1984. 223 с.
13. *Ярошевский М.Г.* Л.С. Выготский в поисках новой психологии. СПб.: Международный фонд истории науки, 1993. 301 с.
14. *Ярошевский М.Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. М.: Наука, 1977. С. 7-97.
15. *Ярошевский М.Г., Умрихин В.В.* Формирование школы Б.М. Теплова как исследовательского коллектива // Вопросы психологии. 1983. № 1. С. 87-101.
16. *Zavershneva E., van der Veer R.* Not By Bread Alone: Lev Vygotsky's Jewish Writings // History of the Human Sciences. 2018. Т. 31. № 1. С. 36-55.
17. *Yasnitsky A.* Vygotsky: An Intellectual Biography. London and New York: Routledge, 2018. 152 p.

ВЛИЯНИЕ ТЕЛЕСНОСТИ НА МЫШЛЕНИЕ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Наталья Николаевна Булыга

Аспирант кафедры философии

Нижегородский государственный университет им. Лобачевского

E-mail: nbulyga@gmail.com

В работе дается краткое изложение понимания термина телесность, его составляющих, а также связи телесности с мышлением и мировоззрением. Рассмотрены понятия мышление и мировоззрение, проведено их разграничение. Изложено представление М.М. Бахтина о внутреннем и внешнем теле, как составляющих телесности. Рассмотрена теория П.Ф. Лесгафта о роли семьи, окружения, условий воспитания на формирование личности, становление его темперамента, типа и характера. Особое внимание уделено идее П.Ф. Лесгафта о важности физических упражнений в развитии человека, влиянии их на психическое состояние человека. Приведены данные из области физиологии о зависимости психики человека от физиологических процессов. Проанализированы возможные последствия нарушений психики в зависимости от изменений биохимического состояния организма человека. Сделан вывод о влиянии телесности на мышление и мировоззрение человека. Подчеркнута важность физических упражнений, как составляющих явления телесности, влияющих на мышление и мировоззрение человека.

Ключевые слова: телесность, тело, мышление, мировоззрение, физические упражнения, единство телесного и духовного

THE INFLUENCE OF EMBODIMENT ON A PERSON'S THINKING AND OUTLOOK

Natalya N. Bulyga

PhD Student, Department of Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: nbulyga@gmail.com

The article gives a brief summary of the understanding of the term “embodiment”, its components as well as the relationship of embodiment with thinking and worldview. The concepts of thinking and worldview are considered, their distinction is made. The article contains the presentation of M.M. Bakhtin on the inner and outer body as components of embodiment. The theory of P.F. Lesgaft on the role of the family, environment, conditions of education on the formation of personality, formation of their temperament, type and character is considered. Particular attention is paid to the idea of P.F. Lesgaft on the importance of physical exercises in human development, their impact on the mental state of a person. The data from the field of physiology about the dependence of the human psyche on physiological processes are presented. Possible consequences of mental disorders depending on the changes in the biochemical state of the human body are analyzed. The conclusion is drawn about the influence of embodiment on the thinking and worldview of a person. The importance of physical exercises as components of the phenomenon of embodiment affecting the thinking and worldview of a person is emphasized.

Keywords: embodiment, body, thinking, worldview, physical exercise, unity of body and spirit

О связи тела и ума, тела и души говорили еще в древности. В частности, античные греки использовали термин калокогатия. Воспитание человека совершенного предполагало «гармоничное единство в человеке совершенства телесного сложения и духовно-нравственного склада, красоты и доброты».

Средние века, Возрождение, Новое время – отношение к телу человека менялось, его уничижали и превозносили, о нем размышляли, пытались определить «место» тела человека по отношению к разуму, «его значение» для человека. В настоящее время много говорят о новой категории – телесности человека, как единстве физического, психического, социального. Значительным шагом для возвращения внимания к телу человека стало выделение такой дисциплины, как философия спорта. Остается главное – это само занятие какими-либо физическими упражнениями. Как они влияют на тело человека, на мышление, на мировоззрение? Полагаем, наличие физической активности является важным компонентом формирования телесности человека, влияет на процесс мышления и может влиять на его мировоззрение. Рассмотрим эти вопросы ниже.

Термин телесность (англ. corporeality, corporeality, bodiness, embodiment) пока не получил однозначной терминологической фиксации и именуется по-разному у различных теоретиков. Этот термин разрабатывается главным образом в философии, психологии, социологии, является составляющей различных социокультурных практик. Каждая из наук исследует этот вопрос со своей точки зрения, используя свою терминологию. Кратко обобщая различные определения, можно сказать, что человеческая телесность, включая в себя душу и тело, «формирует единое пространство, позволяющее изучать в естественной целостности природные, психологические и социокультурные манифестации человеческой сущности». [1, с. 71]

Отметим, что психология, как наука о душе, была составной частью философии, и выделилась в качестве отдельной науки лишь в конце XIX – начале XX века. Возврат к единству биологического, психологического и социального – то, что предполагается под термином телесность. Рассмотрение телесности без привлечения данных смежных дисциплин, таких как психология и физиология, может дать восприятие только одной стороны данного явления. В связи с этим, подойдем комплексно к вопросу влияния телесности на мышление и мировоззрение человека.

Психологией телесности в различных отношениях занимались такие психологи, как У. Джеймс (физическое Я), Э. Кречмер (характер и тип телосложения), В. Райх (телесно-

ориентированная психотерапия), Ф. Александер (психосоматическая медицина), А. Лоуэн (биоэнергетический анализ), С. Гроф (холономная интеграция), Д. Боаделла (биосинтез), Л. Марчер (бодинамика), М. Эггерт (язык тела) и мн. др. Из современных российских авторов эту проблему разрабатывают И.П. Волков (концепция телопсихики), В.Ф. Сопов (психология телесности в спорте), В. Баскаков (танатотерапия), В.Н. Никитин (психология телесного сознания), Т.В. Леви (психология телесности), М.Е. Сандомирский (телесная психотерапия) и мн. др.

М.М. Бахтин представляет телесность в виде двух категорий: «внутреннее тело» - содержит в себе опыт внутренних ощущений, которые, в свою очередь, возникают из наших потребностей и желаний; и «внешнее тело» - категория, берущая свое существование в диалоге с Другим, кем-то извне, способным «дать оценку» «внешнему телу». [2, с. 74-77]

Определить составляющие телесности можно следующим образом:

- биологическая – собственно тело и ощущения, которые формируются с детства,
- социальная – выстраивается на основаниях суждений других людей, мнения общества,
- психологическая – самооценка, как следствие первых двух составляющих.

Подкрепим указанную философскую классификацию данными из практической дисциплины. Для этого обратимся к труду П.Ф. Лесгафта – доктора медицины, профессора, педагога, специалиста по движению и обучению двигательным действиям, который еще в 19 веке писал: «одно умственное развитие не даст еще человеку того, что ему требуется в жизни, необходимо, чтобы он был в состоянии и действовать. Один из главных недостатков наших школ – это отсутствие физического образования» [3, с. 237]. П.Ф. Лесгафт относил физические упражнения к одному из методов общего и, прежде всего, психического развития ребенка. В своих работах он писал о «физическом образовании», а не воспитании. [3, с. 7]

Второй обширной областью работы П.Ф. Лесгафта, было изучение значения семейного воспитания ребенка, а затем и роли воспитателей и учителей в деле становления личности. П.Ф. Лесгафт писал о связи существующей между условиями семейной жизни ребенка и его проявлениями, а также об условиях, в зависимости от которых устанавливаются темперамент, тип и характер человека. То есть, не называя термин «телесность», П.Ф. Лесгафт фактически описывает его составляющие.

Под влиянием указанных выше факторов в процессе становления человека формируется его способность к мышлению, под которым понимается «процесс отражения наиболее существенных свойств предметов и явлений действительности, а также наиболее существенных связей и отношений между ними, что в конечном итоге приводит к получению нового знания о мире. На основе возникающих ассоциаций между отдельными представлениями, понятиями создаются новые суждения и умозаключения». [4, с. 4]

В процессе мышления и так же под влиянием указанных выше условий формируется мировоззрение, как «система взглядов, определяющих общее видение и понимание мира и места человека в мире, а также основанная на этих взглядах жизненная позиция». [5, с. 9] То есть мировоззрение можно определить как точку зрения человека, сформировавшуюся в процессе мышления.

Обзор учебной литературы по философии показал, что в основном среди аспектов, влияющих на мировоззрение, называют информационные источники – в частности, знания о мире и его свойствах [5, с. 9], социальное окружение – семья, ближайшие друзья семьи, школа, вуз, друзья и т.д. [6], СМИ, книги и т.д. Без сомнения, это верно, но зачастую упускается биологическая составляющая телесности, о которой говорилось выше. Лишь в трудах специалистов по физической культуре можно найти более подробную информацию о влиянии физических упражнений на формирование мышления. Представляется верным, что два мира – философия, как результат процесса рефлексии, и физическая культура, как осознанная двигательная активность, вызывающая адаптивные процессы в организме человека, не могут быть отделены друг от друга, иначе сам феномен телесности будет рассмотрен лишь с одной стороны.

Каким образом физические упражнения могут воздействовать на процесс мышления и участвовать в формировании мировоззрения? Рассмотрим подробнее, обратившись к данным такой науки, как физиология. Не приводя цепочки химических процессов, которые возникают в теле человека, укажем, что в результате регулярного выполнения физических упражнений на биохимическом уровне происходит следующее:

- повышается устойчивость работы ЦНС;

- повышаются функциональные способности и устойчивость эндокринных систем (железы внутренней секреции);
- нормализуется обмен веществ;
- расширяются возможности транспортировки кислорода к тканям.

Рассмотрим кратко эти пункты.

Центральная нервная система (ЦНС) включает в себя головной и спинной мозг, отвечает за контроль всех жизненно важных процессов в организме. Головной мозг отвечает за мышление, речь, координацию, обеспечивает работу всех органов чувств, начиная от простой температурной чувствительности и заканчивая зрением и слухом. Спинной мозг регулирует работу внутренних органов, обеспечивает координацию их деятельности и приводит тело в движение (под контролем головного мозга).

Эндокринная, или гормональная, система – принимает участие в химических процессах, координирует деятельность всех органов и прочих структур, отвечает за стабильное течение процессов жизнедеятельности в условиях постоянного изменения внешней среды. Важно отметить, что деятельность эндокринной системы распространяется на формирование эмоциональных реакций, психического поведения. Кроме того, это один из генераторов энергии человека.

Обмен веществ – важная часть жизнедеятельности организма, одной из задач которого является выведение токсинов. При нарушении выведения продуктов распада организм страдает от интоксикации, при этом могут повреждаться органы, нарушаться работа ЖКТ, проявляться сильная слабость, возникают различные заболевания.

Транспортировка кислорода к тканям важный процесс жизнедеятельности человека. Так как кислород участвует в обмене веществ. Почти все окислительные процессы в тканях, в результате которых высвобождается необходимая для жизнедеятельности организма энергии, протекают с участием кислорода. Поэтому прекращение поступления кислорода приводит к гибели тканей и организма. Наиболее чувствительна к недостатку кислорода нервная ткань [7].

Все системы организма человека взаимосвязаны, изменение одной системы влечет изменение других. Психические процессы в организме человека находятся в зависимости от физиологических процессов. Физическая усталость, мышечная слабость тела могут влиять на эмоциональный фон человека и, как следствие, формировать реальность человека, формировать его мировоззрение. В случае затяжной болезни рассуждения мыслителя могут проходить через призму болезни и нести ее отпечаток. Сбой гормональной системы может сопровождаться психическими расстройствами. Человек с психоэндокринным расстройством теряет грань между иллюзией и реальным миром, но при этом он может оставаться социально активным, иметь свою точку зрения и выражать идеи.

Без сомнения регулярные занятия физическими упражнениями положительно влияют на организм человека сначала на биохимическом уровне, а затем и на психическом. Привнесение в жизнь человека регулярных занятий физической культурой будет способствовать изменению его тела и может повлечь за собой изменение такой составляющей телесности человека, как мышление в виде физиологического процесса, а затем и мировоззрения, как общего отношения человека к окружающей действительности и самому себе. И здесь нелишне будет привести цитату Мерло-Понти, который указывал, что «психологические мотивы и телесные причины зачастую переплетаются, ибо в живом теле нет такого движения, которое было бы совершенной случайностью с точки зрения психических интенций, и нет такого психического акта, зерно или общая схема которого не содержалась бы в физиологических механизмах» [8, с. 126].

Литература

1. Цветус-Сальхова Т.Э. «Тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2011. 2011. № 351. С. 70–73.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / сост. С.Г. Бочаров. СПб.: Азбука, 2000. С. 3-226.

3. *Лесгафт П.Ф.* Психология нравственного и физического воспитания // Под редакцией М.П. Ивановой. – М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: «Издательство НПО «МОДЭК», 1998.
4. *Зефирова Т.Л., Зиятдинова Н.И., Купцова А.М.* Физиологические основы мышления: учебно-методическое пособие для студентов // Казань: Изд-во «Вестфалика», 2015.
5. *Пронина Е.Н.* Философия : учебник; Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2011.
6. *Фролов С.С.* Социология. М.: Гардарики, 2002.
7. Физиология человека // Под редакцией В.М. Покровского, Г.Ф. Коротько [Электронный ресурс]. (<http://bibliotekar.ru/447/>)
8. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия // Перев. с фр. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина, Издательство: Наука, Ювента, Gallimard. 1999.

ЦЕНА ОБЪЕКТИВНОСТИ: НЕОТДЕЛИМОСТЬ ФАКТОВ ОТ ЦЕННОСТЕЙ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Наталья Петровна Бусыгина

Кандидат психологических наук, доцент

Московский государственный психолого-педагогический университет

E-mail: boussyguina@yandex.ru

Светлана Викторовна Ярошевская

Младший научный сотрудник

Психологический институт Российской академии образования

E-mail: yaroshevskaya@yandex.ru

С точки зрения представителей критических подходов, та форма научной объективности, которая служит регуляторным идеалом для проведения психологических исследований, основана на исключении из анализа измерения социального поля и существующего в нем неравенства, что ведет к искажениям той самой объективности, которой пытались достичь. Однако позиция сторонников критических подходов, акцентирующих тему социального неравенства, для многих представителей академического сообщества выглядит как политически нагруженная. В целом симпатизируя критическим подходам, авторы тем не менее показывают, что в них существует путаница ценностей и эпистемологических принципов. Отстаиваемое критическими исследователями положение о неотделимости фактов от ценностей – эпистемологический принцип, и следствием его должно быть не занятие якобы правильной ценностной позиции, а действие эпистемологического характера, связанное с разработкой соответствующих стандартов исследования. Скрытое за «объективностью» психологического инструментария продвижение интересов привилегированных групп, на которое указывают критические психологи, – это именно эпистемологическая, а не ценностная претензия.

Ключевые слова: критические подходы, критическая психология, ценности, эпистемологические принципы, научная объективность, социальное неравенство

THE COST OF OBJECTIVITY: “THE FACTS CAN NEVER BE ISOLATED FROM THE DOMAIN OF VALUES” AS AN EPISTEMOLOGICAL PRINCIPLE

Natalya P. Busygina

CSc in Psychology, Assistant Professor

Moscow State University of Psychology & Education

E-mail: boussyguina@yandex.ru

Svetlana V. Yaroshevskaya
Junior Researcher
Psychological Institute of Russian Academy of Education
E-mail: yaroshevskaya@yandex.ru

In critical approaches, the type of objectivity acknowledged as a regulatory ideal for psychological research is considered as based on inattention to the social dimension and ignoring the fact of social inequality that results in biases of different kinds. But for many scholars, special attention to social inequality looks like a sort of politization incompatible with science. Agreeing with main ideas of critical approaches, the authors nonetheless suggest that there is a confusion of values and epistemological principles in them. A critical point that “the facts can never be isolated from the domain of values” is an epistemological principle and its consequence should not be the “correct” value orientation but an epistemological act, for example, the development of relevant research standards. As critical psychologists point out, under the guise of “objectivity”, the promotion of privileged group interests can be hidden, and it is an epistemological and not a value claim.

Keywords: critical approaches, critical psychology, values, epistemological principles, scientific objectivity, social inequality

Одна из тенденций современной методологии психологических и социальных исследований – расширение концепции валидности исследования за счет включения в нее стратегий не только собственно научной, но и этической валидации [1]. Наибольший вклад в отмеченный «аксиологический поворот» в методологии внесли сторонники критических подходов. При всем многообразии их взглядов и теоретических позиций, представители критических подходов разделяют друг с другом базовое положение о теснейшей связи между фактами и ценностями. На достаточно большом историко-психологическом материале они показывают, что попытки строить объективную, ценностно-нейтральную науку – род самообмана: то, что выглядит нейтральным, отнюдь таким не является, но содержит тонкие искажения в пользу привилегированных в обществе групп [2, 3, 4].

Как можно заметить, ценностным основанием критических подходов является идея равенства и социальной справедливости, ассоциирующаяся с левыми политическими движениями и силами. Распространение «левого умонастроения» и достаточная популярность критических подходов в университетской среде вызвали ответное движение: представители академического сообщества все чаще выражают явный скепсис в адрес научной работы «в пользу угнетенных» и призывают к возвращению в лоно «истинной науки» с ее политической неангажированностью и объективностью метода. В этом смысле достаточно показательным оказался широко обсуждавшийся в академическом сообществе случай публикации фейковых статей, когда три автора (философ П. Богосян, историк литературы Х. Плакроуз и математик Дж.А. Линдси) конструировали, как им представлялось, бессмысленные тексты на остро модные темы расы, гендера, сексуальности и т.п. и рассылали их в рецензируемые журналы, так что к моменту их разоблачения часть таких пародийных работ была или уже опубликована, или принята в печать (краткое изложение случая см., например, в статье М. Немцева [5]). Сами авторы заявляли, что их случай демонстрирует, что в современном поле социальных исследований не важно, насколько научно исследование – важно, чтобы оно было в тренде, то есть продвигало «правильную» политическую позицию (антирасистскую, феминистскую, защищающую интересы ЛГБТ-сообщества и т.п.). Безусловно, представители академического сообщества высказывали разное отношение к самому эксперименту Богосяна, Плакроуз и Линдси, однако многие были согласны с тем, что политическая ангажированность социальных исследований действительно имеет место и что это может дискредитировать социальную науку как таковую.

На наш взгляд, та форма научной объективности, которая служит регуляторным идеалом для проведения психологических исследований, основана на исключении из анализа измерения социального поля и существующего в нем неравенства, а это, в свою очередь, приводит к нечувствительности психологов к искажениям той самой объективности, которой они и пытались достичь. Когда психологи приступают к исследованию, например, успешности в обучении, они делают акцент на когнитивных особенностях, мотивационных

характеристиках, самооценке и пр., как если бы те были просто индивидуальными особенностями людей, принадлежащих одной и той же в качественном отношении среде. Представитель критической психологии Т. Тео справедливо замечает, что психологам необходимо разрабатывать систему концептов, в которых отражена психологическая сторона процессов социального неравенства [6]. Примерами таких концептов могут служить цепи неравенства и привилегии. Скажем, в случае с исследованием успешности/неуспешности в обучении психологическое исследование не может ограничиваться оценкой когнитивных и мотивационных факторов, предположительно влияющих на успешность, как это обычно исследуется в психологии. Необходимо также понять, какие формы исключения действуют в системе образования, причем действуют скрыто; как, например, привилегии, оставаясь несимволизируемыми, преобразуются в успешность – символизированный капитал, еще одну привилегию, и как, оставаясь незамеченными, лишения оборачиваются неуспешностью, удлиняя тем самым цепь лишений. М. Файн, проводя основанное на длительном наблюдении исследование в американских школах, обнаруживает, что именно представители не-белых рас оказываются теми, кто испытывает сложности с обучением и в конце концов отчисляется [7]. Безусловно, не сама по себе принадлежность к расе является поводом к отчислениям. Запутанные процессы цепей лишения и привилегий перемешиваются с их психологическими и социальными следствиями. М. Файн проясняет и то, как лишения и привилегии работают на межличностном уровне – в коммуникации учеников и педагогов. Отслеживание психологической составляющей этих процессов представляется особенно важным. Например, в ряде исследований речь идет о том, что ядром эмоционального режима представителей низших социальных классов становится стыд, в то время как в высших классах поддерживается другой эмоциональный режим – чувство гордости за себя, свою семью [8]. Стыд часто переживается в замещенной форме – в виде агрессии, проявлений негативизма (в том числе по отношению к практикам образования), а также в форме социальной изоляции, снижения мотивации образования и деятельности. Для достижения научной объективности недостаточно ограничиваться лишь констатацией психологических характеристик, но необходимо держать в поле зрения ту социальную матрицу, с которой данные характеристики могут быть теснейшим образом связаны.

Может создаваться впечатление, что сторонники критических подходов всегда занимают определенную ценностную позицию – полагают, что современное общество устроено несправедливо и его нужно менять; более того, что само исследование должно в некотором смысле быть верным этой этической максиме – «работать» на социальные изменения. При общем согласии с таким взглядом на критические подходы, мы, тем не менее, думаем, что в них остается непроясненным один момент, который, возможно, и вызывает ряд перегибов в позиции некоторых их сторонников и, соответственно, скепсис в их адрес со стороны широкой академической общественности. В книге, посвященной критическому этнографическому методу и его применению в области исследований образования, Ф.Ф. Карспекен справедливо замечает что у авторов, придерживающихся критического вектора исследований, есть путаница в понимании критики: ценности смешаны с эпистемологическими принципами [9]. Неотделимость фактов от ценностей – это именно эпистемологический принцип, но часто происходит так, что из него выводятся неверные, чисто ценностные следствия. Например, известный сторонник социоконструкционистской критической эпистемологии Э. Гьюба, отталкиваясь от положения о неотделимости фактов от ценностей, прямо заявляет, что социальное исследование – это политический акт: оно предполагает занятие определенной позиции внутри социальных отношений, включая отношения власти, поэтому его результаты всегда будут способствовать наделению субъектностью и освобождению одних и уменьшению этой субъектности других [10]. Соответственно, комментирует заявления Гьюбы Карспекен, исследователю необходимо найти правильную политическую позицию: коль скоро мир несправедлив, нужно быть на стороне угнетенных. Вот здесь мы и имеем дело со смешением, говорит Карспекен. Неотделимость фактов от области ценностей – это эпистемологический принцип, и следствием его должно быть не занятие якобы правильной ценностной позиции, а действие эпистемологического характера: если научные утверждения о фактах обусловлены ценностями и никогда не бывают нейтральными или объективными в традиционном смысле, то критическая эпистемология должна быть особенно внимательна к этой обусловленности и как можно более точно прояснять отношения фактов и ценностей и на этой основе формулировать стандарты

исследования, позволяющие избегать или уменьшать возможные искажения. Отслеживать цепи лишений и привилегии, делать видимыми скрытые процессы исключения, исследовать пути и формы (само)колонизации сознания отнюдь не означает политическую ангажированность критического исследователя, как порой представляют те, кто скептически относится к критическим подходам. Напротив, это необходимый шаг для того, чтобы справиться с такой ангажированностью – неявным продвижением интересов привилегированных групп, которая может скрываться за, казалось бы, далекой от политики научной объективностью психолога. Причем необходимо подчеркнуть, что продвижение интересов привилегированных групп – это именно искажение научности, эпистемологическая, а не ценностная претензия.

Литература

1. *Бусыгина Н.П.* Проблема качества качественного исследования: принципы научной и этической валидации // *Методология и история психологии*. 2009. №3. С. 106–130
2. *Burman E.* *Deconstructing Developmental Psychology*. London: Routledge, 2008. 356 p.
3. *Fox D., Prilleltensky I., Austin S.* (Eds.) *Critical Psychology: An Introduction*. London: Sage, 2009. 496 p.
4. *Parker I.* (Ed.) *Handbook of Critical Psychology*. London: Routledge, 2015. 494 p.
5. *Немцев М.* Афера трех: почему она не смогла дискредитировать гендерные исследования [Электронный ресурс] URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/grievance-studies-vs-gendernye-issledovaniya.htm> (дата обращения 15.10.2019)
6. *Teo T.* *Outline of Theoretical Psychology: Critical Investigation*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 316 p.
7. *Fine M.* *Framing Dropouts: Notes on the Politics of an Urban Public High School*. NY: SUNY Press, 1991. 320 p.
8. *Jo N.Y.* *Psycho-Social Dimensions of Poverty: When Poverty Becomes Shameful // Critical Social Policy*. 2013. 33(3). P. 514–531
9. *Carspecken Ph.F.* *Critical Ethnography in Educational Research: A Theoretical and Practical Guide*. NY, London: Routledge, 1996. 223 p.
10. *Guba E.G.* (Ed.) *The Paradigm Dialog*. Newbury Park, CA: Sage, 1990. 424 p.

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ БЕЗ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Илья Евгеньевич Гарбер

Доктор психологических наук, научный сотрудник

Гарвардский университет

Профессор

Саратовский государственный университет

E-mail: Ilya.Garber@gmail.com

История психологии является результатом индивидуальных и коллективных межкультурных усилий ученых из разных стран мира. В последние годы феномен растущего коллективизма, количество соавторов публикаций, рост стоимости психологических исследований в сочетании с дефицитом финансовых, материальных и человеческих ресурсов ставят перед организаторами науки и просвещения проблемы прогнозирования будущего психологии и определения степени перспективности отдельных направлений, какие из ее направлений являются более перспективными, а какие менее. Традиционная история психологии не отвечает на эти вопросы («история ничему не учит»). В статье представлена система взаимодополняющих теорий, которые позволяют приблизить историю психологии к другим ее разделам, в частности, увидеть уникальные исторические события и персоналии как представителей выборки однородных событий и персоналий, за счет преобразования или исключения хронологического времени.

Ключевые слова: история психологии, хронологическое время, трансспективный анализ, мета-транзитивная методология, клиометрический подход, рациональная реконструкция истории науки, категориальный анализ, систематология

THE HISTORY OF PSYCHOLOGY WITHOUT CHRONOLOGICAL TIME

Ilya E. Garber

DSc in Psychology, Researcher

Harvard University

Professor

Saratov State University

E-mail: Ilya.Garber@gmail.com

The history of psychology is the result of individual and collective cross-cultural efforts of scientists from different countries of the world. In recent years, the phenomenon of increasing collectivism, the number of co-authors of publications, the rise in the cost of psychological research combined with a scarcity of financial, material and human resources set the problem for the organizers of science and education of prediction of the future of psychology and determining the degree of prospects for individual trends, which of its directions are promising and which are less. The traditional history of psychology does not answer these questions (“the history teaches nothing”). The article provides a system of mutually complementary theories that make it possible to bring the history of psychology closer to its other sections, particularly, to see unique historical events and figures as representatives of samples of homogeneous events and figures, by transforming or eliminating chronological time.

Keywords: history of psychology, chronological time, transpective analysis, meta-transitional methodology, cliometric approach, rational reconstruction of the history of science, categorial analysis, systematology

The history of psychology is the result of individual and collective cross-cultural efforts of scientists from different countries of the world. In recent years, the phenomenon of increasing collectivism, the number of co-authors of publications, the rise in the cost of psychological research combined with a scarcity of financial, material and human resources set the problem for the organizers of science and education of prediction of the future of psychology and determining the degree of prospects for individual trends, which of its directions are promising and which are less.

The traditional history of psychology does not answer these questions. The article provides a system of mutually complementary theories that make it possible to bring the history of psychology closer to its other sections, particularly, to see unique historical events and figures as representatives of samples of homogeneous events and figures, by transforming or eliminating chronological time.

The main virtue of the history of psychology, as it's represented in modern textbooks, is the possibility of chronological sorting of significant scientific events and figures, while its main restriction consists in low forecasting power (“the history teaches nothing”). Both merits and demerits are related to chronological time. Attempts of improvement of accuracy of prediction for future scientific events are going in two ways: 1) rethinking of concept of “historical/chronological time” and 2) its elimination, by the one or the other mode, from the history of psychology.

Different ways of chronological time transforming or elimination are considered and discussed: transpective analysis, meta-transitional methodology, cliometric approach, rational reconstruction of the history of science, categorial analysis, systematology, integrative propositional analysis. The limitations of such studies were formulated by P. Meehl in his last paper: the research programs must be coordinated by the central planning agency and they need huge investment of time and money.

The only element amalgamating different textbooks on the history of psychology is chronological time. Owing to it, we can arrange in chronological order the sequences of scientific schools and collective approaches, single scientists' biographies, problems considered, goals and tasks formulated, hypotheses suggested, ideas, methods, theories and researches done, facts discovered, key publications, organizational events (opening of journals, departments, laboratories, conducting of conferences and other scientific meetings). This feature constitutes main and may be the only merit of this discipline in its current state. Surely, it's not an accidental concurrence: ‘classicism, resting on statics of realized, on “psychological petrifications”, excludes history as dynamic event, leaving in it only chronological component’ [1, p. 16].

Chronological approach is natural and visual. It enables authors of textbooks and lecturers of the history of psychology to describe the past in coherent and logical manner, to evaluate changes of culture and society needs, directions of scientists' efforts and progress of science understood as the growth of the number of psychologists, departments, laboratories and journals, publications, complication of their themes and content.

However, as practice of its application for many years had shown, it does not lead to reliable forecasting of tendencies and perspectives of psychological sciences, though such estimates are necessary for managers of psychological education and science, future students and the society as the whole. The history of psychology from the evolutionary and cognitive perspective emphasizing dynamic aspects of its formation and development is not yet written.

There are several reasons for such situation. First of all, psychology and social sciences are keeping a special place among other sciences. For decades, the representatives of natural sciences are doing normal science and solving puzzles [2]. They are not applying to Bible, ancient Plato's and Aristotle's works because they have modern authorities. The representatives of engineering sciences are doing useful things such as personal computer or cell phone. Engineers need modern technologies and they don't need old ideas.

Psychology, as most of the social and humanitarian sciences such as sociology and philosophy, is strongly related to culture, language, society and this connection is continuous. Plato and Aristotle, Freud and Skinner, Piaget and Vygotsky are considered together with modern colleagues in current publications. Fortunately, this feature does not represent any obstacle of principle for successful prediction of scientific events. It may play ambivalent role in possible research due to the large number of parameters that must be taken into account and data bases that must be created.

The second reason is related to complicated structure of psychology. Surely, the history of psychology depends upon the initial science – psychology - growing in bush and not in the trunk (Russian psychologist and organizer of psychology Alexei Leont'ev (1903-1979), oral communication). This circumstance enables some authors to speak about different psychologies rather than about the sole psychology.

The third reason reflects the way psychology was created and is still developing. Before the appearance of T. Kuhn's research, many natural scientists shared, if not a militarized form, but the essence of the statement of the Russian chemist Nesmeyanov: "science is conquering high rise, gaining floor by floor. After breaking the next floor follows spreading over the floor" (cited in: [3, p. 311]). Russian psychologist and historian of psychology Teplov, making start from Nesmeyanov's words, noted that "psychologists don't try to reach higher floor from the achieved floor but every time begin from the ground again conquering high rise from different sides only" [3, p. 312].

In social and human sciences, the collective principle of research is weaker represented than in the natural and engineering ones, where it allowed to accumulate general knowledge and to achieve its integrity, while individualism, characteristic, particularly, to psychology, is leading to the fragmentation of knowledge. Both the second and the third reasons make the task of researchers more complex, but they don't constitute invincible obstacle together.

The fourth reason is decisive at the moment. The history of psychology is the historical discipline and not psychological one. Indeed, most amazing and staggering events in the discipline are related to archive findings and discovering of new documents. Historical methods of research predominate psychological ones: small non-representative samples consisting of the unique events, absence of repeatability and replicability, control groups and double blind experiment etc. Actually, the history of psychology shares its scientific status with history and not with psychology. Is it possible to bring discipline closer to psychology, to use mostly psychological methods of analysis instead of historical ones? To have large representative groups and control groups? Attempts to realize such grandiose program of re-formatting of the whole science in order to improve the prediction of future scientific events are going in two ways: 1) rethinking of the concept of chronological/historical time and 2) elimination of chronological/historical time, by the one or the other mode, from the history of psychology.

In our study several examples were considered (surely, not all) of such attempts. Some of them are well known, certain are suggested in Russian and are almost unknown in English. The novelty of the paper lies in the consideration and synthesis in one review diverse theories, united by the idea of transforming of the chronological time in the history of science.

If we are not satisfied with current status of the history of psychology and even ask: "Does the History of Psychology Have a Future?" [4], write that "the institutional position of the history

of psychology is marginalized throughout the world” and need the answer for a question: “why it has been marginalized and whether this situation is likely to change?” (Adrian Brock, 2015, personal correspondence), we must think about possible changes, develop a program and realize it.

There are many ways to do so. The way of reasoning in given paper is as follows: the history of psychology is situated between history and psychology, closer to history; let’s move it towards psychology! Several (not all) approaches were considered for this purpose. All of them have evident merits and demerits. How to choose among them? Or synthesize them?

It’s clear, that to decide the problem, we need external criteria, to take in mind Zeitgeist, features and opportunities of information society. Proceeding from this fact, it’s reasonable to rely on such instruments of the information society as terminology science, terminology management, terminology databases.

Besides theoretical interest, empirical (quantitative and qualitative) study of the history of psychology according to the described schemes acquires practical significance in the conditions of limited resources of the state, society and scientific community because it may give scientifically grounded orientations and recommendations for organizers of psychology and professional education.

Finally, as the author has shown in several recent publications, it’s reasonable to consider the history of psychology in the context of co-evolution of nature, society, personality, and psychology broadly defined as the science, applied discipline, and a social institute. Surely, such investigation must include the proof that term “co-evolution” is applicable to this situation because the rate of bio-evolution is very small in comparison with the rate of techno-evolution.

Литература / References

1. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Томский государственный университет, 2005.
2. *Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
3. *Теплов Б.М.* О культуре научного исследования. Избранные труды. Т. 2. М.: Педагогика, 1985.
4. *Danziger K.* Does the History of Psychology Have a Future? // Theory & Psychology. 1994. Vol. 4. P. 467-484.

МЕНТАЛИТЕТ КАК МАКРО-СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Андрей Андреевич Гостев

Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник

Института психологии РАН

E-mail: aagos06@rambler.ru

Статья посвящена теоретико-методологическим аспектам актуальных проблем, целей и задач психологической науки в контексте современного мирового развития и в исторической перспективе. Особенностью психологии как науки является ее непосредственная взаимосвязь с широким спектром философских, естественнонаучных, технологических дисциплин, междисциплинарность ее предметного поля, а также прямая соотносимость психологического научного знания с общественными целями и ценностями. Основой для предлагаемого доклада выступило изучение российского менталитета. Менталитет рассматривается как система социальных представлений. Подчеркивается совместное влияние на социальное восприятие исторической памяти группового субъекта и локальных архетипов культур. Особое значение уделяется духовно-нравственной сфере и религиозному сознанию – важным факторам глобальной трансформации. Для раскрытия междисциплинарности психологического исследования менталитета поставлена задача формирования макрополитической психологии, Определены компоненты и обозначена теоретико-методологическая

база её создания.

Ключевые слова: менталитет, междисциплинарность, личность, общество, религия, духовность, нравственность, глобальная трансформация

MENTALITY AS A MACRO-SOCIO-POLITICAL FACTOR OF CONTEMPORARY GLOBAL DEVELOPMENT

Andrei A. Gostev

DSc in Psychology, Leading Researcher

Institute of Psychology, RAS

E-mail: aagos06@rambler.ru

The article is devoted to theoretical and methodological aspects of topical problems, goals and objectives of psychological science in the context of contemporary global development and in the historical perspective. A feature of psychology as a science is its direct relationship with a wide range of philosophical, natural science, technological disciplines, the interdisciplinarity of its subject field as well as the direct correlation of psychological scientific knowledge with social goals and values. The basis for the proposed report was the study of the Russian mentality. Studying of Russian mentality served as a scientific basis for consideration of the mentioned problems. Mentality is considered as a system of social representations. Influence on social perception by historical memory of a collective subject, as well as its local cultural archetypes, has been emphasized. Special attention was paid to spirituality, morality, religious experience – the important factors of global transformation. To reveal the interdisciplinarity of historical psychology, the task of forming a macropolitical psychology (historical psychology is an important part of it) has been set. Some components are defined and a theoretical and methodological basis for creating macropolitical psychology was indicated.

Keywords: mentality, interdisciplinarity, personality, society, religion, spirituality, morality, global transformation

Обозначенная в названии статьи проблема многоаспектна – в плане теоретико-методологических оснований, относительно своей феноменологии, применительно к общественной практике [3]. Коснусь лишь некоторых вопросов.

О психологии менталитета

Менталитет социальной общности – известный предмет исторической психологии. Менталитет задает многоуровневую и многомерную специфику психического отражения-регулирования индивидуального и группового субъекта, является, соответственно, для людей «призмой» для мировосприятия и формирования как коллективных социальных представлений о происходящем в мире, так и для построения индивидуального интегрального образа реальности. Специфика психического отражения-регулирования у конкретного индивидуального или группового носителя менталитета касается всей «системы сознания» – единства его актуального и потенциального сознания.

Менталитет с позиции психологии образной сферы человека и общества [2] может быть рассмотрен как совокупность социальных представлений, организованных в некую многомерную и многоуровневую систему. Значимо осмысление влияния на эту систему «культуро-генетической памяти» группового субъекта в виде: а) исторической памяти; и б) культуроспецифических локальных «архетипических единиц» опыта исторической общности. Возникает проблема сложных закономерностей взаимодействия в структуре менталитета (социально-исторической общности) всех этих образов. Отметим, что система представлений исторического субъекта о себе, о других субъектах, об окружающем социальном и физическом мирах, о Вселенной в целом, вместе с проявлениями коллективной воли, национально-культурной спецификой *духовно-нравственной сферы, содержанием религиозной веры* влияет на происходящее, определяет исторический выбор, формирует особенности самого группового субъекта.

Важнейшим вопросом раскрытия междисциплинарности исторической психологии является осмысление *соотношения уровней* ментальности: от макрообщностей – наций, народов, культур и субкультур, больших и малых социальных групп – и до человека как носителя конкретной ментальности. В этой связи подчеркнем проблему понимания человеком *духовной* сущности процессов глобальной трансформации в их влиянии на страны, традиционную ментальность народов [1].

Ментальность исторической России является продуктом евразийского полиэтнического и многоцивилизационного пространства, по-разному (и уже несколько веков) оцениваемое «западниками» и «почвенниками». Россия остается пространством многоаспектного контакта Востока и Запада в различных формах их реализации). Это подчеркивает значимость изучения соотношения в современном российском менталитете традиционного и инновационного (см. например, [3]).

Яркой традиционной чертой российской ментальности является *патриотизм* - любовь к Родине, переживание глубокой связи с ее культурными традициями, причастности к истории, готовности защищать. Истинный патриотизм является сущностной духовно-нравственной характеристикой личности, социальной группы, общества [4].

Можно говорить о традиционной для нашей страны связи патриотичности с отечественной духовно-нравственной традицией, например, с сохранением уважения ко всем народам («всечеловечностью»). В тоже время, наши исследования [3] показали связь ориентации личности на наднациональную («гражданство мира», «общеευропейскость») с национально-культурной идентичностью, с гражданством в СНГ. Общероссийская же идентификация и идентификации с «русскостью» (даже для этнических русских) оказались низкими.

Продемонстрировано сохранение традиционного для России стремления людей к *социальной справедливости*, традиционно понимаемой в российском менталитете с метафизических позиций - как «воплощение на земле высшей правды».

В то же время, оказалась деформированной важная черта традиционного отечественного менталитета – приоритет общественного над личным (индивидуалистические установки сегодня у людей укрепились).

Интересным предметом совместного научного осмысления социальной, исторической и политической психологии, психологии личности и психологии религии выступает влияние **религиозного менталитета** на групповое сознание и коллективное неосознаваемое социальных общностей. Религиозный менталитет стал важнейшим фактором геополитики, мировых экономики/финансов, идеолого-мировоззренческих систем. Религиозный менталитет включает в себя устойчивые характеристики религиозных сообществ, в частности, групповых социально-психических особенностей, приобретенные под влиянием преобладающего (преобладавшего в исторической ретроспективе) вероисповедания с его теологическими представлениями и религиозной практикой. В этой связи, следует учитывать не только роль мировых религий и признанных традиционных вероучений, но и их «псевдо-духовных мутаций», происходящих под влиянием, социально-политических процессов в мире.

Иными словами, изучение связей историко- и политико-психологических феноменов в связи с религиозным фактором требует углубления знаний о психологии веры [6]. Теоретически и практически значимо изучение религиозной окраски в различных культурах представлений людей об основных показателях их жизнедеятельности.

Еще один концептуальный «мостик» исторической и политической психологии – осмысление влияния религиозных менталитетов на формирование геополитических субъектов в современном мире. Базисные религиозные установки обуславливают единство геополитического образования (их внутренне финансово-экономическое взаимодействие – отдельный предмет изучения).

Роль национально-культурной духовно-нравственной традиции в ментальности некоей этно-социальной общности очевидна. Поэтому православно-христианское мировоззрение можно считать *основой российской глубинной ментальности*. Именно данное мировоззрение помогло многим народам России в обретении устремленности к милосердию, правде, жертвенности, одарило православного война качествами защитника народов, научила воспринимать мир, исходя из «чувства мы», «судить по совести» и т.д.

Характерной чертой православного менталитета является стремление к преодолению «западного». Об этом говорили не только славянофилы, но и западные мыслители, например,

Шпенглер. Православный человек чувствует, что «прогресс цивилизации», приведший к духовно-нравственному кризису человечества – «не от Бога». В стремлении к освобождению от власти потребностей «низшего я» можно усмотреть причину отторжения в современном российском обществе навязываемых ему ценностей потребительского общества.

Отметим еще один важный момент. Православное мировосприятие несет в себе неприятие идеологии «мондиализма», неолиберальных идей глобализации, имеющих мистическую оккультную основу и предполагающую преобразование мира: уничтожение расово-этнических, религиозных, национально-культурных границ, слияние стран во всемирное государство.

Междисциплинарность предметного поля психологии

Раскрытие данной междисциплинарности предполагает как «внутри психологическое» измерение, так и обозначение связей с различными направлениями гуманитарного знания. А это необходимо для создания *макрополитической психологии*. Человечество стоит перед серьезными проблемами, вызовами/рисками, порождаемыми кардинальными изменениями в мире [1; 5]. В этой связи, макрополитическая психология призвана стать психологией происходящих изменений в мире.

Теоретико-методологической её основой выступают:

1. Внутривнутрипсихологическая междисциплинарность по взаимодействующим направлениям психологической науки: социальная, политическая, историческая психология, психология личности, психологии религии.
2. Психология образной сферы человека и общностей.
3. Макропсихологический подход А.В. Юревича [7].
4. Психология духовно-нравственной сферы человеческого бытия, включая опыт религиозных и мистических традиций.

Важен контекст исследования глобальной трансформации. Например, учет *субъективных* влияний на *объективные* её тенденции, учет неоднозначности будущего человечества, признание метаисторического фактора.

Восприятие процессов глобальной трансформации с малопонятными её последствиями необходимо рассматривать относительно человека и разномасштабности сообществ людей.

Литература

1. *Гостев А.А.* Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
2. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
3. *Историогенез и современное состояние российского менталитета.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015, 2016.
4. *Лутвинов В.И., Гостев А.А., Шувалов А.В.* Духовно-религиозная концепция патриотизма Ивана Александровича Ильина и вызовы современности // «Живая вода», научный альманах (серия «Православие. Педагогика. Психология»). Вып. III. Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2019. С. 104-135.
5. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
6. *Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала* // Под научной редакцией А.И. Юрьева / Учебное пособие/ С-Петербург: Изд-во «Logos» 2006.
7. *Юревич А.В.* Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

ПСИХОЛОГИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО: УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА*

Ирина Николаевна Елисеева

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
E-mail: eliseevain2018@mail.ru*

Представлена тематика советских военно-психологических исследований в 1920-е годы: общие вопросы психологических исследований в армии; профессиографическое и психографическое описание военных специальностей; анализ влияния отдельных факторов на деятельность красноармейцев; утомление и работоспособность; организация труда военных специалистов; их психологический отбор; психологические аспекты подготовки военнослужащих; коллективное и массовое поведение военнослужащих; их интересы в различных сферах жизнедеятельности; изучение словаря красноармейцев; восприятие и маскировка военных объектов и т.д. Описано изменение тематики, степени централизации и доминирующих подходов в исследованиях: 1) 1920-1921 гг. – активное и нецентрализованное развитие, сосуществование психотехнических и психофизиологических подходов, преобладание вопросов отбора командного состава; «психологии вождя», влияния отдельных факторов на красноармейцев, изучения их интересов; общие вопросы военной психологии; 2) 1922-1924 гг. – попытки централизации исследований, смещение акцентов на психофизиологический подход, деактуализация изучения «психологии вождя»; 3) 1925-1929 гг. – преобладание централизованных исследований и психофизиологического подхода, критика психотехнических исследований, деактуализация вопросов социальной психологии и подготовки красноармейцев. Рассмотрены социокультурные, внутринаучные, персонологические факторы и условия, определившие динамику исследований.

Ключевые слова: история психологии, военно-психологические исследования, тематика исследований, психотехника, факторы развития, военное дело

PSYCHOLOGY AND MILITARY AFFAIRS: CONDITIONS AND FACTORS FOR THE DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH IN THE RED ARMY OF WORKERS AND PEASANTS IN THE 1920S

Irina N. Yeliseyeva

*CSc in Psychology, Senior Research Fellow
Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation
E-mail: eliseevain2018@mail.ru*

The subject of Soviet military psychological research in the 1920s is presented: general questions of psychological research in the army; profессиоgraphic and psychographic description of military specialties; analysis of the influence of individual factors on the activities of the Red Army; fatigue and performance; labor organization of military specialists; their psychological selection; psychological aspects of military training; collective and mass behavior of military personnel; their interests in various spheres of life; studying the vocabulary of the Red Army; perception and camouflage of military objects, etc. The change of subjects, degree of centralization and dominant approaches in research is described: 1) 1920-1921 – active and decentralized development, the coexistence of psychotechnical and psychophysiological approaches, the predominance of issues of command personnel selection; “Psychology of the leader”, the influence of individual factors on the Red Army, the study of their

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-013-00779.

interests; general issues of military psychology; 2) 1922-1924 – attempts to centralize research, shifting emphasis to a psychophysiological approach, deactivating the study of “psychology of the leader”; 3) 1925-1929 – the predominance of centralized research and a psychophysiological approach, criticism of psychotechnical research, deactivation of issues of social psychology, training of the Red Army. Sociocultural, intrascientific, personological factors and conditions that determined the dynamics of research are considered.

Keywords: history of psychology, military psychological research, research topics, psychotechnics, development factors, military science

Обращение к истории, в частности – истории психологии, способствует не только более точному пониманию прошлого и настоящего, но позволяет планировать научную деятельность, соответствующую направлению общественного развития. Особенно востребована научная рефлексия на переломных этапах развития, когда возникает необходимость выбора одного из нескольких возможных путей развития, или/и в связи с юбилейными датами. Обращение к истории психологии в военном деле на этапе становления советской власти связано сочетанием этих обстоятельств: в связи со 100-летием институционализации военно-психологических исследований в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) и в связи с развитием ряда кризисных явлений в этой области.

Всего два года отделяло образование РККА и создание Опытной психологической лаборатории при Академии Генерального штаба РККА в марте 1920 года, которая была организована в целях «научного психологического анализа отдельных лиц и коллективов (военнослужащих и воинских частей), практической работы по определению их годности и приспособленности, по определению средних типов и т.п.» (РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 9. Л. 167). И хотя создание этой лаборатории стало показателем институционализации военно-психологических исследований, она не была единственным психологическим научно-практическим центром, а перечень ее задач не являлся исчерпывающим для описания проблемного поля исследований, проводившихся в РККА в 20-е годы XX века. В этот период психологические исследования проводились штатными подразделениями РККА, созданными после 1920 года (психофизиологические лаборатории при авиашколах, Центральное психотехническое бюро Киевского военно-научного общества и др.), организациями других ведомств (Центральный институт труда ВЦСПС (г. Москва), Институт труда (г. Харьков) и др.), частными организациями, инициативными красноармейцами (члены кружков военно-научного общества, отдельные персоны). В числе специалистов, развивающих военно-психологические идеи, были психологи, психиатры, врачи других специальностей, военные специалисты и красноармейцы.

Тематику прикладных психологических исследований в РККА, можно разделить на следующие направления: общие вопросы психологических исследований в армии; профессиографическое и психографическое описание военных специальностей; анализ влияния отдельных факторов на деятельность военных специалистов; утомление и работоспособность; организация труда военных специалистов; их психологический отбор; психологические аспекты подготовки военнослужащих; коллективное и массовое поведение военнослужащих; их интересы в различных сферах жизнедеятельности; изучение языка красноармейцев; восприятие и маскировка военных объектов и т.д.

Интересно отметить динамику военно-психологических исследований в это время:

1920-1921 гг. – активное и нецентрализованное развитие прикладных исследований, в том числе вопросов отбора командного состава; изучение «психологии вождя», влияния отдельных факторов на деятельность военнослужащих, их интересов; поднимались общие вопросы военной психологии. Психотехнические и психофизиологические подходы сосуществовали на равных правах.

1922-1924 гг. – акцент стал смещаться на психофизиологические исследования в ущерб психотехническим, осуществлялись первые попытки централизации исследований. Темы, связанные с изучением «психологии вождя», перестали быть актуальными. Появились критические статьи о недостаточной практической ценности проводимых исследований.

1925-1930 гг. – психотехнические исследования в армии стали подвергаться активной критике, нередко они маскировались под психофизиологические. Централизованные

исследования стали доминировать. Вопросы социальной психологии, подготовки военных специалистов более не входили в число актуальных.

Таким образом, за десятилетие произошло существенное изменение тематики и методологических оснований военно-психологических исследований. Полагаем, что эти изменения, произошедшие в конкретных исторических условиях, были обусловлены рядом факторов. Под фактором в настоящей работе понимается «движущая сила какого-либо процесса, обуславливающую его или определяющую его характер зависимости» [2, с. 495], а под условием – «обстановка, в которой происходит, осуществляется что-либо» [Там же, с. 526]. Традиционно эти факторы могут быть разделены на три группы: социокультурные, внутринаучные и персонологические.

Социокультурные факторы

В большинстве стран отбор и подготовка военных специалистов является важной задачей государства. Особенно актуальна эта задача в период социальных изменений, когда происходит смена поколений военных специалистов. Поиск новых оснований для комплектования и обеспечения боеспособности подразделений РККА стал важнейшим социокультурным фактором развития прикладной военной психологии на заре советской власти.

В РККА развернулась разработка и внедрение технологий различных видов отбора, к которым относились: классовая принадлежность, показатели уровня образования, результаты вступительных экзаменов при поступлении в военные академии, показатели служебного стажа, боевые отличия, результаты медицинского осмотра, психотехнические испытания [3]. Предполагалось, что необходимо применять комплекс всех видов отбора. К середине 20-х годов XX века все виды отбора, кроме психологического, были организованы, формализованы, давали однозначные и понятные для заказчика результаты, а также были менее обременительны экономически.

Место РККА в государственной системе, а также ее задачи претерпевали изменения. Так, после октябрьской революции 1917 года в руководстве страны доминировала идея мировой революции, где РККА предписывалась роль ударного отряда. В 1922 году начался пересмотр этих представлений, а к 1927 году стало очевидным поражение сторонников этой идеи. РККА была непосредственно включена в эту трансформацию: к 1925 году численность армии сократилась по сравнению с началом 1920 года почти в шесть раз. Соответственно, изменялись и задачи военно-психологических исследований.

Внутринаучные факторы

Очевидно, что идеи внедрения психологических знаний в военное дело к 1920 году не отличались новизной: в РККА активно использовался зарубежный и отечественный опыт. При этом перенос методологии и методик исследования в военную психологию из других областей осуществлялся не всегда корректно (например: метод «единого процесса» А.П. Нечаева).

В первой трети XX века значительное количество исследователей отдавало предпочтение изучению интеллектуально-мнестической сферы при определении психологической пригодности [4, с. 16]. Учитывая значительный разрыв между уровнем образования населения и потребностью государства в массовой подготовке специалистов по сложным воинским специальностям, вероятно это было оправдано, однако результаты не были однозначными.

В целом, доказательность военно-психологических исследований, их практическая ценность в военном деле для большинства командиров была под вопросом. Так в 1921-1922 годах была опубликована критика применения положений общей психологии к изучению военного дела. Отмечалось отсутствие целостных методологических оснований общей психологии и исследований, связанных с состоянием и поведением человека в боевых условиях [5, 6]. Реакция большинства красных командиров была более однозначной: метафора «человека – биологической машины» была ближе, чем психологические дискуссии того времени [7].

Персоналогические факторы

Институционализация военно-психологических исследований в РККА связана с именами Л.Д. Троцкого и А.Е. Снесарева, высоко оценивавших потенциал психологического знания в военном деле. Сменивший А.Е. Снесарева на посту начальника Военной академии РККА М.Н. Тухачевский способствовал свертыванию ряда тем психологических исследований. Позднее централизованные военно-психологические исследования проводились по инициативе отдельных руководителей органов военного управления.

Также к персоналогическим факторам можно отнести организаторские способности, проявленные А.П. Нечаевым, И.Н. Шпильрейном и др. при проведении исследований, а также совершенно разные стили доведения результатов исследований до референтной аудитории – командиров РККА.

К условиям, повлиявшим на развитие отечественных военно-психологических исследований, можно отнести голод и разруху в начале 20-х годов XX века, которые вынуждали одних ученых работать в нескольких учреждениях (Н.А. Рыбников в 1921 году работал в пяти организациях), а других – уезжать из центральных городов в более «хлебные» районы. В последующие годы ученые стали возвращаться, что способствовало усилению конкурентности профессиональной среды. С разрухой связано и плохое обеспечение психологических исследований оборудованием и инструментарием, что вынуждало минимизировать все расходы и упрощать методики.

Другим обстоятельством являлся низкий уровень грамотности населения страны после революции и ощутимое его повышение к концу 1920-х годов. На начальном этапе военно-психологических исследований это во-многом определило подходы к прогнозированию успешности обучения в военно-учебных заведениях разного уровня, но уже через пять лет точность прогноза не удовлетворяла заказчика.

Предположительно, к условиям можно отнести особенности взаимоотношений ряда ученых, под руководством которых проводились исследования в РККА: Т.Е. Сегалова, Н.А. Рыбникова, А.П. Нечаева, С.Е. Минца, И.Н. Шпильрейна, Б.М. Теплова и др. Однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

Думается, что изучение истории отечественных военно-психологических исследований может служить некоторым ориентиром для современных ведомственных психологических подразделений, поскольку вопрос о необходимости и достаточности психологических мероприятий, их надежности и эффективности, их места в деятельности единой системы не имеет четкого ответа. Некоторые исторические аналогии могут побудить психологическое сообщество к поиску твердой опоры для обоснования прикладных исследований и практической деятельности в ведомственных рамках.

Литература

1. Приказ РВСР № 340 от 2 марта 1920 г. // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 9.
2. Толковый словарь русского языка : т. 1-4. Т. 4: С - Ящурный. / сост. Г.О. Винокур, проф. Б.А. Ларин, С.И. Ожегов и др.; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия». 1940. 750 с.
3. Толчинский А., Сергеев П. Подбор командного состава и психотехника // Военный вестник. 1923. № 18. С. 7-8.
4. Курек Н.С. История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.:Алейтейя, 2004. 330 с.
5. Гирс Г.Ф. Задачи науки и военная доктрина в связи с переживаемой нами революционной эпохой // Военная наука и революция : военно-научный журнал. 1921. Кн. 1. С. 47-86.
6. Незнамов А.А. К вопросу о «военной психологии» // Военный вестник. 1922. № 17-18. С. 7-8
7. Два года Красной академии Генерального штаба (1918 – сентябрь 1920 г.) : сборник / под ред. В. Виленского (Сибирякова). М.: ГИЗ, 1921. 69 с.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Анатолий Лактионович Журавлев
Академик РАН, научный руководитель
Институт психологии РАН
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Джюльетта Альбертовна Китова
Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт психологии РАН
E-mail: j-kitova@yandex.ru

В работе представлены тенденции исследования исторической памяти современников, особенности выявления психологических знаний посредством анализа продуктов деятельности человека в интернет-пространстве и необходимость перехода к более усложненным процедурам психологических исследований, которые неизбежно затрагивают интересы целого ряда социогуманитарных наук. Эти тенденции связаны с перспективами проведения масштабных (релевантных обществу в целом) исследований и создают широкие возможности для междисциплинарного анализа социальных проблем, что важно использовать в исследованиях по исторической психологии. В работе представлены психологические технологии анализа поисковых запросов, автоматизированного анализа сообщений в социальных сетях, автоматизированного анализа эмоционального фона этих сообщений, а также рассматриваются перспективы автоматизированного метаанализа больших массивов данных.

Ключевые слова: живая история, «цифровизация» исследований, макропсихология, автоматизированный анализ, машинное обучение, эмоциональный фон, междисциплинарные исследования

AUTOMATED PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF HISTORICAL TEXTS: TRENDS AND PROSPECTS

Anatoly L. Zhuravlev
Full Member of the Russian Academy of Science, Science Chief
Institute of Psychology RAS
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Dzhul'etta A. Kitova
DSc in Psychology, Leading Researcher
Institute of Psychology, RAS
E-mail: j-kitova@yandex.ru

The article presents trends in the study of the historical memory of contemporaries, especially the identification of psychological knowledge through analysis of the products of human activity in the Internet and the need to move to more complicated procedures for psychological research which inevitably acquire interdisciplinary nature. These trends are associated with promising opportunities to conduct large-scale (relevant to society as a whole) research and create ample opportunities for an interdisciplinary analysis of social problems which is important to use as a part of research on historical psychology. The article presents the psychological technologies of analysis of search queries, automated analysis of messages in social networks, automated analysis of the emotional background of these messages and also discusses the prospects of automated meta-analysis of large data arrays.

Keywords: living history, “digitalization” of research, macropsychology,

* Исследование проводится по проекту РФФИ № 20-013-42001.

Историческая психология рассматривается в научных публикациях в рамках триады – историческая психология (или психоистория), психологическая история и историческая психология современников. В научной литературе феномен исторической психологии современников анализируется многими авторами. Так, Н.А. Бердяев указал на то, что «есть формальное сходство, которое помогает постигнуть эпоху, сопоставив ее с эпохой, предшествующей» [1, с. 115], а Б.Д. Парыгин говорит о «живой истории» [5]. При таком подходе, объектом исследования становится *историческая память современников*, что лежит в основе становления новых направлений психологических исследований и находит свое частичное отражение в представленной работе.

В современных условиях развития информационных технологий выявление психологических знаний стало доступным посредством анализа продуктов деятельности человека, в частности, текстов, представленных в *интернет-пространстве* (сообщений, информационных релизов, форумов и т.д.). Задача данной работы – показать некоторые из новых методических возможностей данного подхода.

На основе представленных тенденций нами анализируется специфика макропсихологических исследований в интернете, которая состоит в последовательном переходе от более простых к более сложным процедурам исследования, которые на определенном этапе неизбежно приобретают *междисциплинарный* характер (что также отражает одну из тенденций современных психологических исследований).

Анализ поисковых запросов в Интернете. В качестве такого исследования, можно обратиться к изучению обращений пользователей поисковой системы Яндекс к Петру I, его жизни и деятельности.

Важно отметить, что интерес к персоне Петра I выходит на международный *уровень*. Как видно из рисунка 1, интерес к его личности, жизни и деятельности проявляют не только россияне. Если сравнивать количество запросов пользователей из разных стран, то этот интерес явно выражен в целом ряде стран (рис. 1). Так, количество запросов россиян обычно достигает 50870 в месяц. Вместе с тем, Швейцария уступает России по количеству запросов лишь на 10%, а Сербия на – 20%. Уровень интереса довольно высок в Бельгии – 70% от количества запросов россиян, Израиле – 60% и Эстонии – 50%. Выраженность такого интереса в Нидерландах и Китае так же можно признать относительно высоким, т.к. он достигает 40% от таких же запросов в России. Не высокий, но стабильный интерес к эпохе Петра I проявляют пользователи интернета в Германии и Англии – 20% и 10%, соответственно.

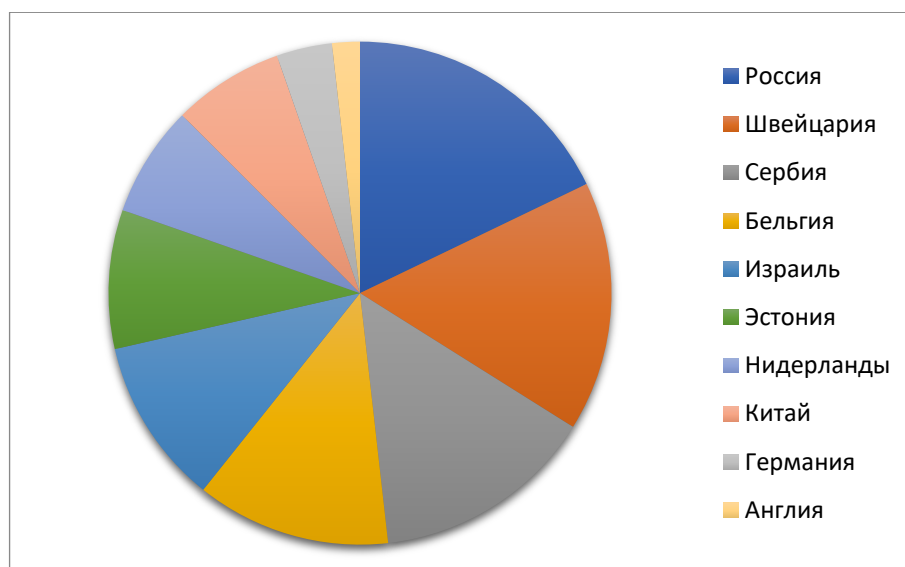

Рис. 1. Выраженность интереса к Петру I среди мирового сообщества (распределение по запросам пользователей поисковой системы Яндекс).

Выраженность интереса к Петру I различна и среди российских регионов. Наибольший интерес к нему и его эпохе проявляют пользователи Северо-Западного ФО, стабильно высокий интерес демонстрируют пользователи Северо-Кавказского, Дальневосточного, Центрального и

Южного федеральных округов (рис.2). Количество соответствующих запросов в Сибирском, Приволжском и Забайкальском федеральных округах относительно невысокое. Практически еще меньший интерес проявляют к персоне Петра I пользователи Республики Крым. Выраженность интереса рассчитывается исходя из доли общих показов, деленных на долю показов, приходящихся на конкретный регион (affinity index). Показатель автоматически рассчитывается поисковой системой Яндекс.

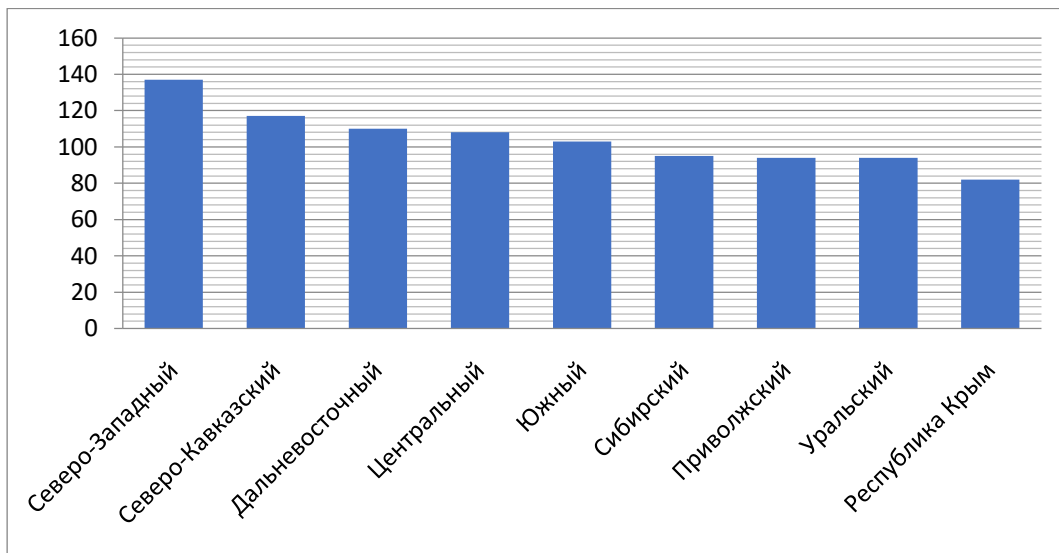

Рис. 2 Региональная выраженность интереса к Петру I в России (распределение запросов пользователей сетей – (%)).

Следующим этапом исследования является анализ содержания и структуры поисковых запросов (рис. 3). На диаграмме справа отражен общий уровень интереса к Петру I (50870 запросов в месяц), а слева представлена дифференцированная структура этих запросов. Как оказалось, пользователей в основном интересуют реформы, осуществленные императором (35 592 запроса). В структуре запросов обособленно дифференцируются запросы на «первые реформы» (14 588). Нами отдельно выделены запросы, связанные с учебными целями, которые содержат дополнительные слова, такие как курсовая работа, реферат, доклад и т.д. На долю запросов, которые не связаны с реформами и учебной деятельностью, приходится лишь 20,6% запросов (7 344). Они связаны с интересом к его личной жизни, вкусовыми предпочтениями, взаимоотношениями с близким людьми и т.д. Представленные данные позволяют утверждать, что интерес к персоне Петра I в большей степени обусловлен его историческими достижениями и в меньшей – с его личностно-психологическим «портретом», хотя такой интерес тоже выражен.

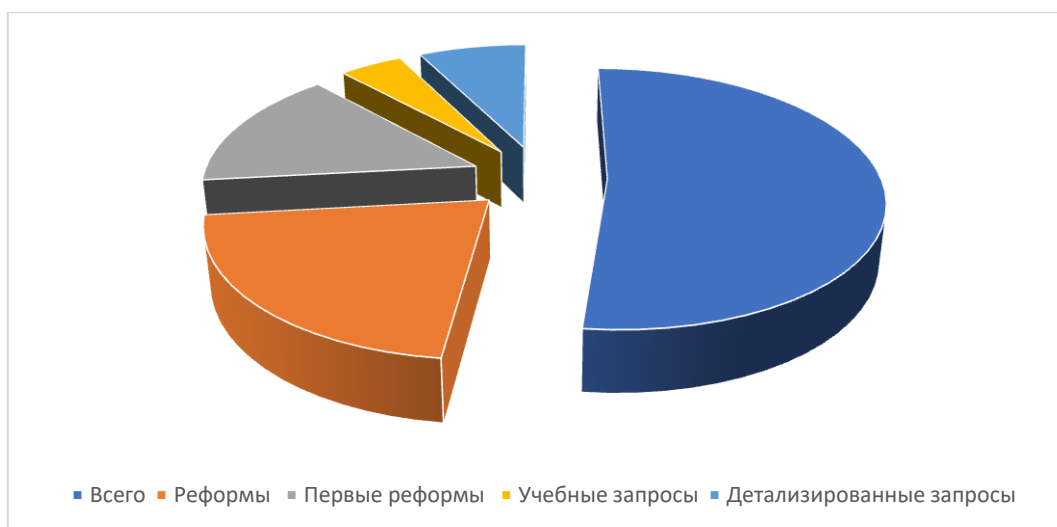

Рис. 3 Характер интереса к реформам Петра I (распределение пользователей запросов поисковой системы Яндекс – (%)).

Автоматизированный анализ сообщений в социальных сетях. Изучение большого массива текстов, не подлежащих ручной обработке (в силу своего чрезмерного объема), требует обращения к автоматизированному анализу текстовой информации посредством применения алгоритмических методов и (или) методов машинного обучения. Для примера, анализ сообщений пользователей социальной сети Twitter, в контексте которых присутствовало слово «дети», позволил нам выделить основные типовые ситуации, обсуждаемые пользователями. В исследовании использовалась авторская автоматизированная система анализа текста – разработчик программных инструментов М.А. Китов. В качестве теоретико-методологического подхода было избрано обращение к феномену отношений (метод обоснованной теории), что позволяет максимально полно выявить не только особенности представлений пользователей социальных сетей, но и специфику их отношения к проблеме, мировоззренческие установки и направленность личности, а также эмоциональный фон отношений. Далее используется техника категоризации слов и словосочетаний по заданным критериям *ручной разметки* [2].

Содержательная интерпретация, произведенная посредством контент-анализа, позволила определить, что психологические особенности отношения к детям проявляются через различные смысловые категории, такие как поведение детей, их воспитание, ценности семейной жизни, возрастные особенности развития и т.д. Эти данные обобщены (тыс.) и представлены ниже (рис. 4).

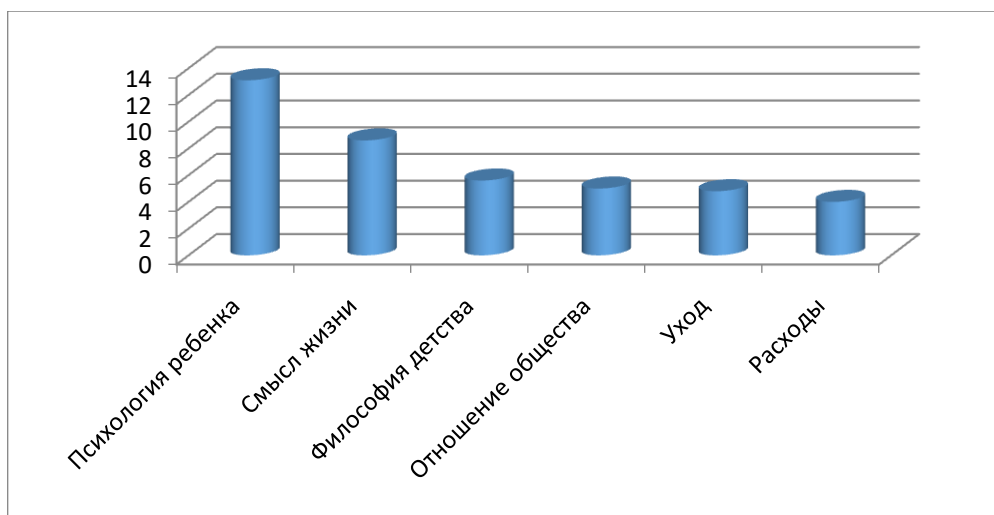

Рис. 4. Распределение тематических групп твитов (отношение к детям).

Автоматизированный анализ эмоционального фона высказываний. Современные технологии с использованием нейронных сетей предоставляют возможности для анализа эмоционального фона сообщений в социальных сетях. Эмоциональный фон разбивался нами на три модальности – положительный, нейтральный и отрицательный [3]. Оценка тональности сообщений произведена нейросетевой моделью Dostoevsky (модернизированный вариант М.А. Китова).

В качестве примера можно привести анализ сообщений о детях (ед. измерения – тыс.), который показал, что пользователей социальной сети Twitter радует интеллектуальный и поведенческий потенциал детей, способность «очаровывать» взрослых, сам факт существования (наличия, рождения) ребенка, его способность к контролю своего поведения, способность к развитию и принадлежность к конкретной (своей) семье (рис. 5).

Автоматизированный метаанализ больших массивов данных. В этом направлении наиболее эксплуатируемыми являются методы сбора и интеллектуальной обработки больших данных (Big Data), машинного обучения (Machine Learning) и интеллектуального анализа данных (Data Mining).

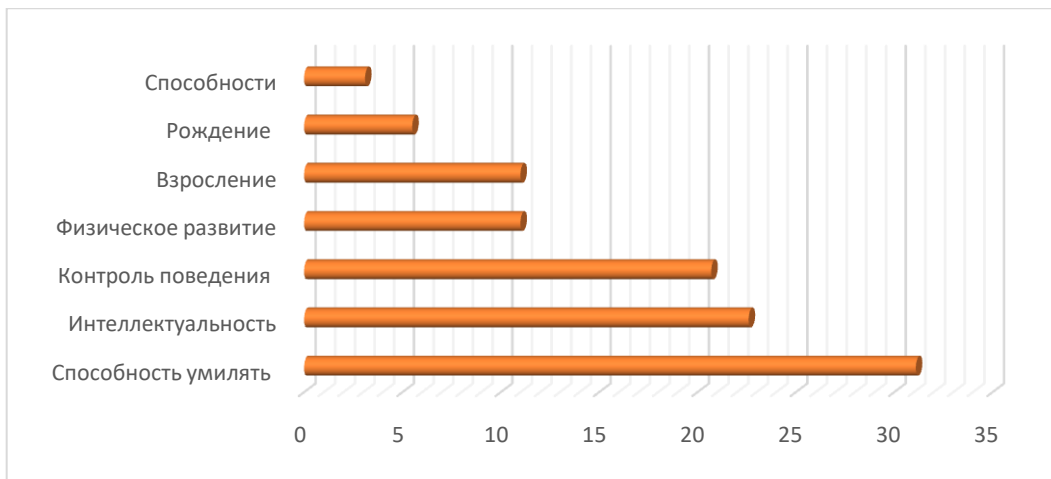

Рис. 5. Распределение твитов по темам с позитивным эмоциональным фоном

Если обратиться, например, к автоматизации сложных, слабо формализуемых задач в социальной психологии посредством метода машинного обучения, исследовательская задача может быть связана с изучением закономерностей взаимной изменчивости общества и человека, обнаружение *связей* и *зависимостей* между состоянием общества и психологическими факторами (подробнее см.: [2]). На рисунке 6 наглядно представлено как потребность россиян в стабильности (по мере ее насыщения), сменяется более сложной потребностью – в переменах. Представленная позиция, соотносится с вопросом о том, в каком направлении будет целесообразнее дополнять *траекторию «движения»* изображенных кривых для выявления причинно-следственных связей изучения явлений.

Рис. 6. Динамика ориентаций россиян на стабильность или перемены (приводится по: [4])

По всей видимости, сбор исторического материала и его автоматизированный метаанализ дадут больше информации, чем прогнозирование и длительное ожидание возможностей проверки выдвинутых гипотез.

Закключение. Наметившиеся в исторической психологии тенденции и перспективы «цифровых» исследований позволяют выполнять масштабные (релевантные обществу в целом) проекты и получать больше научной информации при значительно меньших затратах времени и усилий, создают широкие возможности междисциплинарного анализа социальных проблем. Все это важно использовать в исследованиях по исторической психологии, которая имеет наиболее тесную связь с именно с анализом продуктов деятельности человека.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
2. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Социально-психологические факторы экономического развития российского общества в условиях цифровых технологий // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 4 (16). С. 6–42.
3. Китова Д.А., Журавлев А.Л. Психологические особенности отношения к детям пользователей социальной сети Twitter // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 1(17). С. 33-72.
4. О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан / Отчет по итогам массового социологического исследования. М., 2019.
5. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука (вопросы истории, методологии и теории): Автореф. дис. ... д-ра. философ. наук. Л, 1967.

К ПРОБЛЕМЕ РЕКУРСИВНОСТИ СТРУКТУРЫ ОБРАЗА МИРА

Татьяна Владимировна Зеленкова

Кандидат психологических наук, доцент

Государственный гуманитарно-технологический университет

E-mail: tzelenk@mail.ru

В статье обсуждается проблема структурной организации образа мира человека, которая раскрывается с позиций генетического и функционального подходов. Рассматривается соотношение ядерных и поверхностных структур образа мира, характеризующееся сложной внутри- и межуровневой динамикой. Показывается, что образ мира человека имеет многоуровневую структуру, в которой в рамках отдельного уровня проявляются рекурсивные процессы вероятностной природы, тогда как межуровневая трансформационная динамика имеет рекурсию синергетического характера.

Ключевые слова: образ мира, структура, рекурсия, вероятностная модель, синергетическая модель

THE PROBLEM OF RECURSIVENESS OF THE WORLD IMAGE STRUCTURE

Tatiana V. Zelenkova

CSc in Psychology, Associate Professor

State University of Humanities and Technology

E-mail: tzelenk@mail.ru

The article discusses the problem of the structural organization of the human world image which is revealed from the standpoint of genetic and functional approaches. The relationship between nuclear and surface structures of the world image characterized by complex intra- and inter-level dynamics is considered. It is shown that the image of the human world has a multi-level structure in which recursive processes of probabilistic nature are manifested within a separate level, whereas the inter-level transformational dynamics has a recursion of a synergetic nature.

Keywords: the world image, structure, recursion, probabilistic model, synergetic model

В центре внимания исследователей, изучающих образ мира, практически всегда стоит вопрос о его строении, рассматриваемый с различных методологических позиций. Соответственно выделяются структуры (сущности) разного порядка и степени обобщенности, которые отличаются и содержательным наполнением, и степенью теоретической и эмпирической проработанности.

В общей психологии структура образа мира традиционно рассматривается как состоящая из ядерных и поверхностных структур (Леонтьев, 1983; Смирнов, 1981; Петухов, 1984; Артемьева, 1999). Ядерные структуры («схемы», «внутрисистемные связи», «системы значений», которые А.Н. Леонтьев называл «пятым квазиизмерением»), амодальны, и не могут существовать без поверхностных (чувственных), модально оформленных структур [1, 2]. Суть этой связи дополняется В.В. Петуховым, который показал, что поверхностные структуры образа мира могут оформляться не только чувственно, но и рационально [3].

Ядерные структуры, пишет В.В. Петухов, можно определить «как фундаментальные опоры существования человека в качестве сознательного существа, отражающие его действительные связи с миром и не зависящие от рефлексии по их поводу» (там же, с. 15). Он обращает внимание на то, что образ мира всегда «отражает тот конкретно-исторический... фон, на котором (в рамках которого) разворачивается вся психическая деятельность человека» (там же, с. 14). Эта же мысль прослеживается в работах Е.Ю. Артемьевой, которая указывает на эволюционные, культурно-исторические факторы формирования образа мира как «интегратора следов взаимодействия человека (и человечества!) с объективной действительностью» [4, с. 11]. Это очень важное замечание для нашего дальнейшего рассуждения, поскольку конкретно-исторический фон непосредственно связан с факторами, обуславливающими филогенетическое и онтогенетическое развитие человека, вне учета которых довольно проблематично дать описание и обозначить структуру образа мира.

Задача психологического изучения образа мира в процессе эволюционного развития человека ставилась А.Н. Леонтьевым, который обозначил необходимость изучения образа мира в филогенезе [1], В.Ф. Петренко, рассматривающего формирование картины мира человека «через становление самого субъекта» [5, с. 23], С.Д. Смирновым, обращающимся к процессу онтогенетического развития для обозначения уровней возникновения и развития «чувства мира» [6].

Действительно, «системы значений» первобытного и современного человека, ребенка и взрослого в корне различаются, следовательно, различаются и ядерные структуры их образа мира. В связи с этим систематизация ядерных структур требует учета уровней эволюционного развития человека. Для удобства мы воспользуемся введенным К. Уилбером [7] термином «скрытые карты человеческого развития» или «карты взросления», представляющими собой внутренние (амодальные) схемы, «системы координат», ориентирующие человека в его жизнедеятельности и образующие целостную, иерархически организованную по уровням эволюционного развития, структуру.

Выделяемые стадии/уровни соответствуют филогенетическим стадиям развития сознания в классификации одного из основателей интегрального подхода Ж. Гибсера, обозначившего пять таких стадий: архаическую, магическую, мифическую, рациональную и интегральную (плюралистическую). И вполне соотносимы с хорошо известными нам стадиями развития понятий Л.С. Выготского, стадиями интеллектуального развития Ж. Пиаже, этапами психического развития в периодизации Д.Б. Эльконина, фазам становления психологического знания Е.А. Климова и др. [3], [8].

Поскольку каждый человек в процессе развития неизбежно и необратимо проходит эти стадии/уровни в их строгой последовательности и отражает в образе мира соответствующие этим стадиям «системы значений», «карты взросления» мы будем относить к ядерным структурам образа мира. Подчеркивая их амодальный характер, К. Уилбер называет их «скрытыми «грамматическими» системами», где каждая стадия нашего развития обладает «своей собственной грамматикой» и «являет собой отдельный мир» [7, с.33], в котором человек представляет собой своеобразный «текст».

«Карты» (ядерные структуры) первого базового уровня – архаического – это схемы, системы связей, центрированных вокруг жизнеобеспечения физического Я. На этом уровне образ мира формируется на базе чувственно-физической, сенсомоторной активности.

На втором – магико-импульсивном – уровне основным средством формирования образа мира являются эмоции. Образы получают яркую эмоциональную окраску, проявляются сфокусированность на настоящем моменте, выраженная потребность в мгновенном удовлетворении желаний, характерными чертами сознания становятся анимизм, суеверия.

«Карты» третьего уровня – магико-мифического – проявляются в эгоцентризме, нарциссизме, неспособности встать на точку зрения другого.

Четвертый – мифико-традиционный - уровень проявляется через конформизм и этноцентризм. На этой стадии человек способен принять на себя роль другого, воспринимает себя как принадлежащего к какой-либо социальной группе, религии, общности, следуя принятым в ней правилам, стараясь не выделяться из этой группы и отстаивая не собственные интересы, а интересы группы.

Пятый уровень – рациональный (модернистский). Этот уровень называют формально-рефлексивным. Индивид становится способным не только принимать объективную, научную точку зрения, но и оперировать собственным мышлением, рефлексировать собственную позицию, подвергать критике свои и чужие взгляды. Именно на этой стадии проявляется «монизм» сознания, стремление к достижениям, самореализации, самосовершенству.

Шестой – плюралистический, экзистенциальный (постмодернистский). На этом уровне рационализм сознания преодолевается путем объединения с чувствами, что является основой партнерских отношений, заботы и доброты. Базовая черта этого уровня – убежденность в том, что существует множество различных, но в равной степени важных подходов к реальности, что всякое знание культурно сконструировано, зависит от контекста, а каких-либо универсальных истин не существует.

Следующие, более высокие (интегральные) уровни сознания свойственны на современном уровне развития общества достаточно малому числу людей. Они достигаются, в основном, через духовную практику, либо проявляются у отдельных людей в виде пиковых переживаний.

Представляется удобным выделить два вида амодальных ядерных структур: универсальные (кросскультурные) системы связей («карты»), созданные филогенезом в течение эволюции, и системы связей (системы значений), созданные социогенезом в ходе культурно-исторического развития человека.

Содержательное наполнение ядерных структур обеспечивается периферией образа мира. Периферические (поверхностные) структуры текущего уровня – это конкретные формы бытия, которые зависят от опыта, поэтому периферия всегда индивидуальна и изменчива. И если ядерные структуры содержат системы значений, то периферия – это системы смыслов, которые создают уникальность, неповторимость образа мира. Периферические структуры обеспечивают многообразие и вариативность человеческого опыта, создают условия для постоянного развития и саморазвития. И если по отношению к ядерным структурам уместна парадигма отражения (системы значений обеспечивают устойчивость), то к периферическим структурам – парадигма конструктивизма (периферия непрерывно изменяется, конструируется самим человеком).

Соотношение ядерных и поверхностных структур характеризуется сложной внутри- и межуровневой динамикой. Внутриуровневая динамика отвечает идеям В.В. Налимова о вероятностной модели сознания, согласно которой «семантика определяется вероятностно задаваемой структурой смыслов» [9, с. 107]. В сущности, В.В. Налимов предлагает идею непрерывного вероятностного изменения ядерных и периферийных структур образа мира на текущем уровне. В свою очередь, межуровневая динамика реализуется через синергетику процессов самоорганизации.

Изменение ядерных структур образа мира на текущем уровне происходит под влиянием активности человека в познании семантического мира – в результате мультипликативного взаимодействия ядер текущего образа мира (вероятностного выбора системы значений) и процесса изменения смыслов текущей периферии (либо «нового способа представления реальности» по В.В. Петухову). Так, например, у людей с расстройством адаптации может наблюдаться изменение ядерных структур образа мира в виде смещения внутренней картины здоровья и внутренней картины болезни [10].

Когда процесс изменения текущих смыслов происходит на основе уже измененного образа мира, мультипликативное взаимодействие повторяется. Таким образом, на текущем уровне развития образа мира мы получаем рекурсивный процесс динамического взаимодействия его основных структурных компонентов.

Образ мира представляет собой открытую динамическую неравновесную систему, для которой характерны не только функциональные изменения внутри уровня, но и межуровневые трансформационные процессы [11]. Непрерывное накопление изменений в ядерных структурах образа мира текущего уровня неизбежно приводит к межуровневым

процессам, к так называемому эволюционному скачку на другой, более высокий (или, в случае инволюции/болезни, на более низкий) уровень развития.

Ядерные структуры этого нового уровня, интегрируют прежнее ядро, которое, переходя в периферию, становится доступным осознанию. Человек, обращаясь к новым ядерным структурам, строит и новую периферию, сохраняя представления о старой периферии как о прежнем жизненном опыте. Далее эти процессы повторяются по отношению к следующему уровню развития, образуя трансформационную рекурсивную структуру, в которой ядерные структуры каждого следующего уровня развития образа мира включают все предыдущие.

Таким образом, рекурсивность в структуре образа мира проявляется как в рамках одного уровня развития (трансляционная или функциональная рекурсивность), так и по отношению к эволюционному развитию образа мира (трансформационная или генетическая рекурсивность).

Литература

1. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения в 2-х т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. С. 251-261.
2. *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 1981. №2. С. 15-29.
3. *Петухов В.В.* Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1984. № 4. С. 13-20.
4. *Артемова Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. 350 с.
5. *Петренко В.Ф.* Личность человека – основа его картины мира // Модели мира / под ред. Д.А. Поспелова. М.: Российская Ассоциация искусственного интеллекта. 1997. 240 с. С. 9-23.
6. *Смирнов С.Д.* Мир чувств и чувство мира // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2018. С. 224-245.
7. *Уилбер К.* Интегральная медитация. М.: РИПОЛ классик. 2017. 368 с.
8. *Зеленкова Т.В.* Исследовательская и практическая психология: на пути от «схизиса» к «схезису» // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 265-308.
9. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина. 1989. 288 с.
10. *Зеленкова Т.В., Празднова В.А.* Внутренняя картина здоровья и внутренняя картина болезни пациентов с расстройствами адаптации // Психическое здоровье. 2018. № 12. С. 24-31.
11. *Зеленкова Т.В.* Образ мира в контексте позитивного постмодернизма // Новые тенденции и перспективы психологической науки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2019. С. 170-195.

ДЕТСКАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ ЗАРУБЕЖЬЕ: В.М. ЛЕВИТСКИЙ В ПРАГЕ В 1920-Е ГГ.

Артем Андреевич Костригин

Кандидат психологических наук, старший преподаватель

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

E-mail: artdzen@gmail.com

В статье автор обращается к представителю российского научного зарубежья Валерию Михайловичу Левитскому (1886(?)–1946), отечественному правоведа, общественному деятелю, активному участнику Белого движения во время Гражданской войны. В.М. Левитский впервые обозначается как специалист в области детской криминологии, девиантного и делинквентного поведения. Представляются новые архивные материалы, свидетельствующие, что ученый в эмиграции в Праге (Чехословакия) преподавал в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского курс «Борьба с беспризорностью» и семинарий

«Русский опыт борьбы с детской преступностью и порочностью». Рассматриваются идеи В.М. Левитского относительно факторов беспризорности и преступности детей в Советской России: по его мнению, именно Октябрьская революция и Гражданская война обусловили появление огромного количества беспризорных детей и ухудшение их жизни. Автор предполагает, что можно говорить и о зачатках научной школы В.М. Левитского: студенты под его руководством готовили научные рефераты по проблемам детской криминологии, делинквентности и девиантности.

Ключевые слова: российское научное зарубежье, Прага, Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского, В.М. Левитский, детская криминология, детская беспризорность, делинквентность, девиантность, архивные материалы

CHILDREN CRIMINAL PSYCHOLOGY IN RUSSIAN SCIENTIFIC ABROAD COMMUNITY: V.M. LEVITSKY IN PRAGUE IN 1920S

Artem A. Kostrigin

CSc in Psychology, Senior Lecturer

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)

E-mail: artdzen@gmail.com

The author addresses the representative of the Russian scientific abroad community Valery Mikhailovich Levitsky (1886(?)–1946), a Russian lawyer, public figure, and an active participant of the White Movement during the Civil War. V.M. Levitsky was first designated as a specialist in the field of child criminology, deviant and delinquent behavior. New archival materials are presented testifying that the scientist in exile in Prague (Czechoslovakia) taught the course “Combating Homelessness” and the seminar “Russian Experience in Combating Children Crimes and Perversity” at the Comenius Russian Pedagogical Institute. V.M. Levitsky’s ideas on the factors of homelessness and crimes of children in Soviet Russia are as follows: in his opinion, it was the October Revolution and the Civil War that caused the appearance of a huge number of homeless children and the deterioration of their lives. The author suggests that we can speak on the rudiments of V.M. Levitsky scientific school: students under his supervision prepared scientific essays on the problems of child criminology, delinquency and deviance.

Keywords: Russian scientific abroad community, Prague, Comenius Russian Pedagogical Institute, child criminology, V.M. Levitsky, children's homelessness, delinquency, deviance, archival materials

В настоящее время большое внимание уделяется изучению истории российского зарубежья, в частности, его научного наследия в области философии, педагогики, психологии, литературы, права, востоковедения (С.Ю. Дивногорцева, Н.Ю. Масоликова, Е.Г. Осовский, Е.Е. Седова, М.Ю. Сорокина и др.). Одним из крупных мест российской эмиграции в 1920-е гг. является Чехословакия: этому способствовала «Русская акция», организованная президентом Чехословакии Томашем Масариком (1850–1937). Русская диаспора в Праге – это особая общественная, историческая и научная проблематика: наши соотечественники, жившие здесь, обустроивали свой быт, занимались профессиональной и творческой деятельностью, но надеялись вернуться на Родину... Это подвешенное состояние имело значимые последствия.

В Праге российские педагоги и ученые вели обширную педагогическую и научную деятельность [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В рамках «Русской акции» было открыто несколько высших учебных заведений в Праге: Русский народный университет, Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского, Русский юридический институт (факультет) и др. Среди многочисленных направлений деятельности представителей российского научного зарубежья мы обратимся к области детской криминологии и девиантологии: эта тема, на наш взгляд, на данный момент практически не разработана. Наибольший вклад в развитие отечественной криминологии внесли М.Н. Гернет, С.К. Гогель, А.А. Жижиленко, А.В. Маклецов, Н.С. Тимашев, С.Н. Трегубов, И.Я. Фойницкий, В.Ф. Чиж, М.П. Чубинский и др.

Малоизвестным представителем детской криминологии, развиваемой в российском научном зарубежье, является Валерий Михайлович Левитский (1886(?)–1946). Биографических данных о нем не так много, но обнаруженные нами его научные и педагогические труды позволяют нам отметить его среди значимых фигур российского научного зарубежья. Отечественный правовед и общественный деятель учился университете св. Владимира в Киеве (1916), в годы Гражданской войны состоял в Вооруженных силах Юга России (редактор газеты «Великая Россия», член редколлегии журнала «Зарницы») и Русской Армии (начальник Информационного отдела), позже эмигрировал в Чехословакию, преподавал в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского (1922–1926), состоял в Союзе русских педагогов в Чехословакии (с 1923 г.), был членом его правления (1927), жил во Франции, состоял в Русском общевоинском союзе (контрразведка «Внутренняя линия», отдел Франции), [7, с. 737; 8, с. 394; 9, с. 103-104]. Поиск других фактов его биографии продолжается.

В.М. Левитский – автор многих исторических, общественных, политических и публицистических работ, а также мемуаров. Отечественный правовед известен, прежде всего, как участник общественно-политической дискуссии (иногда его называют журналистом, публицистом или советологом), связанной с Революцией 1917 г., Гражданской войной и судьбой России в послереволюционный период, который ученый уже наблюдал в эмиграции [7, с. 737; 8; 9; 10]. Также его представляют как правоведа и юриста [9, с. 103-104]. Но в данной работе мы хотим впервые обозначить В.М. Левитского как теоретика детской криминологии, девиантологии и криминальной психологии.

Об этом свидетельствует пражский период его педагогической и научной деятельности. Работая в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского, он читает курс лекций «Борьба с беспризорностью» и семинарий «Русский опыт борьбы с детской преступностью и порочностью» [12].

Также нами обнаружен его неопубликованный курс лекций со схожим названием «Русский опыт борьбы с детской беспризорностью и порочностью» (Прага, 1925) [13]. Вероятно, это конспекты или пособие для овладения выше обозначенных лекционного курса и семинария, но с другим названием: дело в том, что названия курса и семинария постоянно изменялись при их утверждении (что видно в учебных планах по многим предметам [12]), и название курса лекций осталось именно таким.

Кратко приведем содержание этого курса лекций: 1) [Введение]. [Характеристика основных видов беспризорных детей]; 2) Организация борьбы с детской беспризорностью и порочностью; 3) Главнейшие моменты деятельности суда для малолетних; 4) Работа в учреждениях для беспризорных; 5) Дела малолетних потерпевших; 6) Вопросы помощи беспризорным при Временном Правительстве; 7) Борьба с детской беспризорностью и порочностью при большевиках; 8) Современное положение борьбы с беспризорностью в России; 9) Итоги русского опыта; 10) Организация центра и законодательная работа [13].

Как видно, этот курс лекций частично повторяет программу семинария, поэтому можно предположить, что это пособие (или конспекты) действительно предназначались В.М. Левитским для своего курса и семинария в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского.

Проблема беспризорности и преступности детей после Революции 1917 г. была одной из самых актуальных в социальной направленности для Советской России. В.М. Левитский так определяет понятие «беспризорный ребенок» – это «сейчас каждый ребенок и подросток до 17-18 л., условия жизни которого не обеспечивают его нормального нравственного и психического развития» [там же, Л. 3 об.]. В качестве причин послереволюционной детской беспризорности ученый указывает следующие: «1) общий развал векового уклада жизни, 2) бедность и бессилие трудовых семей, 3) нездоровый тембр городской жизни, 4-5) обострение классовой <...> вражды, 6) разнообразные войны и революции. Всего и не перечислишь» [там же, Л. 4].

Вот как В.М. Левитский характеризует положение детей и молодежи в только что созданной Советской России: «Положение нашей молодежи исключительное. Война и революция всей своей тяжестью обрушились на ее слабые, беззащитные плечи» [там же, Л. 2]. И в другом месте: «Война и революция отодвинули нас далеко назад, добились семью в городах, миллионы детей поставили в безвыходное положение» [там же, Л. 2 об.]. После революции материальное состояние населения ухудшилось, начался голод, многие семьи были разрушены, дети брошены сами по себе, т.к. родители либо погибли, либо пытаются добыть

пропитание. «Перед нашими глазами разворачивается страшная картина: по всему необъятному пространству нашей страны бродит новое, кочевое племя одичавших бездомных детей» [там же, Л. 3].

В.М. Левитский эмоционально передает сложившуюся ситуацию в Советской России: дети «массами гибнут, но непрерывно увеличиваются в числе. У этих детей и подростков нет родных или они бессильны. Обезлюдившее, обнищавшее государство тоже помочь им не может. Вся надежда на самоотверженно работающие и сейчас обломки прежних общественных организаций и на помощь из вне» [там же, Л. 3].

Это обреченное состояние и обуславливает научную и педагогическую деятельность В.М. Левитского в этом направлении – помочь хоть издали. «Поэтому рассеянная по чужбинам российская интеллигенция должна теперь же готовиться к борьбе за счастье подрастающего поколения. Это одна из самых главных наших задач. Скажу прямо: смысл и оправдание нашего существования здесь» [там же]. Ученый предлагает создавать новую русскую школу за рубежом, которая помогла бы избежать проблем большевиков и исправить недостатки дореволюционной образовательной системы: «После всего пережитого, нужно теперь же серьезно думать о новой русской школе. По-видимому, она должна будет на первый план выдвинуть воспитание, а не образование, сократить до минимума годы ученья, и все свои силы сосредоточить на упорной и беспощадной борьбе с тяжелыми последствиями многолетней разрухи в психике и навыках молодежи [там же, Л. 3 об.].

В.М. Левитский ограничивается не только словами: в Русской Праге педагогическая и образовательная деятельность была очень активной. Как мы упоминали выше, было несколько высших учебных заведений, а также русские гимназии для детей эмигрантов. Пока у нас нет сведений о том, что ученый работал в этих гимназиях, но, преподавая в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского, он подготавливал студентов к работе с детьми, в том числе, и беспризорными.

Помимо усвоения знаний в рамках аудиторной работы, студентам необходимо было писать рефераты по проблемам детской беспризорности и преступности. Среди таковых были следующие рефераты (укажем и имена студентов):

- А.П. Бензина «Роль и деятельность врачей при особом суде для малолетних»;
- М.М. Кожина-Заборовская «Беспризорность как она есть»;
- Е.Н. Просяниченко «Причины детской преступности»;
- М.А. Фенина «Охрана детства в Чехословакии»;
- Л.Ф. фон дер Флит «Факторы детской преступности в условиях советской жизни».

Таким образом, можно сказать, что в Праге В.М. Левитский пытался организовать и школу детской криминологии и девиантологии.

Биография и научное творчество В.М. Левитского является, с одной стороны, уникальной исследовательской областью – российское научное зарубежье все еще представляет собой малоизученную проблематику, особенно, ее психологические и криминологические идеи; с другой стороны, отражает общую для многих русских эмигрантов черту – озабоченность происходящим в Советской России, что обуславливало их личные убеждения и научные воззрения. Перед сообществом историков науки стоит актуальная задача исследования научного наследия деятелей российского зарубежья, анализируя которые мы сможем увидеть как оригинальные научные концепции, так и гражданскую и мировоззренческую позицию.

Литература

1. *Сорокина М.Ю.* Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «Российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2010. № 1. С. 75–94.
2. Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2: Психологические науки: XIX - первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2010. 124 с.
3. *Костригин А.А.* «В наше время, педагогически направленное»: студенческие психолого-педагогические штудии в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского в Праге // Педагогика и просвещение. 2018. № 3. С.46–64.

4. *Костригин А.А.* Педагогическая деятельность психологов-эмигрантов в Русском народном университете в Праге в первый год его работы (1923–1924) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 227-240.
5. *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* История российского научного зарубежья и психологическое сообщество // Методология и история психологии. 2011. Т. 6. № 2. С. 92–109.
6. *Осовский Е.Г.* Деятели общественно-педагогического движения и педагогики российского зарубежья. 20–50-е гг. XX в. 150 биографий / Под ред. О.Е. Осовского. Саранск, 1997. 99 с.
7. *Врангель П.Н.* Воспоминания: в 2 частях. 1916-1920 / Биографические справки С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 783 с.
8. *Гаспарян А.С.* Операция «Трест»: советская разведка против русской эмиграции, 1921-1937 годы. М.: Вече, 2008. 445 с.
9. Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 4: Юридические науки: XIX - первая половина XX в. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2011. 220 с.
10. *Коробейников А.В.* Послесловие. (О предварительных результатах исследования повести «Воткинцы») // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2013. № 2 (17). С. 199–243.
11. *Пученков А.С.* «Из подлинно белых рук власть не вырывают...»: Истоки и итоги русской революции в интерпретации ее участника [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/04/01/rodina-revoluciya.html> (Дата обращения: 20.10.2019)
12. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ) (Москва). Ф. Р5773. Оп. 1. Д. 13.
13. ГАРФ. Ф. Р5773. Оп. 1. Д. 59. Курс лекций.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПСИХОПАТОЛОГИИ, ПСИХОДИАГНОСТИКЕ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ

В.В. Кравцов

*Лаборант-исследователь отделения персонализированной психиатрии и неврологии
Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии
имени В.М. Бехтерева
Санкт-Петербургский Государственный Университет*

Т.Б. Маматходжаева

*Студент специалитета медицинского факультета
Санкт-Петербургский Государственный Университет
E-mail: kollsad@yandex.ru*

Мир психически больного человека во многом остаётся скрыт для понимания исследователей. Возможно, причиной является неадекватный методологический аппарат, не способный удовлетворить запросы современной науки и клинической практики. Преодолеть застой в научном становлении психиатрии и раскрыть тематическую область знания в психопатологии возможно путем анализа и переосмысления исторически сложившихся естественно-научных предпосылок и аксиом. Ключевой проблемой является сама концепция «объекта» исследования в психиатрии, претерпевшая значительное онтологическое упрощение, что сказалось в итоге на качестве психодиагностики и поставило под вопрос понятие психического здоровья. Для психопатологии стала необходимой философски обоснованная полемика, посвященная её эпистемологическим и онтологическим вопросам. В последнее десятилетие, разработанный ранее экзистенциально-феноменологический подход был успешно реализован в фундаментальных и клинических исследованиях, обозначив тем самым новое поле философской рефлексии. Полученные результаты явились стимулом для дальнейшей работы над методологией в психиатрии, все ещё остающейся крайне неясной и редуцированной.

Ключевые слова: феноменология, эпистемология, психиатрия, психопатология, психодиагностика, dasein-анализ

CURRENT ISSUES OF EXISTENTIAL PHENOMENOLOGICAL APPROACH IN PSYCHOPATHOLOGY, PSYCHO DIAGNOSIS AND CLINICAL PSYCHIATRY

V.V. Kravtsov

*Research Assistant, Department of Personalized Psychiatry and Neurology
Saint Petersburg V.M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute
Saint Petersburg State University*

T.B. Mamatkhodjaeva

*Student, Faculty of Medicine
Saint Petersburg State University
E-mail: kollsad@yandex.ru*

The world of a mentally ill person remains largely concealed to researchers' understanding. Possibly, the reason is a not adequate methodological basis which is not capable to satisfy requests of modern science and clinical practice. To overcome stagnation in scientific formation of psychiatry and expand the subject area of knowledge in psychopathology, we need to analyze and rethink historically established natural scientific premises and axioms. The key problem is the psychiatric research object's concept which undergoes significant ontological simplification that ultimately affected the quality of psychodiagnostics and calls the concept of mental health into question. Philosophically reasonable debate on its epistemological and ontological issues became necessary for psychopathology. A previously developed existential-phenomenological approach has been successfully implemented in fundamental and clinical researches of the last decade marking a new field of philosophical reflection. The obtained results were an incentive for further work on the methodology in psychiatry which remains currently unclear and extremely reduced.

Keywords: phenomenology, epistemology, psychiatry, psychopathology, psychodiagnostics, dasein-analysis

Введение в проблему

Отсутствие научного прогресса в области психиатрии является широко признанным фактом, спровоцировавшим критику классификационного и симптом-синдромального подходов. Обозначен пробел в понимании сущности психических расстройств и соответствующих им явлений, что в целом отражает отсутствие адекватного эпистемологического базиса в основных методах психодиагностики [1]. Современная психиатрия во многом опирается на использование структурированного интервью, которое исторически уходит корнями в логический позитивизм и бихевиоризм. Эта теоретическая парадигма привела к созданию международной классификации психических расстройств (DSM), ограничив тем самым не только методы диагностики, но и фундаментальное понимание патологического опыта, душевной жизни больного и всех вытекающих из них принципов терапии. Практика показала несостоятельность заложенного фундамента: последний пересмотр DSM-5 был подвергнут серьезной критике во время разработки [2] и после его утверждения [3, 4].

Центральный тезис можно сформулировать следующим образом: психиатрия нацелена на понимание явлений патологического сознания, затрагивающих фундаментальные вопросы экзистенции. Эти явления (в отличие от соматической патологии в медицине) не могут быть поняты по аналогии с материальным неэкзистирующим сущим. Для проведения различий в этой области научного знания требуется подход, руководствующийся феноменологически обоснованными соображениями. В то же время теоретическая дискуссия должна быть ограничена спецификой исследуемого предмета и основана на конкретных клинических примерах.

В анализе стоит подробно обратиться к онтологическому статусу патологического опыта (ПО), понятиям симптома и смысла, к процессам преобразования опыта пациента в целевую структуру: формат, используемый для исследования, классификации и терапии психических расстройств.

Возрастающий в XX веке интерес к иррациональному обуславливает сонаправленное движение философской мысли и возникшую потребность психиатрии в осмыслении своих фундаментальных предпосылок. Актуальной проблемой становится социальный статус психопатологии (ПП).

Феноменологический анализ и его результаты

Первым шагом к решению проблемы можно обозначить метод феноменологической редукции (Э. Гуссерль). Текущей задачей остаётся его адекватное применение в контексте ПО больного. Феноменолого-психологическая и эйдетическая редукции позволяют осуществить поворот от восприятия ПП в её застывшей естественно-научной конструкции к самим переживаниям патологического сознания в его живой непосредственности. После деконструкции каркаса из сложившихся диагностических критериев появляется возможность эмпатического восприятия индивидуальных переживаний. Возникший на этой почве метод описательной феноменологии – патография – открывает искомое исследовательское пространство. На этом этапе становится важным осуществление перехода от индивидуального опыта к рассмотрению сущностного компонента психических расстройств.

В постулировании естественной наукой объективной реальности изначально заключен барьер между действительностью и её искаженным отражением в сознании больного. Ключевым феноменом ПП является бред и галлюцинации, имеющие в клинике условно обобщающий термин «продуктивная симптоматика». Продуктивность здесь выражается в создании больным целого ряда патологических явлений: от конструкции сущностей и их смысловой связи до уникальных образов и знаков. Бытие этих переживаний сознания несомненно. Однако бытие их предметов остается закрытым для позитивного понимания естественными науками, поставленными в рамки внутреннего и внешнего, субъективного и объективного проявлений ПП. Понятие интенциональности – смыслообразующей устремленности – позволяет здесь снять основные ограничения естественно-научного метода. Для интенционального переживания действительное существование предмета не имеет значения. Восприятие может оказаться галлюцинацией, иллюзией, но феноменологически при этом ничего не изменится, т.к. восприятию противостоит не само трансцендентное, принципиально недоступное сознанию, а воспринимаемое как нозма. Патологическое переживание далее рассматривается не как факт, но как сущность, поэтому сама связь переживание-предмет становится сущностной, а не фактической. Искомая ранее отсылка к предмету заключена в самой сущности переживания. В поле обозрения остается реальный состав патологического переживания и то, что рефлексивно осознаётся (или не осознаётся) в нём как нереальное. Для последующего категориального анализа может быть использована система феноменологических координат, важнейшими из которых являются темпоральность и пространственность. Конкретная обоснованность категориального анализа, однако, нуждается в дальнейшей разработке.

Таким образом происходит построение метаонтологического пространства исследования. Философская мысль стремится ввести в онтологию многообразие проявлений человеческого сознания, концентрируясь на их лиминальном варианте — безумии. Это приносит не только специфический предмет исследования, но и своеобразный концептуальный аппарат. Онтологические понятия трансформируются в концепты, содержащие два ассоциативных ряда: онтологический и онтический.

В 21 веке был замечен возросший интерес к феноменологическому подходу в общей ПП и клинической психиатрии. В частности, был возрожден и переосмыслен подход К. Яспера к сущностному формированию бреда, его последующее развитие получило поддержку со стороны современной нейробиологической модели формирования бреда (модель дисрегуляции дофаминергической нейротрансмиссии - аберрантной значимости). Авторы демонстрируют, что феноменологический анализ способен привести к более конструктивному созданию нейробиологических гипотез, которые далее могут быть проверены экспериментально [5]. Разработанный методологический аппарат находит свое применение и в клинической

психодиагностике, показывая свои преимущества перед полным структурированным психиатрическим интервью [1].

Пациент рассматривается как активная и смыслообразующая личность в противоположность пассивному индивиду с патологией биохимического характера. Его попытки самопонимания являются ключевым адаптивным моментом психической жизни, при этом феноменологический анализ направлен именно на понимание и реконструкцию ПО. Giovanni S. и др. указывают, что, несмотря на теоретические проблемы, они начали разработку практических подходов к ПП [6].

Сейчас для ПП требуется конкретизация некоторых проблем феноменологии, в частности, проблемы пределов и возможностей феноменологической редукции и трансцендентальной феноменологии, содержания и возможности исследования фактов сознания, феноменов пространства и времени и интересубъективности.

Dasein-анализ и его результаты

Экзистенциальная философия способна дать более развитый методологический аппарат для ПП, чем феноменология. Экзистенциальный анализ не вытесняет феноменологию, а органически интегрирует её. Идея бытия-в-мире позволяет осуществить переход от понимания ПО к пониманию патологического мира больного. Последний есть сложная структура отсылающих знаков, значений, ценностей в их уникальном свойстве – хаосе безумца. Понятие темпоральности раскрывается подробнее: историчность жизни психически больного человека обретает единство бывшего, настоящего и будущего во временном модусе экзистенции. Поиск теперь сконцентрирован не на ПО, но на самой его возможности. В этом заложена возможность развить экзистенциально-априорные структуры ПП, позволяющие далее определить матрицу возможного опыта больного, т.е. саму возможность возникновения психического заболевания.

Первоначально метод был подвергнут серьезной критике (в т.ч. со стороны Хайдеггера), однако его общий принцип оказался крайне плодотворным, реализовавшись далее в трудах его последователей.

Dasein-анализ стремится расширить онтологию Хайдеггера, буквально пропуская её сквозь сферы онтики. Тем не менее, сама возможность использовать структуру Dasein, как связующее звено между онтикой и онтологией, требует прояснения, являясь уже тематикой региональной онтологии.

Трансцендентальная и феноменологическая интерпретация времени, данная Хайдеггером, может внести неопределимый вклад в ПП тревожных расстройств и ангедонии.

В исследовании Stone D. [7] участвовали пациенты с травмой спинного мозга. Опыт времени, проживаемого этими пациентами, ясно показывает, насколько понятие эк-статичности актуально для понимания их переживаний. Эк-статическое единство темпоральности буквально разрушается переживанием эмоциональной травмы. Переживания застывают в вечном настоящем, в котором человек остается пойманным в ловушку – он обречен вечно возвращаться. В области травмы вся длительность или протяженность разрушается, прошлое становится настоящим, а будущее теряет всякий смысл, кроме бесконечного повторения. В этом смысле именно травма, а не бессознательное, является вневременным [8]. Травма обнажает невыносимую «укорененность» бытия: миры травмированных людей принципиально несоизмеримы с мирами других. И это глубокая пропасть, в которой формируется мучительное чувство отчужденности и одиночества. Хайдеггеровская интерпретация тревоги подходит к человеку и его страданию с феноменологической точки зрения.

Вывод

Следуя философскому наследию, мы замечаем, что экзистенциально-феноменологический подход к анализу человеческого бытия может дать психиатрии самую радикальную переориентацию, обеспечив новую парадигму понимания как человеческого бытия, так и патологий существования. В своей герменевтике Dasein Хайдеггер стремится интерпретативно восстановить единство нашего бытия, нападая на картезианский раскол. Анализ человеческого бытия вообще есть воссоздание целого: дело не в том, чтобы воссоздать онтический процесс причинного ряда событий, а в том, чтобы увидеть онтологическую

единицу артикулированной множественности. В итоге мы можем заключить, что дело не в том, чтобы применить экзистенциально-феноменологический анализ к психиатрии, а в том, чтобы взглянуть на проблему в онтологическом свете.

Литература

1. Nordgaard J., Sass L.A., Parnas J. The psychiatric interview: validity, structure, and subjectivity // European archives of psychiatry and clinical neuroscience. 2013. Vol. 263. No 4. P. 353-364. DOI:10.1007/s00406-012-0366-z.
2. de Leon J. Is Psychiatry Scientific? A Letter to a 21st Century Psychiatry Resident // Psychiatry Investigation. 2013. Vol. 10. No 3. P. 205. DOI: 10.4306/pi.2013.10.3.205.
3. Pickersgill M. Debating DSM-5: diagnosis and the sociology of critique // Journal of Medical Ethics. 2013. Vol. 40. No. 8. P. 521-525. doi:10.1136/medethics-2013-101762.
4. Andrews G., Goldberg D., Krueger R. et al. Exploring the feasibility of a meta-structure for DSM-V and ICD-11: could it improve utility and validity? // Psychological Medicine. 2009. Vol. 39. No 12. P. 1993. DOI: 10.1017/s0033291709990250.
5. Aaron L. Mishara P.F. The Phenomenology and Neurobiology of Delusion Formation During Psychosis Onset: Jaspers, Truman Symptoms, and Aberrant Salience // Schizophrenia Bulletin. 2013. Vol. 39. No 2. P. 278–286. DOI: 10.1093/schbul/sbs155.
6. Giovanni S., Derek B., William K.M. Fulford, Person-Centered Psychopathology of Schizophrenia: Building on Karl Jaspers' Understanding of Patient's Attitude Toward His Illness // Schizophrenia Bulletin. 2013. Vol. 39. No 2. P. 287–294. DOI: 10.1093/schbul/sbs154.
7. Stone D., Papadimitriou C. Exploring Heidegger's Ecstatic Temporality in the Context of Embodied Breakdown // The Schutzian Yearbook, 2010. P. 135-152.
8. Stolorow R. Trauma and existence. New York: Francis and Taylor Publ, 2007. P. 20.

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА ОТРАЖЕНИЯ В ШКОЛЕ Б.Г.АНАНЬЕВА

Наталья Анатольевна Логинова

Доктор психологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: n.loginova@spbu.ru, n_a_loginova@mail.ru

Принцип отражения был одним из основополагающих в советской психологии. Самые крупные российские психологи советского периода, включая лидера петербургской психологической школы Б. Г. Ананьева, внесли вклад в его обоснование и развитие. В теории Ананьева принцип отражения принял форму материалистического сенсуализма. Последователь Б.Г. Ананьева, Л.М. Веккер исходили из понимания ментальных процессов как специфической формы информационных процессов. Множество конкретных исследований сенсорных перцептивных и всех других процессов были теоретически обобщены в ряде монографий психологов петербургской школы. Принцип отражения, остается незыблемым, поскольку адекватный образ мира является средством адаптации и выживания, деятельности и творчества. Этот принцип подвергается сомнению сторонниками конструктивизма.

Ключевые слова: история советской психологии, методология психологии, принцип отражения, конструктивизм, Б.Г. Ананьев, петербургская психологическая школа

DEVELOPMENT OF THE REFLECTION PRINCIPLE AT ANANIEV'S SCHOOL

Natalya A. Loginova

DSc in Psychology, Professor

Saint Peteresburg State University

E-mail: n.loginova@spbu.ru, n_a_loginova@mail.ru

The principle of reflection was a cornerstone of the Soviet psychology. The largest Russian psychologists of the Soviet period, including the leader of the St. Petersburg Psychological School Boris Ananiev, contributed to his justification and development. In Ananiev's theory, the principle of reflection took the form of materialistic sensationalism. A disciple of B. Ananiev, L. Vekker proceeded from the understanding of mental processes as a particular form of information processes. Dozens of research of sensory-perceptual and other processes were theoretically summarized in some monographs of St. Petersburg school. The necessity of an adequate image of the world as means of adaptation and survival, activity and creativity make the principle of reflection undeniable. The principle of reflection is now criticized by supporters of constructionism.

Keywords: history of the Soviet psychology, methodology of psychology, principle of reflection, B.G. Ananiev, St. Petersburg psychological school, constructionism versus reflection

Принцип отражения был краеугольным камнем советской психологии. В его обоснование и развитие внесли вклад самые крупные психологи советского периода, в первую очередь С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев – лидер петербургской психологической школы на послевоенном этапе ее существования.

Б.Г. Ананьев исходил из материалистического положения о том, что психика является высшим уровнем отражения, которому предшествуют и который фундируют биологический, химический, физический уровни отражения. Психика генетически связана с ними. Психика в ее исходной форме ощущений – результат многоуровневых материальных преобразований в самом организме под воздействием энергии воздействующего объекта. В ананьевской концептуальной системе принцип отражения принял форму последовательного *материалистического сенсуализма*, утверждавшего фундаментальное значение ощущений для познания мира и развития человека, формирования психологической структуры субъекта сознания и деятельности. В ощущениях особенно ярко проявляется зависимость психического от материальной действительности. Они, по выражению И.М. Сеченова, «навязаны извне». Ощущения участвуют в регуляции деятельности субъекта и органической жизнедеятельности индивида и тесно связаны с потребностями человека. Невозможно представить эмоциональную жизнь человека, включая высшие, особенно эстетические чувства, без сенсорно-перцептивных процессов. Творчество художника, писателя, ученого, изобретателя опирается на словарь образов. От Сеченова идет идея о сенсорных источниках самосознания [1].

В школе Ананьева в течение десятков лет, начиная со второй половине 1930-х гг. по им разработанной научно-исследовательской программе было проведено множество конкретных эмпирических исследований сенсорно-перцептивных явлений как процессов отражения модальных, пространственно-временных свойств материи и как системных образований. Б.Г. Ананьев в итоге создал перспективную концепцию *сенсорно-перцептивной организации* человека, включающую все виды ощущений и восприятий, а также представлений, в том числе органических [2]. В петербургской психологической школе были изучены ощущения, восприятия и представления всех модальностей, включая осязание, обоняние, вкус, вибрационные ощущения и прочие. Ананьев был против тенденции игнорирования ощущений, их выведения за пределы психологической науки, когда, как нередко считается, только с восприятия начинается собственно психическая жизнь. Для Ананьева же ощущения – полноценные, хотя элементарные, психические явления. Они являются чувственным источником познания в том числе и самых абстрактных его форм. Рациональное познание всегда опирается на чувственное и в свою очередь преобразует, обогащает, усиливает последнее.

Под его руководством также изучалась эволюция сенсорно-перцептивных функций в индивидуальном развитии человека на всем протяжении жизненного пути, участие этих функций в регуляции деятельности и в творчестве (работы М.Д. Дворяшиной, В.Л. Дранкова, Н.А. Кудрявцевой, Е.Ф. Рыбалко и др.). Были проведены интересные опыты по изучению процессов психического отражения у животных (Н.А. Тих, Ю.Г. Трошихина, З.Р. Душабаев и др.).

В школе Ананьева особое внимание уделялось процессам отражения пространства и времени, так как в этом виде отражения реализуется фундаментальная адаптивная функция

психического. Пространственная ориентировка возможна на основе ощущений, восприятий, представлений, мышления. Вместе все эти процессы составляют многоуровневый механизм отражения пространства.

Было доказано на, что пространственная ориентировка является специальной функцией билатеральной работы больших полушарий головного мозга. «С положением в пространстве связана вся специфическая для человека стереотипия взаимосвязей между обоими полушариями головного мозга, характерное для него отсутствие симметрии в функциях парных органов чувств» [2, с.77].

К сожалению, современная психология мало занимается ощущениями как общепсихологической проблемой, уступив эту область нейрофизиологам. Современные исследователи редко обращаются к теории ощущений Ананьева, вероятно, полагая, что она принадлежит лишь истории науки. Почти исчезла из научного оборота ценнейшая его книга «Теория ощущений» [3]. Углубленное историко-теоретическое изучение трудов Ананьева убеждают, что идейный эвристический потенциал наследия этого ученого далеко не исчерпан, в том числе и в отношении теории отражения [4].

Ученик Б.Г. Ананьева профессор Л.М. Веккер по-своему продолжил линию своего учителя, сделав упор на *объектной* детерминации психического, на том, что в субъективном образе и мысли *не зависит* от субъекта. Начав свой научный путь от эмпирических исследований осязания, Веккер пришел к созданию стройной теории психических процессов как отражения, переживания и действия и завершил свой многолетний труд трехтомной книгой «Психические процессы» [5], в которой принцип отражения является ключевым.

Л.М. Веккер понимал психические процессы как частные, весьма специфические формы информационных процессов. Психическое отражение по своей природе продукт множества преобразований информации в системе «человек», начиная с ощущений и кончая внутренним душевным и духовным миром человека. На каждом уровне этой системы есть свой носитель информации. Ученый разрабатывал понятие *иерархии носителей*, в основании которой лежит организм человека с его нервной системой, а на вершине – личность, субъект внутренней жизни. Психическое – свойств материи мозга и организма в целом, и свойство *психического* субъекта – личности. Но прежде всего психическое есть образ мира, его отражение.

Еще одна важная линия развития принципа отражения разрабатывалась учениками и последователями Б.Г. Ананьева в исследованиях, выполненных под рук. А.А. Бодалева в рамках проблемы психогнозиса – восприятия и понимания человека человеком (работы А.А. Бодалева, В.Н. Куницыной, В.Н. Панферова и др.) [6]. В этой большой группе исследователей главным интересом стала другая, *субъектная*, сторона детерминации психического отражения. При этом субъект изучался в разных видах деятельности и был представлен разными уровнями своей структуры, начиная от возраста, пола и кончая мотивационными образованиями личности, ее направленностью. Но субъектный и субъективный компонент социальной перцепции не возникает без более или менее объективного отражения социальной в данном случае действительности. Именно отражение конституирует психические явления даже в их наиболее субъектных видах и формах, какими являются социальная перцепция, социальные представления и социальное мышление.

Принцип отражения в настоящее время подвергается переоценке. При этом ему противопоставляют принцип конструктивизма, согласно которому субъект активно относится к объекту, познает его в той мере и в том ракурсе, которые заданы конструктами его сознания [7]. Как показывают современные исследования, социальные представления, имплицитные теории индивидуального сознания возникают и изменяются под влиянием культуры, в том числе стереотипов массового сознания, образов художественной литературы и других видов искусства. Подчеркивается их детерминация культурой, знаками как носителями культурной информации и деятельностью субъекта, его творческим началом. Однако, при этом нельзя игнорировать необходимость для человека достаточно адекватного отражения объективной действительности как средства приспособления и выживания, как необходимого условия труда, познания и общения, включая и творческий уровень всех видов деятельности.

Баланс объективного и субъективного в психическом образе мира подвижен, при этом ни один из его компонентов – объективный или субъективный, зависимый от субъекта, не исчезает полностью. Диалектика отражения и переживания, объективного и субъективного составляет важнейшую характеристику сознания человека. Поэтому принцип отражения, с одной стороны, и принцип субъектности, или, в более широком смысле – антропологический,

наряду с принципом деятельности и другими методологическими постулатами материалистической психологии, остается основополагающим. Вместе с тем существует объективная необходимость переосмысления и развития принципа отражения, как и всей методологии научной психологии, в свете новейших достижений психологии и смежных наук. Это проблемное для поле совместных исследований психологов и философов.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* К постановке проблемы развития детского самосознания // Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т. II. М.: Педагогика. 1980. С. 103-127.
2. *Ананьев Б.Г.* Сенсорно-перцептивная организация человека // Б.Г. Ананьев. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. С. 49-148.
3. *Ананьев Б.Г.* Теория ощущений. Л.: ЛГУ, 1961.
4. *Логина Н.А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
5. *Веккер Л.М.* Психические процессы. Л.: ЛГУ. В трех томах. 1974, 1976, 1981.
6. *Панферов В.Н.* Интегральный синтез психологии человека в науке, в образовании, в социальном взаимодействии. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2015.
7. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «ИП РАН», 2007. С. 119-135.

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ НА РАЗВИТИЕ БОЛГАРСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ГУМАНИТАРИСТИКИ, ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Марияна Димитрова Няголова

Кандидат психологических наук, доцент

Великотърновский университет имени святых Кирилла и Мефодия

E-mail: mniagolova@yahoo.fr

Юрий Николаевич Олейник

Кандидат психологических наук, доцент

Московский гуманитарный университет

E-mail: yurii03@mail.ru

Целью настоящего исследования является привлечение научного внимания к историческому развитию болгарской психологии во время Второй мировой войны (1939-1945 гг.). Историческо-психологический анализ направлен на выявление связи болгарских психологов с общими тенденциями французских философских доктрин первой половины XX века. Анализируется развитие некоторых основных направлений, как общая и экспериментальная психология, социальная, педагогическая и юридическая психология. Дается краткий исторический обзор их развития в Болгарии.

Ключевые слова: история психологии, история болгарской психологии, французская философия и психология, Вторая мировая война

INFLUENCE OF FRENCH PHILOSOPHY ON THE DEVELOPMENT OF BULGARIAN PSYCHOLOGY AND HUMANITIES DURING THE WORLD WAR II

Mariyana D. Nyagolova

CSc in Psychology, Associate Professor

St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo

E-mail: mniagolova@yahoo.fr

* Работа выполнена, в связи с научно-исследовательскими грантами: ФНИ (ДНТС Русия/ 02/19/18.06. 2018 г.) и РФФИ (18-513-18017), по теме проекта «Развитие психологии в период Второй мировой войны в Болгарии и Советском союзе: характеристика, особенности и последствия».

Yuri N. Oleinik
CSc in Psychology, Associate Professor
Moscow University for the Humanities
E-mail: yurii03@mail.ru

The aim of the present research is to attract the scientific attention to the historical development of Bulgarian Psychology during the World War II, from 1939 to 1945. The historical analysis is oriented towards revealing the relationship of Bulgarian psychologists with the general tendencies in French philosophical doctrines from the first half of the XX century. The analysis of the development in such basic directions as the general and experimental psychology, social, school and legal psychology is made. A brief historical review of their development in Bulgaria is offered.

Keywords: history of psychology, history of Bulgarian psychology, French philosophy and psychology, World War II

В истории болгарской психологии, период Второй мировой войны, оказывается одним из самых плодотворных этапов развития данной науки. Оно осуществляется в тесной связи с философией и с методологией других социальных и гуманитарных наук. Вопреки сложной социально-политической ситуации военного времени, болгарская гуманитаристика, ускоренными темпами, углубляет свои достижения 30-х годов, на основе таких традиционных методологий, как неокантианства, неогегельянства, философии жизни и в меньшей степени – марксизма. Изучению данных тенденций посвящен целый ряд новейших работ историков болгарской философии, Нины Димитровой (2010; 2017, 2019, 2020), Татьяны Батулевой (2007; 2012; 2013), Камелии Жабиловой (2013; 2013; 2014), Ясена Захариева (2011; 2012), Дмитрия Цацова (2016; 2017; 2018; 2018; 2020), Добриня Тодорова (2014), Анания Стойнева (2017) и др.

На фоне новейших исследований истории болгарской философской культуры 30-х – 40-х годов XX века, стало возможно и конкретное изучение достижений болгарской психологии данного периода. Одна часть историко-психологических разработок относятся к изучению персоналий (М. Няголова, 2017; 2019; Ф. Узунов, 2019; М. Няголова, В. Филипова, 2017). Другая часть – к изучению научных школ и направлений (М. Д. Няголова, С. П. Мишев, 2019), а третья из них, посвящена методологическим предпосылкам психологических работ (Ю. Н. Олейник, М. Д. Няголова, 2019; М. Няголова, Ф. Узунов, Ю. Олейник, 2019; М. Д. Няголова, 2019). Поскольку, психологическое знание изучаемого периода отличается синтетическим характером, всегда возникает необходимость учета кросс-культурного влияния философских школ отдельных европейских стран.

Цель настоящего доклада – исследовать влияние французской и франкоязычной философии на формирование научных концепций болгарских психологов периода Второй мировой войны.

Выбор исследования продиктован того факта, что влияния франкоязычной философии на болгарскую науку данного периода, изучен, все еще, в меньшей степени, чем, например, немецкоязычных философских влияний на нее. Существенный вклад в изучение влияния французской философии на развитие болгарской философской культуры внесла Татьяна Батулева (1988; 1993; 2007; 2008; 2014), несмотря на то, что ее работы касаются других хронологических этапов. Общая направленность историко-философских исследований позволяет считать, что во время Второй мировой войны, болгарская психология развивается в качестве самостоятельной научной области, хотя и в тесной связи с философией. Именно, во время войны, психология оказывается востребованной наукой не только в академическом, но и в прикладном аспекте. Поэтому, наряду с философскими концепциями, на методологию теоретических и прикладных психологических исследований влияние оказывают социологические, культурологические и собственно психологические взгляды французских и франкоязычных авторов.

Бергсонизм и прагматизм

В очередной раз, после Первой мировой войны, человечество оказывается потрясенным ужасами войны. В результате глубокого общественно кризиса, мировое научное сообщество

обращается к идеям «философии жизни». Развивая идеи Анри Бергсона о принципиальной невозможности материалистического понимания сознания и вместе с тем, процесса развития, болгарские психологи приступают к творческой разработке проблем интуитивистского понимания личности и психики, вообще.

Первым болгарским последователем А. Бергсона, считается выпускник Сорбонны Иван Сарылиев, впоследствии - профессор истории философии Софийского университета. Накануне Второй мировой войны, на основе гносеологии прагматизма, он продвигает разработку бергсонизма, в сторону сближения идей французского философа и Уильяма Джеймса. В данном контексте, И. Сарылиев находит много общего между прагматизмом и «бергсоновой теорией интеллекта» (Сарылиев, 1938). В 1941 г., выходит его книга «Записки по истории новой и новейшей философии (от Конта до Бергсона)» (Сарылиев, 1941), в которой он доказывает, что А. Бергсон является выдающимся представителем духовного и метафизического позитивизма, во Франции. В плане психологии, И. Сарылиев разрабатывает проблему воли, как синтез интуитивизма А. Бергсона и идей прагматизма о полезности истины.

Атанас Илиев, другой известный представитель болгарского бергсонизма, сочетает интуитивизм А. Бергсона с принципами разных направлений «философии жизни» и прежде всего, с теорией психоанализа. За время войны, выходят в свет несколько его книг, две из которых, опубликованные на французском языке: «Мистицизм и познание» (Илиев, 1939) и «Бергсонизм: перспективная философия» (Илиев, 1940).

В плане гносеологии, А. Илиев пытается сочетать логицизм и психологизм (Бънков, 1945: 127 – 147), но в его психологических работах, именно психологизм и преобладает. Психологическая тематика исследований А. Илиева затрагивает большой круг вопросов: о сознательном и бессознательном проявлениях психического, об эмоциональной жизни, о психологии болгарского народа, о психологических особенностях национального сознания и др.

В области педагогической психологии, интуитивная философия А. Бергсона находит выражение в дидактике и психологии обучения, благодаря работам Атанаса Илиева (1930; 1937), Григора Пенчова (1922), Дамяна Димова (1940; 1942; 1944) ; Василия Манова (1928; 1939). Книга последнего «Интуиция как проблема дидактики: попытка психолого-дидактического анализа» (Манов, 1939) вызывает углубленную научную дискуссию среди болгарских философов, педагогов и психологов.

Во время войны, под влиянием интуитивизма А. Бергсона, увеличивается число психологических публикаций по проблемам нравственной психологии, повседневной жизни личности, психологии народа. О широком распространении его идей в Болгарии, свидетельствует и факт, что еще в 1945 году, выходит историографическое исследование Ангела Бънкова «Бергсонизм в Болгарии» (Бънков, 1945). В нем, он анализирует развитие данного направления в болгарской философии, педагогике и психологии, с критических позиций философской школы Ремке – Михалчева.

Функционализм и генетическая психология

Методология прагматизма тесно связана и со становлением новой эпохи психологической науки XX в. – с функционализмом. В Болгарии, данное направление внедряется накануне Первой мировой войны, благодаря болгарским ученикам и сотрудникам Эдуарда Клапареда, Дмитрию Кацарову и Ефрему Белдедову.

Накануне Второй мировой войны, Д. Кацаров не только выдающийся профессор педологии Софийского университета, главный редактор журнала «Свободное воспитание», но и председатель болгарской организации «Нового воспитания», а также, член международного комитета Лиги о новом воспитании. В годы войны, он опубликовал свои исследования «Нравственное развитие и нравственное образование» (Кацаров, 1941) и «Отличительные характеристики современной образовательной теории и практики» (Кацаров, 1942). В них, на основе анализа взглядов Жана Пиаже, он утверждает гуманистический смысл нравственной психологии, которая должна сочетать в себе идеи толстовства, прагматического функционализма и генетической психологии Женевской школы.

Своей статьей в журнале «К новой эре», Д. Кацаров принимает активное участие, в обсуждениях современной профессиональной подготовки учителей школы нового типа. Наряду

с необходимостью улучшения психологического образования учителей, высказанной Анри Валлоном (Henri Wallon, 1938), болгарский ученый выявляет значение их социально-профессионального формирования (Katzaroff D., 1939). Сборник памяти Эдуарда Клапареда, изданный под редакцией Д. Кацарова и Е. Белдедова (Белдедов, 1940), оказывается ярким примером приверженности к традиции женеvской школы функционализма в Болгарии.

Принципы французской генетической психологии Анри Валлона, тоже, оказали свое методологическое влияние на болгарскую психологию, хотя и в более ограниченном круге исследований. Они нашли свою интерпретацию, скорее всего, в прикладных психологических направлениях. Наиболее последовательно применяет идеи А. Валлона болгарский адвокат Сотир Бранков, в своих разработках, посвященных соотношению сознательного и бессознательного, гендерным проблемам и юридической психологии, в целом (Бранков, 1925; 1928; 1942).

Почти во всех сферах прикладной болгарской психологии, наиболее широкое распространение приобретают идеи Гюстава Лебона. В первой половине XX в., на болгарском языке, изданы, больше 15 переводов его книг, начиная с изданием перевода «Эволюции цивилизации», в 1898 году. За время Второй мировой войны, вышел в свет перевод его книги «Политическая психология» (1940) с предисловием адвоката и юридического психолога Александра Илкова. В области исторической психологии, болгарские психологи очень часто, интерпретируют работу Г. Лебона «Французская революция и психология революций». Таким образом, Михаил Димитров изучает Великую французскую революцию 1789 г. и ее влияние в Болгарии эпохи Возрождения (Dimitrov, 1939).

Ярким примером применения идеи франкоязычной философии и социологии, в качестве методологии болгарской социальной психологии, служит творчество Стеллы Андоновны Русчевой. Ученица бельгийских социологов Гийома дьо Грефа и Эдмонда Пикара, она последовательно придерживается принципами социологической теории Габриэля де Тарда. С данных позиций, за время войны, она исследует разных проявлений поведения личности, в условиях межличностного общения. Оригинальным звучанием отличается ее работа, посвященная роли социальных «принуждений» в «насильственной педагогике». Данной работы, С. Русчева критикует официальную пропаганду антисемитизма и фашизма в болгарской школе (Русчева, 1942).

Подводя итог, можно обобщить, что в период Второй мировой войны, болгарские психологи, применяя и развивая лучшие идеи французской и франкоязычной философии, психологии и социологии, создали оригинальные творческие произведения, направленные на утверждение человеческой индивидуальности и исключительного значения научной, политической и национальной свободы.

Литература

1. *Белдедов Ефр.* Педагогическите идеи на проф. д-р Едуард Клапаред. Сборник в памет на професор д-р Едуард Клапаред. София: Книгоиздателство «Стоян Георгиев», 1940.
2. *Бранков С.* Подставено лице. Търново: Печатница на Е. п. Христов, 1942.
3. *Бънков А.* Бергсонизмът в България, София: Печатница «Изгрев», 1945.
4. *Илиев А.* Философските възгледи на Бергсона. Философски преглед. 1941, к. 1. С. 53–67.
5. *Илков А.* Предговор. Г. Льобон. Политическа психология. Преводач Константин Стоименов. София: Аста, 1940.
6. *Манов В.* Интуицията като проблем в дидактиката: опит за психодидактичен анализ. Пловдив: Христо Данов, 1939.
7. *Русчева С.А.* Принудата в делото на образователната система. В служба на народното образование. Сборник от педагогически приноси в чест на професор, доктор Михаил Герасков. Под редакцията на проф. д-р П. Цонев, К. Ахчийски, С. Каракостов. София: Печатница «КООП». 1940. С. 400–412.
8. *Сарълиев Ив.* Записки по история на най-новата философия (Конт – Бергсон). София: Литопечат, 1941.
9. *Batuleva T.* French Philosophy and Bulgarian Philosophy Culture. Studies in East European Thought. Volume 53. 2001. pp. 21–36.
10. *Benrubi J.* Les sources et les courants de la philosophie contemporaine en France. Tome I et Tome II. Paris: Librairie Félix Alcan, 1933.

11. *Dimitrov M.* Répercussions de la Révolution française en Bulgarie. 1789 éveil des peuples. La Révolution française, l'Europe central et les Balkans. Paris. Voix européennes, 1939. pp. 93–98.
12. *Iliev A.* Mysticisme et connaissance: Essais. Sofia: Dobromir Tchilingirov, 1939.
13. *Iliev A.* Le bergsonisme: Une philosophie prospective: Sofia: L'Essor bulgare, 1940.
14. *Katzaroff D.* Préparation sociale des Maîtres. Pour l'Ère Nouvelle, novembre – décembre 1939, n 150, 18e année. pp. 233–238.

О СОИЗМЕРИМОСТИ ТЕОРИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Владимир Александрович Мазилев

*Доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии
Ярославский государственный педагогический университет
E-mail: v.mazilov@yspu.org*

В статье рассмотрена проблема соизмеримости теорий в психологии. Показано, что вопреки мнению Т.Куна и П.Фейерабенда в современной психологии несоизмеримость теорий не доказана. Проанализированы положения теории Т.Куна о несоизмеримости теорий, выявлено, что поскольку психологию нельзя считать монопарадигмальной дисциплиной, для выводов о несоизмеримости теорий в психологии нет оснований. Приводится ряд аргументов, подтверждающих сделанное заключение. В статье показано, что в рамках психологии существует соизмеримость теорий. Т.Кун отмечает, что значения научных терминов и понятий «часто менялись вместе с теорией». Т.Кун абсолютно прав – значения действительно меняются, поэтому если мы пытаемся сравнивать готовые теории, картина, открывшаяся философу науки, действительно правдоподобна. Поэтому сравнивать нужно не готовые теории, где необходимая для сопоставления теорий информация «закамуфлирована» новыми формулировками и изменившимися трактовками понятий, поэтому «соизмерению» не подлежит, а предтеории. Соизмеримость может быть установлена по предтеории. Предтеория – комплекс исходных представлений ученого о предмете и методах исследования. Обычно предтеория самим автором теории плохо осознается, но легко реконструируется независимым исследователем. Поскольку она представляет собой структурный инвариант, появляются основания для поэлементного сопоставления. Показано значение коммуникативной методологии для сопоставления подходов и интеграции в тематике психологии способностей и одаренности.

Ключевые слова: психология, философия науки, несоизмеримость, теория, факт, коммуникативная методология

ON THE COMMENSURABILITY OF THEORIES IN MODERN PSYCHOLOGY

Vladimir A. Mazilov

*DSc in Psychology, Head of the Department of General and Social Psychology
Yaroslavl State Pedagogical University
E-mail: v.mazilov@yspu.org*

The article considers the problem of the commensurability of theories in psychology. It is shown that, contrary to the opinion of T. Kuhn and P. Feyerabend, the incommensurability of theories has not been proved in modern psychology. The provisions of T. Kuhn's theory about the incommensurability of theories are analyzed; it is revealed that, since psychology can not be considered a monoparadigm discipline, there are no grounds for conclusions about the incommensurability of theories in psychology. A number of arguments confirming the conclusion made is presented. The article shows that, within the framework of psychology, there is a commensurability of theories. T. Kun notes that the meanings of scientific terms and concepts are “often changed with the theory”. T. Kun is absolutely right: the values really change, so if we try to compare ready-made theories, the picture revealed to the philosopher of science is

really believable. Therefore, it is necessary to compare not ready-made theories, where the information necessary for comparing theories is “camouflaged” by new formulations and changed interpretations of concepts; therefore, it can not be “measured” but should be a pretheory. Comparability can be established by the pretheory. A pretheory is a set of initial representations of a scientist about the subject and research methods. Usually, the pretheory is not well understood by the author of the theory but is easily reconstructed by an independent researcher. Since it is a structural invariant, grounds for an element-by-element comparison appear. The importance of the communicative methodology for comparing approaches and integration in the subject of psychology of abilities and giftedness is shown.

Keywords: psychology, philosophy of science, incommensurability, theory, fact, communicative methodology

Т.Кун представляется идеологом несоизмеримости научных теорий [1; 2], поскольку резонанс получили его высказывания о несоизмеримости научных теорий. Идея несоизмеримости была взята на вооружение и широко использовалась другим философом и методологом науки П. Фейерабендом. Психологи, которые восприняли куновские положения, говорят о несоизмеримости теорий вообще, наивно полагая, что это безоговорочно относится и к психологии. Оснований для этого нет. Авторитет Т.Куна велик, это выдающийся и популярный мыслитель. Попробуем критически отнестись к распространению выводов куновской теории на психологию. Рассуждения Т.Куна основываются на примерах и обобщениях, взятых из истории естественных наук. Никем пока не доказано, что эти рассуждения имеют столь универсальный характер, что могут адекватно представлять ситуацию в области научной психологии. Обычно упускается из виду, что ключевым моментом для рассуждений Т.Куна является научная революция (вспомним о названии его главного труда). Кун говорит именно о несоизмеримости предреволюционных и послереволюционных нормальных научных традиций. В психологии дело обстоит совершенно не так, поскольку она явно не является монопарадигмальной дисциплиной. Революций – аналогичных естественнонаучным – в психологии просто не бывает. Все упоминания о революциях в психологии носят явно метафорический характер («бихевиористическая», «когнитивная» и т.п.). Поэтому безоговорочный перенос куновских рассуждений на область психологии весьма сомнителен. Противоборство между парадигмами не рассматривается Куном как сознательный процесс, основанный на логике и нейтральном опыте: переход от одной парадигмы к другой *не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом посредством логики и нейтрального опыта.*

Количество «степеней свободы» при рассмотрении психических явлений значительно больше, чем в любой из естественных наук. Это совершенно естественно, если принять во внимание сложность самих объекта и предмета психологической науки. Соответственно, имеется значительно большее число возможных аспектов анализа. В этой связи важно подчеркнуть, что при формулировании теории важнейшую роль играют неосознаваемые самим исследователем процессы. Речь, по сути, идет о том, что ниже в рамках настоящей концепции будет охарактеризовано как *предтеория* – исходные представления ученого. Она предшествует исследованию, часто вообще не осознается самим ученым и выступает в качестве неявного основания исследования. Выявлено, что предтеория играет определяющую роль при проведении исследования в области психологии [3]. Как становится понятно, противоборство между парадигмами Т.Кун рассматривает как естественный процесс развития научного знания. Вполне возможна ситуация, при которой работа соотнесения концепций выполняется незаинтересованным, нейтральным лицом – методологом или историком науки, т.е. становится целенаправленной.

Обратим внимание на то, что Т.Кун исходит из явной аналогии между гештальтистскими исследованиями восприятия и переходом от одной парадигмы к другой. Хорошо известно, к примеру, что в случае «двойных» изображений нельзя увидеть одновременно оба изображения на картинке. Модель, принятая Куном, – изменение видения “двойного изображения”. Иными словами (забегая вперед) отметим, что Т.Кун использует эти опыты как *моделирующее представление*. В поздней работе [2], цитированной нами, Кун признавал, что «неоднократно уподоблял теоретические изменения переключению гештальта». Обратим внимание, что фактически выбор неудачного моделирующего представления предопределяет

результат. Полагаем, что принципиальная несоизмеримость теорий и концепции в современной психологии не доказана. Напротив, справедлив принцип соизмеримости теорий [3].

Рассуждая о предмете психологии, мы имеем дело с абстракцией высокого уровня. Происходит преобразование абстракцию, путем замыкания ее на образ материального объекта, т.е. формирование моделирующих представлений [4]. Оказалось, что эти феномены являются универсальными и имеют место всегда, когда необходимо иметь дело с пониманием психических явлений.

В целом происходит трансформация первоначальной абстракции по трем направлениям.

1. Известно, что психическое явление может проявляться либо в самосознании, либо в поведении. В процессе уточнения выбирается один из трех возможных вариантов, определяющих «идею» предмета и метода – либо субъективный вариант, от самосознания, предполагающий ориентацию на субъективный метод, либо объективный – от поведения, предполагающий объективный метод, либо комплексный: моделирующие представления таковы, что предполагают использование сочетания этих возможностей.

2. Выбирается базовая категория, задающая общую стратегию понимания рассматриваемого явления. Основные базовые категории: структура, функция, процесс, уровень, генезис или их сочетание.

3. Собственно моделирующие представления. Моделирующие представления всегда являются искусственной конструкцией, привлекаемой для понимания и объяснения. Согласно Н.Г.Алексееву, моделирующие представления "обеспечивают целостность последовательности процедур и могут содержать некоторые обоснования на этот счет. Подобные схемы, как правило, замыкаются на некоторый образ материальных предметов и связей между ними, задают объект исследования" [5, с.324]. Рассуждение о психике предполагает замену исходной абстракции: происходит замена труднодостижимого объекта другим, более доступным для понимания.

Поэтому рано или поздно в нашем рассуждении появляются такие понятия как отражение, деятельность, поведение, адаптация, личность, ориентировка и пр. Предмет психологии имеет достаточно сложную структуру, включающую в себя различные компоненты.

Можно говорить о *декларируемом* предмете. В настоящее время под декларируемым предметом обычно имеется в виду «психика», поскольку именно она заявляется в качестве предмета психологической науки. В действительности, как мы видели, используется «заместитель» декларируемого предмета – отражение, деятельность, поведение и т.д., который уместно именовать *рационализированным* предметом. И, наконец, тот конструкт, который порождается при участии моделирующих представлений, заслуживает наименование *реального* предмета.

Философско-эпистемологическое исследование научной психологии остро необходимо как для психологии, так и для самой философии. В настоящее время ясно, что естественнонаучный стандарт не является единственным. Очевидно, что многие положения философии науки, сформулированные на основе анализа естественных наук, напрямую неприменимы к современной психологии [6]. Для философии науки современная психология представляет уникальный материал для разработки новых более конструктивных эпистемологических моделей построения науки. Во всяком случае, стоит принять во внимание, что традиционный тезис, представленный в работе Томаса Куна, а затем и Пола Фейерабенда, о несоизмеримости теорий и фактологической основы для психологии не доказан. Более того, сформулировано положение о соизмеримости в психологии теорий одного уровня [4]. Соотносимы и факты, так как традиционно факт рассматривается как единое простое явление, тогда как специальное исследование показывает, что факт в психологии имеет достаточно сложное строение [7]. Для нас важно то, что психологический факт содержит и универсальные и вариативные компоненты, что делает факты соизмеримыми. Об этом несколько подробнее скажем ниже.

Заслуживает упоминания и то, что на основе принципа соизмеримости теорий была разработана концепция коммуникативной методологии [8]. Обратим внимание на наиболее важные для нашей темы положения этой концепции.

1. Современная психология характеризуется многообразием подходов, научных направлений, теорий и концепций разного уровня. В психологии накоплено множество идей, обобщений, гипотез, фактов, доктрин и т.п. Они обыкновенно остаются не соотнесенными,

не упорядоченными. Разумеется, в разное время многими учеными предпринимались попытки соотнести взгляды и положения различных теорий, представить обобщения, делались попытки интеграции подходов. В науке существуют формы естественной интеграции знания. Существуют формы направленной, «искусственной» интеграции. К их числу относятся обобщения, метатеории, комплексный, системный подход и т.д. Интегративные тенденции имеют позитивную оценку в научном сообществе, но реально поддерживаются немногими. Существуют объективные и субъективные препятствия, мешающие реализации интегративных подходов.

Не доказана ни несоизмеримость теорий в области психологии [8], ни несоизмеримость фактов. Впечатление о несоизмеримости теорий возникает в том случае, когда пытаются соотнести готовые теории как результат научного исследования. Возможно соотнесение не *теорий* как результатов исследования, а *предтеорий* – исходных представлений исследователя. Предтеория не осознается исследователем, но она легко может быть реконструирована историком психологии или независимым исследователем. Преимуществом соотнесения именно предтеорий является то, что предтеория представляет собой структурный инвариант, что делает соотнесение не только принципиально возможным, но и реальным. Впечатление о несоотносимости фактов создается, если мы рассматриваем их, как Т.Кун, нерасчлененно в качестве простых явлений. Факт в психологии имеет свою уровневую структуру, структурные компоненты фактов соотносимы, то есть можно говорить об изменяющихся и константных компонентах структуры [9]. Новизна подхода состоит в том, что сопоставляются не оформленные психологические концепции одного уровня, а предтеории. В случае использования для соотнесения готовых теорий мы сравниваем две теории мышления (эмоций, личности, деятельности и т.д.), в результате чего складывается стойкое впечатление, что не совпадают значения терминов, поэтому проще сказать, что теории несоизмеримы. Предлагается сопоставлять компоненты предтеории, которые автором не формулируются и очень часто вообще не осознаются, но зато оказываются доступными реконструкции и соотносимыми.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. 364 с.
2. Кун Т. После «Структуры научных революций». М., 2014. 443 с.
3. Мазилев В.А. Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова. Серия "Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Том 19. №4. С. 28-32.
4. Алексеев Н.Г. О психологических методах изучения творчества / Н.Г. Алексеев, Э.Г. Юдин // Проблемы научного творчества в современной психологии / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Наука, 1971. С. 151–203.
5. Мазилев В.А. Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН, 2008. 112 с.
6. Мазилев В.А. Философия психологии: пора становления // История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой, В.А. Лекторского, Е.О.Труфановой, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко: В 6 томах. Т. 3. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2018. С. 64-67
7. Мазилев В.А. Философия науки: грядущее продуктивное взаимодействие с психологией // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 114-116
8. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2017. 419 с.
9. Мазилев В.А. Методология психологии: к разработке концепции психологического факта // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 157-168

ПРАВОСЛАВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ВНЕНАУЧНОЕ ОСНОВАНИЕ ПСИХОЛОГИИ

Лариса Владимировна Меньшикова

Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики

Новосибирский государственный технический университет

E-mail: melavl@mail.ru

Евгений Васильевич Левченко

Магистр психологии, штатный священник, протоиерей

Приход храма во имя святого апостола Андрея Первозванного г. Новосибирска

E-mail: pevl@narod.ru

Наряду с научными формами познания действительности существуют и, так называемые, вненаучные формы, к которым относятся религия, мифология, суждения обыденного сознания и др. Идеалом европейской науки, основания которой были заложены в Новое время, являются чистые формы рационального мышления. Развитие науки привело к негативному отношению к вненаучным формам познания. В статье рассматривается вопрос о вненаучных основаниях психологии. Подчеркивается значение православного учения о человеке для формирования православно-ориентированной психологии. Особое внимание уделено роли русской религиозной философии и святоотеческого наследия в развитии ценностных познавательных установок нового направления психологии. Обращается внимание на традиции исследования личности человека в православной антропологии, которые могут обогатить и расширить представления современных психологов.

Ключевые слова: наука, религия, философия психологии, православная антропология, православно-ориентированная психология

ORTHODOX ANTHROPOLOGY AS AN EXTRA SCIENTIFIC BASIS OF PSYCHOLOGY

Larisa V. Menshikova

DSc in Psychology, Professor, Department of Psychology and Pedagogy

Novosibirsk State Technical University

E-mail: melavl@mail.ru

Evgeny V. Levchenko

Master of Psychology, Cleric, Protopriest

Novosibirsk Church of St. Andrew Pervozvanny

E-mail: pevl@narod.ru

Along with scientific forms of cognition of reality, there are also so-called extra-scientific forms which include religion, mythology, judgments of ordinary consciousness, etc. The ideal of European science, the foundations of which were laid in Modern times, are pure forms of rational thinking. The development of science has led to a negative attitude to non-scientific forms of knowledge. The article deals with the question of extra-scientific foundations of psychology. The importance of the Orthodox doctrine of a man for the formation of Orthodox-oriented psychology is emphasized. Special attention is paid to the role of Russian religious philosophy and patristic heritage in the development of value cognitive attitudes of a new direction of psychology. Attention is also drawn to the traditions of the study of a human personality in Orthodox anthropology which can enrich and expand the views of modern psychologists.

Keywords: science, religion, philosophy of psychology, Orthodox anthropology, Orthodox-oriented psychology

Наряду с научными формами познания действительности существуют и, так называемые, вненаучные формы, к которым относятся религия, мифология, суждения обыденного сознания

и другие составляющие значительной части интеллектуально-духовного опыта людей. Европейская наука, основания которой были заложены в Новое время, своим идеалом имеет чистые формы рационального мышления. Ценностно-познавательная установка современной науки была сформулирована в рамках позитивизма: «Познавать для того, чтобы предвидеть, предвидеть для того, чтобы повелевать». Известный отечественный философ В. А. Лекторский пишет: «Основатели науки Нового Времени лично были религиозными людьми. Однако тот тип научного мышления, который они сформировали, предполагает такое отношение к миру, которое принципиально отлично от религиозного отношения. Поэтому неудивительно, что развитие современной науки с необходимостью привело к появлению идеологии сциентизма с его резко негативным отношением ко всем без исключения вненаучным формам мышления, а прогресс тесно связанной с наукой техники — к идеологии технократизма с его культом технического преобразования и контролирования всех природных и социальных феноменов» [1, с. 42]. Следствием такой ценностно-познавательной установки стала резкая оппозиция научного и вненаучного мышления. Однако следует при этом заметить, что даже в так называемых точных и фундаментальных науках трудами философов и ученых обнаруживаются вненаучные религиозные основания. И уже вполне доказано (вопреки позитивистским и сциентистским установкам), что эти основания по своей сути глубоко религиозны (П.П. Гайденко, Л.М. Косарева, И.А. Непомнящих, В.С. Степин, В.Н. Катасонов, А.А. Игнатенко, и др.).

В последнее время все чаще раздаются голоса многих авторитетных ученых о возможной антропологической катастрофе. Известный философ М. К. Мамардашвили писал об этом: «Цивилизация — весьма нежный цветок, весьма хрупкое строение, и в XX в. совершенно очевидно, что этому цветку, этому строению, по которому везде прошли трещины, угрожает гибель. А разрушение основ цивилизации что-то производит и с человеческим элементом, с человеческой материей жизни, выражаясь в антропологической катастрофе, которая, может быть, является прототипом любых иных, возможных глобальных катастроф» [2, с. 107]. Под антропологической катастрофой М. Мамардашвили понимал подмену человеческого «бытия» «существованием», для которого характерна потеря пространства собственного мышления и замена его навязанными извне идеологиями, отнимающими право человека на самостоятельное экзистенциальное самоопределение.

Как пишет В. А. Лекторский, проявление ценностно-познавательной установки современной науки, доведенной до логического завершения в психологии, обнаруживается в идее о возможности преобразования на научной основе физической и психической природы человека. Именно эта идея была важной составной частью той идеологии, которая в течение многих десятилетий господствовала в Советском Союзе [1, с. 42-43].

Психология как наука, призванная дать стройное целостное описание личности человека и в практических своих проявлениях обязанная оказывать ему психологическую помощь и поддержку, пребывает в настоящее время в состоянии затянувшегося кризиса. Она представляет собой конгломерат разных школ и направлений, разных концепций и психотерапевтических подходов, которые после периода конфронтации научились сосуществовать рядом друг с другом, иногда создавая причудливые эклектичные композиции в процессе проведения конкретных исследований и интерпретации их результатов. Отсутствие попыток интеграции и создания метаконцепций представители других научных дисциплин рассматривают как явную слабость психологии, снижающую ее статус как науки.

Одна из причин такой слабости заключается в недостаточной представленности философского уровня рассмотрения психологических проблем, который, как справедливо отмечают некоторые авторы, является наименее развитым видом научной рефлексии в отечественной психологии [3]. Философия психологии, ориентируясь на определенную общую картину мира, должна вписывать психическое в пространство этих представлений, конструировать предметное поле психологии, определять ориентиры и магистральные задачи, обеспечивать интеграцию разных потоков психологического знания. Постнеклассический подход, оказавший большое влияние на состояние современной психологии, создал центробежные тенденции, которые затрудняют формирование ее целостности и развитие позитивных ценностно-нравственных установок. Стремление найти выход из этой ситуации заставляет психологов искать новые подходы. Одно из таких направлений поиска связано с созданием православно-ориентированной психологии на основе русской религиозной философии и творений святых отцов православной Церкви.

Конец 19-го – начало 20-го века в России ознаменовались расцветом философской мысли, вместившей в себя все богатство святоотеческих трудов и опыт русского благочестия и подвижничества. Возникнув на благодатной почве христианской веры и впитав в себя основные ценностные установки и догматы православного богословия, она дала благоуханные плоды, аромат которых во всей своей удивительной свежести и благодатной притягательности доносится до нас и через столетие. словно необходим был этот грандиозный взлет православного мирозерцания, осветившего все вокруг накануне наступления тьмы безверия и хаоса в России, чтобы его энергия сохранилась на многие годы и своим таинственным светом и теплом показывала путь к живоносному источнику истинного знания и Веры.

Имена отечественных философов Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, В.С. Соловьева, С.Л. Франка, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и др., заложивших основы русской религиозной философии, известны во всем мире. Они создали учение о мире и человеке в нем, основанное на православном понимании законов мироздания и христианской антропологии. Вопросы православной антропологии и этики занимают значительное место в их философской системе, они основаны на христианском откровении о человеке, ядро которого составляют положения о сотворении человека, об его греховности и возможности спасения. Кроме этого большое внимание в их философии уделено широкому кругу этических и социально-философских проблем, рассмотренных сквозь призму человеческого бытия. Религиозные философы дали развернутую картину внутренней жизни и ее законов, раскрыли сложные взаимоотношения между телом, душой и духом человека в его греховном состоянии во власти страстей и в спасительном состоянии под влиянием Божьей благодати. Одна из главных заслуг русской религиозной философии состоит в том, что она попыталась донести для широких слоев общественности христианский идеал человека и цель его жизни – освобождение от греховной природы, преображение и восстановление в себе образа и подобия Божьего в гармонии с окружающим миром.

Православно-ориентированная психология не является кентавром, совмещающем в себе православие и психологию. Религия и наука это разнопорядковые способы отражения и познания действительности, которые несовместимы механически. Религиозная онтология и научные онтологии лежат как бы в различных плоскостях и выражают разные способы постижения реальности и взаимодействия с ней. Соединить их в одной плоскости невозможно [1, с. 60]. В научной онтологии нет места тому, что является самым существенным для религиозной онтологии: признание особого духовного мира, присущего каждому человеческому «Я», характеризуемого свободой и находящегося в особых отношениях с Высшим Личностным началом всего сущего [1, с. 53]. В науке нет понятия о бессмертии души. Но при этом православно-ориентированная психология вполне может опираться на крепкий фундамент православной антропологии в качестве своего внеаучного основания, задающего ее ценностно-познавательные установки.

Необходимость признания такого подхода подчеркивалась многими психологами и психотерапевтами. К. Ясперс еще на начальных этапах развития психотерапии писал, что именно «религия (или ее отсутствие) определяет цели психотерапевтического воздействия» [4, с. 945]. Ф. Е. Василюк отмечал, что ключевой принцип нынешнего этапа развития мировой психотерапии заключается в сознательном философском самоопределении психотерапевтических школ по отношению к религии. [5, с. 182]. В.И. Слободчиков и В.В. Абраменкова также подчеркивают, что в ситуации мировоззренческого вакуума психологам необходимо обращение к вечным непреходящим ценностям, которые сохранило христианство, а также выстраивание пространства взаимодействия академической психологии со святоотеческим учением о душе и личности человека [6, с. 148].

Построение диалога светской психологии с православной антропологией требует определенных интеллектуальных усилий, сопоставления и различения исходных смыслов употребляемых понятий. Так, например, понятие личности является одним из центральных и в светской психологии, и в богословии, но по-разному понимается (в особенности в том, что связано с духовной жизнью личности). При этом необходимо заметить, что восточно-христианское, православное понимание устройства человека существенно отличается от понимания западного, католического или протестантского. А это отличие основывается на разных типах богословствования, на разных парадигмах. Если восточно-христианский подход от представлений о Боге ведет к пониманию устройства человека, то западная, августиновская

логика, наоборот, от спекулятивных антропологических теорий пытается подойти к пониманию Бога [7].

Богословское учение о личности дает совершенно особое понимание предназначения и смысла жизни, которое заключается в преобразении личности человека и возрождении в нем образа и подобия Божьего. Обращение к святоотеческому наследию расширяет представления современных философов и психологов об истории развития учений о личности и может способствовать более глубокому пониманию сущности человека.

Литература

1. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС. 2001. 256 с.
2. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура». 1992. С. 107-121.
3. *Мазилев В.А.* История психологии и философия психологии: необходимо взаимодействие // Вестник Вятского университета. 2014. С.94 -100
4. *Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика. 1997. 1056 с.
5. *Васильюк Ф.Е.* Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). М.: Смысл. 2005. 191 с.
6. *Абраменкова В.В., Слободчиков В.И.* Христианская антропология и современная психология // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 147-151.
7. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ». 1991.

О ПЕРСПЕКТИВАХ И РИСКАХ «УНИВЕРСАЛЬНОЙ» ПСИХОЛОГИ ЧЕЛОВЕКА*

Ирина Анатольевна Мироненко

*Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: mironenko.irina1@gmail.com*

Павел Сергеевич Сорокин

*Кандидат социологических наук, доцент Института образования
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: psorokin@hse.ru*

Проблема соотношения природного и культурно обусловленного в человеческой психике (так называемая биосоциальная проблема) на протяжении первого столетия существования «академической» психологии ставилась как проблема соотношения факторов Nature & Nurture в индивидуальном развитии. В эпоху глобализации фокус проблемы переместился на новый контекст, в котором существуют и пересекаются сообщества: основной вопрос сегодня в том, должна ли психология в глобальном мире быть «универсальной», т.е., существует ли единый универсальный стандарт и эталон человека применимый к различным культурам. Указанная проблема в данной работе рассматривается через призму двух принципиально различных традиций постановки биосоциальной проблемы: а) основанная на представлении об определяющем значении биологического начала в человеке, с тенденцией к размытию границ между культурно обусловленным и биологическим в человеке, которая сегодня продолжается поиском «универсальной» психологии; б) традиция, рассматривающая культуру как фактор, противостоящий биологической детерминации поведения. В современном мировом мейнстриме психологии доминирует направление «универсалистов», и его достижения и ценность не вызывают сомнений. Однако, абсолютизация

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант 20-013-00260 «Национальные и локальные школы психологии в контексте глобальных социально-культурных трендов: проблемы и перспективы».

и безальтернативность данного подхода чреваты рисками.

Ключевые слова: универсальная психология, биосоциальная проблема, глобализация, культурные различия, естественный отбор, инстинкт

ON THE RISKS AND PROSPECTS OF “UNIVERSAL” PSYCHOLOGY

Irina A. Mironenko

*DSc of Psychology, Professor, Department of Personality Psychology
Saint Petersburg State University
E-mail: mironenko.irina1@gmail.com*

Pavel S. Sorokin

*CSc in Sociology, Associate Professor, Institute of Education
National Research University Higher School of Economics
E-mail: psorokin@hse.ru*

The problem of the interrelation of biology and culture in human psyche (the biosocial problem) through the first century of “academic” psychology was posed as the problem of Nature & Nurture in individual development. In the era of globalization, the focus of the problem has shifted to a new context in which communities exist and interact: the main question today is whether psychology in the global world can and should be “universal”, that is, whether there can be a universal standard of psychological characteristics and qualities applicable to different cultures. With respect to the biosocial problem, two fundamentally different traditions have developed in psychological science: a) a tradition based on the assumption of the importance of the biological determination of human psyche, with a tendency to blur the boundaries between culture and biology; b) a tradition that considers culture as a factor opposing the biological determination of behavior. In contemporary mainstream psychology, the first tradition searching for a “universal” psychology dominates. The achievements and importance of this trend can not be doubted. However, absolutization of this approach and lack of alternatives is fraught with global risks.

Keywords: universal psychology, biosocial problem, globalization, cultural differences, natural selection, instinct

Проблема соотношения природного и культурно обусловленного в человеческой психике, традиционно называемая биосоциальной проблемой, имела системообразующее значение для психологии [1]. На протяжении первого столетия существования «академической» психологии, которое началось в эпоху социальных конфликтов и революций, а закончилось с распадом биполярного мира, сложились две принципиально различные традиции постановки этой проблемы: А) основанная на представлении об определяющем значении биологического начала в человека, с тенденцией к размыванию границ между социальным и биологическим в человеке. Культура при этом рассматривается как своего рода надстройка над биологией, а единство биологического и социального в человеческой психике как непротиворечивое. Б) рассматривающая культуру как фактор, противостоящий биологической детерминации поведения. Первое направление сложилось в Западной психологии и отвечало социальному заказу оправдания малой социальной мобильности на фоне декларирования «общества равных возможностей». Лидером второго подхода была марксистская, прежде всего, советская психология, провозгласившая лозунг переделки мира [1].

Утратила ли биосоциальная проблема свою актуальность в современной науке? Представляется, что напротив – глобализация, высветившая в новом свете глубину и масштаб влияния культуры на человека, обнажила новый слой в постановке биосоциальной проблемы. От микроконтекста индивидов, от соотношения факторов Nature & Nurture в индивидуальном развитии, фокус проблемы переместился на новый контекст, в котором существуют и пересекаются сообщества. Основной вопрос в глобальной психологии сегодня в том, должна ли эта психология быть «универсальной», т.е., существует ли единый универсальный стандарт

и эталон человека применимый к различным культурам? Поиском «универсальной» психологии, основываясь на вере в определяющее значение видового фактора в человеческой психике в эпоху глобализации продолжается первая традиция, основанная на вере в определяющее значение биологического, общевидового, начала в человеке.

Как неоднократно было отмечено в литературе, Западная психологическая наука развивалась на базе исследований человека, принадлежащего к западной культуре 20-го века. Его психологическим характеристикам присваивался статус универсальных, общечеловеческих. Более того, психологические характеристики WASP¹ имплицитно рассматривались как эталонные, отклонения от которых трактовались как ущербность, как низшая ступень в развитии [2]. Изменения в глобальном социуме на рубеже 20-21 столетий делают невозможным открытое удержание WASP как ориентира. Доминирование психологических исследований на популяциях WEIRD² тоже уже вызывают нарекания [3]. Сбудется ли надежда вернуться к идее общечеловеческого, т.е., по сути, видового, стандарта на новом уровне обобщения, «вынеся за скобки» то, что является культурно-специфическим? В современном мировом мейнстриме доминирует направление «универсалистов», и его достижения и ценность не вызывают сомнений. Однако, абсолютизация данного подхода чревата глобальными рисками.

Тема рисков высоко актуальна и широко представлена в современном научном дискурсе. Современный глобальный мир предстает как «общество риска», где «представления об угрозах будущего становятся мощным фактором, влияющим на текущую политическую и экономическую ситуацию» [4, с.128]. В литературе имеются разнообразные подходы к определению, перечни и классификации глобальных рисков, аналитический обзор которых представлен в работе А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика [4]. Авторы [4] делают обоснованный вывод о том, что «Человечество достигло такого уровня технического развития, когда вероятность его выживания напрямую зависит от *отношения к глобальным рискам*» [4, с.131]. Присоединяясь к мнению авторов [4] о том, что «в современном обществе отношение к глобальным рискам и гуманитарные, социально-психологические технологии повышения групповой перспективной рефлексивности становятся важнейшим фактором, определяющим выживание человечества» [4, с.134], остановлюсь здесь на необходимости перспективной рефлексии антропологического самосознания современного человечества в контексте дихотомии названных выше подходов к проблеме биологического и культурно-обусловленного в природе человека.

Мы живем в эпоху не только радикальных социальных изменений, требующих осознания культурной относительности «стандартов» и «эталонов» человека, но и прорывов в области биологии и медицины. Растушевывая и в конечном счете снимая границу между биологическим и культурно заданным, мы закрываем глаза на то, что человек сегодня, во многом благодаря успехам медицины, уже отменил для себя закон естественного отбора, и биологическое выживание человека как вида сегодня поставлено в зависимость от его сознательной деятельности. Не только окружающая среда находится в зоне риска, и, в свою очередь, становится фактором риска для выживания человека, - естественный отбор уже не охраняет и самого человека как вид. Чтобы ответить на этот вызов времени, его необходимо осознать и принять. Вопрос о вечном и «временном» в природе человека непосредственно сопряжен с представлением о том, продолжается ли биологическая эволюция *homo sapiens*. В отечественной традиции сформулировано положение о продолжающейся эволюции человека, важным фактором которой является влияние средств и орудий труда на развитие психических функций и процессов [5]. Современные технологии, так называемые «гаджеты» (смартфоны, планшеты и т.п.), фактически, «взяли на себя» значительную часть базовых для человеческого сознания и психики функций, связанных с памятью и социальным взаимодействием. Так, уже состоявшимся феноменом является перенос «памяти» индивида в технические средства, которые всегда под рукой. Гаджеты подарили нам резкое расширение объемов информации, доступной каждый момент времени, что открывает широкое пространство для повышения эффективности деятельности. «Оборотной стороной медали» является существенный рост

¹ White Anglo-Saxon Protestant – белый, англо-саксонец, протестант.

² Этот акроним описывает общности Западных, Образованных, Индустриальных, Богатых и Демократических (Western, Educated, Industrialized, Rich, and Democratic).

стресса, и даже снижение ряда когнитивных функций, что закономерно вызывает и опасения в отношении к современным технологиям [6].

Продолжая думать, что эволюция человека завершилась однажды и навсегда, и нами все еще руководят инстинкты, как это предлагает современная западная эволюционная психология, мы пребываем в сладком заблуждении, что природа все еще хранит нас, ведь «инстинкт всегда прав». Но есть ли основания так думать? Не является ли более обоснованной мысль, что инстинкты мы уже «победили» и находимся за пределами охраняющей силы природы – в зоне собственной ответственности?

В контексте происходящих изменений «социального компонента» природы человека социологи также отмечают снижение детерминирующей силы социальной среды по отношению к индивиду [7], что предполагает рост как зоны индивидуальной свободы, так и осознания ответственности. Тезис о решающем значении в жизни как индивида, так и общества в целом, заранее «заданных» условий и социальных контекстов (среды) – является традиционным, имплицитно принятым и практически не проблематизируемым в психологической литературе. Именно среда социализации рассматривается как исходное первичное начало в анализе процессов социализации, т.е., становления личности человека. Так, Б.Г. Ананьев представляет социальный статус и связанную с ним систему социальных ролей как исходную точку в становлении подструктуры личности в системе индивидуальности [4]. В социологии для обозначения факторов социальной среды, ограничивающих и направляющих индивидуальное действие, традиционно используется понятие «структуры» [7]. Отталкиваясь от этой категории, трансформации современного социума социологи обозначают как де-структуризацию [7], понимая под этим радикальное снижения детерминирующей силы воздействия структур на индивида. Во всех ключевых сферах общественной жизни (труд, досуг, культура и т.п.) происходят процессы изменчивости контекстов и структур, которые во все большей степени предполагают проактивную позицию к ним со стороны личности. Например, в области экономики значимым и обсуждаемым сюжетом в академическом и экспертном сообществе является ключевая роль проактивного действия сотрудников компаний в повышении эффективности труда и внедрении новых технологий в трудовые процессы [8]. Другим трендом является продолжающийся переход значительной доли рабочей силы на нестандартные форматы занятости, фриланс.

В современных условиях человек (как индивидуальность) все больше освобождается от детерминизма биологических и социальных контекстов, все более способен выбирать между ними, менять их, и изменять самого себя, руководствуясь своей волей и сознанием, что означает необходимость направленной рефлексии антропологического самосознания и осознания своей ответственности демиурга нового мира.

Литература

1. *Мироненко И.А., Журавлев А.Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87-98.
2. *Pickren W.E.* Liberating History: The Context of the Challenge of Psychologists of Color to American Psychology// Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2009. Vol. 15. No. 4. pp. 425–433.
3. *Henrich J.* Most people are not WEIRD // Nature. 2010. Vol. 466. No 5. p. 29.
4. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
5. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. 3-е изд. - Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2016. 282 с.
6. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 5–14.
7. *Сорокин П.С., Фрумин И.Д.* Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. Т. 7. №.7. С. 27-36.
8. *de la Fuente J., Kauffman D. F., Diaz-Orueta U.* Psychology, Technological Innovation, and Entrepreneurship. Frontiers Media SA, 2019.

О РАЗЛИЧНЫХ ФИЛОСОФИЯХ СОЗНАНИЯ

Александр Игоревич Мусс

Кандидат философских наук, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: albertwanderer@gmail.com

В рамках настоящей работы вопрос о сознании, его концептуализации и проблемах поднимается с позиции различных традиций философствования – аналитической и континентальной, а также с позиции различных подходов – философии сознания, феноменологии, философской антропологии, философского бихевиоризма, трансцендентальной философии, когнитивной науки, а также психологии сознания. Для сравнения, в рамках каждой традиции и подхода, приводятся формулировки исходной проблемы, способов их ее решения и связанные с этими способами возможности и ограничения. Помимо этого, рассматриваются вопросы взаимной интеграции рассмотренных позиций, а также возможность поиска принципиально новых путей, в том числе, с позиции современной континентальной философии, лежащей за пределами феноменологии. В результате было показано, что детальный анализ структуры проблемы сознания, включая актуальный и историко-философский аспекты, позволяет сформулировать такие пути и, вероятно, в дальнейшем развивать их.

Ключевые слова: проблема сознания, аналитическая философия, континентальная философия, философия сознания, феноменология, нейкогнитивная наука, трудная проблема сознания, более трудная проблема сознания

ON SEVERAL PHILOSOPHIES OF MIND

Alexander I. Muss

CSc in Philosophy, Senior Lecturer

Saint Petersburg State University

E-mail: albertwanderer@gmail.com

This study shows the differences in conceptualizing and solving the problem of mind via different philosophical traditions (analytical and continental) and different disciplines, including philosophy of mind, phenomenology, philosophical anthropology, philosophical behaviorism, transcendental philosophy, cognitive science as well as the psychology of consciousness. Within the framework of each tradition and approach, the current study overviews the formulations of the problem of mind, its solutions as well as the opportunities and limitations associated with the used methods. Besides, I examine the possibility of integration of the examined positions and also the possibility of searching for fundamentally new ways of thinking, among other things from the perspective of the modern continental philosophy without phenomenology. The results show that detailed analysis of the structure of the problem of mind, including the actual and the historical-philosophical aspects, allows us to formulate and develop the new approach to the fundamental philosophical problem.

Keywords: the problem of mind, analytical philosophy, continental philosophy, philosophy of mind, phenomenology, neurocognitive science, the hard problem of consciousness, the harder problem of consciousness

Многозначность понятия сознания, употребляемого в разных контекстах [1], концепциях и теориях, требует особого внимания, в том числе, в рамках междисциплинарных исследований. Во-первых, если мы говорим о двух традициях философствования – аналитической и континентальной, то в рамках первой, мы говорим о сознании как о субъективном опыте, и мы сталкиваемся с легкими, трудной и более трудной проблемами. Если легкие проблем могут быть решены, согласно Д. Чалмерсу [9] и Н. Блоку [8], методами современной когнитивной нейронауки, то трудная – проблема соотношения субъективного

опыта и биоэлектрических процессов в центральной нервной системе – и более трудная – проблема существования другого сознания [10] – пока представляются неразрешимыми. С другой стороны, существующие попытки решения этих проблем – это либо признание несостоятельности формулировок таких проблем, либо признание невозможности их решения [2].

Если мы изучаем сознание с позиции континентальной философии то мы, в первую очередь, опираемся на феноменологию, которая закономерно движется от феноменов к чистому сознанию, на первом шаге осуществляя эпоху и последующую цепочку феноменологических редукций – отказ от всех установок, сформулированных об окружающем мире и фактичности содержания нашего сознания. В таком случае встает вопрос о том, как соотносятся полученные таким образом знания с естественно-научным и гуманитарным. В начале XX века эту проблему пытались решить философские антропологи, объединяя феноменологию с этими знаниями. При этом наиболее продуктивной здесь мне кажется не синтез феноменологии с естественными науками и Х. Плеснера [4], в рамках которого дуализм внешнего и внутреннего становится ключевой характеристикой живого, не синтез феноменологии с гуманитарными науками М. Шелера [5, с. 31-95], выделившим сущностное и естественное определение человека, а подход А. Гелена [5, с. 152-201], стремящегося найти ту точку, в которой материальное и ментальное в человеке объединяется, назвав эту точку активностью. Пускай эта попытка оставляет в стороне вопрос, поставленный еще Р. Декартом – вопрос о взаимодействии материального и ментального в человеке (субстанциональный дуализм), но она позволяет действительно перейти к новому основанию, в рамках которого указанная дискуссия кажется неуместной.

Нечто подобное можно увидеть уже в синтезе феноменологии и нейрокогнитивной науки, когда методологические наработки феноменологов становятся основой для нейрофизиологических исследований, однако, указанные выше проблемы двух традиций философствования по отношению к сознанию остаются неразрешенными. В этом отношении стоит обратиться к тому положительному опыту, связанному и с аналитической (например, Г. Райл [6]), и с континентальной философией (например, Г. Риккерт [7]), а именно с демонстрацией того, что сам подобный путь рассуждения о сознании как о чем-то кардинально отличном от материального не может привести к какому-либо решению данной проблемы. Современные авторы также подтверждают порочность такого пути (Г. Вакариу [12]). Поэтому в своем поиске нам необходимо вернуться к истокам таких формулировок, и, проследив путь развития философской мысли о сознании, оценить, не было ли что-то пропущено исследователями и не было ли предложено каких-то идей, имеющих значение для современных попыток решения указанной проблемы.

Давайте проследим путь от дуализма субстанций, первичных и вторичных качеств до трудной и более трудной проблемы сознания, оставив в стороне аналогичные вопросы двуаспектности человека – они были кратко рассмотрены чуть выше. Унаследованная от английской эмпирической философии, позитивизма О. Конта и логического позитивизма Б. Рассела и Л. Витгенштейна ориентация и на опыт, как на содержание, и на язык, как на форму, с которыми работает философ, оставляет за рамками такой «онаученной» философии метафизические вопросы, в том числе вопросы организации знания и его оснований (стоит отметить, что подобный подход таким образом сам становится основанием). В то же самое время, запрет на метафизические исследования и умозрительные конструкты ограничивает наши возможности, особенно если объект и предмет исследования становятся недоступными по причине непригодности метода.

В других своих публикациях я показывал, что обращаясь к проблеме сознания, мы, таким образом, 1) опускаем вопрос о статусе субъективного опыта, пытаясь концептуализировать его средствами, уничтожающими его своеобразие [2], а также 2) не учитываем внеопытные факторы, связанные с возможностью нашей познавательной деятельности, такие как априорные формы чувствования у Канта [11]. Иными словами, на своем пути в концептуализации проблемы сознания от Декарта до Чалмерса и Блока, философия сознания, как часть аналитической философии, кажется, упускает многочисленные попытки современников Декарта раскритиковать дуализм субстанций и последовавшие за этим критические замечания Дж. Беркли и Д. Юма, подорвавшие статус эмпиризма. Кроме того, оказываются неучтенными попытка Канта сформулировать свой ответ на вызов Юма с опорой на метафизику (что не мешает представителям современных нейрокогнитивных наук

рассматривать основателя критической философии в качестве своего предшественника), а также последующая критика сугубо материалистической трактовки оснований естественных наук от Г. Лотце до основателей современной кибернетики.

Получается, что более подробное рассмотрение раскрывает большое количество возможных несостыковок в рассмотрении сознания, когда определенная традиция философствования или конкретная дисциплина ввиду своих собственных ограничений упускает те философские и методологические разработки, сформулированные в эпоху еще до выделения двух самостоятельных традиций философствования. В итоге, даже при наличии достаточно яркой тенденции к синтезу, указанные идеи и подходы остаются за пределами фокуса внимания исследователя. Подобная ситуация наблюдается и в психологии, и в когнитивной науке: с одной стороны, работа над такой сложной темой, как сознание, с помощью эмпирических методов требует конкретики, с другой стороны, без достаточного философского основания отдельные, возможно, удачные исследования, их результаты и интерпретации могут быть также утеряны. Например, авторы, объединившие группу разнообразных феноменов, изучаемых до этого в рамках различных наук, под общим названием «измененные состояния сознания» никак не соотносят свой концепт, собственно, с сознанием и его теориями [3].

Таким образом, если мы берем философию сознания в широком смысле (не только как направление аналитической философии), то есть, охватываем несколько возможных «философий сознания», представленных как в истории философии, так и в современных дискуссиях, включая дискуссии в современной когнитивной науке и в психологии, то перед нами раскрывается не только спектр формулировок проблемы сознания и ее решений, но также и набор вопросов, в соответствии с ответами на которые мы можем не только разместить отдельных исследователей и их идеи, но оценить также, какие из вопросов и ответов о сознании вели в тупики, какие остались забыты, а какие могут привести к формированию новых идей, концепций и теорий. В настоящей работе данная схема представлена пока только примерным наброском, что предполагает ее дальнейшую разработку. При этом нам, как исследователям, занимающимся данной проблемой, возможно, предстоит не только соединить две традиции философствования, но и преодолеть их, чтобы видеть не только формально-логические структуры философских и научных понятий, но также контекст, многозначность и смыслы, остающиеся за границами рассмотрения аналитической философии, но доступные методам континентальной философии, учитывая также опыт современных наук, пусть даже и путем реинтерпретации полученных на опыте фактов. При этом важно подчеркнуть, что такой способ философствования будет требовать, возможно, не только признания ограничения аналитической философии, но также и феноменологии, поскольку, в чистом виде, она отказалась от актуального научного знания (а современные попытки синтеза, кроме всего прочего, вынуждены необходимо отказываться от эпохе), и, следовательно, от решения поставленной проблемы.

Литература

1. *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000.
2. *Мусс А.И.* Философия и наука о сознании : проблемы и решения // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» М: МАКС Пресс, 2019 [Электронный ресурс]. Url: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/15715/93019_uid48354_report.pdf. (дата обращения 15.10.2019)
3. *Мусс А.И., Селезнева Е.П., Курсанова А.А.* Динамика измененных состояний сознания и личностные характеристики // Аняевские чтения – 2018 Психология личности: традиции и современность сборник материалов международной конференции. СПб., 2018. С. 103-104.
4. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. М., 2004.
5. Проблема человека в западной философии. М, 1988.
6. *Райл Г.* Понятие сознания. М., 1999.
7. *Риккерт Г.* Психофизическая причинность и психофизический параллелизм // Новые идеи в философии. СПб., 1913. С. 1-36.
8. *Block N.* The Harder Problem of Consciousness // Journal of Philosophy. 2002. № 8. P. 1-35.

9. *Chalmers D.J.* The conscious mind: In search of a fundamental theory. New York, 1996.
10. *Nagel T.* What Is It Like to Be a Bat? // *The Philosophical Review*. 1974. № 83. P. 435-450.
11. *Muss A.I.* Critical philosophy of mind: the transcendental idealistic perspective // *Filosofija. Sociologija* (In press).
12. *Vacariu G.* Mind, brain, and epistemologically different worlds // *Synthese*. 2005. № 147. P. 515-548.

НАУКА В ОБЩЕСТВЕННОМ СЛУЖЕНИИ: ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.*

Юрий Николаевич Олейник

*Кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей психологии и истории психологии
Московский гуманитарный университет
E-mail: yurii03@mail.ru*

Марияна Димитрова Няголова

*Кандидат психологических наук, доцент истории психологии
Великотърновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия
E-mail: mdnyagolova@mail.bg*

Рассматриваются особенности развития научного знания и варианты организации междисциплинарных исследований в психологии и гуманитарных науках. Обозначены возможные варианты реализации междисциплинарности (однонаправленная междисциплинарность, целевая междисциплинарность, персонализированная междисциплинарность, «обратная междисциплинарность»). Показано, что практические запросы общества, особенно в экстремальные периоды его развития, могут порождать новые организационные и содержательные связи между научными дисциплинами. Так, в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) сложился особый вариант междисциплинарных взаимоотношений - практика решения психологических проблем не только психологами, но и представителями смежных наук. На материале истории психологии обоснована идея о том, что комплексность и междисциплинарность являются традиционными в развитии отечественных психологических знаний.

Ключевые слова: история психологии, психология в годы войны, междисциплинарные исследования, трансдисциплинарность, научное знание

SCIENCE IN PUBLIC SERVICE: EXPERIENCE IN SOLVING PSYCHOLOGICAL PROBLEMS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Yuri N. Oleinik

*CSc in Psychology, Associate Professor
Moscow University for the Humanities
E-mail: yurii03@mail.ru*

Mariyana D. Nyagolova

*CSc in Psychology, Associate Professor
St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo
E-mail: mniagolova@yahoo.fr*

The features of the development of scientific knowledge and options for organizing interdisciplinary research in psychology and the humanities are considered. Possible options for the implementation of interdisciplinarity are indicated (unidirectional

* Подготовлена по результатам проекта, поддержанного РФФИ № 18-513-18017 и гранту ФНИ № ДНТС, Русия, 02/19, 18.06.2018).

interdisciplinarity, target interdisciplinarity, personalized interdisciplinarity, “reverse interdisciplinarity”). It is shown that the practical needs of society, especially during extreme periods of its development, can generate new organizational and meaningful connections between scientific disciplines. So, during the Great Patriotic War (1941-1945), a special version of interdisciplinary relationships developed - the practice of solving psychological problems not only by psychologists but also by representatives of related sciences. Based on the history of psychology, the authors substantiate the idea that complexity and interdisciplinarity are traditional in the development of Russian psychological knowledge.

Keywords: history of psychology, psychology during the war, interdisciplinary research, transdisciplinarity, scientific knowledge

Одной из важнейших детерминант развития науки являются потребности или запросы общества. Обычно, этот запрос и потребности обозначают как проблемную ситуацию, складывающуюся в социуме. Именно проблемная ситуация часто приводит к формированию уже научной проблемы или их совокупности, решая которые наука и вносит свой уникальный вклад в общественное развитие. Этот путь можно обозначить так: от проблемной ситуации – к научной проблеме. Другой вариант служения науки обществу – это получение в научных исследованиях фундаментальных результатов, которые, как правило, через прикладную науку, реализуются в соответствующих сферах жизнедеятельности общества и так же обеспечивают успешное общественное развитие. Этот путь может быть понят как движение от научного факта или закономерности – к решению задач общества.

Как показывает опыт развития отечественной психологии важным звеном, обеспечивающим наиболее конструктивные результаты и в первом, и во втором варианте реализации эффективных взаимосвязей между наукой и обществом, является комплексный подход на основе организации и проведения междисциплинарных исследований. Напомним, что такой опыт был апробирован и востребован в истории нашей науки и показал свои позитивные результаты. Достаточно упомянуть деятельность организованных В.М. Бехтеревым, сначала Психоневрологического института (1907), а затем Института по изучению мозга и психической деятельности (1918) и Психоневрологической академии (1921). В указанных учреждениях на междисциплинарной основе проводили исследования психологи, неврологи, физиологи, педагоги, криминалисты, психиатры и др. специалисты, а идея комплексности воплощалась как в теоретико-методологических установках, так и в организационной структуре и планируемой научной деятельности. Поэтому, вполне закономерен вывод, что именно В.М. Бехтерев «впервые в мире организовал конкретно-научные комплексные исследования человека» (Логинова, 2005, с. 8). Другой пример - концепция комплексного (синтетического) человекознания с множеством междисциплинарных связей Б.Г. Ананьева (60-70-е годы XX столетия), в основе которой лежала идея целостности человека и его развития и которая предлагала изучение разноуровневой природы этой целостности и механизмы ее осуществления. Комплексность и междисциплинарность предусматривались как теоретико-методологическая и организационно-методическая основа при создании научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ) при Ленинградском университете (1965), при организации первого в системе Академии наук специального учреждения психологического профиля – Института психологии АН СССР (1971) и программе его перспективных научных исследований, разработанной под руководством Б.Ф. Ломова. Таким образом, можно констатировать, что идея комплексности в формате междисциплинарных исследований была и остается одной из традиций отечественной психологической и социо-гуманитарной науки.

В последние годы в отечественной науке опять возрастает интерес к междисциплинарности [10]. Это в определенной мере обусловлено: 1) реформой Российской Академии наук путем слияния академических институтов, что должно было повысить междисциплинарность научных исследований. Вот как об этом пишет В.И. Аршинов: «концепция междисциплинарности обрела свое новое звучание и политическое измерение в нашей стране в контексте проектов реформирования РАН. Междисциплинарность в этих проектах стала ключевой концепцией, оправдывающей проектируемую трансформацию всей институциональной структуры российской науки. Утверждается, что грядущая реформа (слияние институтов, создание всякого рода проектно-ориентированных исследовательских

центров и т. д.) создаст благоприятную среду для развития междисциплинарных исследований, и тем самым повысит эффективность нашей науки, производительность труда ученых, и т. д.» [13, с. 6-7]; 2) рассмотрением междисциплинарности как элемента научно-технической политики государства и ее стимулирование - «важной задачей государственных программ Российской Федерации "Развитие науки и технологий" и "Развитие образования" является создание в России единого научного и образовательного пространства, стимулирование междисциплинарной и межотраслевой кооперации» [15, с. 32-33]; 3) формированием новых представлений о «гибридной» структуре самой науки, когда в «институтах проводятся одновременно и фундаментальные исследования, и прикладные, и технологические разработки, зачастую одними и теми же учеными» [13, с. 24], использованием в качестве методологических обоснований современной исследовательской и практической деятельности различных вариантов интеграционной гносеологии, конвергенции сетевого и системного подходов - «в настоящее время от междисциплинарности наука перешла к метадисциплинарности, одним из вариантов которой является конвергентная научно-исследовательская программа» [там же] и трансдисциплинарность, которой уделяется все большее внимание в работах ученых [1; 11; 14].

В принципе пути организации междисциплинарных исследований в науке могут быть реализованы в нескольких вариантах. Первый – традиционный – это когда ученые одной дисциплинарной области знания привлекают специалистов-смежников из близких областей знания для разработки какой-то проблемы в рамках этой дисциплины. Этот вариант можно обозначить как *однонаправленная междисциплинарность*. Изучаемое явление и объект в таком случае «принадлежат» конкретной дисциплине, в пространстве которой и разворачивается исследование. Важным моментом при этом оказывается готовность, инициатива и стремление самой научной дисциплины к такому варианту исследований. Это достаточно традиционный для науки вариант реализации междисциплинарности.

Другой вариант комплексной организации междисциплинарных исследований – ситуация, когда насущные потребности практики или самой науки приводят к формированию научных коллективов, решающих по единому и согласованному плану возникшую научную проблему или проблемную ситуацию. Исследуемый объект при этом, не локализован в рамках какой-то одной дисциплины. Как правило, инициатором таких исследований выступает государство в рамках перспективных направлений научно-технической политики или группа исследователей в рамках научных институций. Этот вариант можно обозначить как *целевая междисциплинарность*, когда под комплексную проблему формируется междисциплинарный коллектив. Отдельные исследователи выделяют и еще один вариант реализации комплексности в исследованиях. Ее суть очень точно обозначает В.М. Розин – это когда «отдельные исследователи осуществляют междисциплинарные исследования... То есть не коллектив работает, состоящий из разных специалистов, а отдельный человек использует различные дисциплинарные представления, среды, концепты и разворачивает междисциплинарные исследования» [13, с. 13]. Условно этот вариант можно обозначить как *персонализированная междисциплинарность*.

Еще один вариант междисциплинарных взаимосвязей между науками был сформирован и опробован в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).

Война привела к возникновению многочисленных психологических проблем как у отдельного человека, так и в обществе. В первую очередь эти проблемы были связаны с использованием психологических знаний в целях повышения боеспособности войск, восстановления раненных бойцов, цветомаскировки, активизации ресурсов человека для более эффективного выполнения им боевых задач и т.д. [3; 4; 7; 8]. Но это только часть проблем. Другая была связана с психологическими проблемами, обусловленными гибелью близких людей, нарушением привычного жизненного уклада, необходимостью адаптации к новому месту жительства в ходе эвакуации, проживание на оккупированных территориях, колоссальные нервно-психические и психофизиологические нагрузки, выпавшие на человека на фронте и в тылу и т.д. На фоне слабого развития военной психологии, недостатка профессиональных психологических кадров и в отсутствие централизованной и систематизированной психологической помощи в решении возникающих проблем, в их разработку включились специалисты близких к психологии областей знания (медики, психиатры, физиологи, педагоги и др.) [2; 9]. Фактически, они выполняли часто именно работу психолога, исследовательскую и практическую. Эту ситуацию можно обозначить как феномен «*обратной междисциплинарности*» [12]. Ключевым в этом случае оказывается именно

инициативное включение специалистов одной области знания в сферу компетенции другой дисциплины для решения актуальных задач последней. Вероятно, сказать, что это действительно был формат именно междисциплинарных исследований и разработок (в современной интерпретации) будет не совсем точно. Представляется, что более адекватным в этом случае будет понятие «междисциплинарные взаимодействия» (м-взаимодействия), которое предлагает И.Е. Касавин [5]. Ученый связывает необходимость этого понятия и дифференциации его от понятия «междисциплинарное исследование» с тенденциями современного этапа развития науки, подчеркивая, что «основание для внимания к м-взаимодействиям дают современные неклассические подходы в рамках эпистемологии и философии науки, в которых акцентируется коммуникативная природа познавательного процесса, причем различные виды и формы общения познавательных субъектов существенно определяют содержание знания» [там же, с. 62]. Однако, исследования по истории психологии позволяют говорить о том, что такие междисциплинарные взаимодействия начали формироваться гораздо раньше.

Вероятно, особенно с появлением феноменов мультидисциплинарности и трансдисциплинарности [6; 16], можно обозначить и другие варианты комплексирования и междисциплинарности исследований как существующих на постоянной основе в научных организациях творческих коллективов, так и проектируемых под конкретные познавательные задачи или инновационные проекты научные группы или институции.

Безусловно, организация и проведение комплексных и междисциплинарных научных исследований (вне зависимости от их типа) должны, происходить, в первую очередь при активной позиции самих ученых. Именно так в годы Великой Отечественной войны были реализованы проекты маскировки Ленинграда (по инициативе Б.Г. Ананьева) и создания эвакуационных нейропсихологических госпиталей (по инициативе А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева), а в 60-е годы XX столетия проект инженерно-психологического и эргономического сопровождения функционирования человеко-машинных и автоматизированных систем. В свое время именно Академия наук выступила инициатором создания при Президиуме АН СССР научного совета по комплексному изучению проблем человека, а так же Института человека РАН. Все эти достижения в области разворачивания и проведения комплексных и междисциплинарных исследований в системе гуманитарных и естественных наук концентрировались на проблеме человека, а в их инициации и реализации была четко выражена активная позиция самого научного сообщества.

Литература

1. *Гребеницкова Е.Г.* Трансдисциплинарная парадигма: наука – инновации-общество. М.: Книжный дом «Литком», 2011. С 284.
2. *Елисеева И.Н.* Междисциплинарная проблематика работ И.В. Ребельского в годы Великой Отечественной войны // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 73-83. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/934> (дата обращения: 10.04.2020). DOI: 10.17805/trudy.2019.1.7.
3. *Ждан А.Н.* Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 2. С. 4-14.
4. *Караяни А.Г., Кандыбович С.Л.* Психологический фактор Великой Победы // Человеческий капитал. 2020. № 4(136). Дайджест. С. 85-89.
5. *Касавин И.Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. № 4. 2010. С. 61–73.
6. *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 10 (112). С. 193-201.
7. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М.: Московский гуманитарный университет, Институт психологии РАН. 2006. 360 с.
8. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Советская психология в годы Великой Отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2018. Т. 25. С. 51-58.

9. Коханов В.П., Пак Е.Т. К вопросу о междисциплинарном подходе в деятельности психиатров в годы Великой Отечественной Войны // Опыт решения психологических задач в годы ВОВ (1941–1945 гг.): сборник материалов научно-практической конференции. М.: ФКУ ЦЭПП МЧС России. 2016. С. 131-161.

10. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3-11

11. Лысак И.В. Междисциплинарный и трансдисциплинарный подходы к изучению человека: проблемы и перспективы // Философия человека: материалы научного симпозиума, посвященного памяти философа и психолога Галины Иванченко. Таганрог, 2013. С. 25-32.

12. Олейник Ю.Н., Няголова М.Д. Психология и психологи в годы войны (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) // Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2(18). С. 8–46.

13. Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники 2016. Т. 21. № 1. С. 5–35.

14. Пястолов С.М. Генезис и перспективы трансдисциплинарности // TERRA ECONOMICUS. 2016. Т. 14. № 2. С. 139-158.

15. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1 от 2 января 2012 года, ст. 216.

16. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Ред. В. Бажанов, Р. Шольц. М.: Навигатор, 2015. 564 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ В ПСИХОЛОГИИ, ИМЕЮЩИЕ ФИЛОСОФСКОЕ ЗВУЧАНИЕ*

Виктор Фёдорович Петренко

*Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Институт Системного Анализа РАН
E-mail: victor-petrenko@mail.ru*

В проблемной статье, с позиции постнеклассической рациональности и конструктивизма обсуждаются методологические вопросы мало разработанных областей психологии, такие как возможность анализа единичного случая (case study), проблемы декомпозиции и информативности целостного образа, проблемы эмпатии и интуиции, как непосредственных форм передачи психических состояний, проблемы аналогии психологического феномена синхронии и физического феномена «квантовой сцепленности» поднятые ещё психологом К. Юнгом и лауреатом Нобелевской премии, физиком В. Паули. Утверждается перспективность развития проблематики «коллективного бессознательного» как для психологии, так и для всей гуманитарной науки изучения человеческой цивилизации.

Ключевые слова: универсальный эволюционизм, русский космизм, нелинейное будущее, квантовая телепортация, синхрония. коллективное бессознательное

PROBLEMATIC ISSUES WITH A PHILOSOPHICAL MEANING IN PSYCHOLOGY

Viktor F. Petrenko

*DSc of Psychology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
Lomonosov Moscow State University
Institute for System Analysis, RAS
E-mail: victor-petrenko@mail.ru*

* Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ грант № 19-013-00603 .

The problematic article discusses the methodological issues of less developed areas of psychology from the standpoint of post-nonclassical rationality and constructivism: the possibility of analyzing a single case (case study), problems of decomposition and information content of a holistic image, problems of empathy and intuition as non-mediated forms of transmission of mental states, problems of analogy of the psychological phenomenon of synchrony and the physical phenomenon of “quantum entanglement” raised by the psychologist Carl Jung and the Nobel Prize winner physicist W. Pauli. Prospects for the development of the problem of the “collective unconscious” both for psychology and the entire humanitarian science of studying human civilization are affirmed.

Keywords: universal evolutionism, Russian cosmism, nonlinear future, quantum teleportation, synchrony, the collective unconscious

Современная психология сосредоточила свои исследования в основном на психофизиологии, психологии личности или социальной психологии, ограничивая свои исследования миром человеческого бытия. Раздвигают эти рамки, работы в области экологической психологии и зоопсихологии, рассматривающие психику в контексте биологической эволюции. Исследований психики в контексте глобальной космической эволюции исчезающе мало. Отчасти этот вектор представлен гуманитарно-антропологическими направлениями «философии жизни» в работах западных мыслителей, таких как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон, О. Шпенглер, Г. Зиммель, Э. Шпрангер, У. Джеймс, Г. Риккерт.

Мировая наука, оплодотворённая идеями «русского космизма» Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.Ф. Одоевского, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского развивала идеи трансформации человеческой цивилизации в контексте космической эволюции. В современной науке эта проблематика представлена в исследованиях Big History Д. Кристиана, Универсального эволюционизма И.С. Шкловского и Н.Н. Моисеева, Мега, истории А.П. Назаретяна. Глобальные модели присутствуют в работах таких родоначальников системного анализа как Л. фон Берталанфи, В.И. Вернадский и А.А. Богданов. Естественно, такое интегральное мировоззрение требуют и глобальной творческой фантазии. Так, например, идея Циолковского о переходе в будущем человечества в лучистую форму, невозможно эмпирически проверить, ни теоретически доказать. Но такие глобальные идеи открывают веер потенциальных возможностей развития, без целеобразующей функции которых, корабль человеческой цивилизации не имеет направленности. О генералах, ориентированных только на опыт прошлого говорят, как о готовящихся к прошедшим войнам, но ученый ориентированный только на принципы сегодняшней науки обречен на догматизм и стагнацию своего творчества. Как заявил великий физик Нильс Бор молодому коллеге, на одном из научных семинаров: «Ваша теория несомненно безумная, но достаточно ли она безумная, чтобы быть верной». Не забудем в этом контексте идею о само реализующихся прогнозах, когда самая безумная фантазия может оказаться руководством к действию. Адекватной формой описания целостных состояний коллективного бессознательного является гильбертово пространство, см. [11-15, 22]. Проблему приёма и передачи целостных состояний, на уровне бессознательного, поставил еще Анри Бергсон [1] в своей гениальной книге «Творческая эволюция». Предложенная же Бергсоном трактовка интуиции осталась практически не разработанной. Тем не менее, она явно присутствует в ситуации гипнотических сеансов. Согласно теоретической модели голографической памяти К. Прибрама [16], нейропсихологическим работам А.Р. Лурии [6], сенсомоторным психологическим практикам В.В. Кучеренко, человек помнит практически всё, с чем он сталкивался в жизни, и проблема только в том, чтобы извлечь эту информацию из бессознательного [4, 9, 10]. Бессознательное согласно развиваемому нами представлению [13, 14, 15], в отличии от предметности сознания не имеет пространственно-временных координат и описывается в гильбертовом пространстве, в отличии от пространства Минковского, специфического для сознания. Гильбертово пространство конституируется бесконечно мерными гармониками, имеющими волновую природу. Категории пространства и времени к ним, и соответственно, к Гильбертовому пространству не приложимы. Напомним, что ещё Эммануил Кант рассматривал категории пространства и время, не как базовые онтологические характеристики бытия, а как «интуиции сознания». При том, что в классической философии интенциональность сознания, т.е. направленность его

на предметность мира рассматривается как важнейшая характеристика сознания. Предметность в свою очередь, при категоризации предполагает временную и пространственную отнесенность. Для бессознательного же нет ни времени, ни пространства. В совместном творчестве психолога К. Юнга и физика Паули в начале прошлого века проводилась идея об общности квантового мира и коллективного бессознательного и предположение о том, что феномен синхронии, описанный Юнгом, имеет аналог в квантовой физике [18, 5, 23].

В ряде наших публикаций [11-15, 22] обсуждается присущий квантовой физике феномен Э.П.Р. названный так по имени ученых его сформулировавших (Эйнштейн, Подольский, Розен). Этот феномен был описан в дискуссии Альберта Эйнштейна и Нильса Бора, как-то «чего быть не может», но последующие исследования подтвердили существование этого феномена. Суть его в следующем. Для того, чтобы описывать объект до его восприятия и осознания субъектом результата измерения (согласно Гейзенбергу [3], квантовые характеристики элементарных частиц не существуют до процесса их измерения и возникают в ходе его) объект описывается как суперпозиция возможных состояний. Распад объекта приводит к образованию как минимум двух объектов с «перепутанными» (взаимосвязанными состояниями), поскольку законы сохранения действуют таким образом, что сохраняется некая суммарная константа. Например, если распадается элементарная частица, с измеренным нулевым спином, то образовавшиеся в ходе распада две частицы, также должны иметь суммарный нулевой спин. Стоит наблюдателю по отношению к одной из частиц произвольно выбрать конкретное направление и измерить вдоль него спин этой частицы, то «мгновенно» ему будет известен и противоположный по знаку спин его «близнеца» по прошедшему распаду, независимо от расстояния между ними. Сверхсветовые скорости «передачи «информации» приводят к нарушению принципа причинности и открывают возможности мгновенной телепортации состояний Д.Боумейстер и др. [2]. Эксперименты А. Аспекта [19] Дж. Белла [20], эмпирически подтвердили существование этого феномена «не локальности» бытия квантового мира.

Всё это позволило З. Пенроузу высказать мнение: «Коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект во Вселенной...Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории...почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим по виду миром, который мы в реальности наблюдаем». [8, с. 464]. Этот своеобразный вариант Всеединства бытия позволяет предположить, что феномены синхронии, предвидения и телепатии имеют основание в физике квантового мира. Кстати, и выдающийся российский психофизиолог Е.Н. Соколов [17] был солидарен с идеей С. Хамерофф и Р. Пенроуза [21, 8] о существовании на молекулярном уровне нейронных трубочек, позволяющий человеческому мозгу работать как своеобразный квантовый компьютер. Перспективной линией развития психологии является движение в сторону личностного и коллективного бессознательного, к которым можно подступиться в результате создания целостных междисциплинарных теоретических моделей, включающих, как следствие, реализацию уникальных единичных случаев (case study). Человеческое сознание имеет пространственно-временной, опосредованный системой значений (не только вербальных, но перцептивных эталонов) характер. Коллективное бессознательное имеет отличную от сознания природу (вне форм пространства и времени) и описывается на языке гильбертовых пространств. Имеется прямая аналогия методологии квантовой физики (включая такие феномены, как ЭПР, не локальность бытия и его системная связность) и методологии бессознательного (включая феномены синхроничности, телепатии, и предвидения). Человечество (а значит и психология, как наука о человеческой психике) стоит на пороге глобальной полифуркации (см. Движение 2045), включающей выход на «сингулярность» Р. Курцвейла), или «вертикаль Снукса – Панова» (по терминологии А.П. Назаретяна [см. 7]), связанных с переходом от чисто Земной эволюции к Космической, включающей выход на контакты с иными разумными цивилизациями.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция / пер с фр. В. А. Флеровой. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
2. Боумейстер Д., Экерт А, Цайлингер А. Физика квантовой, информации. М: Мысль, 1989.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.
4. Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В. Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 70-78.
5. Линддорф Д. Юнг и Паули. М.: Касталия, 2013.
6. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. М., 1979.
7. Назаретян А.П. Не линейное будущее. Мегаистория, Синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2014.
8. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М., 2005.
9. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо, 2013.
10. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как форма не опосредованного познания // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 83-101.
11. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологический манифест психосемантики // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 5-14.
12. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Сознание и реальность в западной и восточной традиции: взаимоотношение человека и космоса // Вестник Новосибирского государственного университета. Психология. 2015. Т. 9, № 1. С. 99-123.
13. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 6. С. 69-87
14. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Классическая и квантовая физика на языке сознания и бессознательного - постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 76-90
15. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Человек в предметном и ментальном мире, существует ли "объективная действительность" Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутского государственного университета. Серия "Психология». 2013. Т. 2. С. 62-82.
16. Прибрам К. Языки мозга. С предисловием А.Р. Лурия. М.: Изд. Прогресс, 1975.
17. Соколов Е.Н. Очерки по психофизиологии сознания. М.: МГУ, 2010.
18. Юнг К. Г. Синхронистичность. Сборник. М.: Рефлбук, К. Ваклер, 1997.
19. Aspect A., Grangier P., Roger G. Experimental realization Einstein-Podolsky- Rosen-Bohm Gedankenexperiment: A new violation of Bell sinequalities // Phys. Rev. Lett. 1982. Vol. 49. No 1.
20. Bell J.S. On the Einstein Podolsky Rosen Paradox // Physics, 1964. 1.3.
21. Hameroff S., Penrose R. Orchestrated Objective Reduction of Quantum Coherence in Brain Microtubules: The "Orch OR" Model for Consciousness, 1996.
22. Petrenko V.F., Suprun A.P. Methodology of Psychosemantics in the Context of Philosophy of Postnonclassical Rationality and Quantum Physics // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 85, № 5. pp. 434-442.
23. Pauli W., Jung C.G. The Interpretation of Nature and the Psyche. Pantheon Books, 1955.

РАЗРАБОТКИ РОССИЙСКИХ ПСИХОЛОГОВ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Вероника Айдаровна Рафикова

Аспирант факультета психологии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: veronikarafikova1996@gmail.com

Военный период был временем интенсивного развития российской психологии. В статье представлен анализ психологических исследований,

* Грант РФФИ: № 20-313-90004 (аспиранты) «Развитие российской и зарубежной психологии личности в период тысяча девятьсот тридцатых - тысяча девятьсот сороковых годов: сравнительный анализ». Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант 20-013-00260 «Национальные и локальные школы психологии в контексте глобальных социально-культурных трендов: проблемы и перспективы».

проведенных во время Второй мировой войны в различных психологических учебных и исследовательских центрах. Особое внимание мы уделяем областям исследований, развитие которых было прервано из-за послевоенных репрессий, в первую очередь психологии личности. Исследования в области психологии личности в основном сосредоточены на прикладных практических вопросах военного времени (исследования моральных и личностных качеств военнослужащих Теплова, Корнилова, Левитова и др.). В то же время, были важные теоретические исследования С.Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, В.Н. Мясищева и др. Среди практико-ориентированных работ большой интерес представляет исследование Тепловым личности военачальника, сосредоточенное на проблеме умственных способностей, требующихся для определенного вида практической деятельности. Егоров изучал личностные характеристики командиров среднего звена, Салманов - командиров подразделений, Скачков - офицеров штаба. В результате совместной работы ученых и военных специалистов был создан обобщенный психологический портрет военного. Выделены особенности организации исследований в военное время.

Ключевые слова: история психологии, Вторая мировая война, психология личности, историческая психология

RESEARCH OF RUSSIAN PSYCHOLOGISTS IN THE FIELD OF PERSONALITY PSYCHOLOGY DURING THE SECOND WORLD WAR

Veronika A. Rafikova

PhD Student, Faculty of Psychology

Saint Petersburg State University

E-mail: veronikarafikova1996@gmail.com

The development of Russian psychology during WWII was strongly influenced by state repressions of 1930s and the smash of pedology and psychotechnics. However, it was the period of intensive development. The article focuses on psychological research carried out during the WWII in the fields which were later interfered by post-war repressions, primarily personality psychology. Psychological investigations were mainly focused on wartime topical issues (research on moral qualities and military leader's personality traits by Teplov, Kornilov, Levitov, etc.; theoretical studies by Sergey Rubinstein, Alexei Leontiev, Ananiev, Myasishchev, etc.). Egorov, Salmanov and Skachkov studied mid-level commanders', unit commanders' and headquarters officers' characteristics. As the result, a serviceman's psychological portrait was created. Specific features of the research organization in wartime are highlighted.

Keywords: history of psychology during WWII, psychology of personality, military psychology

Военный период был временем интенсивного развития российской психологии. Известно, как активно в то время развивались сферы нейропсихологии, клинической психологии. Однако по-прежнему по ряду причин в отечественных источниках недостаточно отражено развитие во время войны такой сферы, как психология личности. Целью данной работы является анализ факторов развития отечественной психологии личности в указанный период на основе имеющихся историографических работ, как монографических, так и журнальных статей.

С одной стороны, известно, что развитие психологии в период 1940-1945 гг. диктовалось военно-политическими условиями того времени и требовало мобилизации всех сил для борьбы с противником. Это было отражено в обоснованном В.А. Кольцовой принципе единства теории, эксперимента и практики [1] и также касалось сферы психологии личности в той ее части, которая связана с изучением личностных характеристик.

Психология личности во время Второй мировой войны наиболее полно раскрылась в сфере изучения личностных характеристик участников военных действий, которые напрямую влияют на эффективность ведения военных действий. В этом плане широко исследовались

личностные качества как рядовых бойцов, так и командиров. Так, нами будут рассмотрены основные работы, посвященные изучению данной проблематики.

В круг личностных характеристик, необходимых для участников военных действий, в первую очередь, входило понятие "воли", разрабатываемое Н.Д. Левитовым - советским психологом, который активно занимался исследованиями в области психологии характера. К понятию воли, или силы воли как психологической характеристики существует несколько подходов: она включается в регуляцию эмоций, в компоненты мотивационной деятельности, а также рассматривается как самостоятельное психологическое качество. Н.Д. Левитов рассматривал волю как самостоятельный компонент характера; более того, воля, по его мнению, - это основополагающая часть характера, которая, в свою очередь, включает в себя несколько компонентов, одним из которых является целеустремленность. Целеустремленность, или целенаправленность трактуется как осознание человеком направленности своих действий и поступков. В контексте периода военных действий эта "ясность целей" проявляется в понимании бойцом правильности своих действий, осознания долга перед своей страной и ясности задач, которые стоят перед ним для достижения целей как на более высоком уровне (осознание величия миссии борьбы с врагом, защиты Родины), так и на более мелком (понимание собственных задач как бойца) [2, с. 40]. В качестве второго компонента структуры воли Н.Д. Левитов выделяет активность, которая проявляется в способности к принятию решений, способности действовать на основе выбранных альтернатив и тесно связана с такими чертами характера, как смелость и решительность, столь необходимые для ведения боевых действий как на уровне рядового солдата, так и на уровне командира. Следующий компонент - организованность, которая традиционно связывается с такими чертами характера, как дисциплинированность, способность к самоконтролю. И четвертый компонент - стойкость - понимается автором как выносливость и мужество, которое, в свою очередь, Левитов считал высшим проявлением моральной воли и стойкости.

Н.Д. Левитов не всегда четко разделял понятие характера и воли, что проявляется в предложенной им структуре воли: во-первых, некоторые из проявлений компонентов воли пересекаются с чертами характера, во-вторых, в своих работах исследователь взаимозаменял понятия решимости и воли. «Волевое усилие нужно понимать, как приказ себе делать все, способное достижению цели» - в этом определении можно увидеть взгляд на человека как на активное, субъектное существо, способное полностью контролировать свои действия [2, с. 41].

Особый интерес представляли исследования личностных характеристик руководителей военных подразделений всех уровней, так как именно от их решений и проявлений личностных качеств во многом зависел исход военных действий. Как писал К. Клаузевиц, «На высшем посту главнокомандующего умственная деятельность принадлежала к числу наиболее трудных, какие только выпадают на долю человеческого ума» [3, с. 118].

Личность военачальника активно изучалась Б.М. Тепловым, советским психологом, одним из основателей дифференциальной психологии и психологии способностей. Еще до Второй мировой войны Б.М. Теплов занимался изучением проблем военной маскировки, а во время военных действий занялся рядом исследований, посвященных качествам и особенностям мышления военачальников. В продолжение темы воли, разрабатываемой Н.Д. Левитовым, Б.М. Теплов задается вопросом о соотношении понятий ума и силы воли полководца, и считает ошибочным разделение их на две разные способности. Теплов предлагает рассматривать их во взаимосвязи, так как, по его мнению, обострение и активация всех психических сил и мобилизация умственных способностей в ситуации опасности - это та черта, которая отличает хороших военачальников.

На примере известных полководцев Б.М. Теплов поднимает вопрос о соотношении активности в обычное, мирное время, и в ситуации военных действий. Так, Теплов приводит примеры полководцев как с относительно размеренным, ровным проявлением продуктивности в течение и того, и другого периода, так и тех, кто в мирное время проявляет своего рода экономию психических сил, а в период военных действий склонен к их максимальной мобилизации и резкому повышению умственной продуктивности. Характеризуя ситуацию, в которой вынужден работать военачальник, Б.М. Теплов пишет: «Для интеллектуальной работы полководца типична чрезвычайная сложность исходного материала и большая простота и ясность конечного результата. Вначале - анализ сложного материала, в итоге - синтез, дающий простые и определенные положения» [4, с. 223–305]. Личностные характеристики

командиров среднего звена изучал Т.Г. Егоров, командиров подразделений - Н. Салманов, а офицеров штаба - А. Скачков. Другим направлением изучения личностных качеств бойцов была проблема формирования мотивационной сферы участников боевых действий, способов раскрытия у них моральных качеств и патриотических настроений, что можно в целом охарактеризовать как "феномен героизма". Среди подобных работ можно выделить работу К.Н. Корнилова "Воспитание моральных качеств", М.М. Рубинштейна "Смелость и ее воспитание", М.П. Феофанова "Воспитание смелости и мужества", С.Х. Чавдарова "О мужестве и путях его воспитания" и др.

Таким образом, с одной стороны, представленные выше работы позволяют говорить о том, что проблематика психологии личности отвечала, как и любая другая сфера психологии, социальному запросу того времени. Но с другой стороны, можно выделить такой сдерживающий фактор для развития психологии личности и, как следствие, последующего отражения в работах наших современников, как политические условия, в интересах которых отсутствовало стремление целостного изучения личности в ее многообразии. Необходимость сведения личности к набору управляемых характеристик определяется как препятствие для развития психологии личности в период Второй Мировой войны: ее развитие предполагалось лишь до определенного предела. Об этом факторе пишет А.В. Петровский: "Ему [Сталину] нужны были безусловное подчинение, чуждое сомнениям и вообще какой-либо рефлексии, отрицание даже самой возможности бессознательного и сведение формирования сознания к формировке «сознательности», под которой понималось, по существу, автоматическое следование распоряжениям «свыше». Возникла заманчивая возможность представить человека как условнорефлекторную машину, управляемую сигналами различного уровня сложности", "...не в менее тяжелом положении на ряд лет оказалась психология личности. Само собой разумеется, что в годы сталинизма возможности объективного изучения целостной личности были предельно сужены". [5, с. 183]. Так, можно говорить о том, что если некоторые сферы психологической науки в период Второй мировой войны в силу мобилизации всех ресурсов достигли своего расцвета (например, нейрофизиология, представленная, в первую очередь, работами А.Р. Лурии), то психология личности как сфера более гибкая и менее строгая в своих методах оказалась в ситуации ангажированности, вынужденности подстраиваться под запросы социально-политических условий.

Анализ источников позволил выявить двойственную природу и противоречивость условий для развития исследований в области психологии личности. С одной стороны, как и в других сферах психологии того периода, наработки в психологии личности также служили прикладным задачам того времени (исследования морально-личностных качеств бойцов Б.М. Теплова, К.Н. Корнилова, Н.Д. Левитова и др.), что относительно полно отражено в литературе [6, 1].

Однако важный пласт, выводящий личность за поставленные рамки, был исследован значительно позже такими исследователями как С.Л. Рубинштейн, который предложил принцип единства личности, сознания и деятельности и В.Н. Мясищев, который уже в то время начинал работать над концепцией теории отношений.

Литература

1. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психология в годы Великой Отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 25. С. 51-58
2. Левитов Н.Д. Воля и характер бойца // Военный вестник. 1944. №1. С. 40–48
3. Клаузевитц К. О войне. М., 1941. Т.1.
4. Теплов Б.М. Ум полководца // Избранные труды: В 2х томах. М., 1985. Т. 1. С. 223–305
5. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Том 1. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996. - 416 с.
6. Ждан А.Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2015. № 2.

ДУХОВНЫЕ ЛИДЕРЫ НОВОЙ ЭПОХИ

Михаил Михайлович Решетников

*Заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор, ректор
Восточно-Европейский Институт Психоанализа
E-mail: veip@yandex.ru*

Автор анализирует современное состояние духовного лидерства и то, как оно представлено в наиболее популярных СМИ, а также обращается к наследию интеллектуалов, заложивших основы демократии и либеральной модели развития экономики и общества. Обобщаются вопросы идеологии и парадигмального сдвига в формировании новых идей и образа будущего, а также указывается на ряд специфических маркеров современной эпохи.

Ключевые слова: духовное лидерство, идеология, демократия, демократизм, социальные маркеры современности

LEADERS OF THE NEW ERA

Mikhail M. Reshetnikov

*Honored Scientist of the Russian Federation, DSc in Psychology, Professor, Rector
The East-European Psychoanalytical Institute
E-mail: veip@yandex.ru*

The author analyzes the current state of spiritual leadership and how it is presented in the most popular media and also refers to the heritage of intellectuals who laid the foundations of democracy and liberal model of economic and social development. The questions of ideology and paradigm shift in the formation of new ideas and the image of the future are generalized, and a number of specific markers of the modern era are pointed out.

Keywords: spiritual leadership, ideology, democracy, democratizm, social markers of modernity

1. **Печальный итог попытки самообразования.** Открыл рейтинговый список 100 самых влиятельных духовных лидеров современности (Британский журнал Watkins, 2012). На первом месте Далай-лама, из остальных 99 знаю только троих: Пауло Куэльо, Питера Рассела и Станислава Грофа. Имена остальных не говорят ни о чем. Нашел в Интернете раздел «Духовные лидеры прошлого». Оказывается, что в политике – это Черчилль, Рузвельт, Мандела и Тэтчер; в бизнесе – Рокфеллер, Форд (наш современник) Джобс; в культуре – неизвестный мне художник Уорхол, Дж. Леннон и Майкл Джексон; а на военном поприще – Александр Македонский и Наполеон. Хотелось бы сделать комментарий, но – нет слов!

2. **Когда это началось?** Еще в 1960-е годы Виктор Франкл констатировал распространение в самых широких слоях населения утраты смысла жизни. Согласно приведённой им статистике, при этом возрастает уровень депрессивности, наркоманий, алкоголизма и агрессивности. Как известно, на протяжении последующих десятилетий этот прогноз подтверждался и становился все более удручающим.

В процессе протяженной дискуссии питерских ученых (в начале 2000-х), ее участники пришли к выводу, что смыслы жизни, не находятся, а привносятся – выдающимися мыслителями, такими как Вольтер, Дидро, Руссо, Локк, Гоббс [1] или даже Маркс и Ганди. Кроме того, коллегами было обосновано, что смыслы появляются только тогда, когда у каждого конкретного человека есть какая-то благая или даже иллюзорная цель, которая выходит далеко за рамки его повседневного существования и объединяет его другими людьми. Есть ли у нас, как у Человечества, или хотя бы как у граждан конкретной страны такие идеи и цели? Неужели мы все пришли в этот мир только для того, чтобы вдоволь поесть, сделать модную прическу или тату, заработать на новые джинсы или новый смартфон, новую квартиру, машину или дачу? Есть ли где-то выдающиеся мыслители современности, идеи которых способны объединить нас всех?

3. **Куда ведет идеологический вакуум?** Понятие идеологии сейчас стало некой

табуированной темой. И некоторые считают, что сейчас нет никакой идеологии. Это не так (к этому тезису мы еще вернемся). Но вначале о роли идеологии. Во-первых, у любой идеологии есть две главных функции: 1) она должна быть объяснительной системой, направленной на сглаживание всегда существовавших социальных противоречий; 2) она должна придавать смыслы повседневному бытию и объединять этими смыслами всех граждан хотя бы в рамках отдельной страны. Такая идеология была у советских людей – безусловно, иллюзорная и последовательно дискредитированная в процессе коммунистического строительства, но была! Сейчас, казалось бы, нет такой идеологии. Советская модель была одномоментно отменена в 1991. И ничего взамен, кроме краткосрочной иллюзии присоединения к якобы благоухающему (а на поверку оказалось – дурно пахнущему) Западу. Эта мощнейшая общенациональная психическая травма – травма утраты смыслов и веры до сих пор не осознанна и не отрефлексирована. Только психиатры в 1992 зафиксировали пик частоты суицидов в России – 46,1 на 100 тыс. населения, который затем постепенно снижался, и к 2012 составил 22,4 [5]. Существует множество исследований, где анализируется связь уровня суицидов с экологическими и экономическими факторами, национальными традициями и особенностями, чего нельзя сказать о социально-психологических факторах и смыслах бытия, которые давно отсутствуют в программах и платформах практически всех партий. Точнее было бы сказать, что вопрос о смыслах бытия превратился в маргинальный, который стало неприлично даже предлагать для обсуждения.

В настоящее время большинство социологов и даже политиков констатируют, что противоречия в общества, расслоение по материальному статусу и духовным основам («скрепам») единства общества нарастают. В целом, нужно признать, что такие процессы характерны не только для России, а для всего мира, где постепенно все большую популярность набирают идеи справедливости и борьбы с несправедливостью. Фактически же, эта борьба ведется против новой – никем не провозглашенной, но активно действующей идеологии – предельно извращенной либеральной идеи. Если сформулировать ее смысл предельно кратко – это безудержная конкуренция, борьба всех против всех, сакрализация материального успеха и товарный фетишизм. Великие гуманисты ужаснулись бы такому итогу частного предпринимательства, свободной конкуренции и демократии, все более явно трансформирующейся в демократизм. Демократические принципы подменены правилами, которые диктуют несколько самых сильных игроков современной политической сцены. А в последние десятилетия не только граждане, а целые страны и народы присутствуют при этом в качестве статистов.

4. Никем не замеченное событие. В 1960-е произошло еще одно никем не замеченное событие. До середины XX века все развитие Человечества шло по пути гуманизации межличностных и межгосударственных отношений в соответствии с идеями, провозглашенными выдающимися мыслителями – уже упомянутыми во втором разделе и другими. При этом никто из этих мыслителей не занимал никаких высоких постов – они не были министрами, царями, королями или президентами, но министры, монархи и президенты прислушивались к их идеям, принимали их идеи и реализовали их в своей политике. И вдруг, в середине XX века происходит качественный сдвиг: право провозглашать новые идеи от выдающихся мыслителей переходит исключительно к первым лицам экономически мощных государств, которые вовсе не обязаны быть выдающимися мыслителями, и обычно принадлежат к личностям лидерского (агрессивного) типа. Они достигают своих высоких положений в результате непримиримого политического соперничества и борьбы, и сохраняют установку именно на такой тип поведения и именно на такой тип межличностных и межгосударственных отношений. Куда ведут и куда приведут нас эти лидеры современности?

5. Что мы имеем в итоге? Только перечислим несколько основных маркеров современной эпохи. Нарастающий социальный пессимизм и погружение в мир фантазий и иллюзий, что особенно ярко демонстрирует современный кинематограф. Неопределенность будущего – нет никаких социальных проектов, которые могли бы объединять социум и его обращенность в общее будущее. Развитые страны стали жить богаче и комфортнее, но не осмысленнее. В целом, забота политических и государственных лидеров о том, чтобы все были накормлены и согреты, мало отличаются от задач, решаемых в животноводстве. Активно пропагандируемый на всех уровнях лозунг политкорректности последовательно маскирует качественно иной социальный феномен – дефицит социальной ответственности большинства

политических лидеров. Мы, почти как в нашем недавнем прошлом, говорим одно, думаем другое и делаем третье.

Всеобщий ориентир прошлых веков – образованность и культура, как основа общественного признания, сменился стремлением к материальному успеху, при минимизации моральных принципов его достижения (практически во всех сферах, включая науку). Как справедливо отмечал В.Ф. Петренко: «На смену творцам и мыслителям, занятым служением науке, приходят «специалисты» и профессионалы, имя которым – легион, занятые обслуживанием клиента» [3, с. 48]. Мы боимся ответить на основной вопрос современности: «Что происходит?», - потому что знаем ответ: «Культурная и нравственная деградация».

Не будем затрагивать вопросы выживания стран и народов в условиях глобального изменения климата, так как это отдельная, самостоятельная и самая трагическая тема, где этическая составляющая будет постепенно выхолащиваться, а ряд оставшихся за пределами академической науки сущностей человека проявятся в их первоначальном виде.

Мы боимся осознавать бессмысленность технического прогресса и экономического роста в том виде, как они есть, и в том направлении, в котором они идут. Куда мы идем? И зачем? Есть хоть какой-то осмысленный образ будущего?

Как уже отмечалось, смыслы человеческого бытия стали исчезающей категорией как обыденного, так и научного знания. Мы долго надеялись, что после технократического и прославившегося двумя мировыми войнами XX века придет более наполненный гуманитарными идеями XXI, но ожидаемого преобразования человека разумного в человека мудрого не произошло.

Литература

1. *Зубанова Л.В.* Духовное лидерство в социокультурном пространстве современной России. Автореферат дисс. ... д-ра культурологии. Челябинск, 2009. 43 с.
2. *Кузнецов В.Н.* Европейская философия XVIII века. - М.: Академический проект, 2006. 544 с.
3. *Петренко В.Ф.* От семантики образа к идеям конструктивизма // Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. С. 427—438.
4. *Решетников М.М.* Интолерантность и терроризм в Европе // Идея ненасилия в XXI веке. // Сборник научных докладов. Пермь: ПГУ, 2006. С. 226-273.
5. *Решетников М.М.* Психическое здоровье населения в свете современных тенденций. – Журн. Неврологический вестник. 2013. Т. XLV. Вып. 3. С. 71-77.
6. *Фрейд З.* Почему война. Переписка с Альбертом Эйнштейном, сентябрь 1932. / В кн. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Москва, 1992. С. 325-337.
7. *Франкл В.* Страдания от бессмысленности жизни. Сибирское университетское издательство, 2019. 95 с.
8. *Reshetnikov M.M.* Methodological Approaches to the Psychological Analysis of Ethnic Conflicts and Ideas of Anti-Russiasm: Trauma and Trans-Generation Transmission // J. Psychology Research. 2017. Vol. 7. №9. Pp. 481-488.
9. *Reshetnikov M.M.* Fighting Terrorism by Exterminating Terrorists is Like Scooping the Flood with a Spoon. J. Research & Reviews: Journal of Social Science. 2017. Vol. 3. Is. 2. pp. 107-112.
10. *Volkan V.* Traumatized Societies // In: Violence and Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism. London, International Psychoanalytic Association. 2003. P. 2017-237.

ЭВОЛЮЦИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ (ЛЕНИНГРАДСКОЙ) ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕСТНИКОВ СПбГУ)

Юлия Владимировна Степанова

Аспирант 3 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

Данное исследование посвящено изучению развития естественно-научной парадигмы в Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школе.

Известно, что представители данного направления широко применяли принципы и методы таких естественно-научных дисциплин, как биология, физика и математика. Для того чтобы проследить развитие естественно-научной парадигмы в Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школе, был проведён семантический анализ публикаций в научном журнале «Вестник Санкт-Петербургского университета» (до 1991 г. – «Вестник Ленинградского университета») в период с 1949 по 2019 г. Гипотеза исследования состояла в том, что на протяжении своего развития Санкт-Петербургская (Ленинградская) психологическая школа ориентирована на естественно-научную парадигму, а ведущим аспектом является физический. Результаты исследования показали, что авторы Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы использовали естествознание в целом, а не элементы отдельных дисциплин, ориентируясь на интеграцию естественных наук.

Ключевые слова: естественно-научная парадигма, Санкт-Петербургская (Ленинградская) психологическая школа, семантический анализ, модель *inciampata*

EVOLUTION OF BIOLOGICAL DOMAIN IN THE ST. PETERSBURG (LENINGRAD) PSYCHOLOGICAL SCHOOL (BASED ON THE ST. PETERSBURG UNIVERSITY BULLETIN DATA)

Julia V. Stepanova

3rd Year Postgraduate Student

Saint Petersburg State University

This study is devoted to the development of the biological domain in the St. Petersburg (Leningrad) Psychological School. It is well known that the authors of this school widely used principles and methods of such sciences as biology, physics and mathematics. The method of semantic analysis of publications in the St. Petersburg State University Bulletin (before 1991 called the Leningrad State University Bulletin) was used from 1949 to 2019 to investigate the development of the biological domain in the St. Petersburg (Leningrad) Psychological School. The hypothesis of the research was that the St. Petersburg (Leningrad) Psychological School is focused on the biological domain, and its main aspect is the physical one. The results of the study show that the authors of the St. Petersburg (Leningrad) Psychological School used science on the whole, not the elements of particular disciplines, because they were focused on the integration of sciences.

Keywords: biological domain, the St. Petersburg (Leningrad) Psychological School, semantic analysis, the “*inciampata*” model

На сегодняшний день в психологии активно изучаются естественно-научные основы психогенеза, строятся математические модели психики, психологи активно применяют знания из области кибернетики и синергетики. Но для того, чтобы подобная интеграция естествознания в психологию была успешной, необходимо проследить историю появления и развития естественно-научной парадигмы. Разумным представляется сделать это на примере Санкт-Петербургской (Ленинградской) школы, авторы которой опирались на данную парадигму в своих исследованиях.

Естественно-научная (первоначальное название – биологическая) парадигма объясняет эволюционные, генетические и психофизиологические предпосылки личностных особенностей [11, с. 168-279]. В настоящее время она используется не только в психологии личности, но и в других областях теоретической и экспериментальной психологии, например в общей психологии и психофизиологии [1, с. 245-252; 3, с. 107-109].

Истоки Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы лежат в трудах психологов, философов, богословов и естествоиспытателей (врачей и физиологов) XIX века, работавших в Медико-хирургической академии (с 1881 г. – Военно-медицинская академия), Императорском университете и Духовной академии [9, с. 772-777].

Дискуссионным является вопрос о том, кто является основателем Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы – В.М. Бехтерев или Б.Г. Ананьев. Это зависит от

того, что считается началом научной школы [3, с. 107-109]. Можно выделить два основных направления внутри Ленинградской школы. К первому (раннему) течению относятся А.Ф. Лазурский, М.Я. Басов и В.Н. Мясищев, а ко второму – Б.Г. Анянцев, Б.Ф. Ломов, Л.М. Веккер, В.А. Ганзен, В.К. Гайда, И.М. Палей и Г.В. Суходольский. Также следует обратить внимание на представителей школы физиологии высшей нервной деятельности Сеченова-Павлова, являющейся непосредственным предшественником Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы. Наиболее выдающимися её представителями являются И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Н.Е. Введенский, А.А. Ухтомский, П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн и М.Н. Ливанов [3, с. 107-109; 6, с. 1-312; 7, с. 1-285; 8, с. 1-366].

Материалом для настоящего исследования стали публикации в научном журнале «Вестник Санкт-Петербургского университета» (до 1991 г. – «Вестник Ленинградского университета»). Исследование этих публикаций с применением методов математической обработки данных позволит лучше понять процесс эволюционного развития естественно-научной парадигмы в Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школе.

Целью исследования является изучение процесса развития естественно-научной парадигмы в Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школе. Для этого нужно проследить развитие естественно-научной парадигмы Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы путём анализа публикаций в научном журнале «Вестник Санкт-Петербургского университета» (до 1991 г. – «Вестник Ленинградского университета») в период с 1949 по 2019 год. Также необходимо сравнить развитие трёх аспектов естественно-научной парадигмы (биологического, физического и математического) и проанализировать связи между ними. Гипотезой исследования является предположение о том, что на протяжении развития Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы ведущим аспектом является физический.

В исследовании применялась авторская модель *inciamrata*. Это принцип количественного анализа научных публикаций, основанный на учёте естественно-научных терминов и последующей их сортировке на три группы: биологические, физические и математические термины. Похожий метод использовала М. Клементе Линуэса [10, с. 159-174] при исследовании школьных учебников истории.

В начале исследования был составлен словарь терминов, встречающихся в публикациях научного журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета» (до 1991 г. – «Вестник Ленинградского университета») в период с 1949 по 2019 год. Затем были построены графики изменения по годам следующих пяти показателей: количество выпусков научного журнала, количество статей, количество биологических терминов, физических и математических терминов. Однако графики изменения частот содержали артефакты, поэтому для их сглаживания были построены графики автокорреляционной функции. После построения графиков АКФ был проведён корреляционный анализ. Сначала были получены коэффициенты корреляции Пирсона с целью оценки возможных связей между пятью исследуемыми показателями. Затем корреляционные связи были представлены в виде схемы по методу П.В. Терентьева. Далее для определения ведущего фактора на основании схемы был построен граф по методу Л.К. Выханду [2, с. 60]. Дополнительно был проведён качественный анализ публикаций с целью выявления наиболее значимых тем исследования.

Графики частот показывают, что наиболее изменчивым является показатель «число статей». Показатели частот встречаемости терминов изменяются относительно равномерно (это не позволяет подтвердить гипотезу о том, что показатель «физические термины» является наиболее значимым), но существует два пика, которые нужно выделить особо: это пик показателя «биологические термины» 1950 г. (243 слова) и пик показателя «физические термины» в 1996 (96 слов). Обработка данных по методу Л.К. Выханду показала, что центральным признаком является параметр «число статей», и если связь с параметром «число журналов» не вызывает сомнений, то другие связи не так очевидны. Вероятно, дело в самом системном подходе и ориентации авторов Санкт-Петербургской (Ленинградской) школы на интегративные дисциплины, такие как кибернетика и синергетика.

Для того чтобы понять, какую роль играет интеграция естественных наук для психологов Санкт-Петербургской (Ленинградской) школы, нужно понять саму суть интеграции естественно-научных дисциплин. Дело в том, что естествознание является единой системой научных знаний о природе, а деление на отдельные дисциплины является довольно условным. Следует заметить, что не только отечественные, но и зарубежные психологи использовали

естественно-научную терминологию при создании своих концепций. Ярким примером является теория поля К. Левина. Автор применял к психическим явлениям такие термины, как «поле», «сила», «вектор», «валентность» и т.д. Также К. Левин проводил интересные соответствия между психологическими и физическими терминами: например, термин «поведение» он считал психологическим аналогом физического термина «состояние системы в данный момент» [4, с. 122-130; 5, с. 131-145]. Лидеры Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, Л.М. Веккер, В.А. Ганзен) применяли в своих исследованиях комплексный и системный подход.

Подводя итоги качественно-количественного анализа, можно сказать, что авторы данного направления использовали естествознание в целом, а не элементы отдельных дисциплин. Также обнаружено, что в Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школе исторически применялись комплексный и системный подход, пришедшие из естественных наук, а естественно-научная парадигма охватывает не частные исследования, а целые отрасли психологии.

Данное исследование имеет ряд существенных ограничений. Прежде всего, следует отметить необходимость проведения расширенного исследования на большей выборке научных публикаций. Необходимо провести подобный анализ публикаций в других научных журналах, публиковавшихся в Санкт-Петербургском государственном университете. Также следует обратить внимание на недоступность журналов, опубликованных в период с 1946 по 1948 г., в связи с чем исследование является неполным.

Результаты данного исследования подтверждают значимость естественно-научной парадигмы для авторов Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят изучать подобным способом другие психологические школы и направления (как отечественные, так и зарубежные) и проводить сравнительный анализ эволюционного развития естественно-научной парадигмы.

Литература

1. *Балин В.Д.* Психическое отражение: Элементы теоретической психологии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001.
2. *Балин В.Д.* Практикум по психофизиологии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015.
3. *Балин В.Д.* Теоретическая психология. М: Юрайт, 2017.
4. *Левин К.* Топология и теория поля//Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 122-130.
5. *Левин К.* Определение понятия "поле в данный момент" // Хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во МГУ, 1980. С.131-145.
6. *Левченко Е.В.* История и теория психологии отношений. СПб.: Алетейя, 2003.
7. *Логина Н.А.* Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
8. *Логина Н.А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Институт психологии РАН, 2016.
9. *Морозова С.В.* Психология//Три века Петербурга. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 772-777.
10. *Clemente Linuesa M.* Los sistemas de valores en los textos escolares: un modelo de análisis // Enseñanza & Teaching, 1983, P.159-174.
11. *Larsen R.J., Buss D.M.* Personality psychology, 2008.

ДИГИМОДЕРНИЗМ И ДИГИТАЛИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ: ИНДЕТЕРМИНИСТСКАЯ МЕТАПЕРСПЕКТИВА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Владимир Александрович Янчук
Доктор психологических наук, профессор
Академия последипломного образования
E-mail: yanchuk1954@gmail.com

В качестве ключевых характеристик настоящего времени констатируется неопределенность и растерянность человечества в перспективах своего будущего, что обуславливает возрастание популярности различного рода футурологических прогнозов. Эта пугающая перспектива неопределённости резонирует с новой эпохой цифромодернизма (digimodernism), активно обсуждаемого культурологами сегодня в связи с гиперактивной цифровизацией общества и культуры и характеризующейся презрительным отношением к прошлому, впрочем, как и к будущему. Проведенный анализ детерминистского и индетерминистского направлений в развитии мировоззрения показал исчерпанность возможностей первого и безжизненность второго. В качестве возможного решения обосновывается онтолого-эпистемологический и эвристический потенциал интердетерминистского направления. В соответствии с предложенным принципом культурно-диалогического интердетерминизма акценты смещаются на аспект совместного функционирования в процессе и посредством диалогического взаимодействия, приводящего к формированию нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей. В качестве системообразующих оснований образования данного качественного состояния определяются intersubjectivity и interexistentiality. Анализируются условия и механизмы обретения и поддержания нового качественного состояния системы в его пространственно-временной локализации.

Ключевые слова: диалогизм, дигимодернизм, дигитализация, intersubjectivity, interexistentiality, неопределенность, социокультурно-диалогический интердетерминизм, темпоральность

DIGIMODERNISM AND DIGITALIZATION OF THE TEMPORALITY: INTERDETERMINIST METAPERSPECTIVE OF POSITIONING IN THE UNCERTAINTY

Vladimir A. Yanchuk

*DSc in Psychology, Professor
Academy of Postgraduate Education
E-mail: yanchuk1954@gmail.com*

As the key characteristics of the present time, the uncertainty and confusion of mankind in the prospects of its future are ascertained which lead to an increase in the popularity of various kinds of futurological forecasts. This frightening prospect of uncertainty resonates with the new era of digimodernism, which is actively discussed by culturologists today in connection with the hyperactive digitalization of society and culture and characterized by contempt for the past, however, as well as for the future. The analysis of the deterministic and indeterministic directions in the development of the worldview showed the exhaustion of the possibilities of the former and the lifelessness of the latter. The ontological-epistemological and heuristic potential of the interdeterministic direction is justified as a possible solution. In accordance with the proposed principle of cultural-dialogical interdeterminism, the emphasis is shifted to the aspect of joint functioning in the process and through dialogic interaction which leads to the formation of a new quality that can not be reduced to a simple sum of its constituent parts. Intersubjectivity and interexistentiality are determined as system-forming bases for the formation of this qualitative state. The conditions and mechanisms of acquiring and maintaining a new qualitative state of the system in its spatio-temporal localization are analyzed.

Keywords: confusion, dialogism, digimodernism, digitalization, interexistentiality, intersubjectivity, sociocultural-dialogic interdeterminism, temporality, uncertain

Определяясь в ключевых психологических характеристиках настоящего времени, можно вполне обоснованно констатировать в качестве таковых неопределенность и растерянность. Растерянность наступает не тогда, когда будущее непонятно – оно непонятно почти всегда. Растерянность наступает, когда непонятно настоящее и его возможные последствия. Именно это обстоятельство и послужило основанием для вынесения в качестве ключевого понятия

темпоральности в аспекте дезориентации в ней. Темпоральность в своем широком понимании как раз и обозначает связь прошлого, настоящего и будущего, учет возможных последствий для него совершаемого сегодня. Следует заметить, что состояние растерянности наступает не тогда, когда будущее непонятно – оно непонятно почти всегда. Растерянность наступает, когда непонятно настоящее. Это состояние растерянности проявляется в росте экологической неопределенности, опасений в отношении последствий интенсивного внедрения био и информационных технологий с потенциальной возможностью их интеграции и т.п. Возрастание неопределенности в будущем приводит к все большей востребованности футурологических описаний развития человека и человечества [1; 2]. В своих 21 уроках для 21 века Ю.Н. Харари подчеркивает, что «революционные прорывы в информационных технологиях и биотехнологиях ставят перед нами сложнейшие задачи, с какими нашему виду еще никогда не приходилось иметь дело. Слияние биотехнологий с информационными технологиями уже в ближайшем будущем может лишить работы миллионы людей и нанести удар по свободе и равенству. Алгоритмы Больших данных способны породить цифровые диктатуры, при которых вся власть окажется в руках немногочисленной элиты, а большинство людей будет страдать не от эксплуатации, а – что гораздо хуже – от своей ненужности» [4].

Представленный выше контур пугающего будущего человечества резонирует с новой эпохой цифромодернизма (digimodernism), активно обсуждаемого культурологами сегодня в связи с гиперактивной цифровизацией общества и культуры и характеризующейся презрительным отношением к прошлому, впрочем, как и к будущему. Как отмечает А. Kirby, «считается, что прошлое не подпитывает нас, не информирует и не создает нас; оно рассматривается, если рассматривается вообще, с презрением (менее удачным или познавательным, конечно менее нравственным, чем наше) или вызывающим жалость к себе (тогда жизнь была проще) - любое представление о том, что оно может в каком-то смысле превзойти сакральное настоящее, отвергается как психическое отклонение, как «ностальгия» [10]. Это отрицание прошлого соседствует с потерей будущего: образовательная политика поощряет обучению детей тому, что «необходимо» сегодня и «подготовке их к жизни» какой она есть сегодня без учета того, что это будущее неизбежно привнесет.

Оставив за скобками идеологические дискуссии о кризисе неолиберализма, последствиях внедрения искусственного интеллекта, генетических модификаций, и т.п., отмечу и угрозу со стороны бездумного внедрения био- и информационных технологий, различного рода технических дополнений в повседневную житейскую практику и для самого человечества как вида в связи с потенциальной потерей социальности. Человечество уже сталкивается с последствиями «гаджетизации» взаимодействия с социальным и природным миром, принимая волевые решения о запрете смартфонов в школе и т.д. Отмечу и то, что технико-технологическое «облегчение» жизни и «расширение» возможностей (интеллектуальных и пр.) может способствовать (при бездумном использовании) и противоположному – превращению человека в лишенное качества социальности, бесполое, безынициативное, малоподвижное, вырождающееся органическо-неорганическое существо, обитающее во внешне управляемом природном, техногенном и виртуальном пространстве, периодически востребуемое правящей «интеллектуальной» элитой для решения сугубо прагматических задач посредством различного рода манипуляций [9]. в этом контексте можно сослаться на блестящее описание такого рода перспективы развития человечества О. Хаксли [3].

В эпистемологическом аспекте идея перспектив развития проявляется в очевидном противостоянии детерминизма и индетерминизма как его антитезы, артикулирующаяся в известных оппозициях универсализм – релятивизм, атомизм – холизм, глобализм – антиглобализм, неолиберализм – ультраконсерватизм и т.п.. Сегодня вполне очевидны подобного рода дихотомизма. По всей видимости, решение традиционно находится по середине. В обсуждаемом контексте уместна аргументация одного из ведущих специалистов в проблемной области Р. van Geert, акцентирующего внимание на следующем: «детерминистский универсум мертв, т.к. у него крайне редуцируемая степень свободы: все предопределено и невозможно создание какой-либо новой информации, т.к. она уже содержится в своем исходном состоянии (вне зависимости от того, чтобы это ни было). Индетерминистский универсум безжизненен, т.к. он содержит бесконечное число степеней свободы. Никакая информация не может быть сотворена, т.к. каждая имеет одинаковую вероятность. Тем не менее, когда эти два принципа встречаются информация и упорядоченность создаются в форме высоко редуцируемой степени свободы, в которой

различия между событиями становятся значимыми и информативными. Новое понятие упорядоченности, выводимое из самоорганизации. Для появления комплексного упорядочивания нужны и детерминизм, и индетерминизм» [12].

Следует заметить, что такого рода упорядочивание осуществляется конкретными субъектами, т.е. людьми, либо обладающими механизмами созидания совместности, лежащей в фундаменте социальности, либо лишаящими себя таковой, не задумываясь об темпоральной перспективе. Сегодняшняя ситуация все более напоминает бег в никуда являя своеобразное воплощение Ницшеанского лозунга: движение - все, конечная цель – ничто. Люди обусловлены на договаривание о житии в совместном доме, отношения в котором должны строиться по совместно вырабатываемым и поддерживаемым правилам ибо в противном случае наступит хаос или тот самый Вавилон в худшем его воплощении и с гораздо более разрушительными последствиями. Полезно напомнить известную Мидовскую констатацию об обществе как символической интеракции, предполагающей формирование разделяемых значений, ценностей и норм, скоординированной созидательной активности, составляющих содержание той самой культуры, передаваемой (или теряемой) от поколения к поколению. Формирование же взаимопонимания невозможно без интертекстуальности, интересубъективности и интерэкзистенциальности, потеря которой уже стала деструктивной перспективой человечества воплотившись в эпидемии одиночества и эмансипативной автономизации со всеми ее деструктивными последствиями.

Изложенное определило авторскую проработку конструкта «социокультурно-диалогическая интердетерминация» – взаимодействие, основанное на безусловном принятии другойности (otherness) элементов гетерогенных (многоголосых=multivoiced) динамических систем, направленное на нахождение взаимоприемлемых структурно-содержательных оснований и форм (часто компромиссного характера), способствующих формированию совместно созданных, согласованных и внутренне принятых состояний гомеостазиса (интерсубъективности, интерэкзистенциальности, био-психо-социального баланса и т.п.), обеспечивающих оптимальное сосуществование в условиях конкретного социального и природного окружения в рамках локального (зона ближайшего развития) пространства и времени и более отдаленной жизненной перспективы (зона отдаленного развития), детально описанного в ряде акцентированных публикаций [5; 6; 7; 8; 13].

Культурно-диалогический характер интердетерминистского взаимодействия проявляется в диалогической природе взаимодействия между элементами гетерогенной динамической системы, предполагающего диалогичность мышления, проявляющегося: во-первых, в безусловном принятии Другого, во-вторых, расширении горизонтов постижения, в-третьих, обретении нового качества взаимодействующими сторонами; в-четвертых, формировании общности, совместности (интерсубъективности, интерэкзистенциальности), способствующих взаимопониманию и скоординированному взаимодействию.

Per Linell формулирует основополагающие принципы развития диалогизма: 1) рассмотрение человеческого мышления как системы созидания значений; 2) подчеркивание роли других в приобретении знания в процессе формирования интересубъективности; 3) интерактивность (interactionism), проявляющаяся в том, что конструирование значений находится в прямой зависимости от взаимосвязей с другими; 4) контекстуальности, т.е. зависимости знания от контекста его обретения; 5) коммуникативного конструктивизма, проявляющегося в формировании реальности в процессе коммуникации с другими” [11].

Благодаря интересубъективности и интерэкзистенциальности становится возможным формирование разделяемых значений и переживаний, составляющих формирование той самой социальности, без наличия которой общество перестает быть таковым, трансформируясь в механическое единство обособленных особой гедонистического толка, организующихся и действующих по внешнему управлению той самой матрицы или Главноуправителя О. Хаксли [3]. Как отмечает И. Маркова, «Жизнь в мире других предполагает, что соавторы не только пытаются снять свои различия в коммуникации, но также признают друг друга как соавторов совместных идей; они спорят и борются за идеи; и они подтверждают свое участие в социальной реальности». И далее: «Диалогичность подразумевает контракт: отзывчивость и ответственность. Без говорящего не может быть слова - слова имеют свою историю. Не может быть слова без самого себя».

Темпоральная перспектива развития предполагает наличие возможностей выхода за пределы самое себя посредством столкновения с инакомыслием и альтернативными

решениями, обеспечивающими расширение горизонтов видения природы и специфики феноменологии человеческого бытия-в-мире в его природном, техногенном, кибер и социальном окружении. Презентация социокультурно-диалогической интердетерминистской метаперспективы создает, на авторский субъективный взгляд, возможности для включения критического мышления, следствием которого могут стать инсайты, приводящие к развитию социогуманитарного знания и углублению понимания сущности его феноменологии.

Литература

1. *Кастельс М.* Информационное общество. Экономика, общество и культура / пер. Б.Э. Верпаховский, А.Н. Субочев, Д.А. Тищенко. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. *Курицвейл Р.* Эволюция разума. Как расширение возможностей нашего разума позволит решить многие мировые проблемы. М.: Эксмо, 2015.
3. *Хаксли О.* О дивный новый мир // пер. О. Сорока. М.: AST Publishers, 2016.
4. *Харари Ю.* 21 урок для XXI века. М.: "Синдбад", 2019.
5. *Янчук В.* Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия // *Методология и история психологии.* 2018. Вып. 1. С. 124-154.
6. *Янчук В.* Культурно-диалогический интердетерминистский метаподход к анализу психологической феноменологии: теоретико-прикладные возможности // *Теоретичні дослідження у психології.* Том IV. Харьков: Монограф, 2018. С. 21-82.
7. *Янчук В.* Эпистемологический потенциал конструкта "культурно-диалогический интердетерминизм" // *История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей.* В 6 томах. Т. 3. Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии наук». 2018. С. 70-73.
8. *Янчук В.А.* Онтолого-эпистемологический потенциал конструкта «культурно-диалогический интердетерминизм» // *Философия и социальные науки в современном мире: материалы междунар. науч. конф. к 30-летию фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 сент. 2019 г.* / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Ф. Гигин (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 23-27.
9. *Янчук В.А.* Дезориентация в темпоральности и ее последствия для развития общества и человека: социокультурно-диалогическая интердетерминистская метаперспектива // *Южно-Российский журнал социальных наук.* 2019. Том 20(3). С. 136-152.
10. *Kirby A.* *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture.* New York: Continuum, 2009.
11. *Linell P.* *Rethinking Language, Mind, and World Dialogically.* Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2009.
12. *van Geert P.* *Que Sera, Sera: Determinism and Nonlinear Dynamic Model Building in Development* // *Fogel A., Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes* Psychology Press, 1997. pp. 13-38.
13. *Yanchuk V.* *The Theoretical and Empirical Foundations of the Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Metatheory of the Integration of Psychological Knowledge* // *Journal of Russian & East European Psychology.* 2018. Vol. 55. №2-3. pp. 241-286.

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И КОГНИТИВНЫХ НАУК

QUANTIFYING PROPORTIONALITY AND THE LIMITS OF HIGHER-LEVEL
CAUSATION AND EXPLANATION

Alexander Gebharter

Department of Theoretical Philosophy

University of Groningen

Email: alexander.gebharter@gmail.com

Markus I Eronen

Department of Theory and History of Psychology

University of Groningen

Supporters of the autonomy of higher-level causation (or explanation) often appeal to proportionality, arguing that higher-level causes are more proportional than their lower-level realizers. Recently, measures based on information theory and causal modeling have been proposed which allow shedding new light on proportionality and the related notion of specificity. In this paper, we apply ideas from this literature to the issue of higher vs. lower-level causation (and explanation). Surprisingly, proportionality turns out to be irrelevant for the question of whether higher-level causes (or explanations) can be autonomous while specificity is a way more informative notion for this purpose.

Keywords: higher-level causation, higher-level explanation, proportionality, specificity, autonomy

The status of higher-level causation is of key importance for many philosophical and scientific issues, including explanation in the special sciences, mechanistic explanation, emergence, non-reductive physicalism, and mental causation. The question is whether higher-level properties can in some sense be causally autonomous or indispensable with regard to their lower-level realizers, or whether genuine causation can only take place at lower (physical) levels. Sometimes the issue is also formulated in terms of whether causal explanations are better or preferable: should we always prefer lower-level causal explanations when they are available, or are there situations or structures where higher-level causal explanations are better? On the one hand, emergentists and non-reductive physicalists (or non-reductively minded philosophers or scientists in general) argue that higher-level causes are at least sometimes autonomous, indispensable, or preferable. On the other hand, reductionists argue that lower-level causes (or explanations) always trump higher-level causes (or explanations), and that appeals to higher levels are only needed for pragmatic reasons.

One important strategy for non-reductionists, going back at least to Yablo (1992), has been to appeal to proportionality to argue that higher-level causes can be autonomous (see, e.g., List & Menzies, 2009; Menzies & List, 2010; Schoemaker, 2000; Zhong, 2014), or provide better or equally good explanations than lower-level causes (see, e.g., McLaughlin, 2007; Weslake, 2013; Woodward, 2010, 2018). The idea is roughly that the causes should be somehow commensurate to their effects. The standard example is from Yablo's (1992): A pigeon is conditioned to peck at red objects. When presented with a scarlet ball, it pecks at the ball. Was the pecking caused by the ball being scarlet, or by the ball being red? Intuitively, it seems the ball being scarlet is too fine-grained as a cause, and that the redness of the ball is a more proportionate cause. Similarly, it can be argued that higher-level causes (e.g., mental states) are more proportionate than the lower-level causes (e.g., neural states) that realize them.

Although the idea of proportionality is quite intuitive, it has turned out to be difficult to spell out in a way that is clear and consistent. Many authors have also argued that it is a problematic or ill-defined notion that is not helpful for defending higher-level causation (see, e.g., Bontly, 2005; Franklin-Hall, 2016; McDonnell, 2017). However, in recent years advances in the causal modeling literature have led to opportunities to precisely define proportionality and the related notion of

specificity. Several authors have proposed to characterize proportionality or specificity based on information theory (see, e.g., Bourrat, 2019; Griffiths et al., 2015; Pocheville, Griffiths, & Stolz, 2017). In this talk, we draw from this literature and apply ideas about how to quantify proportionality and specificity to the philosophical debate about higher-level causation. Based on these measures, we analyze causal structures involving higher- and lower-level causes, and draw several interesting conclusions:

(1) There are indeed cases where higher-level properties are more causally proportional than their lower-level realizers, but

(2) how common they are is a purely empirical question.

(3) Proportionality is irrelevant for the autonomy of higher-level causation (or explanation). It is not a good indicator for the causal powers or causal influence of a variable, and cannot be used to support the autonomy of higher-level causes.

(4) Higher-level causal explanations cannot provide information about the effects that goes beyond the information provided by the lower-level realizers, but can still be autonomous in the weak sense that they are not worse than explanations provided by the lower-level realizers.

In this talk, we assume an interventionist approach to causation. This approach has two strands. The more philosophical strand, developed by Woodward (2003), analyzes causation in terms of interventions. The basic idea of this approach is that a variable C is causally relevant for another variable E if there are possible interventions on C that would lead to a change in E. Interventions can be roughly understood as ideal experimental manipulations that change C without influencing any other causes of E (for details, see *ibid.*, sec. 3.1.3 and 3.1.4). In our analysis, we apply the more general and more formal framework of causal Bayes nets (Pearl, 2000; Spirtes, Glymour, & Scheines, 2000), where causal structures are represented as causal graphs that are based on conditional independence relationships between variables.

Similarly, when we rely on the interventionist approach to explanation and explanatory power. According to this approach, explanatory power is a matter of providing answers to what-if-things-had-been-different questions, also known as w-questions (Woodward, 2003; Woodward & Hitchcock, 2003; Hitchcock & Woodward, 2003). More precisely, a generalization is explanatory insofar as it can answer w-questions, and explanation A is better or more powerful than explanation B if it can answer a wider range of w-questions. To take a classic example, the ideal gas law is invariant under a certain range of interventions, but van der Waal's force law is invariant under all of those interventions plus a range of further interventions. For this reason, van der Waal's force law can provide answers to a broader range of w-questions and consequently has more explanatory power. We acknowledge that there are alternative accounts and further dimensions of explanatory power (Ylikoski & Kuorikoski, 2010), but in this talk we focus on the ability to answer w-questions, as it is a widely held and relatively well-defined account.

The structure of the report is as follows. After a short and more general introduction (part 1), we introduce the notions of proportionality and specificity in a more detailed way in part 2. In part 3, we discuss how to quantify proportionality and specificity based on recent literature and motivate the specific measures we will use in the remainder of the report. In part 4, we finally apply these measures to the issue of higher-level causation and explanation.

CRITERIA OF NATURALNESS IN CONCEPTUAL SPACES

Corina Strößner

Heinrich Heine University Düsseldorf

stroessner@phil.hhu.de

The theory of conceptual spaces is a frequently applied framework for representing conceptual content. One of its aims is to find criteria what makes a concept natural, that is, easy to process and cognitively useful. We discuss the benefits and limitations of the well-known criteria of convexity as well as the so-called criterion C and propose an extension of it.

Keywords: conceptual spaces, naturalness, convexity, quality dimensions, cognition, natural concept, natural property

According to the theory of conceptual spaces, concepts can be represented in spaces that are constructed along several quality dimensions (e.g., size or age). If these dimensions belong together like hue, saturation and brightness, they are called integral dimension and form a domain. For example, the above-mentioned dimensions of hue, saturation and brightness form the colour domain, where colours can be characterized as regions in the colour space. The general ambition of conceptual space theory is to represent and characterise concepts geometrically. The approach has two compelling advantages:

1) Being a formal theory, it can be fruitfully implemented in artificial intelligence and machine learning.

2) It fits well to psychological findings of the prototype theory that many categories have an internal structure of central (typical) members and peripheral (atypical) members.

One of the most important ambitions in the development of conceptual spaces was to distinguish *natural* concepts, which take a central role in cognition. For example, the colour term “green” denotes a natural concept, namely a colour property. The well-known term “grue” (green up to a certain point in time and blue afterwards), which Goodman (1955) made up, does not refer to a natural property. Only natural properties are projectible and can be used in inductive inferences like “Grass was previously green. Therefore, grass will be green tomorrow, as well”. Natural concepts are also cognitively and linguistically salient. They often enter the core lexicon of natural languages and they are learnt quite easily.

Conceptual spaces theory tries to capture naturalness of concepts by geometric and topological criteria. The most popular one is convexity: a region is convex if and only if, for any three points x , y and z : if x and z are in the region and y is between x and z , then y is in the region (closure under betweenness). In the writings of Gärdenfors, the convexity criterion is formulated in two different ways:

A *natural concept* is a convex region of a conceptual space (Gärdenfors 2004, 18).

A *natural property* is a convex region of a domain in a conceptual space (Gärdenfors 2000, 71).

The latter formulation, which we will call “property convexity”, is obviously less demanding than the former, which we call “concept convexity”. Property convexity is well supported by linguistic research (cf. Berlin and Kay 1969). Moreover, merely analytic arguments speak in favour of it: Jäger (2009) shows that, given some plausible background assumption, any language evolution will split domains in convex region.

However, for concept convexity, several difficulties arise. For example, if we consider a conceptual space for fruits, several domains need to be taken into account (shape, colour, taste, etc). It is not initially clear, how the domains are combined to a complex fruit space. One problem is that combined spaces are usually *not* Euclidean. They need other distance measures (cf. Johannesson 2002). Without a Euclidean distance measure, however, convexity is considerably less well supported. For example, closest neighbourhood matching (Voronoi tessellation), where one has a number of central instances (centroids) and categorises other items to the most similar one, leads by definition to convex regions for Euclidean spaces. Otherwise, however, the method leads to non-convex categories. (see Hernández-Conde 2017, Gärdenfors 2019). Some authors, for example Bechberger and Kühnberger (2017), suggest giving up convexity for spaces with multiple domains (e.g. age and size). To sum up, while property convexity is extremely plausible, the more general concept convexity is more complicated and less well confirmed

It is noteworthy that Gärdenfors proposed a different criterion of naturalness, besides convexity, for more complex concepts, namely *criterion C*:

A natural concept is represented as a set of regions in a number of domains together with assignment of salience weights to the domains and information about how the regions in different domains are correlated. (Gärdenfors, 2000, 105)

Criterion C doesn’t require that domain specific spaces are combined to larger conceptual spaces. One can represent concepts within low-dimensional and psychologically intuitive domains like the colour and the taste space. The problem of the criterion, however, is that it makes almost no restrictions on naturalness. With respect to criterion C, it seems, “apple” doesn’t do better than the concept “apple that was harvested by a young person”, though the latter seems rather unnatural, because it is specific without any obvious gain. The information on the age of the harvester doesn’t account for any other property this apple might have. This, we assume, makes the concept less natural.

Following this observation, we formulate and discuss an extension the following criteria of naturalness:

A natural concept is represented

- as a convex region in one domain, that is, a conceptual space with Euclidean metrics;

or

- as several regions in different domains which are strongly mutually correlated.

Humans can be, inter alia, represented via their shape, their life expectancy, social disposition and cognitive abilities. In some of these areas, they cover a very specific region that is only inhabited by humans. For example, their social skills (high tendency to cooperate etc) distinguish them from other animals. For other domains like life expectancy, the region is less specific but still quite restricted. Thus, a natural concept can be learned by their region in one or few domains and this allows directly inferring regions in other domains. For example, a human is easily identified by its shape and many other correlated properties can be inferred. A concept like “human born on a rainy Sunday”, on the other hand, includes information that neither entails the regions of other domains nor is entailed by them. To summarize, conceptual naturalness is their inferential potential (cf. Schurz 2012).

This hypothesis relates to other findings in philosophy and cognitive science. Rosch et al (1976) found that there is a certain level of generality, the so-called *basic level*, at which concepts are learned earliest and used with most cognitive ease. Our thesis marks can help to spell out the idea that they capture natural covariances best. At the same time, our approach relates to the characterisation of *natural kinds* as “carving nature at its joints”. Moreover, the thesis can account for findings of the so-called theory theory of concepts that children seek for an essential core in categories (e.g. Gelman 2003). In our framework, this can be explained as a case of common cause reasoning.

Литература

1. Bechberger, L. & K.-U. Kühnberger 2017. A Thorough Formalization of Conceptual Spaces. In G. Kern-Isberner et al. (eds.), KI 2017: Advances in Artificial Intelligence, 58–71.
2. Berlin, B & P. Kay, 1969 Basic color terms: Their universality and evolution
3. Gärdenfors, P. 2000. Conceptual Spaces: The Geometry of Thought.
4. Gärdenfors, P. 2004. Conceptual spaces as a framework for knowledge representation. *Mind and Matter* 2.2, 9-27.
5. Gärdenfors, P. 2019. Convexity is an empirical law in the theory of conceptual spaces: reply to Hernández-Conde. In M. Kaipainen et al (eds) *Conceptual Spaces: Elaborations and Applications*.
6. Gelman, S. 2003. The essential child: Origins of essentialism in everyday thought.
7. Goodman, N. 1955. Fact, Fiction, and Forecast.
8. Hernández-Conde, J. V. 2017. A case against convexity in conceptual spaces. *Synthese* 194(10). 4011–4037.
9. Jäger, G. (2010). Natural color categories are convex sets. *Amsterdam Colloquium LNAI*, 6042, 11–20.
10. Johannesson, M. 2002 Geometric models of similarity.
11. Rosch, E. et al. 1976. Basic objects in natural categories. *Cognitive Psychology* 8(3). 382–439.
12. Schurz, G. 2012. Prototypes and their Composition from an Evolutionary Point of View. In M. Werning et al. (eds.), *The Oxford Handbook of Compositionality*

КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК СПОСОБ ЕГО ИНТЕГРАЦИИ*

Виктор Дмитриевич Балин

Доктор психологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: viktorbalin@yandex.ru

В работе описан разрабатываемый автором подход к классификации психологического знания. Суть его состоит в том, что любое психологическое образование следует рассматривать в трех аспектах: как категорию,

* По результатам работы над проектом РГНФ № 14-06-00668 Разработка проблемы целостного человека в отечественной и мировой психологии(1960-2010)

как психическое явление и как атрибут, имеющий внутреннее содержание. Такое содержание имеет некоторую ценность. В итоге получается, что всю психологию можно разделить на три составные части: категориальная психология, психология психических явлений и содержательно-ценностная психология. В статье сравниваются предлагаемая система с таковыми, описанными в литературе.

Ключевые слова: классификация, категориальная психология, психология психических явлений, содержательно-ценностная психология

CLASSIFICATION OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE AS A WAY OF ITS INTEGRATION

Viktor D. Balin

*DSc in Psychology, Professor
Saint Petersburg State University
E-mail: viktorbalin@yandex.ru*

The article describes how the author developed an approach to classification of psychological knowledge. Its essence lies in the fact that any psychological building should be considered in three aspects: as a category, as a mental phenomenon and as an attribute having an inner content. This content has a certain value. The result is that the whole psychology can be divided into three parts: the categorical psychology, psychology of psychic phenomena and content-psychology of values. The article proposed the system compared with those described in the literature.

Keywords: classification, categorical psychology, psychology of psychic phenomena, content-psychology of values

Решение проблемы интеграции психологического знания перспективно только при создании классификации, охватывающей максимально возможное число явлений и условий их существования и делающей его обозримым.

Наиболее известные классификации психических явлений прошлого таковы: классификации Б. Г. Ананьева, В. А. Ганзена, Б. М. Кедрова, Я. А. Пономарев и др. (Ананьев, [1]; Ганзен, [2]; Кедров, [3;4]; Пономарев, [5]).

Основные недостатки многих классификаций могут быть сведены к двум: а) они не охватывают *все* психические явления, поскольку, б) выбраны не те основания, которые бы позволяли создать полную, но наглядную схему, учитывающую одновременно и сложность психологической реальности. Такое положение дел ведет к тому, в частности, что становится непонятным предмет исследования в психологии.

Потребность в создании более многомерной системы классификации психологического знания и психических явлений просматривается и в более поздних работах. Так, например, В. Е. Ключко и Э. В. Галажинский в своей книге «Психология инновационного поведения» рассуждают о многомерности психического как явления и как знания о нем. [6] Между прочим, о пятимерности психики говорил в свое время и А. Н. Леонтьев [7].

А. В. Юревич говорит о трех направлениях интеграции в психологии. Выделяются три фундаментальных направления: а) горизонтальное — основные психологические теории, психологические «империи» (бихевиоризм, когнитивизм, психоанализом и др.), каждая из которых предлагает свой образ психологической реальности; б) вертикальное — различные уровни объяснения психического: феноменологическое, физиологическое, физическое, социальное и др.; в) диагональное — академическая и практическая психология [8].

В предлагаемом С. Д. Смирновым сетевом подходе к проблеме интеграции знания в науке вообще и психологии в частности, (называемым «бутстрэпной» философией) заключена, по сути, также классификация психологического знания. Применительно к нашему случаю его идея состоит в следующем. Психология представляет собой сетевую структуру. В узлах этого сетевого образования находятся основные понятия (категории). Если посмотреть на это образование в одной проекции — это бихевиоризм, в другой — гештальтизм, в третьей — психоанализ и т. д. Но все имеющиеся подходы и направления в психологии равноправны и одинаково верны [9].

Существует тенденция рассматривать психологию только с позиций ее категорий (этот подход мы называем категориальной психологией, а ее экспериментальное воплощение — когнитивной). Такая тенденция ведет к «заужению» предмета психологии.

С точки зрения предлагаемого нами подхода, необходимо идти от основных атрибутов науки (частным случаем которых является понятие), критически посмотреть на сущность любого психологического атрибута, выяснить, что он собой представляет в самой своей основе. Нужно «расщепить» исходное понятие (атрибут) на составляющие. (Более подробно такой подход описан нами ранее [10]. В этом случае выясняется, что, как минимум, можно рассматривать любое психологическое понятие как общепсихологическую категорию, с одной стороны, и как психическое явление — с другой. Помимо этого, любое психическое явление обладает содержанием, имеющим свою цену. Иллюстрацией служит пример с магнитофонной лентой. Существование ленты возможно потому, что есть физические законы, опираясь на которые можно проводить запись информации. На ленте записана музыка или речь, что свидетельствует о том, что у нее есть содержание, которое имеет определенную ценность. Но это содержание позволяет решать некоторую задачу. Если это речь политического деятеля, то решается задача, обозначенная в его предвыборной программе, или излагается сама программа. Если на ленте записана музыка, например танцевальная, то решается задача организации досуга молодых людей, и т.п.

Таким образом, все содержание психологии можно свести к трем блокам.

Категориальная психология. Психика здесь — инструмент познания. Посредником в таком познании выступают категории. Видна связь с гносеологией и логикой. Состав категорий общей психологии имеет сложный состав и структуру. На сегодняшний день можно говорить о шести уровнях психологических категорий, связанных с общенаучными категориями:

- 1) общенаучные — (пространство-время, материя-энергия, информация.);
- 2) протопсихологические (порождающие) — действие, мотив, образ;
- 3) метапсихологические (связывают психологию со смежными дисциплинами, изучающими человека). Любая категория этого уровня есть сочетание протопсихологических категорий, расположенных каждая в своей последовательности: *Личность*: мотив-образ-действие; *Деятельность*: действие-мотив-образ; *Общение*: образ-действие-мотив);
- 4) макропсихологические — объем их значения совпадает с объемом психологической науки как целого: Образ, Действие, Мотив, Отношение, Переживание;
- 5) базисные — являются категориями только в случае рассмотрения их в определенной совокупности, исчерпывающе совпадающей с объемом и содержанием той или иной общепсихологической категории; сюда следует отнести формы психического отражения, психические явления, сознание, личность, деятельность, психическое развитие;
- 6) частные — категории, в совокупности составляющие базисные; здесь также можно выделить шесть уровней, как и для слоя базисных: а) память, эмоции, ощущения, мышление, восприятия, чувства и воля; б) психические процессы, психические состояния и свойства личности; в) переживание, познание и отношение; г) направленность, опыт, особенности психических процессов, темперамент, характер и способности; д) действие, цель, мотив; е) созревание и формирование, филогенез, антропогенез, общественно-историческое развитие, онтогенез психики.

Каждый из описанных шести уровней психологических категорий обозначает степень дифференцировки предмета исследования, отражаемого с помощью психики. Категории и явления сходятся только на уровне частных психологических категорий. Например, ощущение, восприятие и т. п. можно с одной стороны рассматривать как частные психологические категории, а с другой — как психические явления. В каждом из названных случаев надо использовать разные схемы анализа. Рассматривать понятия «категория» и «психическое явление» как синонимы нельзя.

Психология психических явлений. Психика — инструмент адаптации человека к среде. Сформировалась в эволюции. Все психические явления можно классифицировать по признаку принадлежности к одной из трех сфер: эндопсихике, мезопсихике и экзопсихике. *Эндопсихика* — ядро целостной психики. Здесь хранятся врожденные генетические программы, а также приобретенные при жизни навыки, привычки и т. п., формируются состояния, базовые эмоции, чувства и такая форма индивидуального сознания, как «Самость». Находится под преимущественным влиянием вегетативной нервной системы. Выполняет защитную функцию. *Экзопсихика* — внешний слой целостной психики. Управляет взаимодействием с окружающей

средой, синтезируя ее образ. Это ощущение, восприятие, представление, воображение, внимание и такой вид сознания, как мирознание. Находится под влиянием центральной нервной системы («психического мозга»). Биологическая функция — индикация свойств среды. *Мезопсихика* — средний слой целостной психики. Основная функция — совмещение возможностей организма с требованиями окружающей среды. Находится под преимущественным влиянием двигательной нервной системы. Содержит мышление, волю, речь и самосознание [11].

В границах данной схемы можно говорить и о четвертой психической сфере — *метапсихике*. Ее составляют социально-психологические явления.

В рассмотренном случае психическое выступает как явление, у которого имеются физиологические механизмы. У категорий физиологических механизмов нет. С другой стороны, психологию психических явлений не интересует и содержательная сторона психики.

Содержательно-ценностная (аксиологическая) психология. Психика имеет содержательный аспект. В этом смысле можно говорить о содержательной психологии. Психика (психическое) рассматривается также и как ценность. В основном данный аспект психики разрабатывается искусством и литературой. В границах психологии указанным направлением занимаются психосемантика, психология смыслов; многочисленные психологические практики имеют, в сущности, дело с психическим как ценностью, «обыгрывая» на разный манер содержательную сторону психического. В границах психологии искусства изучаются сюжеты, роли, амплуа, игры. Многие аспекты социальной психологии также имеют содержательный компонент.

При данном подходе, судя по всему, можно говорить и о тех же психических явлениях, но только в аспекте ценности их содержания. Наглядным примером ценностного подхода является классификация эмоций, созданная Б. И. Додоновым. Им описываются альтруистические, коммуникативные, глорические, практические, пугнические, романтические, гностические, эстетические, гедонистические и акизитивные эмоции [12].

Ценностью обладают ощущения, представления, мышление, воля и т. д. С ценностных позиций можно рассматривать характер, творчество, общение, знание, деятельность, а также здоровье, жизнь. К сожалению, в отечественной психологии данное направление плохо представлено.

Таким образом, предлагаемая классификация позволяет, как мы надеемся, некоторым образом упорядочить имеющееся психологическое знание. Здесь работает то правило, согласно которому для того, чтобы что-то объединить, это что-то надо сначала разделить, дифференцировать одно от другого, а затем собрать заново.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. 339 с.
2. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984. 176 с.
3. *Кедров Б.М.* Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1962. 412 с.
4. *Кедров Б.М.* О методологических вопросах психологии // Психологический журнал, 1982. Т.3., № 5 (часть первая). С. 3-12; № 6(часть вторая). С. 14-21.
5. *Пономарев Я.А.* Закон в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.
6. *Клочко В.Е., Галажинский Э.В.* Психология инновационного поведения. Томск: Томский государственный университет, 2009. 240 с.
7. *Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1979. №2. С. 313.
8. *Юревич А.В.* Психология и методология. М., 2005.
9. *Смирнов С.Д.* Чем грозит психологии отсутствие общепринятого определения ее предмета // Методология и история психологии. 2006. Т.1. Вып. 1.
10. *Балин В.Д.* Теоретическая психология. М., 2017. 247 с.
11. *Балин В.Д.* Психическое отражение. Элементы теоретической психологии. СПб: СПбГУ, 2001. 373 с.
12. *Додонов Б.И.* Эмоции как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ НЕЙРОФИЛОСОФИЯ И ПРОБЛЕМА ПРОЯСНЕНИЯ ТЕРМИНОВ

Павел Николаевич Барышников

*Доктор философских наук, доцент кафедры исторических, социально-философских дисциплин
востоковедения и теологии*

Пятигорский государственный университет

E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

В данной работе речь пойдет о методологических и философских основаниях нейровычислительного подхода в контексте определений вычислимости. Функциональное представление нервной системы как вычислительного устройства (несмотря на возраст «компьютерной метафоры») приносит ощутимые результаты в методологии когнитивных наук. Информационная обработка физических сигналов приобретает особые семантические свойства, которые представляет исключительный интерес для вычислительной философии сознания. Однако нейровычислительный подход испытывает ряд затруднений при использовании строгих определений критериев вычислимости в рамках биологических моделей. Предлагаемая работа посвящена анализу и классификации этих затруднений.

Ключевые слова: вычислительная философия сознания, компьютерная метафора, информационный реализм, психофизическая проблема

COMPUTATIONAL NEUROPHILOSOPHY AND THE PROBLEM OF CLARIFICATION OF TERMS

Pavel N. Baryshnikov

*DSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Historical,
Socio-Philosophical Disciplines of Oriental Studies and Theology*

Pyatigorsk State University

E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

This article will discuss the methodological and philosophical foundations of the neurocomputational approach in the context of the problem of computability definitions. The functional representation of the nervous system as a computing device (despite the old age of the “computer metaphor”) brings tangible results in the methodology of cognitive sciences. Information processing of physical signals acquires special semantic properties that are of exceptional interest for the computational philosophy of mind. However, the neurocomputational approach faces a number of difficulties in using rigorous definitions of computability criteria in biological models. The proposed research is devoted to the analysis and classification of these difficulties.

Keywords: computational philosophy of mind, computer metaphor, informational realism, mind-body problem

Если проблему сознания (как когнитивного, так и феноменального) выводить из физикалистской онтологии, то устройство нервной системы и мозга становится нетривиальным философским объектом. В чем состоит специфика нейровычислительного подхода в философии? Г. Пичинини и С. Бахар предлагают рассмотреть с позиций нейрофилософии пять ключевых тезисов, демонстрирующих эволюцию теоретических взглядов на нейрокомпьютинг [1]:

1. *Нервная система – это система ввода / вывода сигналов.* Очевидная слабость этого бихевиористского утверждения состоит в том, что никак не проясняется процесс обработки сигналов стимулов (принцип черного ящика).

2. *Нервная система – это функционально организованная система ввода / вывода сигналов.* Тезис более сильный, чем предыдущий, на основании того, что нервная система причисляется к особому типу физических объектов, обладающих функциональной организацией. При этом данная система может не осуществлять вычисления наравне с кардиостимуляторами и датчиками движения.

3. *Нервная система – это функционально организованное устройство ввода / вывода сигналов, осуществляющее контроль обратной связи.* Усиление тезиса происходит за счет признания того, что входящие стимулы теперь поступают не только от внешней среды, но и от самого организма, куда направлены выводные сигналы.

4. *Нервная система – это функционально организованное устройство ввода / вывода сигналов, осуществляющее контроль обратной связи и информационную обработку.* Этот тезис усиливает предыдущий за счет объяснения средств, которыми нервная система осуществляет контроль обратной связи. Термин «информационный» в данном контексте выступает в двояком значении: 1) в коммуникационном значении (модель Шеннона-Уивера) – как статистическая взаимосвязь между отправителем и приемником сигнала [2]; 2) в значении «естественной семантической информации», суть которого сводится к тому, что сигнал имплицитно подразумевает естественную информацию о природе своего источника [3]. Оба значения взаимосвязаны между собой, т.к. естественная семантическая информация реализуется за счет физически исполняемой статистики информационного канала между источником и приемником. Если признать, что ментальная репрезентация есть следствие обработки естественной семантической информации, тогда у термина «информационная обработка» появляется третье значение – обработка «не-естественной семантической информации», т.е. контекстуальной семантики, не связанной со свойствами источника сигнала. «Сигнал несет не-естественную семантическую информацию об X тогда и только тогда, если X представлен в некоторой форме, не зависящей от природы самого X» [1, 456]. То есть ментальная репрезентация может нести семантическую информацию о ложных или несуществующих объектах.

5. *Нервная система – это вычислительная (компьютерная) система.* Данный тезис вызывает ряд вопросов, которые не служат усилению предыдущей линии аргументации. Результатом данного тезиса должен быть постулат о том, что нервная система должна являться вычисляющей физической системой. Но при этом биологическое вычисление возможно без тех процессов, которые описываются в пунктах 1-4. Вычисление также не влечет за собой с необходимостью ни контроль обратной связи, ни информационную обработку. Проблема усугубляется тем, что понимание физической нервной системы как вычислительной системы требует принятия двух принципов вычисления: аналогового и цифрового. Эти два принципа задают свойства порождающего вычисления.

Необходимо дать некоторые уточнения относительно порождающего вычисления. Порождающее вычисление представляет собой обработку информации, исходящей от среды (с постоянно изменяемыми свойствами), в соответствии с правилами, чувствительными к свойствам среды. Правило в данном случае – это преобразование сигналов ввода в сигналы вывода. Само правило может быть не репрезентировано в вычисляющей системе. Обработка осуществляется за счет функционально организованной системы. То есть это механизм, компоненты которого функционально организованы так, чтобы обрабатывать информацию, исходящую от среды в соответствии с релевантными правилами. Таким образом, вычисление может включать в себя всю иерархию определений нервной системы.

Однако сторонникам нейрофилософского подхода, утверждающим, что биологическая природа нейронов мозга и нервной системы человека обладает вычислительными свойствами [4], приходится сталкиваться с методологическими трудностями. Все многообразие затруднений нейрофилософии мы свели к трем пунктам:

Во-первых, до сих пор не прояснена вычислительная архитектура когнитивных процессов. На протяжении полувека ведутся споры о классическом секвенциальном типе вычислимости, алгоритмическом типе вычислимости и о вычислимости тьюринговского типа в контексте когнитивных функций биологических организмов [5].

Во-вторых, если принять определение, что физическая система является цифровой вычислительной физической системой, и это можно принять тогда и только тогда, если это функционально организованная система, предназначенная для манипуляции последовательностями символов (digits), зависящей от типа символов и их расположения в ряде последовательностей, в соответствии с формальными правилами, зависящими от внутренних состояний системы, [6, с.1] то ни одна биологическая система не может считаться полноценным цифровым вычислителем.

В физических биологических системах не выявлены однородные элементарные символы, последовательность которых выражалась бы в битах. В биоинформатике и нейрокибернетике с помощью компьютерных моделей в теоретических и практических целях обрабатываются

огромные массивы данных. В самих биологических системах присутствуют нелинейные динамические процессы, мутационные шумы, нестабильные состояния и т.п. Вычислительные функции клетки намного превосходят по степени сложности цифровое устройство: «Совокупность внешних сигналов (локальная концентрация различных факторов) определяет переход клетки в одно из квазистационарных состояний, которых может быть несколько десятков в зависимости от типа клетки. Например, клетка может под воздействием пролиферативных сигналов (*сигналов, запускающих процессы деления – П.Б.*) выйти из состояния относительного покоя и перейти к началу деления, под влиянием других факторов перейти к фазе окончания деления, под воздействием третьих факторов перейти в состояние покоя или наоборот снова вступить в фазу деления» [7].

В-третьих, возникает проблема чисто философского плана. Условно эту проблему можно обозначить как проблему «черного ящика». Если доказать, что биологическая материя вычисляет и построить конечный алгоритм этих вычислений, то в этом алгоритме не будет содержаться ничего, что определяло бы каузальную связь между вычисляющей материей и феноменальными свойствами сознания. Перспектива от первого лица требует абстрактных «интерфейсов вывода», таких как поведение, коммуникация, язык. Функциональные состояния сложно организованной материи, которые меняются в зависимости от поступающей информации «на входе», ничего не сообщают о свойствах информации «на выходе», при том, что семантическая информация загадочным способом преобразует физический сигнал в содержание ментальной репрезентации.

Литература

1. *Piccinini G., Bahar S.* Neural Computation and the Computational Theory of Cognition. // *Cogn Sci.* №3. (vol. 3). 2013. P. 453–488.
2. *Pierce J.R.* An introduction to information theory. Symbols, signals & noise. 2., rev. ed. New York: Dover Publ. 1997. URL: <http://www.worldcat.org/oclc/838414847>.
3. *Grice H.P.* Meaning // *The Philosophical Review.* № 66. vol. 3, 1957. P. 377–388.
4. *Churchland P.M., Sejnowski T.J.* The Computational Brain, Cambridge: MA: MIT Press/Bradford Books. 1992. 544 p.
5. *Резникова Ж.И.* Современные подходы к изучению языкового поведения животных / Разумное поведение и язык. Коммуникативные системы и животных и язык человека. Проблемы происхождения языка / под ред. Т.В. Черниговской, А.Д. Кошелева. Вып. 1. М.: Языки славянских культур. 2008. С. 293–337.
6. *Cyber-Physical Systems - Are Computing Foundations Adequate?* / Ed. Edward Lee, NSF Workshop On Cyber-Physical Systems: Austin, TX. October 16-17, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://ptolemy.berkeley.edu/publications/papers/06/CPSPPositionPaper/>
7. *Александров А.А.* Биоинформатика: общие сведения // База знаний по биологии человека [Электронный ресурс] URL: <http://humbio.ru/humbio/bioinformatica/00000a3d.htm>

УСТАНОВКИ НА ПОЛУЧЕНИЕ ЗНАНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ЕГО ВИДЫ

Наталья Александровна Блохина

Кандидат философских наук, доцент

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

E-mail: n.blokhina_77@mail.ru

Спецификой аналитической философии является онто-методологический синкретизм. Приверженность той или иной методологической установке определяет и вид аналитического знания. Философы-аналитики чаще всего ориентировались на натуралистическую, лингвогенную и метафизическую установки. В рамках натурализма в аналитической философии можно выделить знание, которое исходит из доверия либо здравому смыслу (философия здравого смысла), либо естествознанию (научный реализм). В рамках лингвогенной установки существуют (1) философия обыденного языка, в которой доминирует

концептуальный анализ; и (2) философия идеального языка, которая представлена двумя направлениями АФ – формальной семантикой и логическим конструктивизмом. Оба эти направления опираются на логический анализ языка. Метафизическая методологическая установка нацелена на выявление либо особого вида реальности и его структуры, либо особых познавательных возможностей для такого выявления. В результате метафизическое знание представлено двумя основными линиями философствования – линией Аристотеля и линией Канта.

Ключевые слова: аналитическая философия, онто-методологический синкретизм, натуралистическая, лингвогенная, метафизическая установки на получение знания

ANALYTIC PHILOSOPHY COMMITMENTS TO KNOWLEDGE AND ITS KINDS

Natalya A. Blokhina

CSc in Philosophy, Associate Professor

Yesenin Ryazan State University

E-mail: n.blokhina_77@mail.ru

Onto-methodological syncretism is the chief principle for analytic philosophy. Methodological orientation forms the basis for the kind of analytic knowledge. Analysts have been largely tended to naturalistic, lingvogenetic, metaphysical knowledge commitments. In the naturalist framework, we can pick out knowledge which reposes trust either in common sense (common sense philosophy) or natural science (scientific realism). In the lingvogenetic methodological framework, there are (1) ordinary language philosophy with the domination of conceptual analysis; and (2) the philosophy of ideal language which is represented by two analytic philosophy trends – formal semantics and logical constructivism. Both of these trends are based on the logical analysis of the language. Metaphysical methodological orientation aims at revealing either the specific kind of reality and its structure or the specific cognitive abilities for such a revealing. As a result, metaphysical knowledge is represented by two lines of philosophizing – the line of Aristotle and the line of Kant.

Keywords: analytic philosophy, onto-methodological syncretism; naturalistic, lingvogenetic, metaphysical knowledge commitments

Под методологической установкой на получение знания мы понимаем априорное убеждение в (или аксиоматически принимаемое предположение о) том, *какого рода сущности* составляют онтологическую картину исследуемой нами реальности. Философы-аналитики чаще всего оказывались приверженцами лингвогенной, натуралистической и метафизической методологическим установкам.

Всеми признаваемой методологической установкой на источник знания в АФ выступает лингвогенная установка. Согласно этой установке, единственным источником исследования выступают языковые высказывания и другие лингвистические сущности, и потому направления АФ будут определяться видами анализа языка – концептуального, логического, лингвистического. И тогда мы согласимся с Глоком [1. С. 217], что основными направлениями АФ будут (1) философия обыденного языка (или «философия стандартно используемого языка»), в котором доминирует концептуальный анализ; (2) философия идеального языка, которая представлена двумя направлениями АФ – формальной семантикой и логическим конструктивизмом. В последних двух направлениях АФ используется логический анализ.

Однако, как отмечал Питер Хакер[2], акцент на анализе языка оставался *доминантным* в АФ только на определённом отрезке её развития – в 30-е –60-е гг. прошедшего столетия. Этот период можно условно назвать эрой Витгенштейна. Попытки построения идеального языка науки в «Логико-философском трактате» и отыскания единого концептуального каркаса для целей научных изысканий логическими эмпириками были ими же самими раскритикованы. Концептуальный, а позже и логический анализ естественного языка также пережили расцвет в Оксфордской школе анализа обыденного языка и стали затухать, становиться менее востребованными.

Но и начальный этап АФ не был тотально лингвогенным. По мнению А. Престона, по крайней мере, один канонизированный аналитик – Дж. Мур – в 1942 году отверг лингвистическую интерпретацию своей философии[6].

В АФ постоянно существовала, явно или неявно, установка на исследование философских проблем не только сквозь призму языковых высказываний. Эта установку можно назвать натуралистической. Натурализм всегда исходил из доверия здравому смыслу (философия здравого смысла) и доверия науке (научный реализм). Скот Соумс связывает появление натуралистического направления в АФ с идеями Куайна. Выделив в развитии АФ четыре этапа, Соумс связывает третий этап с осмыслением проблем, с которыми столкнулись логические эмпирики, и с образования двух групп исследователей: одной под руководством Куайна, другой – под руководством Витгенштейна, Райла, Остина и Грайса. Первая группа нацелилась на то, чтобы отбросить понятие необходимости, априорности и понимание философии как лингвистического анализа. Они стремились подчеркнуть постоянную связь философии с наукой [5, р.39–40]. Вторая группа продолжила трактовать философию как анализ языка, но не только логическими средствами[5, р. 40]. Эти философы (обыденного языка) «продолжили отождествлять эпистемические и метафизические модальности с лингвистическими модальностями» [5, р. 45]. Куайн же со своими последователями, сохранив научный дух логических эмпириков, поставил под сомнение актуальность для философии проблем интенциональности и интенциональности, а также проблемы значения, референции и аналитичности.

Связывал Соумс отход аналитиков от лингвистического анализа и с именем Сола Крипке. Он писал, что автором проекта философского анализа, порывавшего с «доминированием лингвистической модели как источника всякого философского теоретизирования», оказался и Сол Крипке[4, р. 218]. По времени постепенный уход аналитиков от увлечения анализом языка совпал с возрождением метафизической установки на поиск источников знания. Во второй главе нашего исследования мы покажем, какие конкретные идеи Куайна, Армстронга и его идейных союзников, а также Маркус и Крипке этому способствовали.

Возникает соблазн вслед за рядом исследователей (Р. Рорти, П. Хакером) провозгласить, что с возникновением натурализованной эпистемологии Куайна аналитическая философия вступает в постаналитический период. Лингвистический поворот сменяется натуралистическим поворотом (в нашей терминологии, лингвистическая установка сменяется натуралистической установкой на источники знания). Однако такое простое решение вопроса противоречит тому факту, что, несмотря на доминирование лингвистического анализа на первых трёх этапах АФ, даже на четвёртом этапе с его отказом от него и возвратом к ряду традиционных философских проблем[5, р. 39–40], лингвистический анализ продолжает применяться. При этом все три направления, о которых говорит Глок – философия обыденного языка, формальная семантика и логический конструктивизм успешно сосуществуют. Просто «вера в то, что язык является сердцем философии, окончательно умирает и язык вновь становится одним из многих объектов философского исследования» [5, р. 45].

На наш взгляд, и это не оригинальная точка зрения, натуралистическая установка в АФ проявилась гораздо раньше, ещё до Куайна. Ещё в 1936 году Эрнст Нагель отмечал, что существенной чертой «европейской аналитической философии» является её *склонность к «натурализму здравого смысла», который принимает за само собой разумеющееся открытия естественных наук* (цит. по: [3, р. 100]). Скот Соумс указывал, что на первом этапе развития аналитической традиции язык был «одновременно и объектом изучения и, благодаря го связи с новой логикой, многоцелевым орудием для занятий традиционной философией» [5, р. 34]. Это «многоцелевое орудие» использовалось не только для изучения логики и математики, но и установок здравого смысла о существовании внешнего мира.

Третьей методологической установкой на получение знания является метафизическая (или трансцендентальная) установка. Этой установке соответствует метафизический вид анализа, выявляющий исходные предпосылки суждений. Метафизический анализ называют ещё редуктивным или новоуровневым и он направлен на выявление новой реальности. И сама установка на внеопытные (априорные) источники получения знания по-разному воспринималась аналитиками на основных этапах аналитического движения.

Помимо трёх обозначенных методологических установок на получение знания – лингвогенной, натуралистической и метафизической, существуют и другие установки.

К таковым относятся теологическая, прагматистская, феминистская, др. В рамках каждой из них сформировалось соответствующее аналитическое направление.

Литература

1. *Glock H.-J.* P.F. Strawson: ordinary language philosophy and descriptive metaphysics. In: *Analytic Philosophy: an Interpretive History* / Ed. by Aaron Preston. N.-Y.: Routledge, 2017. P. 214–228.
2. *Hacker P.M.S.* Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy. Oxford: Blackwell, 1996. 368 p.
3. *Sluga H.* What has history to do with me? Wittgenstein and analytic philosophy // *Inquiry*. 1998. №41. P. 99–121.
4. *Soames S.* Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Volume 2. The Age of Meaning. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. 479 p.
5. *Soames S.* The changing role of language in analytic philosophy. In: *Analytic Philosophy: An Interpretive History* / Ed. by A. Preston. N.-Y., L.: Routledge, 2017. P. 34–51.
6. *Шохин В.К.* Что же всё-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревиизионизма» // *Вопросы философии*. 2013. №11. С. 137–148.

НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫМ АКТАМ И ЭЛИМИНАЦИЯ МЕНТАЛЬНОЙ СУБСТАНЦИИ*

Сергей Михайлович Левин

*Кандидат философских наук, доцент департамента социологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
в Санкт-Петербурге
E-mail: slevin@hse.ru*

В данной статье показывается, как и почему нейробиологический подход к интенциональным актам элиминирует ментальную субстанцию из онтологии. Эксперименты в стиле Либета проблематичны для дуалистов из-за того, что с их точки зрения инициация свободных и каузально необусловленных действий должна носить сознательный характер. Осознанное решение является тем моментом, в который ментальное производит в физическом мире события, не вытекающие из прошлых состояний мира и физических законов. Научные доказательства того, что на основе исследований нейронной активности мозга можно предсказывать спонтанные решения людей за несколько секунд до их реализации, а также строить исчерпывающие объяснительные модели наших решений на языке нейробиологии, подрывают идею того, что именно нефизическая субстанция оказывается первопричиной наших свободных действий.

Ключевые слова: интенциональные акты, философия сознания, свобода воли, дуализм

NEUROBIOLOGICAL APPROACH TO INTENTIONAL ACTS AND ELIMINATION OF MENTAL SUBSTANCE

Sergei M. Levin

*CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology
National Research University Higher School of Economics
E-mail: slevin@hse.ru*

This article shows how and why the neurobiological approach to intentional acts eliminates the mental substance from ontology. Libet-style experiments are problematic

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-311-20004 «Эпистемологический потенциал функционального и нейробиологического подходов к исследованию интенциональных актов».

for dualists because, from their point of view, the initiation of free and causally undetermined actions must be conscious. The conscious decision is the moment when the mental produces events in the physical world that do not follow from the past states of the world and physical laws. The scientific evidence that it is possible to predict people's spontaneous decisions a few seconds before their realization and to build comprehensive explanatory models of our decisions in the language of neurobiology undermines the idea that it is a non-physical substance that is the root cause of our free will.

Keywords: intentional acts, philosophy of mind, free will, dualism

В данной статье показывается, как и почему нейробиологический подход к интенциональным актам элиминирует ментальную субстанцию из онтологии. Согласно субстанциальному дуализму (далее «дуализм») существует две принципиально несводимые друг к другу субстанции: ментальная и физическая. Речь идёт о так называемой «официальной доктрине» [1] как она обычно представлена в аналитической философии [2] и теологии [3] без претензии на то, что именно так думал сам Декарт. Дуалисты полагают, что мыслительные операции, субъективные переживания, намерения что-то сделать – это манифестации ментальной субстанции. История таких субстанций состоит из череды ментальных событий, которые либо постепенно угасают, либо вызывают другие ментальные события, либо приводят в движение тело человека. Ментальные события вызываются либо другими ментальными событиями, либо физическими событиями в теле. Для дуалиста всякий интенциональный акт онтологически фундирован в ментальном и должен предвзвешивать всякое движение нашего тела, чтобы такое действие могло быть приписано его автору и считалось свободным.

Дуалисты в вопросе о свободе воли придерживаются либертарианских взглядов [4, р. 40–52], которые вкратце можно описать в виде двух тезисов: 1) свобода воли есть, 2) мир индетерминирован, то есть события происходят не с необходимостью, а носят вероятностный характер. Либертарианцы отрицают каузальный детерминизм, который рассматривается как главная угроза свободе воли, так как означает, что каждое действие с необходимостью вытекает из прошлых состояний агента и мира. Дуалистическое решение данной проблемы предполагает прежде всего включение в онтологию особого агента, который способен создавать каузальные связи, отличные от каузальных связей между событиями [5, р. 24–29]. Ключевым отличием между двумя типами причинно-следственных связей является то, что каузальные связи между событиями сводятся к тому, что они, подобно падающим костяшкам домино, вызывают новые события, но не являются причиной, полностью обуславливающей любое событие из цепи. Напротив, агент, который не детерминирован физическими событиями, происходящими в его мозге, сам может создавать новые цепи событий. Иными словами нематериальная субстанция дает агентам способность самостоятельно инициировать новые причинно-следственные цепочки, и в полной мере обуславливать свои поступки.

Приведенное дуалистическое понимание свободного действия противоречит нейробиологическому подходу к интенциональности, в основе которого лежит допущение о том, что узнать, как именно люди принимают решения, можно из активности определенных нейронных сетей. Дуалистические представления о существовании ментальной субстанции, как об инициаторе свободных действий, ставятся под сомнение рядом исследований, которые описывают, как процесс принятия решений реализуется в мозге. Первый эксперимент был проведен Б. Либетом [6] и показал, что решение на нейронном уровне сформировано до того, как испытуемый это осознает. Аналогичный по цели эксперимент был проведен [7, р. 543–545]. Данное исследование показало, что такие предсказания, сделанные на основе электромагнитных сигналов мозга, возможны и потенциал готовности формируется за 700-1000 миллисекунд до сознательного принятия решения.

Если факт предсказания может показаться кому-то недостаточным для отказа от дуалистических взглядов, то можно обратиться к более сложному эксперименту, который заключается в решении задания о случайно движущихся точках и считывании нейронной активности в процессе решения [8,9]. Перед испытуемыми находился экран с точками, движущимися в разных направлениях, задачей являлось распознавание направления движения большинства точек, итоговое решение демонстрировалось переводом взгляда в соответствующую сторону. В данном задании активируются три области мозга: средняя теменная доля (MT), внутримышечная борозда (LIP), моторные нейроны. Визуальная информация с сетчатки глаза попадает сначала в среднюю теменную долю, нейроны которой

способны распознавать движение в разных направлениях. На данном этапе происходит аккумуляция данных визуальной стимуляции, далее в виде электромагнитных сигналов она переходит во внутритеменную борозду. Нейроны получают информацию о количестве сигналов в секунду, которые производятся нейронами средней теменной борозды, чувствительными к движению в разных направлениях, сравнивают их количество и выбирают верное направление (если «правосторонние» нейроны производят больше разрядов, то активность нейронов внутритеменной борозды, формирующих решение посмотреть направо, будет выше, чем нейронов, собирающих доказательства за противоположное решение). Активность мозга постепенно возрастает, пока наконец не достигает порога принятия решения - такого количества электрических разрядов, которое распознается другими областями мозга, как готовое решение, которое далее транслируется моторным нейронам, которые переводят взгляд в нужном направлении.

В отличие от экспериментов, предсказывающих решение заранее, еще до того, как сам агент его осознал, данный эксперимент представляет собой описание или модель того, как решение поэтапно и полностью формируется в мозге. Дуалист может возразить, что Декарт утверждал, что простые решения, рефлексy, происходят без вмешательства ментальной субстанции, но подобная модель, может применяться для решения более сложных задач, например, временного дисконтирования, механизмов определения субъективной полезности и финансового риска [10] или решения моральных дилемм [11]. Для того, чтобы опровергнуть данную модель, дуалист не просто должен заявить, что ментальная субстанция инициирует наши действия, но и показать, в какой момент это происходит. А это крайне затруднительно, ведь диффузная модель не абстрактно постулирует, что одни физические события в мозге вызывают другие события, а дает исчерпывающие объяснения процессу выбора на каждом из этапов. На исследования Либета можно было бы возразить, что простое предсказание на основе деятельности нейронов не исключает возможности того, что ментальная субстанция участвует в наших действиях, останавливая то, что уже началось как физический процесс. Модель же взаимодействия разных нейронных сетей, направленного на решение задачи, полностью и детально описывает процесс принятия решения в физических терминах на каждом этапе и не оставляет места для вмешательства нематериальной субстанции.

Литература

1. *Райл Г.* Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 408 p.
2. *The Blackwell companion to substance dualism / ed. Loose J.* Hoboken: Wiley, 2018.
3. *Farris J.R.* The soul of theological anthropology: a Cartesian exploration. New York: Routledge, 2016. 198 p.
4. *Kane R.* A Contemporary Introduction to Free Will. Oxford University Press, 2005.
5. *Chisholm R.* Human Freedom and the Self // Free Will / ed. Kane R. Blackwell, 1964.
6. *Libet B.W.* Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // Behavioral and Brain Sciences. 1985. Vol. 8, № 4. P. 529–66.
7. *Soon C.S. et al.* Unconscious determinants of free decisions in the human brain // Nat Neurosci. 2008. Vol. 11, № 5. P. 543–545.
8. *Gold J.I., Shadlen M.N.* The neural basis of decision making // Annu. Rev. Neurosci. 2007. Vol. 30. P. 535–574.
9. *Shadlen M.N., Newsome W.T.* Neural basis of a perceptual decision in the parietal cortex (area LIP) of the rhesus monkey // J. Neurophysiol. 2001. Vol. 86, № 4. P. 1916–1936.
10. *Kuhnen C.M., Knutson B.* The neural basis of financial risk taking // Neuron. 2005. Vol. 47, № 5. P. 763–770.
11. *Greene J.D. et al.* The Neural Bases of Cognitive Conflict and Control in Moral Judgment // Neuron. 2004. Vol. 44, № 2. P. 389–400.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЗНАНИЯ: ПРОЕКТИВНАЯ ТЕОРИЯ И ТРЁХАСПЕКТНЫЙ (НЕЙТРАЛЬНЫЙ) МОНИЗМ АЛЬФРЕДА ПЕРЕЙРЫ

*Юлия Владимировна Логиновская
Томский государственный университет
E-mail: urucel@yandex.ru*

Междисциплинарные исследования сознания философов, нейрочёных и других исследователей, столь актуальные в настоящее время, проводятся с целью создания полноценной теории сознания. Среди множества подходов к онтологии сознания, в данной работе рассматриваются концепции трёхаспектного (нейтрального) монизма, а также «проективная теория сознания» Альфреда Перейры. А. Перейра обозначает три необходимых условия существования сознания: а) основание реальности, рассматриваемое как универсальное поле потенциальности (в Аристотелевском смысле), охватывающее все возможные проявления, материальные или ментальные; б) переходная зона, ведущая к актуализации форм; в) проявленный мир с его фундаментальными делениями на материальные, информационные и квалиа-аспекты. Цель настоящего исследования – познакомить русскоязычную аудиторию с новыми концепциями и проанализировать их. Новый ракурс рассмотрения проблемы сознания может представлять интерес для дальнейших исследований.

Ключевые слова: сознание, проекция, нейтральный монизм, онтологическая структура, поле потенциальности

CONTEMPORARY APPROACHES TO THE CONSCIOUSNESS STUDY: THE PROJECTIVE THEORY OF CONSCIOUSNESS AND TRIPLE-ASPECT (NEUTRAL) MONISM OF ALFREDO PEREIRA JR.

*Y.V. Loginovskaya
Tomsk State University
E-mail: urucel@yandex.ru*

Interdisciplinary studies of the consciousness of philosophers, neuroscientists and other researchers are carried out nowadays to create a complete theory of consciousness. Among many approaches to the ontology of consciousness, in this paper, we consider the concepts of three-aspect (neutral) monism as well as Alfred Pereira's "projective theory of consciousness". A. Pereira defines three necessary conditions for the existence of consciousness: a) the basis of reality regarded as a universal field of potentiality (in the Aristotelian sense) encompassing all possible manifestations, material or mental; b) the transition zone leading to the actualization of forms; c) the manifested world with its fundamental divisions into material, informational and qualia-aspects. The purpose of this study is to introduce new concepts to the Russian-speaking audience and analyze them. A new perspective on the problem of consciousness may be useful for further research.

Keywords: consciousness, projection, neutral monism, ontological structure, field of potentiality

Междисциплинарные исследования сознания, столь актуальные в настоящее время, проводятся с целью создания полноценной теории сознания. Возникают новые подходы к проблеме онтологического статуса сознания, выдвигаются решения «трудной» и «лёгкой» проблемы сознания», предпринимаются попытки найти нейронные корреляты сознательной деятельности в мозге [1, С. 103].

В данной статье представлены новые концепции «проективной теории сознания», трёхаспектного и нейтрального монизма, предложенные в работах Альфреда Перейры младшего, бразильского философа и учёного (научные интересы: когнитивные науки, нейронауки, теория систем, философия науки, философская психология). Публикации А. Перейры (2010-2018 гг.) доступны в основном на английском и португальском языках,

поэтому они пока малоизвестны в России, но обсуждаемы на Западе [2, 3, 4, 5, 6]. Подход А. Перейры – междисциплинарный, в нём предлагается свежий взгляд на онтологическую проблему сознания, что составляет актуальность и новизну предлагаемой работы.

В западных исследованиях выделяются несколько подходов к сознанию, различающихся по его онтологическому статусу. Онтологический критерий позволяет определить фундаментальные основы и меру соотношения сознания и реальности. В зависимости от выбранной точки зрения, сознание сводится к частному или абсолютному (космическому) бытию, к духовному или материальному началу или их взаимодействию. Междисциплинарный характер исследований сознания, тем не менее, зачастую ограничивается научной областью, в рамках которой ведётся научный поиск. Так, среди квантовых физиков, нейробиологов, когнитивистов за онтологическую базу часто берётся биологическая либо физическая субстанция. Эти подходы представлены соответственно биологической (Дж. Канеман, Дж. Тонони, М. Тегмарк, С. Деан и др.), квантово-информационной (Р. Пенроуз, Г. Степп, С. Хамерофф, Д. Чалмерс и др.) моделями сознания. В них сознание выступает как свойство материи или атрибут нейронной активности мозга. Идеализм, безусловно признающий за источник сознания высший разум, духовное начало, практически не рассматривается в западной науке, хотя сознание как онтологическая основа реальности характерен для буддизма и религиозной философии. В западных концепциях распространён дуализм, согласно которому сознание и физический мир рассматриваются как частично независимые и взаимодействующие друг с другом субстанции или реальности (натуралистический дуализм Д. Чалмерса, квантовый интерактивный дуализм Г. Степпа и др.). Популярен также панпсихизм и его вариации (панпротопсихизм, космопсихизм и др.), где сознание в той или другой форме объявляется фундаментальным свойством реальности, пронизывающим всё бытие, но проявленным в разной мере (Г. Стросон и др.).

Подход А. Перейры характеризуется им как трёхаспектный монизм (ТАМ), он представлен в 2014 году в статье «Трёхаспектный монизм: физиологический, ментально-бессознательный и сознательный аспекты деятельности мозга» [2]. Согласно его концепции, в деятельности мозга сочетаются три фундаментальных аспекта: а) физиологический, охватывающий все материальные и энергетические процессы (в том числе метаболизм, катаболизм и др.); б) психический, бессознательный аспект, состоящий из динамических паттернов, воплощённых в нейронной активности и формирующих когнитивные и эмоциональные бессознательные процессы; в) сознательный аспект, включающий ощущения «я» и когнитивные функции (чувства, формирование памяти и внимания, поведение, эстетическую оценку, этические взгляды).

Трёхаспектный монизм – это «философская теория, которая предоставляет модель взаимосвязи трех аспектов» [2, Р. 300]. Физическое объяснение процессов сознания в данной модели опирается на электрическую передачу сигнала: нейронные дендритные потенциалы генерируют амплитудно-модулированные сигналы, передаваемые во внеклеточную среду и соседние астроциты, образуя большие астроглиальные волны, которые интегрируют информацию и создают ощущения, а по возвращении сигнала модулируют когнитивные и поведенческие функции. В сознательном опыте последовательно актуализируются физический, бессознательный и сознательный аспекты, переходящие из состояния потенциальности на уровень действительности. Такой подход в более близок когнитивной науке и нейробиологии, чем философии.

Выделение трёх аспектов в модели А. Перейры отвечает современным требованиям междисциплинарного исследования сознания, выходящего за рамки философии и психологии. Согласно В. А. Лекторскому, «сознание – не замкнутый в себе особый мир, а интроспекция, самосознание, рефлексия – не фиксация состояний такого мира. Сознание в действительности выходит за собственные рамки и указывает на внешнюю реальность. Это способ осмысления действия в мире вещей, отношений, процессов, событий, других людей. Самосознание, самореференция связаны с этими действиями в реальном мире» [6, С. 17].

Концептуальный мостик, соединяющий физический и метальный уровни, нейронауку и философскую психологию, Перейра находит в понятии «проекция». Он предлагает концепцию проективных операций в контексте нейробиологических структур и функций [3]. Существование проективных (внутренних и внешних) операций выводится на основании феноменологических и психофизиологических идей. Концепция проекции объясняет возникновение ощущения себя и ощущения мира как двух полюсов феноменального

информационного поля (по М. Велмансу), на которых строится динамическая структура сознательного опыта. Перейра вводит понятие расширенной сознательной области, характеризуемой живым опытом или представлением в «эгоцентрическом пространстве», имеющем горизонт развития. Расширенная область сознания рассматривается в перспективе между двумя проецируемыми полюсами, субъективным (точка зрения) и объективным (объекты и процессы, существующие в мире). Точка зрения – это проективное интероцептивное расширение переживаний субъективных ощущений, а объекты и процессы в мире, являются экстероцептивными проективными расширениями представлений о них разума/мозга; в нашем сознательном опыте мы проецируем внешний мир на основе представлений, которые мы формируем из сигналов, полученных от стимулов [3, Р.4]. Здесь видны корреляции с действием одного из нейрофизиологических механизмов сознания, а именно, системы зеркальных нейронов, открытых Дж. Ричцоллатти и его сотрудниками [7], но у Перейры нет отсылок на эти исследования.

В статье «Проективная теория сознания: от нейробиологии до философской психологии» [5], А. Перейра развивает идею проекции, объясняя возникновение сознания через проекционный механизм и подводя к проективной теории сознания. В данной работе им подчёркивается динамическая структура сознания, которая анализируется как поток, включающий три слоя: 1) бессознательные действия (физические и информационные процессы); 2) неконцептуальная сознательная деятельность (измерения жизненного опыта, не входящие в логико-лингвистические процессы); 3) концептуальные сознательные действия, включающие язык, образы, логику. Анализ потока сознания выявляет его структурный динамизм; идентифицируются шесть последовательных фаз, в которые интегрированы определённые функции (знание, чувство и действие). В реконструкции сознательного опыта, эти фазы показывают направленность и последовательность движения растущего самосознания. Степень концептуализации в сознании повышается пропорционально степени самосознания и движется в основном прогрессивно, но движение сознания также может быть регрессивным, в разные моменты жизни [4, Р. 223].

Основной вывод А. Перейры заключается в том, что гипотеза проекции поддаётся философской и научной трактовке, а проективная теория сознания способна обеспечить связь между нейронауками и исследованиями сознания и открывает пути для эмпирического исследования. Он признаёт, что «природа проективного процесса все ещё недостаточно определена» и поэтому перспективна для дальнейших философских изысканий [4, Р. 225]. Но критический анализ работ А. Перейры показывает, что, несмотря на отсылки к Гуссерлю, Фрейдю, Мерло-Понти и др., философские обоснования в его концепции мало раскрыты [6].

Более глубокий взгляд на онтологию сознания А. Перейра представил в совместной работе с Крисом Нанном, Массимо Пренолатто и Греггом Никсоном «Сознание и космос: построение онтологической структуры» [5]. Авторы оформили подход, названный «нейтральный монизм», в рамках которого объединили свои концептуальные взгляды на сознание и создали его онтологическую структуру [5, Р. 183]. Нейтральный монизм предполагает бытийное начало, которое само по себе не является ментальным или физическим, и поэтому не имеет аспектов. Реальность в данном подходе представлена как единое поле потенциальности, сознающее себя в конкретном сознательном опыте через когнитивных агентов. Важным аспектом структуры сознания и мира здесь выступает потенциал: «Мы принимаем определенную ветвь метафизики нейтрального монизма, которая предусматривает основу бытия с потенциалом возникновения трёх аспектов в процессе, который рассматривается как включающий в себя самоорганизующиеся элементарные энергетические формы (ЭЭФ). Эта система называется матрицей. Кроме материальных частиц, порождённых переходными квантовыми процессами, порождаются математические переходные формы, которые приводят к опытной информации, и переходные случаи опыта, которые сливаются и становятся сознательными качествами и опытными чувствами» [5, Р. 184]. В статье А. Перейры и его соавторов обозначены три необходимых условия существования сознания: а) основание реальности как универсальное поле потенциальности (в Аристотелевском смысле), охватывающее все возможные проявления, материальные или ментальные; б) переходная зона, ведущая к актуализации форм; в) проявленный мир с его фундаментальными делениями на материальные, информационные и квалиа-аспекты. Исследуются вопросы философского обоснования и взаимосвязи этих необходимых условий, а также возможность эмпирического подтверждения выявленных процессов.

Критика рассмотренных концепций заключается в том, что в них не учитывается интерсубъективный аспект сознания и языка: «каждое из наших индивидуальных чувств уникальной самости возникло изнутри первичной культурной интерсубъективности, основанной на символическом общении. Каждый из нас является индивидуальным аспектом более широкого, меняющегося процесса культурного сознания или самосознания» [6, Р. 291]. Любой подход к сознанию, не учитывающий его социальное, языковое и культурное измерение, будет недостаточным, и в этом направлении видится возможное развитие представленных выше концепций.

Важные философские темы, поднятые в работах А. Перейры: проективный процесс в сознании, его динамическая структура, участие потенциала в сознательной деятельности – также достойны более глубокого осмысления и эмпирических исследований.

Литература

1. Черникова И.В., Черникова Д.В. Проблема сознания в философии и когнитивной науке // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. №4. С. 103-111.
2. Pereira Jr.A. Triple-aspect monism: a conceptual framework for the science of human consciousness // Pereira Jr., A.; Lehmann, D. (ed.). The unity of mind, brain and world: current perspectives on a science of consciousness. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013, P. 299-337.
3. Pereira Jr.A. Triple-aspect monism: physiological, mental unconscious and conscious aspects of brain activity. Journal of Integrative Neuroscience. 2014. Vol. 13, No. 2. P. 201-227. URL: <https://doi.org/10.1142/S0219635214400068>
4. Pereira Jr.A. The projective theory of consciousness: from neuroscience to philosophical psychology // Trans/Form/Ação. 2018. Vol. 41, No. esp. P. 199-232.
5. Pereira Jr. A. et al. Consciousness and cosmos: Building an Ontological Framework // Journal of Consciousness Studies. 2018. Vol. 25. No. 3–4. P. 181–205
6. Nixon G.M. Projecting the trees but ignoring the forest: brief critique of Alfredo Pereira Jr.'s target paper // Trans/Form/Ação. 2018. Vol. 41 spe. P. 269-292. URL: <https://dx.doi.org/10.1590/0101-3173.2018.v41.esp.14> (дата обращения 10.09.2018)
7. Риццолати Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012. 208 с.
8. Лекторский В.А. Являются ли иллюзией представления о субъективном мире? // Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук / Общ. ред. и сост. В.А. Лекторского (Отв. редактор), Е.О. Труфановой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2017. С. 7-21

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ МЫСЛЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В НАУКЕ*

Андрей Николаевич Меньшиков

Вологодский государственный университет

E-mail: Andrew.kriptograf@gmail.com

В статье рассматривается двоякость мысленного эксперимента как метода научного познания. Применяя этот метод, ученый не всегда может получить требуемые ответы. А в случае, если два разных субъекта будут проводить какой-либо мысленный эксперимент, они могут получить противоположные результаты. Данный метод не всегда может предоставлять ответы на поставленные вопросы, однако одной из главных его задач является постановка новых проблем, расширение предметной области, а также ее детализация в некоторых аспектах.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, научные методы, неприменимость, двоякость

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект № МД-6911.2018.6 «Трансформация практик производства и трансляции знания в условиях сетевых социальных технологий и новых медиа»

AMBIGUITY OF A THOUGHT EXPERIMENT IN SCIENCE

Andrew N. Menshikov
Vologda State University
E-mail: Andrew.kriptograf@gmail.com

The article deals with the ambiguity of thought experiment in science. Applying this method, the scientist can not always get the required answers. And if two different subjects conduct any mental experiment, they can get completely opposite results. This method may not always provide answers to the questions. One of its main tasks is the formulation of new problems, expansion of the subject area as well as its detailing in some aspects.

Keywords: thought experiment, scientific methods, inapplicability, ambiguous

Одним из наиболее часто используемых методов в современной науке является мысленный эксперимент. Он давно применяется для проблематизации предметных областей и получения научного знания. Мысленный эксперимент среди всех методов научного познания, пожалуй, наиболее глубоко показывает связь мышления и реального мира. Мы в сознании моделируем какую-либо ситуацию, которую невозможно или достаточно сложно реализовать в реальном мире. В результате мысленных операций из сложившейся ситуации в нашем сознании мы начинаем делать определенные выводы, которые в дальнейшем и планируем использовать для получения научного знания. Имея мысленную модель ситуации, мы можем исследовать ее более детально и получить ряд выводов.

Однако применение данного метода должно осуществляться с учетом ряда ограничений. Важная составляющая науки — это применение принципа фальсификации и верификации к научным теориям. Каждый субъект в своих мыслях достаточно индивидуален. Стоит спросить, как выглядит кошка, и каждый из субъектов опишет ее по-своему (по-разному).

Используя один и тот же мысленный эксперимент, мы можем получить совершенно разные результаты. Любой субъект проводит мысленный эксперимент, самостоятельно очерчивая моделируемую ситуацию и определяя перечень внешних и внутренних факторов, влияющих на объект. Кроме того, исследователь всегда опирается на собственные представления и, помимо логических умозаключений, использует интуитивные выводы. Если считать главной задачей мысленного эксперимента ответ на вопрос и получение достоверного знания, то нужно признать, что он не может быть назван научным методом в полном смысле этого слова. Как правило, мысленные эксперименты не дают окончательных ответов на вопросы или могут допускать несколько вариантов решения, иногда даже противоположных. Возникает вопрос, можно ли использовать данный метод в науке? Сложно утверждать, что знание, полученное с помощью мысленного эксперимента, можно считать достоверным и использовать без ограничений. Скорее, к мысленным экспериментам прибегают для прояснения проблемы и ее уточнения, и именно в этом состоит ценность такого метода.

Такие мысленные эксперименты, как Китайская комната, ученая Мери, мозг в колбе и многие другие не решают первоначальной задачи как таковой. Они формулируют ранее существующие вопросы в другой форме, рассматривают их более предметно и ставят новые проблемы. Также порой для решения мысленного эксперимента требуется придумать другой мысленный эксперимент, тем самым порождая череду нескончаемых вопросов и предположений.

Можно ли опровергнуть интуитивное убеждение? Любой аргумент основанный на интуитивном предположении не может быть опровергнут лишь потому что, опровергнув его, мы теряем саму основу этого аргумента, которая была своего рода аксиомой [1]. Одна аксиома не может опровергнуть другую, она может лишь находится рядом. У. Куайн говорит о проблемах невозможности перевода одного языка на другой [2]. Говоря же о передаче результатов мысленного эксперимента от одного субъекта другому, нужно учитывать, что каждый из них будет рассматривать мысленный эксперимент с помощью своего интуитивного аппарата. В результате можно прийти как к похожему, так и к совершенно противоположным умозаключениям.

При всех его минусах мысленного эксперимента он дает и положительные результаты в научном познании. В большей степени благодаря мысленному эксперименту появился один из таких терминов как квалиа. Развитие механики было бы невозможно без мысленных экспериментов. Классическая механика берет свое начало в мысленных экспериментах. Галилео Галилей сделал свои выдающиеся открытия КАКИЕ? применяя данный метод [3]. Многие эксперименты не могут найти свое подтверждение в реальной жизни лишь по тому что присутствует много факторов, сила трения, сопротивлению воздуха и т.д. Лишь применение мысленного эксперимента дало возможным сформулировать некоторые законы физики. В философии прибегают к мысленным экспериментам в ситуациях, когда другие методы не могут дать должного результата или других методов может просто и не быть. Отнюдь нельзя утверждать, что философский мысленный эксперимент не может использоваться как доказательство. Примером может стать китайская комната Дж Серля, которая показала методологические трудности бихевиоризма [4].

Исходя из двух крайне противоположных точек зрения можно сделать вывод о двоякости мысленного эксперимента. Но в чем заключается неудовлетворительность? В данной статье, говоря об неудовлетворительных мысленных экспериментов в науке, имеется в виду, что люди могут прийти к разным умозаключениям. Главную задачу мысленного эксперимента, таким образом, нужно видеть не в получении окончательных ответов на вопросы, а в стимулировании самого процесса познания. Для науки важно не только решение какого-то круга задач, но и постановка новых вопросов, расширение предметной области самой науки. Возможно те вопросы, которые удастся уточнить с помощью мысленного эксперимента, можно будет решить с помощью других методов.

Литература

1. Левин С.М. Мораль, метафизика и реальность // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 144-153.
2. Куайн У.В. О. Ещё раз о неопределённости перевода // Логос. 2005. № 2. С. 28—41.
3. Adler C.G. Galileo and the Tower of Pisa experiment (англ.) In: American Journal of Physics: journal, 1978. Vol. 46, no. 3. P. 199.
4. Searle J. Minds, brains, and programs In: Behavioral and brain sciences, 1980. Т. 3, № 3 (September). P. 417-424.

ВЗГЛЯД НА ИНФЕРЕНЦИАЛИЗМ ИЗ ФИЛОСОФСКОЙ И КОГНИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ*

Игорь Феликсович Михайлов

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: ifmikhailov@gmail.com

В общем виде инференциалистская установка для многоуровневых интенциональных систем (будь то научная теория или когнитивная система живого организма) означает предпочтение объяснения «сверху вниз» репрезентационалистскому объяснению «снизу вверх». В философии инференциализм означает попытку обоснования репрезентаций в терминах вывода в противоположность привычному истолкованию вывода в терминах репрезентаций. В когнитивной науке аналогичная позиция стремится объяснить репрезентацию как результат столкновения предиктивных моделей, порождаемых верхними «этажами» когнитивной системы, с водящими перцептивными данными. В докладе я показываю, что объединение обоих вариантов понимания инференции на основе «слабой» компьютерно-информационной онтологии, которая позволяет существенно расширить класс процессов, понимаемых как вычислительные,

* «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00316 А «Когнитивные основания социальности»».

способно преодолеть крайности инференциализма и репрезентационализма как в философии, так и в конкретных науках о сознании.

Ключевые слова: вывод, репрезентация, инференциализм, репрезентационализм, предиктивное кодирование, вычисления

A VIEW OF INFERENCE FROM THE PHILOSOPHICAL AND COGNITIVE PERSPECTIVE

Igor F. Mikhailov

CSc in Philosophy, Senior Researcher

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: ifmikhailov@gmail.com

In general, the inferentialist stance for multi-level intentional systems (whether it is a scientific theory or a cognitive system of a living being) implies preferring top-down justifications over representationist bottom-up explanations. In philosophy, inferentialism is an attempt to ground representations in terms of inference, as opposed to conventional interpretations of inference in terms of representations. In cognitive science, a similar position seeks to explain representation as a result of the collision of predictive models generated by the upper levels of a cognitive system with a perceptual input. In this report, I show that the combination of both options for understanding inference on the basis of a “weak” computationalist ontology, which allows for a significant expansion of the class of processes eligible for computational interpretation, can overcome the extremes of inferentialism and representationalism, both in philosophy and in the sciences of the mind.

Keywords: inference, representation, inferentialism, representationalism, predictive coding, computation

В 1990-х гг. в аналитической философии появился инференциализм (от англ. *inference* — «вывод») как новое направление в философии языка и сознания, противостоящее традиционному репрезентационализму. (В философском контексте более подходящим обозначением последней позиции, на мой взгляд, был бы «референциализм». Но, поскольку далее я попытаюсь найти некоторые параллели в когнитивной науке, целесообразно оставить «репрезентационализм».) Основным проводником и энтузиастом этой доктрины стал Роберт Брэндом [1], который, впрочем, возводит её основные идеи к Улфриду Селларсу, а в конечном счёте — к Готлобу Фреге и Иммануилу Канту. Если согласно привычной репрезентационалистской позиции, значение высказывания понимается как функция значений входящих в него терминов, а значение последних сводится к «знакомству» (Рассел) с предметом через чувственные данные (*sense-data*), то инференциалист оборачивает это отношение. У Канта и Фреге заимствуется идея семантического приоритета суждения перед понятием, и к ней добавляется представление о значении термина (понятия) как его функциональной роли в выводе одних высказываний из других. Причём от Селларса привносится идея приоритета материального вывода (импликации) перед логическим в определении значения термина [2, р. 6–7]. И, наконец, полученная конструкция подаётся как некий новый «извод» философского прагматизма, отличный от его «ассертибилистской» версии, представленной Куайном и поздним Витгенштейном [3].

Некоторые критики концепции Брэндома [напр., 4] указывают на то, что в противопоставлении инференции и референции, по сути, возрождается старый спор рационализма и эмпиризма как разнонаправленных путей обоснования знания: «сверху вниз» (*top-down*) против «снизу вверх» (*bottom-up*). Продолжая исторические аналогии, Майкл Кремер замечает: Брэндом, апеллируя к Канту, забывает, что для немецкого философа «интуиция» не сводима к рассудку, и деятельность последнего, следовательно, не может её заменить. Брэндом, подчёркивая, что репрезентация без вывода слепа, по мнению его оппонента, упускает из виду, что вывод без репрезентации пуст. Кремер показывает, что инференциализм Брэндома спотыкается о семантику единичных терминов, выдавая необходимые условия их инференциальной идентификации за достаточные. Всё это говорит,

как он полагает, о необходимости преодоления крайностей репрезентационализма и инференциализма.

Эти подробно представленные в философской литературе дискуссии интересны здесь постольку, поскольку их очень близкий аналог имеет место в когнитивной науке, где «репрезентация» всегда была одним из опорных терминов, а «вывод» (*inference*) вошёл в обиход сравнительно недавно — в связи с нарастающей популярностью теории *предиктивного кодирования*, известной также как *Predictive Mind (PM)*. На первый взгляд это выглядит очень далёкой аналогией, поскольку нет прямого перевода философского понимания репрезентации и вывода в когнитивно-научное, и кто-то может сказать, что, несмотря на лексические совпадения, речь в обоих случаях может идти о разных понятиях. Но я далее постараюсь показать, что, при определённых онтологических допущениях, концептуальная связь между внешне схожими философскими и когнитивными концепциями может оказаться достаточно глубокой.

О предиктивном кодировании сейчас пишут многие, и я бы здесь упомянул философов Анди Кларка [5] и Джейкоба Хауи [6], а также нейробиолога и когнитивного учёного Карла Фристонa [7, 8, 9]. Далее я буду в основном опираться на работы последнего.

Согласно Фристону, современные РМ-теории восходят к идее Г. фон Гельмгольца о «бессознательных выводах» [10]. Способность к ним формируется в раннем жизненном опыте и служат основой многих перцептивных явлений. Гельмгольц считал, что мы настраиваем свои органы чувств для различения внешних воздействий с максимальной точностью. Восприятие он понимал как результат встречи данных, идущих из внешнего мира и того, что уже есть у индивида. Те же положения воспроизводят и адепты предиктивного кодирования, основывая их на современных когнитивных моделях.

РМ-теории исходят из представления о многослойной иерархической архитектуре нашего когнитивного аппарата. Верхние его слои формируют байесовские (вероятностные) модели реальности и транслируют их вниз путём вывода предсказаний содержания будущих перцептивных данных. Нижние слои сравнивают эти модели с полученными снизу (извне) данными, вычисляют ошибки предсказания и транслируют их наверх. Получив сообщение об ошибке, «верхние» модели уточняются, и цикл повторяется до достижения максимально точной подстройки предиктивной модели реальности под поступающие данные.

Предиктивное кодирование представляет собой биологически правдоподобную схему для обновления представлений о состояниях мира с использованием сенсорных образцов. Эти нисходящие прогнозы сравниваются с репрезентациями на более низком уровне, чтобы определить «ошибку предсказания» (обычно связанную с активностью пирамидальных клеток коры — об их роли см. далее).

«Действенный вывод» (*active inference*) представляет собой ещё один способ минимизировать ошибки предсказания; а именно путем повторной выборки сенсорных данных, чтобы они более соответствовали прогнозам; другими словами, изменяя сенсорные входы, изменяя мир через действие. Одни и те же механизмы вывода лежат в основе, казалось бы, различных функций (действия, познания и восприятия). Другими словами, действие и восприятие являются аспектами одного и того же основного императива; а именно — минимизировать ошибки иерархического предсказания путем выборочного тестирования сенсорных входов [8, 393].

Минимизация «свободной энергии» (под которой Фристон понимает сумму ошибок предсказания) посредством действенного вывода неявно сводит к минимуму неожиданность (или ошибки предсказания), что эквивалентно максимизации очевидности байесовской модели. Долгосрочное среднее значение неожиданности называется им «энтропией». Минимизация неожиданности минимизирует энтропию.

На мой взгляд, философский и когнитивный варианты инференциализма могут встретиться на почве «слабой» компьютерно-онтологической философии, где все когнитивные процессы и большая часть биологических понимаются как вычисления — при «слабой» интерпретации последних. Вычисление в её рамках может быть понято как процесс, при котором определенные структурные паттерны входящих данных запускают определенные шаги обработки. Объективное сопоставление (*mapping*) первых и вторых может быть представлено в виде набора правил. Интересно упомянуть, что Фристон в одной из своих недавних московских лекций определил «правило» как распределение вероятностей. Эта мысль, на мой взгляд, позволяет несколько прояснить запутанную проблему «не-

тьюринговых» вычислений. Классическая модель Тьюринга построена на линейной обработке и булевой логике решений машины на основе применения правил. Нейросетевые модели вычислений, по видимости, не соответствуют этой модели: они основаны на параллельной обработке и вероятностной математике. Конечно, распределённые вычисления могут быть описаны как множество машин Тьюринга, работающих параллельно. Но важен способ распределения данных между ними и архитектура их взаимосвязей, которая влияет на суммирование результатов. В таких системах коннектом сети функционально заменяет считывающую головку машины Тьюринга, что позволяет строить и хранить вероятностные репрезентации. Интересная нео-ассоциационистская (со ссылкой на Юма) концепция динамического формирования вероятностных репрезентаций представлена, в частности, в [11]. Она основана на моделировании предиктивных процессов в дендритах пирамидальных нейронов коры, о роли которых упоминал также и Фристон.

На первый взгляд, основное различие философского и когнитивного понимания инференции состоит в том, что в первом случае вывод рассматривается как логико-лингвистическая операция, тогда как во втором — в основном как нейроцеребральные вычисления, лежащие в основе перцептивных актов. Однако в работе [12] представлен интересный обзор экспериментальных данных, позволяющих предположить, что сохранённые перцептивные образы существенным образом облегчают операции вывода с конкретными словами и суждениями, относящимися к чувственно-представимым предметам, и совершенно не играют роли — или играют очень малую — в аналогичных операциях с абстрактными понятиями. И если это так, то допустимо предположить единую линию эволюции когнитивных вычислений, в рамках которой перцептивный процессинг постепенно вытесняется вербальным. И это развитие, безусловно, связано с нарастающей ролью социальной коммуникации.

Сенсорных представлений достаточно для отдельного индивида, когда основные вычисления выполняются бессознательно, а их вывод представляется в центр управления всего вычислительного устройства в виде огрублённых (*coarse-grained*) репрезентаций, каковые и представляют собой наши чувственные образы. Напротив, язык используется индивидом, когда он (индивид) играет роль процессора в более крупной распределённой вычислительной системе, благодаря чему вычислительная механика раскрывается в его сознательном представлении, в то время как эмерджентный результат распределённых вычислений чаще всего от него скрыт. В первом случае сенсорный и моторный модули связаны между собой напрямую, а во втором моторный выход может быть опосредован тем, что мы называем (логико-лингвистическим) выводом. Таким образом, то, что под инференцией понимают философы — это вычисление, раскрываемое перед сознательным взором индивида, в то время как когнитивный (предиктивный) вывод является частью скрытой обработки данных, осуществляемой мозгом. Но в обоих случаях речь идёт о едином многоуровневом потоке биологических, когнитивных и социальных вычислений, ориентированных в конечном счёте на адаптацию и выживание.

Литература

1. *Brandom R.B.* Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Harvard University Press, 1994. 765 p.
2. *Weiss B., Wanderer J.* Introduction. In: Reading Brandom: On Making It Explicit. Eds. Weiss, B. & Wanderer J. London and New York: Routledge, 2010. P. 1–12.
3. *Джохадзе И.Д.* Аналитический прагматизм Роберта Брэндома. М.: ИФРАН, 2015. 132 с.
4. *Kremer M.* Representation or Inference: Must We Choose? Should We? In: Reading Brandom: On Making It Explicit. Eds. Weiss, B. & Wanderer J. London and New York: Routledge, 2010. P. 227–246.
5. *Clark A.* Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science. // Behavioral and Brain Sciences. 2013. Vol. 36. No 3. P. 181–204.
6. *Hohwy J.* The Predictive Mind. Oxford: Oxford University Press, 2013. 282 p.
7. *Friston K., Frith C.* Active inference, communication and hermeneutics // Cortex. 2015. №68. P. 129–143
8. *Friston K., Frith C.* A Duet for one // Consciousness and Cognition. 2015. №36. P. 390–405
9. *Friston K.J., Kiebel S.J.* Predictive coding under the free-energy principle. // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2009. №364. P. 1211–1221.

10. *Helmholtz H.* Concerning the perceptions in general. In *Treatise on physiological optics* (J. Southall, Trans., 3rd ed., Vol. III). Dover, New York, 1866/1962. 768 p.

11. *Ryder D., Favorov O.L.* The New Associationism: A Neural Explanation for the Predictive Powers of Cerebral Cortex // *Brain and Mind*, 2, 2001. P. 161–194.

12. *Calzavarini F.* Inferential and referential lexical semantic competence: A critical review of the supporting evidence // *Journal of Neurolinguistics*. 2017. №44. P. 163–189.

ТЕЛО, КОТОРОЕ МЫСЛИТ: Б. СПИНОЗА ПРОТИВ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Максим Юрьевич Морозов

Редактор

Интернет-журнал Spinoza

E-mail: maxdiscovery@mail.ru

В статье критически рассматриваются методологические основы широко известных в философии сознания концепций (Д. Деннет, Дж. Сёрл, Д. Чалмерс), в результате чего констатируется кризисное положение в вопросе о разработке проблемы связи физического и ментального, которое подтверждают основные представители философии сознания. Показывается, что кризис этот связан, в том числе, с нигилистическим отношением к уже существующим наработкам в области философской классики и советской культурно-исторической психологии (диалектический метод, принцип деятельности, логика тотальности, субстанциальность материального мира, социальная природа идеальных форм и др.) и отказе от них в пользу достижений современной науки и современных способов описания. Делается вывод, что психофизиологическая проблема является одной из граней основного вопроса философии и требует привлечения специального категориального и методологического аппарата, выработанного философией как наукой в результате исторического развития человеческой мысли.

Ключевые слова: идеальное, диалектика, философия сознания, психофизиологическая проблема.

THE BODY THAT THINKS: SPINOZA VERSUS MODERN PHILOSOPHY OF MIND

Maxim Yu. Morozov

Editor

“Spinoza” Magazine

E-mail: maxdiscovery@mail.ru

The article critically examines the methodological foundations of popular mind philosophy theories. A crisis situation in the research of the mind-body problem is stated which is confirmed by famous philosophy experts. The crisis is associated with skepticism towards existing developments in the field of philosophical classics and Soviet cultural-historical psychology. It is concluded that the mind-body problem is one of the aspects of the main question of philosophy and requires involvement of a special categorical and methodological thesaurus developed by philosophy as a result of the historical development of human thought.

Keywords: ideational, dialectics, philosophy of mind, mind-body problem

«Проблема сознания сегодня чрезвычайно актуальна. Вот уже несколько десятков лет она остается одной из центральных проблем аналитической философии, которая дала немало ценных результатов в её изучении, а в исследованиях в русле когнитивных наук, исследованиях мозга, информационных процессов на первом плане продолжает оставаться классическая проблема соотношения и связи мозга и мышления», - подобные дежурные фразы мы чаще всего ожидаем увидеть – и видим - во введении научных статей по заявленной тематике. Однако уже этот исходный пункт позволяет отметить некоторые противоречия, которые будут

развернуты в настоящем докладе в ряд тезисов предстоящей исследовательской работы. Психофизиологическая проблема по существу является одной из граней центрального вопроса философии, который сегодняшней философией зачастую не признается актуальным. Принято считать, что современный уровень развития науки требует современного языка описания, поэтому мы скорее увидим рассуждения о моделях «ментального» и «информационного» в контексте основного вопроса, чем употребление категории «идеального» в том смысле, который вложила в нее история развития мысли. Часто, впрочем, «современные» термины являются лишь модным терминологическим одеянием: «Мы часто забываем исторические уроки, ходим по кругу, обряжая старые ходы мысли в новые слова». [1]

Важно отметить, что использование категории «идеального» при решении психофизиологической проблемы представляется необходимым условием. Ниже будет показано, что намеренная «дистилляция не используемых западной мыслью понятий и категорий» [2] из трудов представителей философской линии, что восходит к идеям Б. Спинозы, может указать выход из заколдованного круга mind-body проблемы; трудность заключается в поиске ответа на вопрос: «как связаны в человеческом индивидууме мысль и телесные отправления?» и порождает тупики и парадоксы (см., например, [3, с. 75-82]), попытки решения которых к результату все-таки не приводят, хотя и генерируют внушительное число любопытных концепций. В позициях самых заметных представителей философии сознания существует немало разногласий, но в этом пункте почти все они согласны: разработка проблемы сознания далека от завершения. [4, с. 101-103]

Подчеркнем, что мы вовсе не склонны считать, будто аналитическая философия вообще, и разработка ею проблемы сознания в частности, не представляет никакого теоретического интереса. Отнюдь. Именно в рамках этого философского направления ведется столь длительная, систематическая и целенаправленная разработка указанной проблемы. Ее – аналитической философии – теоретический опыт в этом отношении является весьма ценным и пока еще у нас недостаточно освоен. Именно поэтому она требует квалифицированного критического анализа, что является важным условием дальнейших творческих поисков и решений.

Пример такого анализа можно найти в [3], первая часть которой посвящена подробному критическому разбору таких направлений аналитической философии, как «научный материализм» с его различными версиями «теории тождества» ментального и физического, «элиминативный материализм», «теоретический материализм», «функциональный материализм», «эмерджентистский материализм» и др. – концепциям Г. Фейгла, У. Плэйса, Дж. Смарта, Д. Армстронга, П. Фейерабенда, Р. Рорти, Х. Патнема, Дж. Марголиса, Т. Нагеля, Дж. Фодора, Дж. Кима, Д. Льюиса и др.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что в этом направлении приложены усилия далеко не одной только аналитической философии; представляется важным указать на несоответствие мнения некоторых представителей данного философского направления, выступающих от имени самой философии, действительному положению дел: только аналитическая философия, по их мнению, является «настоящей» (в противовес всем остальным, которые достойны именоваться лишь «беллетристической» и «туманными рассуждениями-полунамечками») [5]; только аналитическая философия является прямым наследником философии классической; именно аналитическая философия – не просто «разновидность» философии, а самоё научный метод, etc. etc. Не имея здесь возможности и места противопоставлять каждому из вышеприведенных утверждений положительные собственные, а также достаточно широко аргументировать их, ограничимся указанием на некоторые гносеологические дефекты, возникающие в процессе разработки указанной проблемы сознания в работах самых видных философов этого направления: Д. Дэннета, Дж. Сёрла и Д. Чалмерса.

Проблемы разработки возникают уже на методологическом уровне: так, Д. Дэннет, критикуя картезианский дуализм, исходит из радикально-редукционистской установки, отрицающей существование сознания. [6] Его концепция в основном воспроизводит стратегические установки «научных материалистов» 50–70-х годов прошлого века (Г. Фейгл, Дж. Сمارт, Д. Армстронг, П. Фейерабэнд и др.; особенно близка она к позиции «элиминативного материализма» раннего Р. Рорти). Последние стремились покончить с «чужеродностью» ментального в научной картине мира, редуцировав его к физическому; однако, в отличие от большинства «научных материалистов», Дэннет пытается осуществить программу редукции с позиций функционализма [7], используя известные теоретические

результаты Тьюринга. С этой целью он предлагает «гетерофеноменологический метод», который, по его словам, позволяет преодолеть иллюзорность аутофеноменологии, объяснить сознание без ментального сугубо «объективно». В гносеологическом плане идеи Деннета – прямое продолжение линии Витгенштейна-Райла-Гудмена; в содержательном отношении его концепция также не нова: сознание он редуцирует к поведению, словесным отчетам и когнитивному содержанию. Признание Деннетом феномена «Я» иллюзией ведет к тому же онтологическому статусу всю субъективную реальность в целом [8]. Аргументы, которые он приводит, хорошо известны: это старые доводы радикальных физикалистов и бихевиористов о несостоятельности интроспекции, привилегированного доступа и «Мифе Данного», которые неоднократно подвергались критическому разбору, в том числе со стороны коллег Деннета (Т. Нагель, Дж. Серл, М. Локвуд). Разумеется, в трудах Деннета много сюжетов, связанных с проблемой сознания; мы ограничились лишь указанием на ключевые пункты его позиции.

Дж. Сёрл, с другой стороны, претендует на «реабилитацию сознания», истолковывая его как субъективную реальность, ведь «сознанию присуща неэлиминируемая субъективная онтология» [9, с. 70]: из этого следует резкое возражение против того радикального физикализма и бихевиористической замены сознания поведением, которое кладется в теоретическое основание когнитивной науки. Сёрл громит функционализм Деннета, опираясь на принципы биологической эволюции, чтобы обосновать возникновение сознания как эмерджентный феномен, свойственный для высокоразвитых живых систем. [9, с. 99] Дж. Сёрл подчеркивает «эволюционное преимущество сознания», связанное с увеличением возможностей различения, гибкости и креативности. [9, с. 112-114] Значительное внимание автор уделяет рассмотрению необходимой связи сознания с мозговыми процессами. [9, с. 35] Сознание «является каузально эмерджентным свойством поведения нейронов» [9, с. 119] «есть каузально эмерджентное свойство систем» [9, с. 115], «все ментальные макрофеномены причинно обусловлены микрофеноменами нижнего уровня» [9, с. 127].

Использование идеи эмерджентности в целях объяснения естественного происхождения сознания и его необходимой связи с мозговыми процессами является шагом вперед в обосновании материалистической позиции по сравнению с физикалистским редукционизмом, однако позиция Сёрла при этом полна противоречивых положений. Так, несмотря на всю борьбу против редукционизма, в ней присутствует все то же сведение сознания к физическому, хотя и не в такой явной форме, как у Деннета. Например: «ментальное состояние сознания есть просто обычная биологическая, то есть физическая, черта мозга» [9, с. 34; 35-36]. Сознание в нашей Вселенной представляет собой «нередуцируемо субъективный физический компонент как компонент физической реальности». [9, с. 125] Уместно также показать преемственность позиции Сёрла, который, впрочем, ни словом не упоминает о своих предшественниках. Среди представителей аналитической традиции концепция эмерджентного материализма была наиболее четко сформулирована и многопланово развита более 30 лет тому назад Дж. Марголисом. [10] Также концепция эмерджентного материализма разрабатывалась в различных аспектах Н. Шварцем, М. Бунге и другими западными философами. Существенный вклад в развитие этого направления под углом проблемы сознания и мозга внесен выдающимся нейробиологом Р. Сперри. [11].

Д. Чалмерс, чья позиция (по мнению В.В. Васильева [12]) объединила два вышеуказанных подхода, в результате исследования приходит к дуализму, признавая сознание фундаментальным свойством материи [13]. В такой интерпретации «дуализм свойств» Чалмерса оказывается новой редакцией панпсихизма. Корни появления иллюзии решения, которую предлагает Чалмерс, скрываются, с одной стороны, в неопределенности понятия «физического» и связанных с ним категорий «физической каузальности», а с другой стороны – в метафизическом представлении о причинности как таковой, характерном, к сожалению, не только для него одного. Непреодоленный детерминизм в той или иной степени встречается у всех рассматриваемых авторов: рассуждения о супервентности, ментальной или информационной причинности или физической каузальности упираются раз за разом в невозможность строить концепции на строго детерминистическом фундаменте; диалектика случайности и необходимости остается, по-видимому, для современной философии загадкой. Что же касается понятия «физическое», то, несмотря на то, что оно является своего рода смысловым ядром при построении теоретических концепций аналитической философии, которые имеют дело с сознанием, его основательный и систематичный анализ не удается обнаружить в литературе позитивистского толка. Обычно термин «физическое»

(как и производные от него) используется как нечто само собой разумеющееся; между тем, как отмечали еще Р. Брандт и Дж. Ким [14, с. 218], уже элементарный анализ показывает неоднозначность использования этих терминов, что сильно сказывается на качестве теоретических построений, связанных с проблемой сознания.

«Ментальному» диалектическая традиция предпочитает категорию «идеального», которое вовсе не отождествляется с речью – внешней или внутренней. Идеальное – родовое понятие, обширная категория движения, в данном же случае необходимо говорить скорее о мышлении как идеальной форме, а не о сознании (взаимосвязь идеальных форм прослеживается, например, в [15]). Спиноза понимает мышление как способ существования мыслящего тела, наряду с протяженностью – и в этом «краеугольный камень» его концепции. «Живой, реальный мыслящий человек — единственное мыслящее тело, с которым мы знакомы, не состоит из двух декартовских половинок — из «лишенного тела мышления» и из «лишенного мышления тела». [16. с. 21] Как преодолевается детерминизм в диалектической философии показано еще Энгельсом, но сам вопрос о причинности воздействия тела на мышление и обратно при таком рассмотрении снимается как некорректный, ведь проблема неразрешима только потому, что она ложно поставлена: «Неразрешимость психической проблемы для старой психологии и заключалась в значительной степени в том, что из-за идеалистического подхода к ней психическое вырывалось из того целостного процесса, часть которого оно составляет, и ему приписывалась роль самостоятельного процесса, существующего наряду и помимо процессов физиологических» [17] Только имея в основании своей позиции такое положение, можно существенно продвинуться в действительно научной разработке проблем мышления: работы представителей советской культурно-исторической школы в психологии, которые венчает Загорский эксперимент - тому яркий пример.

Д.И. Дубровский отмечает: у многих отечественных философов, что не входят в мейнстрим современной философии, существует «что-то наподобие комплекса неполноценности, свойственного многим из нас — «бывшим марксистам», когда мы соизмеряем себя с западными философами» [18, с. 111]. Такой комплекс представляется лишенным фактического основания, если иметь в виду поразительную современность того богатства идей, которое накоплено в работах классиков философии, в работах классиков марксизма, а также в работах советских философов и психологов, с помощью которых можно плодотворно вести изучение мышления и сознания, пользуясь крепким методологическим базисом, который в процессе исследования не уходит из под ног; идей, с помощью которых можно не только предельно четко ставить проблемы, но и решать их.

Литература

1. Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность, или «Почему информационные процессы не идут в темноте?» (ответ Д. Чалмерсу) // Журнал Novainfo [Электронный ресурс] URL: <https://novainfo.ru/article/2228> (дата обращения 13.10.2019)
2. Stasis Journal №2, 2017: Antiquity and Modernity of Soviet Marxism [Электронный ресурс]. URL: <http://stasisjournal.net/index.php/journal/article/view/1> (дата обращения 14.10.2019)
3. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа. 1980. 286 с.
4. Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. № 8.
5. Сергей Левин о том, что делает философию настоящей. Insolarance Cult: Проект о философии и культуре. [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@insolarance-cult/sierghieilievino-tom-chto-dielaiet-filosofiiu-nastoiashchiei> (дата обращения: 10.12.2019)
6. Dennett D. Consciousness Explained. Boston, 1991.
7. Деннет Д. Условия личностного // История философии. 2000. № 5
8. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998
9. Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002.
10. Марголис Дж. Личность и сознание. Перспективы нередуктивного материализма. М., 1986.
11. Sperry R.W. Mind-brain interaction: Mentalism, yes; dualism, no // Neuroscience. 1980. Vol. 5. No 2. P. 195–206. DOI: 10.1016/0306-4522(80)90098-6. PMID 7374938

12. *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция. 2009. 272 с.
13. *Chalmers D.J.* The conscious mind. In search of a fundamental theory. N.-Y.: Oxford Univ. Press, 1996
14. *Brandt R., Kim J.* The logic of the Identity Theory // Modern Materialism: Readings on Mind-Body Identity. N.-Y., Chicago, 1969.
15. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Москва: Политиздат. 1974. 271 с.
16. *Ильенков Э.В.* К вопросу о роли практики в познании // Интернет-журнал Spinoza [Электронный ресурс]. URL: <http://spinoza.in/theory/k-voprosu-o-rol-i-praktiki-v-poznanii.html> (Дата обращения 13.10.2019)
17. *Выготский Л.С.* Психика, сознание, бессознательное // Интернет-журнал Spinoza [Электронный ресурс]. URL: <http://spinoza.in/theory/psihika-soznanie-bessoznatel-noe.html> (Дата обращения 13.10.2019)
18. *Дубровский Д.И.* Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново») // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 92-111.

ЕСТЬ ЛИ У ВИТГЕНШТЕЙНА ТЕОРИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ?*

Сергей Витальевич Никоненко

Доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: serg_nikonenko@rambler.ru

Работа посвящена анализу познавательного отношения к миру в философии Л. Витгенштейна и роли принципа интенциональности в его трактовке языка. Переходя на позиции поздней философии, Витгенштейн считает, что облеченная в языковую форму мысль, взятая как деятельность, способна видоизменять мир, формировать средствами языка особый символический универсум, который оказывается не просто «миром», а человеческим миром. Получается, что язык не только «переодевает мысли», но он и побуждает видеть мир определенным образом. Хотя нет достаточных оснований допускать у Витгенштейна теорию интенциональности, можно видеть в его философии языка определенные предпосылки и возможности для создания такой теории. Витгенштейн гораздо ближе к прагматистскому учению о «перспективе», нежели к позитивистскому учению о верификации. Лингвистический символизм Витгенштейна можно трактовать как синкретичную интенциональность, которая не выделена в виде особого уровня и диффузно растворена в словоупотреблении. Такая интенциональность незримо лежит в основании эйдетического представления о мире, как мире очеловеченном, хотя бы частично сотворенным языком.

Ключевые слова: интенциональность, Витгенштейн, язык, символизм, сознание, мир

DOES WITTMENSTEIN HAVE A THEORY OF INTENTIONALITY?

Sergei V. Nikonenko

DSc in Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University

E-mail: serg_nikonenko@rambler.ru

The work deals with the analysis of cognitional relationship and linguistic intentionality in the late philosophy of L. Wittgenstein. He thinks that the language has a possibility to change the very structure of thought. The linguistic world is a specific “human” world. So, linguistic reality is a social one. We have no possibility to find out

* Исследование проводится при поддержке РФФИ, Проект № 20-011-00542, Бертран Рассел в России: эволюция рецептов и современные дискурсы.

“the theory” of Wittgenstein’s intentionality, but he offers some reasons for creating this theory. Wittgenstein is much more closer to pragmatic perspectivism than to positivistic verifiability. Wittgenstein’s intentionality is “diffused” in the use of the language. It creates the eidetic image of the “human” world that is partly a linguistic one.

Keywords: intentionality, Wittgenstein, language, symbolism, consciousness, world

В этой работе мы разберем познавательное отношение сознания к миру в философии Витгенштейна, попытавшись вскрыть его интенциональный и символический характер, а также выяснить, можно ли утверждать, что у Витгенштейна имеется «теория» интенциональности.

Для раннего Витгенштейна познавательное отношение окутано определенной таинственностью, - настолько мало он об этом пишет. Задумывая «Логико-философский трактат», Витгенштейн мало интересуется сознанием, в целом придерживаясь общепринятой в ранней аналитической философии теории чувственных данных. Для него вполне достаточно того, что, если мы способны как-либо воспринимать объект, то устанавливается отношение непосредственного «знакомства» с этим объектом. Подобного факта, как полагает Витгенштейн, вполне достаточно для того, чтобы больше не заботиться об этом и заниматься исключительно языком. Витгенштейн не рассматривает процесс мышления как форму *познавательного отношения*; для него оно выступает способом *высказываний*. Поэтому нельзя предположить, что сознание в «Трактате» выходит к миру, направляется на объект, создает представление о сущностях вещей и т.д. Сознание в «Трактате» только *описывает* мир средствами языка.

Облеченная в языковую форму мысль, взятая как деятельность, способна *видоизменять* мир, формировать средствами языка особый *символический универсум*, который оказывается не просто «миром», а *человеческим* миром. Получается, что язык не только «переодевает мысли», но он и побуждает видеть мир *определенным образом*. И этот образ видения мира – в процессе употребления языка – постепенно начинает восприниматься как подлинный, настоящий мир. Именно поэтому сознание воспринимает мир не прямо, а символически, когда мир является совокупностью эйдетических образов, задаваемых языком. Здесь возникает один очень сложный аспект, о котором Витгенштейн пишет: «Вспомни о неудобствах, испытываемых нами, когда меняется правописание слов (или о еще более сильных переживаниях, когда встает вопрос о способе записи слов). Безусловно, не всякая знаковая форма *глубоко* запечатлена в нас. Знаки, например, в алгебре логики могут быть заменены любыми другими, и мы не станем *глубоко* переживать это» [3, § 167]. Алгебраические знаки не обладают каким-либо *эйдетическим* содержанием (т.е., по Витгенштейну, невозможна никакая *деятельность* по поводу их); они исключительно формальны. Словесная же форма связывается с определенными образами, которые, взятые на лингвистическом уровне, являются образами символическими. И слово, через механизм символизации, преобразует свой экстенционал в форму языкового эйдоса, который – изнутри данного языка – воспринимается как составная часть «мира» и фигурирует наравне с фактами.

Хотя у нас и нет достаточных оснований допускать у Витгенштейна *теорию* интенциональности, можно видеть в его философии языка определенные *предпосылки и возможности* для создания такой теории. Поэтому, когда Дж. Серл и некоторые другие аналитики создают теорию интенциональности, они творят ее на базисе философии Витгенштейна. Особенность этой теории (и главное отличие ее от феноменологии) в том, что это теория *лингвистической интенциональности*, при которой сознание «выходит к миру» через язык.

Д. Янско трактует интенциональное отношение как форму *явленности*, осознания обладанием достоверности. Он пишет: «Витгенштейн отрицает и идеалистическую, и эмпирическую программы. Если уточнить, это означает, что вместо поиска сущностей и исследования психологического состояния уверенности, он защищает необходимость изучения *проявлений* достоверности» [12, р. 64]. Можно согласиться с Янско в том, что интенциональность у Витгенштейна – символическое отношение, имманентно присущее речевому акту. «Манифестация» достоверности – это форма *самоубеждения*, которая необходима для осознания правильности как восприятия, так и возможных лингвистических коммуникаций по поводу той или иной области мира.

Дело в том, что Витгенштейн нигде не обсуждает интенциональные состояния прямо. П.М. Хакер пишет: «Для того, чтобы быть пользователями языка, мы должны быть в своей сущности интенциональными существами. Наши употребления языка, по своей сути, интенциональны. Мы подразумеваем нечто под тем, о чем говорим, и в основном понимаем, о чем говорим. Мы хотим быть понятыми определенным способом и обычно исправляем недопонимания в свете значений наших слов и того, что мы под ними имеем в виду» [10, р. 63]. В отличие от Хакера, мы не видим оснований трактовать витгенштейновское словоупотребление как форму интенциональности. Мы хотим подчеркнуть, что так можно *интерпретировать* Витгенштейна; но нельзя приписывать Витгенштейну эту интерпретацию. Витгенштейн нигде не учит об интенциональности и никогда не употребляет эту категорию. Когда что-либо произносится, возникает особый уровень, на котором мы *подразумеваем* нечто, предваряя это речевому акту, поступку, отношению. Но Витгенштейн не оформляет это подразумевание в виде учения об интенциональном акте, наподобие Хакера или Серла. Наоборот, для Витгенштейна эти «непроизвольные» достоверности оказываются головоломкой; он прямо заявляет, что не может найти рационального объяснения. Отсюда его допущение *веры*, лежащей в основе языковой игры. Нам кажется, было бы правильно интерпретировать интенциональность Витгенштейна не как акт сознания, а как производную языкового контекста; символические структуры языка и эйдетические контуры мира таковы, что *направляют* наше сознание в русло определенных «предпосылок», существующих до любого частного познавательного акта.

В любом случае, какой бы запутанной ни казалась бы витгенштейновская интенциональность, она все-таки присутствует. Витгенштейн оказывается убежденным противником теории прямого соответствия и пассивного восприятия сознания. Как нам представляется, Витгенштейн гораздо ближе к прагматистскому учению о «перспективе», нежели к позитивистскому учению о верификации.

Дж. Остин выделяет не только «видение-как», и особую *избирательность* интенционального акта («аспектуальность»). Остин пишет: «Стало быть, употребление разных выражений для описания того, что мы видим, часто обусловлено не только разным уровнем знания, разной проницательностью, разной готовностью рисковать или интересом к разным аспектам ситуации; оно может быть обусловлено и тем, что то, что мы видим, мы видим по-разному, видим в разных аспектах, видим, *как это*, а не *как то*» [6, с. 215]. Как нам кажется, у Витгенштейна отсутствует проблема *выбора* аспекта, о которой пишет Остин. Структура языковой игры довольно жестко детерминирует поведение ее носителя. Выбор, как правило, уже сделан «за нас». Например, воспринимая автомобиль, мы, если судить теоретически, можем создать практически любые ассоциации. Но проза словоупотребления такова, что этот автомобиль уже наименован, описан, оценен, - и все это без нашего прямого участия. Поэтому, вопреки некоторым теоретикам интенциональности, которые видели в ней свободный акт сознания, связанный с выбором точки зрения, мы склонны приписывать Витгенштейну иную интенциональность, когда принятые «соглашения» относительно словоупотребления практически не дают нам никакой свободы в интерпретации. По крайней мере, такая ситуация наблюдается в обыденной, повседневном восприятии и словоупотреблении.

Подводя итог, можно предположить, что Витгенштейн *не создал* теории интенциональности, но много высказал о ней и, тем более, дал много поводов к интерпретации своих предположений. Мы понимаем лингвистический символизм Витгенштейна, как *синкретичную* интенциональность, которая не выделена в виде особого уровня и диффузно растворена в словоупотреблении. Такая интенциональность незримо лежит в основании эйдетического представления о мире, как мире *очеловеченном*, хотя бы частично сотворенным языком.

Литература

1. Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+, 2008. 240 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 134 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 75 – 320.

4. *Коффа А.* Семантическая традиция от Канта до Карнапа: К Венскому вокзалу. М.: Канон+, 2019. 528 с.
5. *Крупке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010. 256 с.
6. *Остин Дж.* Избранное. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
7. *Рассел Б.* Человеческое познание. Его сфера и границы. Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1997. 560 с.
8. *Серл Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-пресс, 2002. 256 с.
9. *Хакинз Я.* Почему вообще существует философия математики? М.: Канон+, 2020. 400с.
10. *Hacker P.M.S.* Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford: Clarendon Press, 2001. 400 p.
11. *Hanly C.* Wittgenstein on Psychoanalysis // Ludwig Wittgenstein. Philosophy and Language. London: Routledge, 1972. 325 p.
12. *Janscó D.* Excitements of Reason. The Presentation of Thought in Shakespeare's Plays and Wittgenstein's Philosophy. Heidelberg: 2007. 354 p.
13. *Wright C.* Rails to Infinity. Essays on themes from Wittgenstein's Philosophical Investigations. Cambridge (Mass); London: Harvard University Press, 2001. 435 p.

МОНИЗМ МИКРОСВОЙСТВ И СОВРЕМЕННЫЙ КАРТЕЗИАНСКИЙ ДУАЛИЗМ

Алексей Сергеевич Павлов

*Аспирант кафедры истории зарубежной философии
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: pavlov.alexey@gmail.com*

Дуализм свойств – достаточно популярная позиция в современной аналитической философии сознания. В различных версиях этой позиции, как правило, говорится о наличии некоего типа фундаментальных низкоуровневых свойств. В частности, утверждается, что либо ментальные свойства всё-таки метафизически зависимы от физических свойств (эмерджентизм), либо что и ментальные, и физические свойства метафизически зависимы от некоего другого гипотетического типа фундаментальных низкоуровневых свойств (панпротопсихизм). Но представляется, что один из вариантов дуализма сознание-тело (а именно, картезианский дуализм) отрицает наличие некоего одного единственного типа фундаментальных низкоуровневых свойств. Я полагаю, что эта позиция неубедительна и не удовлетворяет принцип простоты объяснения. Более того, я также утверждаю, что, если мы принимаем этот принцип, низкоуровневый дуализм не возможен, и всякая версия дуализма макросвойств должна подразумевать монизм микросвойств.

Ключевые слова: аналитическая философия, дуализм свойств, картезианский дуализм, философия сознания

MICROPROPERTY MONISM AND CONTEMPORARY CARTESIAN DUALISM

Alexey S. Pavlov

*Postgraduate Student, Department of History of Foreign Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: pavlov.alexey@gmail.com*

Property dualism is quite a popular position in the contemporary analytic philosophy of mind. In different versions of this position, in general, it states that there is some type of fundamental low-order properties in the world. In particular, it claims that mental properties, still metaphysical, depend upon physical properties (emergentism), or that both mental and physical properties metaphysical depend upon some another one hypothetical type of fundamental low-order properties (panprotopsychism). But it seems that there is some version of the mind-body dualism (namely, cartesian dualism) rejecting that there is only one single type of fundamental low-order properties. I claim that this

position is unconvincing and is not consistent with the principle of simple explanation. Moreover, I state that if we accept this principle, the low-order dualism is not possible at all, and any version of the macroproperty dualism has to implicit the microproperty monism.

Keywords: analytic philosophy, cartesian dualism, philosophy of mind, property dualism

Дуализм свойств – достаточно популярная позиция в современной аналитической философии сознания. Это тезис, согласно которому ментальные свойства не редуцируемы к физическим свойствам. У этой концепции много достоинств. С одной стороны, дуализм свойств совместим с убеждениями здравого смысла, позволяет учесть их при разработке решения проблемы сознание-тело. С другой стороны, этот взгляд также позволяет сохранить согласованность этого решения с натуралистической установкой в философии.

Как представляется, на сегодняшний день имеется по меньшей мере две версии дуализма свойств: эмерджентизм и панпротопсихизм. Первая концепция, как я полагаю, может быть условно обозначена как физикалистский вариант дуализма свойств. Одним из наиболее известных пропонентов эмерджентизма является Джон Сёрл. (Впрочем, следует отметить, что сам Сёрл не считает свою концепцию дуалистической и выступает с критикой подобных оценок [1]). Согласно его теории биологического натурализма [2], сознание вызывается и реализуется мозгом, но не редуцируется к его физическим процессам. Что касается панпротопсихизма, эта концепция, на мой взгляд, может быть условно обозначена как нефизикалистский вариант дуализма свойств. Это вариант нейтрального монизма расселианского типа, развиваемый Дэвидом Чалмерсом. Согласно панпротопсихизму [3], ментальные и физические свойства метафизически независимы друг от друга и конституируются некоторым гипотетическим типом фундаментальных низкоуровневых свойств, которые Чалмерс определяет как протофеноменальные.

Я полагаю, что обе эти концепции, т.е. эмерджентизм и панпротопсихизм, учитывают принцип простоты объяснения. А именно, как было сказано, (1) согласно эмерджентизму, ментальные свойства метафизически зависимы от физических свойств; (2) согласно панпротопсихизму, ментальные и физические свойства метафизически зависимы от протофеноменальных типов свойств. Таким образом, согласно обеим версиям дуализма свойств, в мире имеется лишь один тип низкоуровневых фундаментальных свойств.

Однако мы видим несколько иную картину, когда говорим о современном дуализме сознание-тело картезианского типа. Строго говоря, картезианский дуализм – это уже не просто дуализм свойств, поскольку в этой концепции также используется средневековое понятие субстанции. В настоящее время наиболее известным картезианского дуализма является Ричард Суинбёрн. По Суинбёрну, имеются два типа метафизически независимых друг от друга свойств – ментальные и физические свойства – и два типа субстанций, которым они присущи: ментальные и физические субстанции [4]. Более того, он также отрицает тезис супервентности [4, с. 69–70], отстаиваемый сегодня большинством аналитических философов, и постулирует прямой каузальный интеракционизм ментального и физического [4, с. 101].

Если я правильно понимаю, то позицию Суинбёрна можно охарактеризовать как дуализм *микросвойств*. Т.е. в этой концепции вообще отрицается наличие некоего одного типа фундаментальных низкоуровневых свойств. Но если это так, то, как я полагаю, эта позиция ошибочна, поскольку она нарушает принцип простоты объяснения. Если мы хотим соблюсти этот принцип, то мы должны постулировать *монизм микросвойств*. Я считаю, что тезис монизма микросвойств может быть сформулирован, как минимум, двумя следующими способами: (а) если имеются два или более типов одноуровневых свойств, метафизически независимых друг от друга, то должен иметься тип низкоуровневых фундаментальных свойств, от которого первые типы свойств метафизически зависимы; (б) один тип низкоуровневых фундаментальных свойств образует один мир. Особенность этого тезиса в том, что, с одной стороны, он запрещает низкоуровневый дуализм, удовлетворяя принцип простоты объяснения, и, с другой стороны, достаточно широк, поскольку также даёт простор нефизикалистским и нередуктивным подходам.

Если теперь руководствоваться тезисом монизма микросвойств, Суинбёрн должен признать одну из следующих опций: (1) физические свойства – это низкоуровневые фундаментальные свойства, и ментальные свойства метафизически зависимы от физических;

(2) ментальные и физические свойства метафизически зависимы от некоего другого типа низкоуровневых фундаментальных свойств; (3) ментальные и физические свойства – это два типа низкоуровневых фундаментальных свойств, и оба они образуют два различных мира: ментальный и физический. В этом случае мы имеем три позиции. Первая из них фактически соответствует минимальному физикализму [5, с. 15]. Вторая – расселианскому нейтральному монизму. Третью же (вслед за Колином Макгинном [6], который использовал в своих работах схожую дуалистическую концепцию) мы могли бы назвать «гипердуализмом».

Но я считаю, что все эти три позиции для Суинбёрна неприемлемы. Очевидно, минимальный физикализм неприемлем для Суинбёрна просто по определению. Далее, Суинбёрн действительно использует понятие нейтральных свойств, но использует это понятие, скорее, в логическом, а не онтологическом смысле. Гипердуализм же, на мой взгляд, вообще не совместим с христианским мировоззрением, которое пытается философски обосновать Суинбёрн. Но если даже принять эту опцию, это всё равно не спасает картезианский дуализм от различного рода трудностей. Наиболее серьёзной из них я считаю то, что эта концепция, как я полагаю, просто несовместима со здравым смыслом. В связи с этим я хотел бы предложить следующий мысленный эксперимент. Представьте, что вы касаетесь моей руки, и по мере того, как вы делаете это, я ощущаю ваше прикосновение. Вопрос: где онтологически локализовано моё ощущение, переживаемое мной в тот момент, когда вы касаетесь моей руки? По-видимому, было бы неверно говорить, что моё сознание локализовано не в том же мире, в котором локализованы сама моя рука, а также другие видимые объекты. Соответственно, из того, что моё сознание приватно, не следует, что оно не локализовано в том же мире, в котором локализовано моё тело, и гипердуализм ложен.

Исходя из этого, я хотел бы сделать два следующих вывода. Во-первых, если мы стремимся разработать единообразную онтологию и основанную на ней корректную теорию сознания, картезианский дуализм – это неприемлемая теория, поскольку эта версия дуализма сознание-тело подразумевает дуализм микросвойств. Во-вторых, если мы, опять-таки, стремимся удовлетворить принцип простоты объяснения, всякий дуализм свойств должен подразумевать монизм микросвойств. Иначе говоря, даже если мы постулируем, что ментальные и физические свойства метафизически независимы друг от друга, мы должны допускать, что имеется некий тип фундаментальных низкоуровневых свойств, с которым ментальные и физические свойства находятся в отношениях метафизической зависимости.

Литература

1. Searle J. Why I am not a property dualist // Journal of Consciousness Studies. 2002. Vol. 12. No. 9. P. 57–64.
2. Searle J. Biological Naturalism // Velmans M. Schneider S. The Blackwell Companion to Consciousness. 2004. P. 325-334.
3. Chalmers D. Naturalistic Dualism // Velmans M. Schneider S. The Blackwell Companion to Consciousness 2007. P. 359-368.
4. Swinburne R. Mind, Brain and Free Will. Oxford: Oxford University Press, 2013. 251 p.
5. Kim J. Mind in a Physical World. An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation. New York: MIT Press, 1998. 146 p.
6. McGinn C. Consciousness and Cosmology: Hyperdualism Ventilated // McGinn C. Consciousness and its Objects. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 136–168.

МОЖЕТ ЛИ WISHFUL SEEING БЫТЬ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ СКЕПТИЦИЗМА?

Андрей Игоревич Пономарёв

Ассистент кафедры философии

Санкт-Петербургский электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина)

E-mail: Andre.ponomarov@gmail.com

Доклад посвящен анализу эпистемологической роли восприятия. Если на восприятие могут оказывать влияние другие ментальные процессы, такие как память, мышление, эмоции, желания, то невозможно быть уверенным в том,

что восприятие правильно отражает положение дел. В докладе рассмотрено, можно ли доверять восприятию, если оно зависит от желаний. Сигель утверждает, что зависимость восприятия от желаний ведет к уменьшению доверия восприятию. Свой аргумент Сигель строит на сходстве восприятия и мышления: если зависимость мышления от желания понижает эпистемологический статус убеждений, то подобная зависимость восприятия понижает эпистемологический статус перцептивных переживаний. Альтернативной является концепция Лонга, согласно которой зависимость восприятия от желаний не понижает эпистемологический статус перцептивных переживаний. Согласно этой концепции, каузальная роль, оказываемая желанием на восприятие, отличается от каузального влияния желания на мышление. Концепция Лонга является более обоснованной, поэтому зависимость восприятия от желаний не является основанием для скептицизма.

Ключевые слова: Скептицизм, эпистемологическая роль восприятия, теория восприятия, когнитивные исследования восприятия, влияние сознания на восприятие, каузальность

CAN WISHFUL SEEING BE A REASON FOR SKEPTICISM?

Andrew I. Ponomarev

Assistant, Department of Philosophy

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

E-mail: Andre.ponomarov@gmail.com

The article considers the epistemological role of perception. If perception could depend on other mental processes such as memory, thinking, emotions, desires, then we do not have grounds to believe that perception reflects the state of affairs properly. The article answers the question "could we trust perception if it depends on desires?" Siegel says that dependence of perception on desires drives us not to trust perception. Siegel's argument is based on the analogy between wishful seeing and wishful thinking. If wishful thinking is epistemologically downgraded, then due to analogy, wishful seeing is also epistemologically downgraded. Contrawise, Long insists that wishful seeing is not a reason to lower the epistemological role of perceptual experiences. According to this theory, causal roles of desires differentiate in cases of thinking and perceiving. Long's view has more grounding, therefore wishful seeing is not a reason for skepticism.

Keywords: skepticism, epistemological role of perception, theory of perception, cognitive studies of perception, cognitive penetration of perception, causality

Перцептивный скептицизм является важной проблемой, которой посвящено много исследований в современной философии восприятия. Любое познание использующее эмпирические факты является проблематичным, поскольку на содержание восприятия может влиять множество факторов, от психотропных веществ до каких-то незначительных отличий в жизненном опыте. Влияние этих факторов приводит к тому, что перцептивные переживания могут быть искажены, и убеждения, основанные на таких перцептивных переживаниях, теряют свою эпистемологическую значимость. Если перцептивным переживаниям невозможно доверять, поскольку они обладают низким эпистемологическим статусом, то в итоге можно прийти к скептицизму, т.е. полному недоверию восприятию. Поэтому необходимо знание границ, в которых можно доверять восприятию. В данном докладе будет проанализирована зависимость содержания перцептивных переживаний от желаний и влияние этой зависимости на эпистемологический статус перцептивных переживаний.

Существует ряд эмпирических исследований, которые демонстрируют зависимость восприятия от других ментальных процессов. Черно-белое изображение банана кажется желтым, потому что мы знаем, что банан должен быть желтым [1]. Черно-белое изображение лица с негроидными чертами лица кажется темнее, чем черно-белое изображение лица с европеоидными чертами, потому что известно, что представители негроидной расы имеют темный цвет кожи [2]. Эти исследования и многие другие показывают, что восприятие не является каким-то независимым процессом, а включено в сложные ментальные связи.

Данный вывод может также влиять на споры вокруг объективности научных исследований в целом. Если восприятие может зависеть от теоретической позиции исследователя, то такая зависимость в целом даёт основания для научного релятивизма [3].

В современной литературе зависимость содержания зрительных перцептивных переживаний от желаний получила название *wishful seeing*. Такая зависимость возможна, когда у желания и восприятия одно и то же содержание: содержанием желания является положение дел P , содержанием восприятия является такое же положение дел P . Например, человек смотрит спортивную трансляцию чемпионата по легкой атлетике, при этом он болеет за одного игрока и хочет, чтобы он выиграл забег (хочет, чтобы P). Затем он видит, что его фаворит вместе с ближайшим преследователем перед финишем вырываются вперед и первым финишную линию пересекает именно тот спортсмен, за которого зритель болеет (видит, что P). Если два спортсмена пересекают линию раздельно, то трудно говорить о влиянии желания на восприятие, но если борьба между участниками забега была до самого конца, то в таких условиях сложно однозначно увидеть, кто победил. Тем не менее, зритель уверен, что он точно видел первым пересекшим линию своего фаворита. В данном случае можно говорить о влиянии желания на зрение. И такие случаи являются проблемой для эпистемологического статуса восприятия.

В случае зависимости перцептивных переживаний, убеждения, основанные на таких переживаниях, могут обладать слабым эпистемологическим статусом. В конечном итоге эта зависимость даёт основания для скептицизма, поскольку в этом случае не ясно, можно ли доверять восприятию вообще. Сигель утверждает, что у нас есть серьезные основания для подобного скептицизма. Позиция Сигель сводится к тому, что зависимость восприятия от желания (*wishful seeing*) в целом подобна зависимости мышления от желания (*wishful thinking*). Мы не можем быть убеждены в истинности P , только потому что мы хотим, чтобы P было истинным. Если зависимость убеждений от желаний уменьшает эпистемологический статус убеждений, то зависимость перцептивных переживаний от желаний также понижает их эпистемологический статус. Сигель утверждает, что сходство восприятия и мышления состоит в том, что оба эти процесса основаны на некотором роде вывода из входящих данных. Для восприятия входящими данными являются сенсорные стимулы, для мышления такими данными являются убеждения, перцептивные переживания и другие ментальные состояния. Если мышление может зависеть от желаний и это уменьшает эпистемологический статус убеждений, то такая зависимость восприятия также понижает эпистемологический статус переживаний, потому что желания мешают делать правильный вывод из сенсорных данных [4].

Критики Сигель (Лонг) утверждают, что зависимость перцептивных переживаний от желаний не является основанием для понижения их эпистемологического статуса [5]. Главной мишенью критики является утверждаемое Сигель подобие между мышлением и восприятием. С точки зрения такой критики, даже если желание влияет на восприятие, то не в такой степени как оно влияет на мышление. В пример приводится классический мысленный эксперимент Франкфурта. Представим себе двух человек, Блэка и Джонса. Блэк хочет, чтобы Джонс сделала какое-то действие A . Если Джонс решит не делать A , то Блэк вмешается и какими-то средствами заставит Джонс сделать A . Таким образом, нет никаких возможных вариантов развития событий, в которых не будет совершено действие A . Тем не менее в ситуации, когда Блэк не вмешивается и действие A совершено, Джонс несет полную ответственность за совершение этого действия [6]. Аналогичная ситуация, с точки зрения Лонга, происходит и в отношении влияния желания на восприятие. Желание истинности P не позволяет увидеть не- P , но в случае истинности P желание не имеет каузального воздействия на восприятие. Поэтому сама по себе зависимость восприятия от желания не является основанием для понижения эпистемологического статуса перцептивных переживаний.

Даже если желание не позволяет увидеть не- P , то можно ли в данном случае быть уверенным, что воспринимается истинное положение дел, а не иллюзия? Если содержание иллюзии и истинное положение дел совпадают, то достаточно сложно понять можно ли доверять восприятию или нет. Дэвид Льюис полагал, что в этом случае доверять восприятию можно только на основании регулярности. Если субъект все время находится под действием галлюцинации, но его суждения об окружающем мире истинны, то этому источнику галлюцинации можно доверять [7]. В обсуждаемом случае зависимости восприятия от желания нужно найти некоторую регулярность в отношении между желанием и положением дел. Когда содержание желания не расходится с положением дел, тогда можно восприятию доверять,

зависящему от желаний, в противном случае есть основания не доверять восприятию. Таким образом, для того, чтобы зависимость восприятия от желания не понижала эпистемологический статус перцептивных переживаний необходимо знание такой зависимости. Источниками такого знания могут стать новые когнитивные исследования, направленные на отношение восприятия и желаний.

Таким образом зависимость восприятия от желаний не приводит в конце концов к скептицизму. Изначально скептицизм базировался на том, что при зависимости восприятия от желания не существует возможности установить степень достоверности перцептивной информации. Рассмотренный аргумент Сигель в пользу уменьшения эпистемологического статуса перцептивных переживаний, зависящих от желаний, основывается на сходстве восприятия мышления в том, что и восприятие, и мышление являются выводами из входящих данных. Подход Льюиса, сформулированный для "истинных галлюцинаций" помогает преодолеть аргумент Сигель и, следовательно, исключить еще одно основание для скептицизма.

Литература

1. *Hansen T., Olkkonen M., Walter S., Gegenfurtner K.R.* Memory modulates color appearance // *Nature Neuroscience*. 2006. V. 9 N. 11. P. 1367–1368.
2. *Levin D.T., Banaji M.R.* Distortions in the perceived lightness of faces: The role of race categories // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2006. V. 135 N. 4. P. 501.
3. *Raftopoulos A.* The cognitive impenetrability of perception and theory-ladenness // *Journal for General Philosophy of Science*. 2015. V 46. N 1. P. 87–103
4. *Siegel S.* How is wishful seeing like wishful thinking? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017. V. 95. N 2. P. 408–435.
5. *Long R.* How wishful seeing is not like wishful thinking // *Philosophical Studies*. 2018. V. 175 N. 6. P. 1401–1421
6. *Frankfurt H. G.* Alternate possibilities and moral responsibility // *The Journal of Philosophy*. 1969. V. 66 N. 23. P. 829–839.
7. *Lewis D.* Veridical hallucination and prosthetic vision // *Australasian Journal of Philosophy*. 1980. V. 58 N. 3. P. 239–249.

КАУЗАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНТЕНЦИЙ*

Мария Александровна Секацкая

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Университет Дюссельдорфа

E-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Виллюзионисты утверждают, что научные данные, полученные психологами и нейрочеными, демонстрируют, что сознание каузально неэффективно, а убеждение в том, что наши действия находятся под нашим сознательным контролем, и что причиной наших действий являются наши интенции, ошибочно. Для доказательства этого утверждения виллюзионисты приводят наблюдения об иллюзиях контроля, ненадежности интроспекции, влиянии бессознательных факторов на поведение, а также данные нейронауки о запаздывающем осознании нейрональных процессов, предшествующих действиям.

В докладе будут проанализированы аргументы виллюзионистов и приводимые ими данные. Цель доклада - продемонстрировать, что виллюзионистские выводы о каузальной неэффективности интенций не подтверждаются приведенными данными. В заключительной части доклада планируется показать, что приводимые виллюзионистами эксперименты и наблюдения имеют большое значение для понимания того, какие концептуальные

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-311-20004 «Эпистемологический потенциал функционального и нейробиологического подходов к исследованию интенциональных актов».

изменения должны быть внесены в наши теории интенциональности на основании новых знаний о психологических и поведенческих эффектах нейрональных механизмов, лежащих в основе сознательных интенциональных актов.

Ключевые слова: виллюзионизм, интенциональность, каузальная эффективность сознания

CAUSAL EFFICIENCY OF INTENTIONS

Maria A. Sekatskaya

CSc in Philosophy, Researcher

Heinrich Heine University DüsseldorfE-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Willusionists argue that recent developments in psychology and neuroscience demonstrate that consciousness is causally inefficient, and the belief that our actions are under our conscious control, and that our acts are caused by our intentions, is wrong. To prove their position, willusionists provide evidence about the illusions of control, the unreliability of introspection, the influence of unconscious factors on human behavior as well as the growing amount of neuroscientific data that conscious intentions lag behind the onset of the neuronal processes preceding actions.

I analyze the arguments of willusionists and the data that they provide, and conclude that willusionists' claim about the causal inefficiency of intentional acts is not supported by the data. I also argue that the experiments and observations reviewed in the article are relevant for philosophical theories of intentionality which should incorporate new knowledge about the psychological and behavioral effects of neural mechanisms underlying conscious intentional acts.

Keywords: willusionism, intentionality, causally efficiency of consciousness

Ряд нейроученых, когнитивных психологов и философов отвергают каузальную эффективность интенциональных актов. Сознание, по убеждению этих исследователей, является эпифеноменом, а его каузальная роль – иллюзией [1]. Позиция, отрицающая каузальную эффективность состояний сознания, получила название «виллюзионизма» [2]. Виллюзионисты публикуют работы, в которых предлагают свои аргументы в пользу эпифеноменальности сознания на основе эмпирических данных.

Первый тип аргументов основывается на том, что доступное нам знание о причинах наших действий далеко не так безошибочно и полно, как нам это может показаться. Мы не всегда осознаем истинные причины своих действий, но при этом не осознаем и того факта, что причины этих действий нам неизвестны [3]. Ричард Талер и Касс Санстейн в книге «Nudge. Архитектура выбора» [4] пишут, что воздействие посторонних факторов на выбор, совершаемый человеком, настолько велико и повсеместно, что избежать его невозможно. Например, порядок расположения товаров на прилавке влияет на выбор товара, приятный аромат увеличивает готовность помочь незнакомцам, а изображение глаз на плакате повышает вероятность честной оплаты за напиток, внесение оплаты за который не контролируется. Более того, люди не склонны внимательно читать договоры и инструкции, и чаще всего выбирают вариант, предложенный по умолчанию. Все это не соответствует представлениям о рациональном акторе. Экономические модели, предполагающие, что люди являются рациональными акторами, в любой ситуации выбора взвешивающими все релевантные факторы и делающими выбор исходя из того, насколько каждая опция соответствует их предпочтениям, неверны.

Но следует ли из того, что мы иногда ошибаемся относительно наших мотивов, вывод, что мы ошибаемся всегда? Классические представления о роли интенциональности в деятельности агента гласят, что целенаправленное поведение представляет собой осуществление интенциональных актов, в которых агент принимает решение о том, чтобы действовать в соответствии с определенными ментальными состояниями, т.е. желаниями, мотивами и целями. Такое решение представляет собой «интенцию в действии» в терминологии Джона Серля [5], или «проксимальную интенцию» в терминологии Альфреда Миле [6]. Нередко решение принимается в ходе внутренней борьбы, или, по крайней мере, в результате размышления над альтернативами. Как показывают эмпирические исследования,

в ряде случаев мы формируем проксимальную интенцию под влиянием определенного рода внешних факторов – но это не значит, что наши сознательные намерения не играют никакой роли в формировании интенции. Внешние факторы могут способствовать тому, что мы по-разному взвешиваем альтернативы при принятии решений. Приятный аромат может увеличить вероятность того, что я помогу незнакомцу, изображение глаз на плакате с ценами может увеличить вероятность того, что я заплачу за напиток, и т.д., но я абсолютно уверена в том, что никакие подсознательно действующие факторы не заставят меня совершить нечто, кардинально противоречащее моим ценностным установкам, например, убийство. В докладе будет продемонстрировано, что данные о влиянии подсознательных факторов, полученные психологами, не показывают, что эта уверенность ошибочна.

Второй тип аргументов основывается на том, что у нас нет непосредственного перцептивного доступа к каузальной роли ментальных актов. Ощущение, что некое действие интенционально, т.е. совершено нами намеренно, возникает постфактум, как следствие того, что мы одновременно обладаем некоторым ментальным состоянием, интерпретируемым нами как интенция, и воспринимаем осуществляемый нами поведенческий акт. Наиболее известным сторонником такого рода аргументов является психолог Дениэл Вегнер [7]. Вегнер рассматривает значительное количество интереснейших психологических феноменов: автоматизмы, гипноз, диссоциативное расстройство личности, иллюзии контроля, когда испытуемым кажется, что они управляют действием, которым они на самом деле не управляют, или, наоборот, не управляют действием, которым они на самом деле управляют. Совокупность приведенных Вегнером примеров и наблюдений позволяет утверждать, что действие агента иногда не сопровождается ощущением агентности, тогда как ощущение агентности иногда не сопровождается действием.

Какой теоретический вывод можно сделать из этого факта? Вегнер делает вывод, что переживание воления и каузальная способность воплощать в жизнь интенциональные состояния представляют собой следствия общей причины (бессознательных процессов в мозге). Будучи следствием причины, производящей действия, интенциональные состояния не являются причиной действий. Они эпифеноменальны по отношению к этим действиям. Однако эксперименты Вегнера и других исследователей, цитируемых им, не дают достаточной информации о тех нейрональных процессах, которые лежат в основе рассматриваемых Вегнером сознательных когнитивных процессов. Его выводы об эпифеноменальности представляют собой лишь одну из возможных интерпретаций изложенных им эмпирических данных. Если возможно наблюдать по отдельности процесс сознательного воления и процесс осуществления агентом интенциональной деятельности, то из этого можно сделать заключение лишь о том, что у интенциональной деятельности могут быть и другие причины, помимо сознательного воления, и что сознательного воления может быть недостаточно для осуществления интенционального акта, но нельзя заключить, что сознательное воление никогда не является одной из причин интенциональной деятельности. Точно также из наблюдений, что бывает горящая спичка, после которой нет пожара, а бывает пожар, причиной которого не была горящая спичка, не следует, что горящие спички никогда не бывают причиной пожаров.

Таким образом, перечисленные данные психологии и нейронауки не доказывают истинности эпифеноменализма и виллюзионизма. Интерпретация такого рода данных является предметом оживленной дискуссии [8–17]. Тем не менее, в докладе будет продемонстрировано, что эмпирические исследования интенциональных актов позволяют заключить, что связь между интенциями и действиями не так однозначна, как полагают некоторые философы. Наши мотивы и интенции обладают каузальной эффективностью, но мы не всегда способны правильно оценить свои интенции и роль, которую осознанные состояния играют в нашем поведении. Сознательный агент не является посторонним наблюдателем, ошибочно приписывающим себе действия, осуществляемые бессознательными нейрональными процессами, но при этом он и не обладает абсолютным сознательным контролем над своей деятельностью. Мы, будучи сознательными агентами, обладаем при этом определенной телесной и психологической организацией. Понимание особенностей функционирования нашей психики на когнитивном и нейрональном уровне необходимо для определения каузальной роли сознательных интенций.

Литература

1. *Walter S.* Willusionism, epiphenomenalism, and the feeling of conscious will // *Synthese*. 2014. Vol. 191, № 10. P. 2215–2238.
2. *Nahmias E.* Why ‘Willusionism’ Leads to ‘Bad Results’: Comments on Baumeister, Crescioni, and Alquist // *Neuroethics*. 2011. Vol. 4, № 1. P. 17–24.
3. *King D.B., Woody W.D., Viney W.* A history of psychology: ideas and context. 2016.
4. *Талер Р., Санстейн К.* Nudge: Архитектура выбора. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
5. *Searle J.R.* Rationality in action. Cambridge, Mass: MIT Press, 2001. 303 p.
6. *Mele A.* Autonomous Agents: From Self-Control to Autonomy. Oxford: Oxford University Press, 1995. 288 p.
7. *Wegner D.M.* The illusion of conscious will. Cambridge, Mass: MIT Press, 2002. 405 p.
8. *Dennett D.C.* Freedom evolves. New York: Viking, 2003. 347 p.
9. *Fischborn M.* Libet-style experiments, neuroscience, and libertarian free will // *Philosophical Psychology*. 2016. Vol. 29, № 4. P. 494–502.
10. *Lavazza A.* Why Cognitive Sciences Do Not Prove That Free Will Is an Epiphenomenon // *Front. Psychol.* 2019. Vol. 10.
11. *Mele A.R.* Effective intentions: the power of conscious will. Oxford ; New York: Oxford University Press, 2009. 178 p.
12. *Левин С.* Свобода воли, наука и причины поведения // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Vol. 55, № 2. P. 153–164.
13. *Левин С., Югай В.* Иллюзия выбора и неконтролируемые действия. // *Философский журнал*. 2019. Vol. 55, № 2. P. 92–102.
14. *Разеев Д.Н.* Проблема свободы воли в контексте исследований нейронауки // *Журнал высшей нервной деятельности*. 2017. Vol. 67, № 6. P. 721–727.
15. *Разеев Д.Н.* Свобода воли и когнитивный механизм выбора // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. Vol. 439. P. 110–114.
16. *Секацкая М.* Философская значимость исследований свободы воли в нейронауке на примере различных интерпретаций экспериментов Б. Либета. 2019.
17. *Секацкая М.А.* Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // *Вопросы философии*. 2016. № 3. P. 163–169.

ОНТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И ОНТОЛОГИЯ КВАНТОВОГО КОМПЬЮТЕРА*

Анна Юрьевна Сторожук

*Доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания
и методологии науки*

Новосибирский государственный университет

Ведущий научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН

E-mail: stor71@mail.ru

Цель доклада – показать, что онтический структурный реализм можно рассматривать не только как хорошую онтологическую теорию в области метафизики науки (Дж. Лэдимен и др.), но и как адекватную философскую репрезентацию онтологии квантового компьютера. Структурная аналогия между квантовой механикой (в многомир-овой интерпретации), информационной природой сознания и архитектурой квантового компьютера дает основания считать, что модель сознания, воплощенная на базе квантового компьютера, даст положительный ответ на вопрос о возможности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: онтический структурный реализм, информационная природа сознания, квантовый компьютер

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики»

ONTIC REALISM AND ONTOLOGY OF A QUANTUM COMPUTER*

Anna Yu. Storozhuk

*DSc in Philosophy, Professor, Department of Ontology, Theory of Knowledge
and Methodology of Science*

Novosibirsk State University

Leading Researcher

Institute of the Philosophy and Law SB RAS

The paper aims to show that ontic structural realism can be considered not only as a good ontological theory in the field of metaphysics of science (J. Ladyman and others) but also as an adequate philosophical representation of the ontology of a quantum computer. The structural analogy between the quantum mechanics (via many-worlds interpretation), the information nature of consciousness, and the architecture of a quantum computer gives every reason to believe that the model of consciousness embodied on the basis of a quantum computer will give a positive answer to the question of the possibility of artificial intelligence.

Keywords: ontic structural realism, information nature of consciousness, quantum computer

Онтический реализм является одной из экстремальных версий структурализма. Если последний понимал систему отношений между объектами онтологически более ценной, чем субстанциальное содержание сущностей, то онтический реализм полностью отказался от онтологии сущностей, оставив только онтологию структуры отношений (см., например, [1]). В частности, в концепции Дж. Лэдимена, понятие объекта заменено на понятие «реального паттерна», который несет информацию не столько о своей внутренней структуре, сколько об отношениях к другим «реальным паттерном» [2, с. 230]. С точки зрения У. Куайна, роль философа состоит в том, чтобы расчищать «онтологические джунгли», и это утверждение очень часто ошибочно интерпретируется как тезис, что онтологическая система должна быть относительно компактной. Структурный реализм, определение существования паттернов в теоретико-информационных терминах, подчиняется несколько другой логике, – от паттерна требуется «быть различим относительно заданной эпистемической перспективы». При этом, одна из движущих целей такой онтологии – идея унификации знания, легче всего достигается, если отказаться от индивидуальных онтологий частных научных теорий, а в качестве универсальной онтологии взять структурные отношения, зафиксированные в универсальных научных законах. В подобной перспективе, некоторые традиционные философские проблемы будут переформулированы. Так, например, возможно отказаться от «трудной проблемы сознания», и ограничиться рассмотрением «легкой проблемы сознания». Данное терминологическое деление было введено Д. Чалмерсом, связывающим первую проблему с вопросом связи физического состояния мозга с ментальными состояниями, а вторую – со способами получения и обработки информации на уровне психической активности мозга [3]. При этом, «легкая проблема» гораздо легче переводима на язык информационного подхода, принятого в области компьютерного моделирования. Мы хотим показать, что именно онтический реализм может являться тем самым необходимым эвристическим средством, которое позволит именно в онтологическом плане описать квантовый компьютер.

Одна из посылок Д. Чалмерса – необходимость обратиться к квантовой механике при моделировании сознания: «Чаще всего высказывалось предположение, что квантовая механика могла бы оказаться ключом к физическому объяснению сознания. Но, как мы видели, этот проект обречен на неудачу. Квантовые «теории» сознания в итоге страдают от такого же провала в объяснении, что и классические теории. В любом случае опыт должен рассматриваться как нечто выходящее за пределы физических свойств мира. Квантовая механика, возможно, могла бы содействовать характеристике психофизической связи, но одна лишь квантовая теория не может сказать нам, почему существует сознание» [3, с. 413]. В классических интерпретациях квантовой механики сознание рассматривается как

* The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00120 «A Metaphysical Foundations for Natural Science Ontology: Real Patterns and Metametaphysics Project».

независимое понятие, необходимое для логической полноты квантовой механики. «Для нахождения связи между сознанием и квантовой механикой Пенроуз и Хамероф идут по пути, который для физиков является не только типичным, но часто представляется единственно возможным. Этот путь состоит в том, чтобы выделить некоторую материальную систему, которая существенна для изучаемого явления, проанализировать поведение этой системы в соответствии с известными физическими законами и вывести все черты изучаемого явления из поведения данной системы. В данном случае ставится цель вывести все черты сознания из поведения мозга (точнее, микротрубочек) как квантовой материальной системы. Однако такой способ рассуждения, отвечающий на типичные вопросы физиков, по отношению к сознанию оказывается, по-видимому, недостаточным. Причина этого очевидна. Она в том, что сам феномен сознания лежит в центре до сих пор не решенной концептуальной проблемы квантовой механики: проблемы квантового измерения» [4, с. 52]. Признание влияния наблюдателя на квантовую систему предполагает субстанциальный дуализм, противопоставляющий сознание материальному миру. Предположение о субстанциальном дуализме ведет к еще большему провалу в объяснении, так как нарушает принципы физического единства мира и принцип причинной замкнутости. Дуализм с неизбежностью предполагает, что физическая система производит нечто сверхъестественное (сознание). Признание влияния сознания на тело нарушает закон сохранения энергии, так как предполагает наличие нематериальной причинности. Однако, решение «легкой проблемы сознания» не должно нарушать причинно-следственные связи физического мира с одной стороны, но с другой стороны объяснить наличие взаимодействия между физическим объектом – мозгом и нефизичным по сути сознанием.

Проблема сознания кажется неразрешимой в рамках классических подходов, поэтому ее пытаются решить в рамках различных информационных подходов к описанию сознания. Например, «с точки зрения информационной причинности сознание воздействует не на физическое сущее как таковое, а на суперпозицию возможных состояний, определяемую процессами физического порядка» [5, с. 27]. В данном случае, переход с онтологического уровня на информационный осуществляется с помощью обращения к многомировой интерпретации квантовой механики, в рамках которой рассматривается суперпозиция состояний. Как отмечают целый ряд авторов, мы можем расширить «интерпретацию Эверетта» настолько, чтобы она включала и мозг наблюдателя [6]. В рамках этого подхода, применяя к объяснению феномена сознания «расширенную интерпретацию Эверетта», акт осознания рассматривается как проекция суперпозиции состояний на одно из состояний ансамбля. Тем самым, устанавливается структурная аналогия между информационной природой сознания и квантово-механическим описанием реальности. Примечательно то, что с точки зрения онтического реализма этого будет достаточно для выяснения структурной природы сознания как «реального паттерна». Соответственно, вопрос А. Тьюринга: «Может ли машина мыслить?» может получить новый ответ, особенно в свете совершающейся компьютерной революции, в связи с возможным изобретением квантового компьютера. В квантовом компьютере вычисления используют принцип суперпозиции, согласно которому ячейка памяти находится во всех состояниях одновременно, что позволяет вести параллельные вычисления [7]. Отмеченная структурная аналогия между квантовой механикой, информационной природой сознания и архитектурой квантового компьютера, кроме прочего, может иметь целый ряд интересных философских следствий. С точки зрения онтического реализма, модель сознания, воплощенная на базе квантового компьютера, даст положительный ответ на вопрос о возможности искусственного интеллекта неотличимого от интеллекта естественного. С точки зрения субстанционального реализма, такая модель, естественно, не может считаться сознанием, поскольку воплощена на отличном от естественного мозга носителе. Но в любом случае спор между сторонниками сильного и слабого искусственного интеллекта получит новую направленность, – будет протекать в русле философии, через обсуждение онтологических вопросов в том виде, как это делают философы.

Литература

1. French S., Ladyman J. The Dissolution of Objects: Between Platonism and Phenomenalism // Synthese. 2003. Vol. 136. P. 73–77.

2. *Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.* Every Thing Must Go. Metaphysics Naturalized. Oxford University Press, 2007.
3. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. Либроком, 2013.
4. *Менский М.* Интуиция и квантовый подход к теории сознания // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 48–57.
5. *Черепанов И.В.* Квантово-информационный эпифеноменализм. Новосибирск: НГТУ, 2017.
6. *Mensky M.* Everett Interpretation and Quantum Concept of Consciousness // NeuroQuantology. 2013. Vol. 11 (1). P. 85-96
7. *Grumblin E., Horowitz M.* (Eds.) Quantum Computing: Progress and Prospects. Washington, DC: NAP, 2019.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ

Александра Александровна Танюшина
Аспирантка кафедры истории зарубежной философии
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: a.tanyushina@gmail.com

В статье обозначены ключевые вопросы, встающие перед современными информационно-ориентированными теориями, направленными на решение так называемой «трудной проблемы» сознания. К ним автор отнес вопрос о преимуществе подобных теорий перед смежными концепциями, распространенными в эмпирических науках, вопрос о метафизическом основании, необходимом для обеспечения концептуальной непротиворечивости информационной теории сознания, а также вопрос, касающийся интерпретации онтологического статуса такого неоднозначного понятия, как «информация». Автором предложены возможные ответы на данные вопросы, а также сформулированы основные задачи, которые, по его мнению, предстоит решить философам с целью последующей разработки полноценной информационной теории сознания. Автор делает вывод о больших перспективах развития подобной теории не только в рамках аналитической философии, но также и когнитивных наук.

Ключевые слова: информационный подход, «трудная проблема» сознания, компютационализм, «провал в объяснении», двухаспектный принцип информации, информационный реализм

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF INFORMATION APPROACHES TO SOLVING THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS

Alexandra A. Tanyushina
Postgraduate Student, Department of History of Foreign Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: a.tanyushina@gmail.com

The article identifies the key issues that face modern information-oriented theories aimed at solving the so-called “hard problem” of consciousness. To them, the author referred the question of the advantage of such theories over related concepts which are common in the empirical sciences, the question of the metaphysical basis necessary to ensure the conceptual consistency of the information theory of consciousness as well as the question concerning the interpretation of the ontological status of such an ambiguous concept as “information”. The author offers possible answers to these questions as well as formulates the main tasks that, in her opinion, philosophers have to solve in order to develop a full-fledged information theory of consciousness. The author concludes that there are great prospects for the development of such a theory not only in the framework of analytical philosophy but also in cognitive sciences.

Keywords: informational approach, “hard problem” of consciousness, computational theory, “explanation gap”, double-aspect principle of information, informational realism

Начав активно развиваться в середине прошлого века, информационная теория оказала значительное влияние почти на все сферы человеческого общества; в результате ее активного распространения в рамках большинства естественных наук, она стала привлекать к себе внимание представителей и многих других дисциплин, в том числе и аналитических философов. Однако, если вначале многие из них, вдохновившись настроением дезавуировать все существующие метафизические проблемы, связанные, в том числе, и с вопросами о природе сознания, активно использовали в своих философских построениях компьютерную метафору и компютационалистские идеи, то уже во второй половине XX века информационная теория стала фигурировать и в таких вариантах решения психофизической проблемы, где вопрос о метафизическом статусе информации выходит на первый план. Поначалу подобные теории были восприняты как очередная попытка возрождения кибернетики с ее кажущейся безграничной объяснительной силой (ярким примером является случай американского философа К. Сейра, чья теория информационного нейтрального монизма долгое время оставалась без внимания именно по этой причине), но с выходом в свет «Сознающего ума» Д. Чалмерса информационно-ориентированная метафизика сознания получила новый виток развития.

На сегодняшний день аналитическая философия еще не располагает последовательной и непротиворечивой информационной теорией сознания, однако разработка подобной теории представляется весьма перспективной. Мы сформулировали три основополагающих вопроса, на которые, на наш взгляд, необходимо ответить перед построением удовлетворительной информационной концепции сознания:

1. Что должно отличать данную теорию от классических компютационалистских подходов, а также смежных концепций, распространенных в современных когнитивных науках?
2. На каком метафизическом фундаменте должна основываться данная теория для успешного преодоления «трудной проблемы» сознания?
3. Как следует трактовать онтологический статус информации в рамках подобной теории?

Ответ на первый вопрос можно с легкостью найти, проследив историю развития информационно-ориентированных концепций в аналитической философии. Положения классического компютационализма, базирующиеся на идеях математика А. Тьюринга и основателей когнитивистики У. Маккаллока и У. Питтса, были восприняты многими философами, в числе которых автор теории машинного функционализма Х. Патнэм, сторонник репрезентационной модели сознания Д. Фодор, автор семантической теории информации Ф. Дретске. Тезис о ключевой роли процесса обработки информации в работе нашей когнитивной системы отстаивают и философы, чьи концепции нельзя отнести к непосредственно компютационалистским: среди них Д. Армстронг, Д. Деннет, Д.И. Дубровский и многие другие. Тем не менее, основное для подобных теорий и эмпирических наук утверждение о необходимости и достаточности вычислительных состояний для появления у той или иной высокоорганизованной системы сознательных качеств сегодня ставится под сомнение. Решающим возражением остается наличие эпистемологического «провала» в подобном подходе, который связан с невозможностью объяснения феноменального характера ментальных состояний в структурно-функциональных терминах. Основные аргументы, доказывающие наличие «провала в объяснении», выражены в известных мысленных экспериментах «Инвертированный спектр», «Нейрочувствительный Мэри» и «Китайская комната», «Представимость зомби», на которые сторонникам классического когнитивного компютационализма и информационного функционализма пока не удалось дать последовательных ответов.

Очевидно, что для выхода за рамки структурно-функционального объяснения информационной теории сознания требуется преодолеть идею редукции ментальных состояний к физическим. Подобную попытку предпринял сторонник натуралистического дуализма Д. Чалмерс. Согласно двуаспектному принципу информации, который отстаивает австралийский философ, информация в мире представлена как физически, так и феноменально [1, p. 267]. Последующее развитие двуаспектного принципа может идти по двум

альтернативным маршрутам: первый заключается в признании повсеместности как информации, так и связанного с ней опыта, что приводит к панпсихизму; эта философская теория, однако, сталкивается с рядом трудноразрешимых проблем, основная среди которых – это так называемая проблема комбинации. Второй путь сводится к ограничению информации, с которым может быть связан феноменальный опыт, и здесь философ указывает на несколько возможных стратегий: это могло бы быть ограничение по способу обработки информации в системе, по способу усиления информации или посредством ограничения по типу причинности, реализованной в системе. Эта версия представляется более близкой идеям современного естествознания, и дальнейшая ее разработка сулит продвижение не только философии сознания, но и, что весьма вероятно, когнитивных наук, изобилующим всевозможными версиями информационных теорий сознания. Так, путь ограничения по способу обработки информации может быть подкреплен догадками о роли интеграции информации для формирования феноменального опыта итальянского нейробиолога Д. Тонони [2] или биолога М. Черулло [3], автора теории скоординированных циркулярных сообщений; вариант ограничения по способу усиления информации отстаивает канадский психолог Л. Габора [4]; а по типу причинности – биолог и философ Р. Мали [5]. Весьма вероятно, что какая-то из этих теорий может помочь ответить на некоторые вопросы, касающиеся непосредственно формы законов, связывающих феноменальное и физическое воплощение информации. Среди них Д. Чалмерс выделяет вопрос об инвертированности спектра (почему наш феноменальный опыт представлен определенным образом, а не произвольным?); вопрос о возникновении сложных перцептивных восприятий; вопрос о единстве сознания и т.д.

Безусловно, ограниченный двухаспектный принцип – далеко не единственный возможный кандидат на решение «трудной проблемы» сознания: вероятно, что при должной концептуальной разработке схожим объяснительным потенциалом будут обладать и другие версии современных двухаспектных теорий. Одна из таких альтернативных теорий принадлежит немецкому философу и физическому Г. Атманшпахеру, который трактует информационные пространства и их проявления в терминах квантовой физики [6]. Вопрос о выборе между этими и некоторыми другими метафизическими основаниями будущей теории является, на наш взгляд, самым важным для современной информационно-ориентированной аналитической философии сознания.

В любом случае, для превращения двухаспектной или любой другой удовлетворительной информационной концепции сознания в полноценную теорию, необходимо разобраться с последним из отмеченных нами вопросов, касающимся онтологического статуса информации. Наиболее простым решением многие философы считают дефляционистскую трактовку информации, в рамках которой это непростое для интерпретации понятие будет представляться лишь полезным концептуальным инструментом для характеристики отношений между ментальными и физическими свойствами. Более сложный способ заключается в рассмотрении информационных состояний не просто в качестве полезных понятийных конструктов, а в качестве онтологически фундаментальных свойств природы. Подобная трактовка может привести нас к теориям на подобии гипотезы «всё из бита» Д. Уилера и прочим панкомпьютационалистским построениям. Также существует и более «слабая» версия информационного реализма, отстаиваемая современным философом Л. Флориди: в рамках данного подхода философ пытается примирить между собой эпистемический и онтический информационный реализм, используя метод «уровней абстракции» [7]. Такая позиция, на наш взгляд, является наиболее продуктивной и выгодной для теории сознания, ведь она оставляет нам право пользоваться концептуальным аппаратом теории информации, избегая при этом некоторых спекулятивных крайностей.

Сегодня теории информационно-ориентированных философов являются крайне популярными – во многом благодаря пересечению подобных концепций с некоторыми достижениями эмпирических наук: достаточно вспомнить нашумевшую теорию интегрированной информации уже упомянутого нами итальянского биолога Д. Тонони или информационно-семиотическую концепцию американского нейроантрополога Т. Дикона. Нельзя не упомянуть популярность информационных подходов и в современных компьютерных науках, уповающих на возможность создания с помощью подобных концепций модели «сильного искусственного интеллекта». Таким образом, попытка разработки последовательной информационной теории сознания сулит не только вероятное нахождение ответа на вечный вопрос философии о природе ментального, но также может способствовать

развитию смежных дисциплин и науки в целом. Основная задача аналитической философии заключается, на наш взгляд, в разработке последовательной теории, способной служить полноценным метафизическим основанием для подобных научных построений, ведь, вероятно, именно невозможность сопоставить научные гипотезы, объясняющие функционирование когнитивной системы, с запросами современной философии и порождает проблему сознание-тело.

Литература

1. *Chalmers D.* The Consciousness Mind: In Search of a Fundamental Theory. NY: Oxford University Press, 1996. 400 p.
2. *Tononi G.* An information integration theory of consciousness. // BMC neuroscience. 2004. Vol. 5. No. 42. P. 1-22.
3. *Cerullo M.* Integrated Information theory: A promising but ultimately incomplete theory of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2011. №18. P. 45-58.
4. *Gabora L.* Amplifying Phenomenal Information: Toward a Fundamental Theory of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2002. №9(8). P. 3-29.
5. *Maleeh R.* Pragmatic Information as Unifying Biological Concept //Information. 2014. №5. P. 451-478.
6. *Atmanspacher H.* Dual-aspect monism à la Pauli and Jung // Journal of Consciousness Studies, 2012. Vol. 19. No. 9-10. P. 96-120.
7. *Floridi L.* The method of levels of abstraction // Minds and Machines. 2008. №18(3). P. 303-329.

Осознанный сон как предмет исследования когнитивных наук

Юлия Андреевна Шпота

*Магистрант 2 курса кафедры истории зарубежной философии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: shpota.yulya@mail.ru*

Исследование посвящено рассмотрению осознанного сна в качестве предмета исследования когнитивных наук. Анализируется история становления осознанного сна в качестве объекта научного изучения: какие факторы препятствовали этому, а какие – способствовали. Также затрагивается проблематика изучения осознанного сна и выделяется несколько направлений, перспективных для рассмотрения их философией сознания и когнитивных наук. Осознанный сон интересен прежде всего тем, какие «высшие» функции сознания реализуются в состоянии осознанного сна и каким образом осознанный сон соотносится с существующими теориями, объясняющими «работу» сознания в состоянии сна и сновидений. В качестве решения некоторых проблем изучения осознанного сна предлагается обратить внимание на следующие инновации – методику подачи сигналов из состояния осознанного сна, технический прибор и способ регистрации сигналов из осознанного сна – которые были осуществлены в исследовании А.Ю. Миронова на базе лаборатории ИВНД РАН.

Ключевые слова: осознанный сон, сон, измененное состояние сознания, психология, нейрофизиология, лабораторные исследования, ИВНДиН РАН

LUCID DREAM AS AN OBJECT OF COGNITIVE SCIENCES

Yulia A. Shpota

*2nd Year Undergraduate Student, Department of History of Foreign Philosophy
Lomonosov Moscow State University
E-mail: shpota.yulya@mail.ru*

This article is dedicated to the lucid dream phenomenon from the perspective

of cognitive disciplines through analyzing the history of its formation as an object of scientific research and the factors which contributed to or prevented this process. Also, the problem of contemporary studying of a lucid dream is considered. There could be distinguished several directions which are promising for philosophy of mind and cognitive sciences. The lucid dream is interesting because of higher brain functions that are realized in this state and because of its relation to other existing theories which explain the work of mind during sleeping and dreaming. As a decision of some problems concerning the inquiry of the lucid dream, it is suggested to pay attention to the following innovations, such as the methodology of sending signals from the state of the lucid dream, a technical device and method for recording signals from the lucid dream, which were carried out in the study by A. Mironov at the laboratory IHNA&NPh RAS.

Keywords: lucid dream, dreaming, state of consciousness, psychology, neurophysiology, laboratory studies, IHNA&NPh RAS

На данный момент, осознанный сон – это признанный наукой феномен. Осознанный сон является предметом изучения таких когнитивных дисциплин как психология и нейрофизиология. Кроме того, существует ряд исследователей, чья научная деятельность всецело посвящена изучению осознанного сна. В моей работе рассматриваются следующие вопросы. Что понимается под осознанным сном? Какие проблемы решают исследователи осознанного сна? Какие следствия имеет изучение осознанного сна?

«Осознанный сон» – это перевод английского понятия «lucid dream». «Lucid» переводится как ясный, светлый, прозрачный. Английское слово «dream» отличается от «sleep», что соответствует русскоязычному разделению на «сновидение» и «сон». Исходя из этого, «lucid dream» корректнее было бы переводить как «ясное сновидение». Используемое именование закрепилось ввиду изначально сложившегося представления об осознанном сне как о сне, в котором человек осознает (aware), что он спит.

Для понимания контекста становления представлений об осознанном сне, обратимся к истории данного понятия. Как считается, впервые словосочетание lucid dream (фр. reve lucide) используется [1] Леоном Гервей де Сен-Дени, французским аристократом, в работе «Сновидения и способы ими управлять: мой эксперимент с осознаваемым сновидением» (1867г.). В данной работе Сен-Дени не дает определения осознанного сна, однако, он проводит тщательный анализ собственного опыта сновидений, и заключает, что хотя данный опыт является и необычным с точки зрения привычных представлений о сновидении, он должен исследоваться психологами. На основании анализа Сен-Дени можно заключить, что осознанный сон характеризуется пониманием происходящего как сна, а также следующей за этим пониманием возможностью осуществлять контроль своих действий и сюжета сна в сновидении.

Попытку выделения осознанного сна в качестве отдельного феномена позднее осуществляет Фредерик ван Эден, врач-психиатр, в статье 1914-го года «Исследование сновидений». Ван Эден, основываясь, как и Сен-Дени, на личном опыте, создает классификацию сновидений, выделяя 9 видов по 7 критериям [2]. Надо заметить, что в отличие от Сен-Дени исследователь не выделяет осознание сновидения и контроль сновидения в качестве характеристик lucid dream и, в принципе, в качестве критериев классификации. Однако и то и другое используется при описании Эденом своих сновидений. Это позволяет сохранять связь осознанности и контроля сновидения с lucid dream.

Примеры Сен-Дени и ван Эдена уже позволяют говорить об одной из центральных проблем осознанного сна – выделение критерия осознанного сна и, в следствии этого, установление определения осознанного сна. Важно заметить, что представления Сен-Дени и Эдена входили в конфликт с современными им теориями сновидения. Попытки Сен-Дени и Эдена всерьез привлечь внимание к опыту осознанного сна не увенчались успехом. Однако важно заметить, что на представления Сен-Дени несколько раз ссылался З.Фрейд в своей работе «Толкование сновидений» [3], а, кроме того, З. Фрейд был знаком лично с ван Эденом и его взглядами на сновидения, несогласие с которыми он выразил в личном письме к нему [4].

Интерес к lucid dream вновь возникает во второй половине XX века благодаря работам С. Грин [5] и П. Гарфилд [6], которые впервые попытались всесторонне рассмотреть осознанный сон, выявить специфические черты, а также методы достижения осознанного сна. Кроме того, во многом благодаря работам Ч. Тарта [7] осознанный сон стал рассматриваться

как измененное состояние сознания (ИСС). Тем самым осознанный сон постепенно включается в область рассмотрения психологии. Однако данных исследований было недостаточно для утверждения осознанного сна в качестве предмета научного исследования. Основная причина этого – недоказанность существования феномена осознанного сна. Это критическое замечание имеет под собой очевидное обоснование: все представления об осознанном сне основаны на отчетах людей после пробуждения. Почему мы должны признавать достоверность их отчетов? Таким образом, становится необходимым найти объективное подтверждение существования осознанного сна.

Данное подтверждение было осуществлено благодаря лабораторным исследованиям осознанного сна психологом Кейтом Хирном в лаборатории Ливерпульского университета [8] и психофизиологом Стивеном Лабержем в лаборатории Стэнфордского университета [9]. Оба исследователя исходили из следующего: поскольку в процессе изучения фаз сна было установлено, что сновидения случаются именно во время фазы БДГ (быстрого движения глаз) можно предположить, что в осознанном сне сознательное изменение взгляда в сновидении отразится на движении физических глаз. Таким образом, был оговорен сигнал, который испытуемый-сновидец должен был послать, когда он осознается во сне: движение взгляда в определенном направлении (вверх-вниз или влево-вправо) определенное количество раз. Что и удалось зафиксировать благодаря снятию ЭЭГ (электроэнцефалографии). В обеих сериях экспериментов на графиках ЭЭГ было видно, что линия графика, показывающая движение глаз, по большей части свидетельствовала о хаотичном движении глаз, однако в определенных местах явно было видно весьма упорядоченное по времени с четко выраженным диапазоном движение глаз. Количество данных движений соответствовало заранее обговоренному движению глаз испытуемого в случае его осознания себя во сне. Таким образом, было доказано существование осознанного сна.

На данный момент можно выделить несколько направлений научных исследований осознанного сна, акцентирующие внимание на разных проблемах:

1. Выделения критериев осознанности. Осознанность понимается многозначно, отсутствует строго закрепленная терминология в разных подходах к исследованию осознанного сна [10, 11].
2. Частота и особенности осознанных снов у разных опрашиваемых групп (ранжированные, например, по возрасту и полу) [12].
3. Соотнесение осознанного сна с существующими теориями, объясняющими «работу» сознания во время сна и сновидений [13, 14].
4. Исследование работы «высших» (вторичных) функций сознания в состоянии осознанного сна [15, 16, 17].
5. Связь осознанных сновидений с медитацией [18]
6. Возможность развития физических и ментальных навыков в состоянии осознанного сна [19].
7. Индуцирование осознанного сна [20].
8. Разработка новых приборов для регистрирования состояния осознанного сна [21] и новых способов подачи сигнала [22].

Из перечисленных направлений особый интерес для философии сознания и когнитивных наук могут представлять направления под номером 3 и 4. Интерес со стороны философии «подогревается» вниманием к феномену осознанного сна таких философов как Сюзан Блекмор и Томас Метцингер. Как замечает российский исследователь осознанного сна А.Ю. Миронов, осознанный сон является «перспективной моделью для изучения нейрофизиологических механизмов сознания и, в частности, минимальных нейронных коррелятов «измененного» состояния сознания, изолированных от общего физиологического фона бодрствования» [22, с. 85]. Данная ссылка не случайна. Хотелось бы отметить, что в России изучение осознанного сна началось несколько лет назад, в лаборатории сна и бодрствования ИВНДиН РАН, а именно благодаря исследованию осознанного сна в рамках кандидатской диссертации А. Ю. Миронова под руководством В.Б. Дорохова. Исследование А.Ю. Миронова имеет новаторский характер: используется новая методика для индуцирования осознанного сна, новый метод регистрации сигнала сновидца из состояния осознанного сна, а также новые приборы для домашней регистрации показаний ЭЭГ. К сожалению, данное

исследование пока что остается непредставленным европейским и американским исследователям осознанного сна. Сейчас планируется публикация в зарубежном журнале.

Подводя итог, можно сказать, что работа по экспликации следствий из исследования осознанного сна для пересмотра некоторых представлений о сознании в рамках определенных наук уже имеет место быть, однако ее осуществление нуждается в более широком и многоплановом продолжении исследования осознанного сна, решении ряда проблем по его изучению.

Литература

1. *Сен-Дени Леон Гервей*. Сновидения и как ими управлять // Теория и практика осознанных сновидений. Н. Новгород: А.Г. Москвичев, 2013.
2. *Эден ван Фредерик*. Исследование сновидений // Теория и практика осознанных сновидений. Н. Новгород: А.Г. Москвичев, 2013.
3. *Фрейд З.* Толкование сновидений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017.
4. *Rooksby B., Terwee S.* Freud, Van Eeden and Lucid Dreaming // *Lucidity Letter* December. 1990. Vol. 9. No. 2.
5. *Грин Ц.* Осознанное сновидение. М.: «СТАРКЛАЙТ», 2003.
6. *Гарфилд П.* Творческое сновидение. М.: Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996.
7. *Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. М.: Эксмо, 2003.
8. *Hearn K.* Lucid dream: an electro-physiological and psychological study. Ph.D. Thesis. England, 1978.
9. *LaBerge S.P.* Lucid dreaming: An exploratory study of consciousness during sleep. PhD thesis. Stanford University, 1980.
10. *LaBerge St., Kahan T.* Dreaming and waking: similarities and differences revisited // *Consciousness and Cognition*, 2011. Vol. 20. No. 3. P. 494–514.
11. *Шнопа Ю.А.* Философская концептуализация осознанности (на примере осознанных снов). ВКР. М., 2018.
12. *Stumbrys T., Erlacher D., Schredl M., Johnson M.* The phenomenology of lucid dreaming: an online survey // *American journal of psychology*. 2014. Vol. 127, No. 2. P. 191–204.
13. *Zink N., Pietrowsky R.* Theories of dreaming and lucid dreaming: An integrative review towards sleep, dreaming and consciousness // *International Journal of Dream Research*. 2015. Vol. 8. No. 1. P. 35–53.
14. *Hobson A.* The Neurobiology of Consciousness: Lucid Dreaming Wakes Up. *Neurobiol. Conscious.* 2009. Vol. 2. № 2. P. 41–44.
15. *Kuiken D.* Primary and secondary consciousness during dreaming. Commentary on “The neurobiology of consciousness: Lucid dreaming wakes up” by J. Allan Hobson.
16. *Nir Y., Tononi G.* Dreaming and the brain: from phenomenology to neurophysiology. *Trends Cogn. Sci.* 2010. Vol. 14. № 2. P. 88–100.
17. *Stumbrys T., Erlacher D., Schmidt S.* Lucid dream mathematics: An explorative online study of arithmetic abilities of dream characters. *Int. J. Dream Res.* 2011. Vol. 4. № 1. P. 35–40.
18. *Gackenbach J., Cranson R. and Alexander Ch.* Lucid Dreaming, Witnessing dreaming, and the transcendental meditation technique: A Developmental Relationship // *Lucidity Letter*, 1986. Vol. 5. No. 2.
19. *Stumbrys T., Erlacher D., Schmidt S.* Effectiveness of motor practice in lucid dreams: a comparison with physical and mental practice // *Journal of Sports Sciences*, 2016. Vol. 34. No.1. P. 27–34.
20. *Voss U., Holzmann R., Hobson A., Paulus W., Koppehele-Gossel J., Klimke A., Nitsche M.* Induction of self awareness in dreams through frontal low current stimulation of gamma activity // *Nature neuroscience*. 2014. Vol. 17. No. 6. P. 810–812.
21. *Троценко А.Г., Дорохов В.Б.* Беспроводной двухканальный усилитель биопотенциалов. URL: http://www.sleep.ru/othernews/u_bio.htm (дата обращения: 13.10.2019).
22. *Миронов А.Ю., Синин А.В., Дорохов В.Б.* Методика диалога со спящим испытуемым в состоянии осознанного сновидения с использованием дыхательных движений // *Социально-экологические технологии*. 2018. №2. С. 83–107.

Второй Международный Конгресс Русского общества
истории и философии науки
«Наука как общественное благо»

Том 2

Сборник научных статей
Сетевое электронное издание

Научная редакция и составление – И.Т. Касавин, Л.В. Шиповалова.

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Подписано к использованию 15.11.2020.

Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 19,3.

Объем данных – 4 Мбайт.

Минимальные системные требования:
браузер Google Chrome v. 2.0 и выше,
пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с

Издательство «Русское общество истории и философии науки»
105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.
E-mail: info@rshps.ru